

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

Идеи, идеологии и общественное согласие

Приглашенный редактор *А.А. Шириняц*

2023 Том 25 № 1

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Научный журнал

Издается с 1999 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Почта Юрий Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

Ответственный секретарь

Казаринова Дарья Борисовна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Попова Ольга Валентиновна — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Акчурина Виктория — доктор политических наук, преподаватель Университета Париж Дофин и ассоциативный исследователь при Французской высшей школе ENS/Paris/Центр геополитических исследований, Париж, Франция; старший преподаватель Академии ОБСЕ, Бишкек, Кыргызстан

Белл Дэниел — доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии и публичного администрирования Университета Шаньдун, Цзинань, Китай

Витковска Марта — доктор политических наук, профессор, научный сотрудник факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша

Дюфи Каролин — доктор политических наук, научный сотрудник Центра Эмиля Дюркгейма Института политических исследований Сьянс По Университета Бордо, Бордо, Франция

Дуткевич Пиотр — доктор политических наук, профессор, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете, Оттава, Канада

Када Никола — доктор политических наук, профессор Университета Гренобль Альпы, Гренобль, Франция
Капустин Борис Гурьевич — доктор философских наук, профессор Йельского университета, Нью-Хейвен, США

Морозова Елена Васильевна — доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация

Мчелова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, ученый секретарь Центра «Религия в современном обществе» Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Российская Федерация

Панкратов Сергей Анатольевич — доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии Волгоградского государственного университета, Волгоград, Российская Федерация

Парашар Свати — доктор политических наук, профессор факультета глобальных исследований Университета Гетеборга, Гетеборг, Швеция

Фадеева Любовь Александровна — доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук Пермского государственного научно-исследовательского университета, Пермь, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

Периодичность: 4 выпуска в год (ежеквартально)

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский.

Индексация: РИНЦ, RSCI, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life

Подписной индекс издания — 20827.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология» — периодическое рецензируемое научное издание в области политических исследований.

Издается с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам политической науки и ставит своей задачей сопряжение западной и незападной политической теории, что лежит в основе исследовательских направлений научной школы РУДН. Помимо исследований, выполненных с использованием методологии традиционного для политической науки институционального анализа, редакция приветствует использование методологии цивилизационного и ценностного подходов к изучению политической реальности, а также кросс-региональных сравнительных исследований.

Традиционной проблематикой журнала являются политические процессы в России, социокультурные факторы политики, диалог цивилизаций в координатах сравнения ценностных систем и политических культур, институциональных особенностей и мировоззренческих ориентиров. Редакция приветствует исследования социально-политических процессов и явлений в соотношении традиционного и современного на основе инновационного характера теории и методологического разнообразия.

Цель журнала — способствовать международному научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами. Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии. Целевой аудиторией журнала являются специалисты-политологи, а также аспиранты и докторанты, обучающиеся по направлению 5.5. Политические науки (специальности: 5.5.1. История и теория политики, 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования).

В своей деятельности редакционная коллегия руководствуется требованиями к научным журналам, предъявляемыми международным научным сообществом, в том числе EASE, АНРИ, и поддерживаемыми ВАК России: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/political-science>

Электронный адрес: politj@rudn.ru

Литературный редактор *И.Л. Панкратова*
Редактор англоязычных текстов *Д.Б. Казаринова*
Компьютерная верстка *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: +7 (495) 936-85-28;
e-mail: politj@rudn.ru

Подписано в печать 27.02.2023. Выход в свет 20.03.2023. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 24,3. Тираж 500 экз. Заказ № 28. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2023

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE

Ideas, Ideologies and Public Consent

Guest editor *Alexander A. Shirinyants*

2023 VOLUME 25 No. 1

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Founded in 1999

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

CHIEF EDITOR

Yuriy M. Pochta, Doctor of Philosophy, Full Professor of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Daria B. Kazarinova, PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Olga V. Popova — Doctor of Political Science, Professor and Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Science, St Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Viktoria Akchurina — PhD in Political Science, Adjunct Lecturer in International Relations Department of International Politics and Peace Studies, Dauphine University, Associate Researcher of the Chair of the Geopolitics of Risk, Ecole Normale Supérieure, Paris, France; Senior Lecturer at the OSCE Academy, Bishkek, Kyrgyzstan

Daniel A. Bell — PhD in Political Theory University of Oxford, Professor and Dean, School of Political Science and Public Administration, Shandong University, Qingdao, China

Marta Witkowska — Doctor of Political Science, Professor at the Faculty of Political Science and International Studies of the University of Warsaw, Warsaw, Poland

Caroline Dufy — PhD in Political Science, Research Fellow of the Centre Emile Durkheim, Science Po Bordeaux, Bordeaux, France

Piotr Dutkiewicz — Doctor of Political Science, Full Professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Nicolas Kada — Doctor of Political Science, Full Professor, University Grenoble Alpes, Grenoble, France

Boris G. Kapustin — Doctor of Philosophy, Professor of Yale University, New Haven, The United States of America

Elena V. Morozova — Doctor of Philosophy, Professor Chair of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Maria M. Mchedlova — Doctor of Political Science, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia, Scientific Secretary of the Center "Religion in Modern Society" of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Sergey A. Pankratov — Doctor of Political Science, Professor of the Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Swati Parashar — PhD in Politics and International Relations Lancaster University, Professor at the School of Global Studies, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden

Liubov A. Fadeeva — Doctor of Historical Science, Professor of the Department of Political Science, Perm State University, Perm, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

Publication frequency: quarterly

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Languages: Russian, English

Indexation: RSCI, Russian Index of Science Citation (elibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's

Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, East View, DOAJ, Dimensions

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed academic journal that publishes research in political science. The journal is international with regard to its editorial board members, contributing authors and publication topics. The journal has been published since 1999. Ever since its first issue, the journal has been complying with the highest scientific and ethical standards and is one of the leading and oldest contemporary political science journals in Russia.

The aim of the journal is to promote broad academic exchange and cooperation between Russian and international political scientists. The journal publishes original results of fundamental and applied research on the topical issues of political science. The RUDN Journal of Political Science makes a focus on the conjunction of the European, American and non-Western political theory which the RUDN research school is based on. The RUDN Journal is fully committed to publishing a high quality research papers, based on plurality of methodological and theoretical approaches. The journal is interdisciplinary with a focus on the social sciences, policy studies, law, and international affairs. The goals of the journal are to provide an accessible forum for research and to promote high standards of scholarship.

The journal covers such sub-areas as Russian and international politics, sociocultural factors of politics, the dialogue of civilizations in terms of values and political cultures' comparison, institutional features and cultural outlooks. The journal welcomes research articles and reviews devoted to various problems of political science. The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, political scientists and for postgraduates in Political Sciences (majors History and Theory of Politics, Political institutions, processes, technologies, Public administration and sectoral policies, International relations, global and regional studies).

The editorial board is guided by the requirements for scientific journals set by the international scientific community, including EASE, RASSEP, Higher Attestation Commission of Russian Federation.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/political-science>

E-mail: politj@rudn.ru

Review editor *Irina L. Pankratova*
English text editor *Daria B. Kazarinova*
Computer design *Irina A. Chernova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board
RUDN Journal of Political Science:
10a Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 936-85-28
e-mail: politj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 952-04-41;
e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Gutorov V.A., Shirinyants A.A., Kazarinova D.B. Ideas, Ideologies and Public Consent: Introducing the Issue (**Гуторов В.А., Ширинянец А.А., Казаринова Д.Б.** Идеи, идеологии и общественное согласие: представляем номер)..... 9

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Перевезенцев С.В., Ананьев Д.А. Аксиологические основы российской государственности: «правда» и «справедливость» в отечественном идейно-политическом дискурсе 21

Myrikova A.V., Prokudin B.A. Pan-Slavism of F.I. Tyutchev and F.M. Dostoevsky: Historical and Political Analysis (**Мырикова А.В., Прокудин Б.А.** Панславизм Ф.И. Тютчева и Ф.М. Достоевского: историко-политологический анализ)..... 38

Anderson K.M., Zvereva M.S. In Search of Harmony: The Idea of Social Harmony in the Writings of Early Socialists (**Андерсон К.М., Зверева М.С.** В поисках гармонии: идея общественного согласия в трудах ранних социалистов) 49

Уханов А.Д. Нет иерархии норм, есть иерархия инстанций: нормативное и субъектно-политическое обоснование иерархии нормативно-правовых актов в учениях Ганса Кельзена и Карла Шмитта 63

РОССИЯ МЕЖДУ РАЗДЕЛЕНИЕМ И ОБЩЕСТВЕННЫМ СОГЛАСИЕМ

Иохим А.Н., Лагузова М.А. «Как нам обустроить Россию»: проблема общественного согласия в дискурсе постсоветской идентичности 77

Шатилов А.Б., Волхонская З.И., Осинина Д.Д. Приоритетные ценности «генетического кода» российской государственности 97

Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М. Влияние цифровой среды на современное мировоззрение: Pro et Contra 113

Майорова М.А., Сбитнева А.И. Идеологическое влияние Турции в регионах России: тюркский фактор 134

ИДЕИ И ИДЕОЛОГИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ КОНТЕКСТЕ

Фадеева Л.А. От социального хронотопа к политическому мифу: украинский кейс 150

Аватков В.А., Крылов Д.С. Внешнеполитические идеологемы России и их актуальность для региона Ближнего Востока в контексте трансформации современной системы международных отношений	163
Маккавеева С.С., Хуан Д. Состояние и перспективы отношений России и стран Запада на фоне украинского кризиса в фокусе китайской общественно-политической экспертизы.....	175
Абдрахимов Л.Г. Идея «Великое возрождение китайской нации — Китайская мечта» Си Цзиньпина как идеологическая основа национальной безопасности Китая	189
Головин М.С. Идея политической корректности в политическом дискурсе современной Великобритании.....	204
Михалев А.В. «Достояние нации», или Станет ли ресурсный национализм политической доктриной современной Монголии?	218

МОЛОДЕЖЬ И СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Евгеньева Т.В., Селезнева А.В., Скипин Н.С., Тулегенова Д.Д. Запрос на патернализм: идея и ценность государства в сознании российской молодежи	233
Андриив И.И., Пузанова А.Д. Стратегии изучения политического доверия молодежи в современной политической науке	252
Казанцев Д.А., Асеева Т.А., Качусов Д.А. Патриотические организации в национальных республиках Сибирского федерального округа: между этатизмом и этничностью	266

CONTENTS

Gutorov V.A., Shirinyants A.A., Kazarinova D.B. Ideas, Ideologies and Public Consent: Introducing the Issue..... 9

FROM THE HISTORY OF SOCIO-POLITICAL THOUGHT

Perevezentsev S.V., Ananiev D.A. Axiological Foundations of Russian Statehood: “Truth” and “Justice” in the Domestic Ideological and Political Discourse..... 21

Myrikova A.V., Prokudin B.A. Pan-Slavism of F.I. Tyutchev and F.M. Dostoevsky: Historical and Political Analysis..... 38

Anderson K.M., Zvereva M.S. In Search of Harmony: The Idea of Social Harmony in the Writings of Early Socialists 49

Ukhanov A.D. There Is No Hierarchy of Norms, There Is a Hierarchy of Instances: Normative and Subject-Political Justification of the Hierarchy of Normative Legal Acts in the Teachings of Hans Kelsen and Karl Schmitt 63

RUSSIA IN A FINE LINE BETWEEN CLEAVAGES AND SOCIAL HARMONY

Iokhim A.N., Laguzova M.A. “How Do We Arrange Russia”: The Problem of Social Harmony in the Discourse of Post-Soviet Identity 77

Shatilov A.B., Volkhonskaya Z.I., Osinina D.D. Priority Values of the “Genetic Code” of the Russian Statehood 97

Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N., Pechenkin N.M. Influence of the Digital Environment on the Contemporary Worldview: Pro et Contra 113

Mayorova M.A., Sbitneva A.I. Turkish Ideological Influence in Russian Regions: The Turkic Factor..... 134

IDEAS AND IDEOLOGIES IN THE INTERNATIONAL CONTEXT

Fadeeva L.A. From Social Chronotope to Political Myth: Ukrainian Case 150

Avatkov V.A., Krylov D.S. Russia’s Foreign Policy Ideologemes and their Relevance for Middle East in Context of Transformation of Modern System of International Relations 163

Makkaveeva S.S., Huang D. The State and Prospects of the Relations Between Russia and Western Countries Against the Background of the Ukrainian Crisis in the Focus of Chinese Socio-Political Expertise	175
Abdrakhimov L.G. Xi Jinping’s “The Great Rejuvenation of the Chinese Nation — Chinese Dream” as an Ideological Basis for the National Security of China.....	189
Golovin M.S. The Concept of Political Correctness in Political Process of the Modern United Kingdom.....	204
Mikhalev A.V. ‘Property of the Nation’ — Resource Nationalism to Become a Political Doctrine in Contemporary Mongolia?	218

YOUTH AND THE MODERN RUSSIAN STATE

Evgenyeva T.V., Selezneva A.V., Skipin N.S., Tulegenova D.D. Request for Paternalism: The Concept and Value of State in the Minds of Russian Youth	233
Andriiv I.I., Puzanova A.D. Strategies for Studying the Political Trust of Youth in Modern Political Science	252
Kazantsev D.A., Aseeva T.A., Kachusov D.A. Patriotic Organizations in the National Republics of the Siberian Federal District: Between National and Ethnic Identity	266

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-9-20

Editorial article / Редакционная статья

Ideas, Ideologies and Public Consent: Introducing the Issue

Vladimir A. Gutorov¹ , Alexander A. Shirinyants² ,
Daria B. Kazarinova³

¹*St Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation*

²*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

³*People's Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation*

 gut-50@mail.ru

Abstract. The concept of consent is essential for every society, affecting almost all its spheres — from everyday life to socio-political bases. Therefore, it cannot be considered accidental that both the idea itself and the diverse directions of its interpretation, dating back to the era of early modernity, today constitute one of the most priorities, intellectually saturated segments in modern socio-political theory. It is impossible to deny the appeal of the doctrine of personal consent (and the parallel thesis that no government is legitimate unless it acts without the consent of the governed). It has had a great influence on the political institutions of many modern states and has been a major factor in the direction that political theory has taken since 1600. In the second half of the 20th century, two approaches prevailed in political theory, within the framework of which the process of formation of the consensus tradition: personal and historical ones. The most impact to the theory is made by criticism of the unilinear model of consent analysis in the works of George Klosko, analysis by R.D. Bernstein of the problem of consent in the form of critical remarks on the philosophical position of R. Rorty, the concept of socialist “consent strategy” developed in the 1980s by E. Laclau and Sh. Mouffe, the controversy of the Canadian political philosopher James Tully with neo-Marxist theorists, the philosophical interpretation of consent by Jürgen Habermas as part of his analysis of the “rationalization paradox” etc. This theoretical and methodological frame becomes a basis for the thematic volume, where the articles on the history of socio-political thought are followed by the chapter devoted to the problems of Russia between cleavages and social harmony. Russian problems are blended with an international context, and the issue ends with an attempt to understand the ideological attitudes of modern youth.

Keywords: political idea, ideology, consent, political obligation, fairness, natural duties, common good, justice, consensus, rationalization, academic school

© Gutorov V.A., Shirinyants A.A., Kazarinova D.B., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation: Gutorov, V.A., Shirinyants, A.A., & Kazarinova, D.B. (2023). Ideas, ideologies and public consent: Introducing the issue. *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 9–20. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-9-20>

Acknowledgements: The research was supported by Federal State Budgetary Institution of Science Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (project “Modern concepts of social consent: actual problems of political theory and practice”, registration number in the USISU R&D 1022061600085-5-5.6.1) with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research. This research was carried out according to the Development Program of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University «Preservation of the World Cultural and Historical Heritage».

Идеи, идеологии и общественное согласие: представляем номер

В.А. Гуторов¹ , А.А. Ширинянц² , Д.Б. Казаринова³

¹*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

²*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация*

³*Российский университет дружбы народов,
Москва, Российская Федерация*

 gut-50@mail.ru

Аннотация. Понятие согласия играет важную роль в любом обществе, затрагивая практически все ее сферы — от повседневной до социально-политической. Поэтому нельзя считать случайным тот факт, что и сама идея, и многообразные направления её интерпретации, восходящие к эпохе раннего модерна, и сегодня составляют один из наиболее приоритетных, интеллектуально насыщенных сегментов в современной социально-политической теории. Невозможно отрицать привлекательность учения о личном согласии (и параллельного тезиса о том, что ни одно правительство не является легитимным, если оно действует без согласия управляемых). Оно оказало большое влияние на политические институты многих современных государств и было главным фактором того направления, которое приняла политическая теория начиная с 1600 г. Во второй половине XX в. в политической теории превалировали два подхода, в рамках которых анализировался процесс формирования «традиции согласия»: «личного» и «исторического». Наиболее актуальные на данный момент подходы к интерпретации теории общественного согласия в современной политической теории: критика однолинейной модели анализа согласия в работах Джорджа Клоско, анализ Р.Д. Бернштейном проблемы согласия в форме критических замечаний к философской позиции Р. Рорти, концепция социалистической «стратегии согласия», разработанная в 1980-е годы Э. Лакло и Ш. Муфф, полемика канадского политического философа Джеймса Талли с неомарксистскими теоретиками, философская интерпретация согласия Юргеном Хабермасом в рамках анализа «парадокса рационализации» и др. Эта теоретико-методологическая рамка является основой представляемого номера, в котором работы по истории социально-политической мысли получают свое продолжение в блоке, который посвящен проблемам России между разделением и общественным согласием. Российская проблематика сменяется международным контекстом, а завершает этот номер попытка разобраться в идейных установках современной молодежи.

Ключевые слова: идея политическая, идеология, общественное согласие, естественные обязанности, общее благо, справедливость, консенсус, рационализация, научная школа

Для цитирования: Gutorov V.A., Shirinyants A.A., Kazainova D.B. Ideas, ideologies and public consent: Introducing the issue // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 9–20. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-9-20>

Благодарности: Исследование выполнено в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (проект «Современные концепции общественного согласия: актуальные проблемы политической теории и практики», регистрационный номер в ЕГИСУ НИОКТР 1022061600085-5-5.6.1) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований. Работа выполнена в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

The idea and the very concept of “consent” play an important role in any civilized society, affecting virtually all its domains — from the everyday to the socio-political. Therefore, it is no coincidence that both the idea per se and various ways of its interpretation dating back to the early modern era (T. Hobbes, J. Locke, J.-J. Rousseau, etc.) constitute one of the most prioritized, intellectually rich segments in modern sociopolitical theory today. Political philosopher Alan D. Simmons observes, “Consent theory has provided us with a more intuitively appealing account of political obligation than any other tradition in modern political theory. At least since Locke’s impassioned defense of the natural freedom of men born into nonnatural states, the doctrine of personal consent has dominated both ordinary and philosophical thinking on the subject of our political bonds. The heart of this doctrine is the claim that no man is obligated to support or comply with any political power unless he has personally consented to its authority over him; the classic formulation of the doctrine appears in Locke’s *Second Treatise of Government*. There is no denying the attractiveness of the doctrine of personal consent (and of the parallel thesis that no government is legitimate which governs without the consent of the governed). It has greatly influenced the political institutions of many modern states and has been a prime factor in the direction political theory has taken since 1600. But neither can we ignore the manifold difficulties inherent in a consent theory approach to the problem of political obligation, which have been well known since Hume’s attack on the social contract. When I speak of “consent theory,” I will mean any theory of political obligation which maintains that the political obligations of citizens are grounded in their personal performance of a voluntary act which is the deliberate undertaking of an obligation. Thus, theories which ground political obligations in promises, contracts, or express or tacit consent will all count as varieties of “consent theory”... There are views concerning political authority which are usually (but not always) conjoined with a consent theory account of political obligation. Most consent theorists also maintained that all de jure political authority arises from the same deliberate undertaking which generates the political obligations of each citizen. The community grants the government its authority; a government

which has not been granted authority by the consent or contracts of its citizens cannot be legitimate” [Simmons 1979: 57–58].

In the latter half of the 20th century, political theory was dominated by two approaches that analyzed the formation of the “tradition of consent”. Proponents of the first approach favored the principle of individual consent of each citizen, while the other group of theorists emphasized the principle of “historical consent”: it was argued that the political obligations of all citizens to the state are generated by the consent given by members of the first generation of the political community. All the theorists who wrote about the “original contract” usually referred to various versions of the theory of “historical consent” as presented in the treatises of Hobbes and Rousseau. As Simmons notes, the latter theory seems highly implausible, as D. Hume and later (and more reasonably) I. Kant clarified in their time. The obvious difficulty is that only under very particular circumstances can one individual’s consent bind another individual, even if the latter is a descendant of the former. Such circumstances arise when the individual who gave the consent was authorized by another person to act on his behalf in a particular matter. Thus, it seems clear that the historical line of argumentation within the consent tradition “leads nowhere” and only one line should be seriously considered, namely, “personal consent.” [Simmons 1979: 60–61].

“Consent theory, then, is not solely concerned with protecting the individual from injury by the state, although this protective function naturally takes a central position. Rather, the method of consent protects the individual from becoming bound to any government which he finds unpalatable, be it a good one or a bad one, one which injures him or one which protects him from injury. What is protected, then, is not primarily the individual himself, or his interests, but rather his freedom to choose whether to become bound to a particular government (commonly, the government of the country in which he is born and raised). The consent theorist demonstrates a preference for *individual commitment* over unavoidable benefits or protection of interests. It is this preference that marks consent theory as a *liberal* theory; for the priority of liberty over (forced) happiness is the hallmark of political liberalism” [Simmons 1979: 69].

The above unilinear reasoning of the proponents of either approach to analyzing the relationship between the concept of personal consent and the theory of political obligation has been sharply criticized in numerous works by George Klosko [see, for example: Klosko 2005; 2018; 2019]. The American political philosopher quite rightly stressed that scholars who doubt the existence of universal political commitments tend to criticize and reject theories of commitment based on individual moral principles, such as consent, honesty, or the natural duty of justice. A stronger position can only be achieved by combining the various principles within a single theory. Based on these premises, he develops a multivariate theory of political commitment based on the principle of honesty, the natural duty of justice, and what he calls “the principle of the common good”: The three principles interact in three main ways: “cumulation,” combining the separate state services that different principles cover; “mutual support,” combining the force of different principles in regard to the same state services; and simple overlap. The resulting theory is able to satisfy the main conditions for an adequate theory of obligation: demonstrating that all or nearly all inhabitants of society have

moral requirements to obey the law, and that these extend to the full range of state services. [Klosko 2004: 801; see also: Edmundson 2018: 372–383; Estlund 2018: 359–371; Tuckness 2018: 337–347].

To our mind, in terms of assessing the capacity of liberal theory to appropriately interpret the problem of consent (and related political practices), R.D. Bernstein's analysis of the problem of consent in the form of critical remarks to the philosophical position of R. Rorty, who, in his opinion, did not quite adequately seek “to gloss over what appears to be the overwhelming “fact” of contemporary life — the breakdown of moral and political consensus, and the conflicts and incompatibility among competing social practices” [Bernstein 2007: 245], without addressing the fundamental question of whether there is a connection, and tension, between democracy, as a moral ideal, and liberalism. “Even if Rorty thinks that claims about the breakdown of moral and political consensus are exaggerated, one would expect some *argument* showing why the “crisis mentality” of the twentieth century is mistaken — or, at least a clarification of what are the characteristics of the consensus that he thinks does exist among those who take themselves to be champions of liberal democracy. It is never clear why Rorty, who claims that there is no consensus about competing conceptions of the good life, thinks there is any more consensus about conceptions of justice or liberal democracy. Rorty also tends to downplay or at least circumscribe what has become a major problem for any internal defense or external critique of liberalism — the disparity between the “ideals” of liberty and equality that liberals profess and the actual situation in so-called liberal societies... I do not see any evidence that Rorty faces up to the *challenge* that Marx poses for us in his critique of ideology, namely, that the structural dynamics of bourgeois society systematically undermine and belie liberal ideals. But one does not need to appeal to Marx to make this point. It is made by Weber — in a different way — when he argues that the spread and institutionalization of *Zweckrationalität*, and the increasing disenchantment of the world (which Rorty favors and wants to further), has the consequence of undermining the very social conditions required for individual autonomy and freedom.” [Ibid; see also: The Pragmatic Century 2006: *passim*].

The concept of socialist strategy, developed in the 1980s by E. Laclau and Ch. Mouffe within a new paradigm of post-Marxist philosophical discourse, also remains a clear alternative to the liberal interpretation of the idea of consent. In “Hegemony and Socialist Strategy” they put forward a project of radical democracy based on “the principle of democratic equivalence,” which includes a process of agreement based on the formation of a new “common sense” that is a balanced tension of two mutually constitutive logics: “the logic of equality and autonomy.” [see: Laclau, Mouffe 1985: 184; see also: Howarth 2013: 81–82]. The concept of Laclau and Mouffe can certainly be regarded as one of the new versions of the theory of hegemony developed by A. Gramsci in the 1930s. In his detailed analysis of the specifics of the interaction between the state and civil society in pre-war Western Europe, Gramsci developed the idea of an “integral state”, combining both hegemonic and dictatorial aspects of political governance. Gramsci defined the integral state not simply as an instrument of class domination, but, above all, as “the entire complex of practical and theoretical activities with which the ruling class not only justifies and maintains its dominance,

but manages to win the active consent of those over whom it rules” [Gramsci 1971: 244].

A distinctive response to neo-Marxist theorists was the book “Strange Multiplicity”, published by the famous Canadian political philosopher James Tully in 1995. In analyzing the new forms of politics that emerged in the last decades of the twentieth century, he elaborates on the forms of political challenge typical of the modern era, for example, “the claims of nationalist movements to be constitutionally recognized as either independent nation states or as autonomous political associations within various forms of multinational federations and confederations”; the pressure faced by states and empires to “adapt to larger, supra-national associations with powerful cultural dimensions,” etc. [Tully 1995: 2]. Among the new types of challenges and demands Tully distinguishes, first of all, those which he calls multicultural or “intercultural voices,” consisting of “hundreds of millions of citizens, immigrants, exiles, and refugees”, competing for forms of recognition and protection of the cultures they bring with them to established nation states; the demands of various feminist movements claiming national, supranational, and intercultural recognition of various minorities and, finally, the demands of millions of indigenous people in various parts of the world to recognize thousands diverse cultures, governments and environmental practices [Tully 1995: 2–3]. The philosopher also highlights the pursuit of self-governance, appeals of rethinking unjust laws and institutions in contemporary societies to accommodate the demands of cultural groups for self-governance and cultural heritage rights, and the fact that culture is an “irreducible and constitutive aspect of politics”. [Tully 1995: 5]. As D.R. Howarth justly points out, Tully’s picture neatly captures important aspects of the new politics of identity, but its logic and style can be extended. Others argue that the politics of cultural recognition can and should be expanded to include all oppressed cultural groups and lifestyles, as well as protean identities and forces that may remain below the threshold of public recognition. At the same time, these theorists argue that the ‘solution’ to these questions ought not to be focused solely on the constitutional level but should also involve changes in civil society and micro-politics. [Howarth 2013: 229].

As a result of the transformations outlined above, the “politics of consent” in its new global dimension becomes, to a certain extent, exceptionally complex, almost unmanageable at the national level. The solutions proposed by socialist, neoliberal, and conservative theorists often acquire a pronounced utopian undertone.

In our opinion, at present the most reasonable way to avoid another theoretical stalemate in the solution of modern dilemmas, which the traditional paradigm of social consent faces today, is to return to those philosophical interpretations, which in their time emerged in the process of analyzing the “paradox of rationalization” articulated by J. Habermas [see: Habermas 1984]. According to many contemporary specialists, Habermas’ theory bridges the gap between the Weberian view of contemporary processes of rationalization on the one hand, and Marx’s view of historical progress on the other. The paradox of rationalization «would be that a rationalization of the life-world was the *precondition* and the *starting point* for a process of systemic rationalization and differentiation, which then has become more and more autonomous

vis-a-vis the normative constraints embodied in the life-world, until in the end the systemic imperatives begin to instrumentalize the life-world and threaten to destroy it... A criticism, as it is often put forward against “utopian rationalism” by philosophers with an Aristotelian or hermeneutic background, is that democratic legitimacy, although it must be conceived of as being based on a consensus of basic norms, institutions, and values, cannot be understood as being based on a *rational* consensus. The upshot of this criticism is that communicative action and rational discourse ultimately cannot generate legitimate institutions (legitimate power), but that only legitimate institutions (legitimate power) could set free communicative action as a mechanism of social coordination» [Wellmer 1985: 56, 59].

Perhaps the appeal of Habermas’ perspective lies in his apparently sincere conviction that the idea of consent “keeps on stretching into infinity” and that any theoretical claim to put a “fullstop” in its analysis is inherently set for failure.

As for the representatives of the Russian segment of political science, the topic of consent is still on the outskirts of their attention. This is illustrated by the Russian historiography of “consent” of the 21st century, most of which consists of graduate theses (PhD or doctoral dissertations) and several monographs, which, as a rule, discuss social consent as a way of avoiding conflicts in making any decisions by reaching consensus on essential and procedural issues and affirm the trivial thesis that consent in society is a condition for modern Russia: we need an attitude of consent, instead of one that is aimed at fueling and inciting conflict. It is important to note that, unfortunately, the authors of these works do not even try to consider the differences between Western and Russian civilizational experience of achieving social consent. They barely mention the historic and political context of the problem and the modern debates on the problem of social consent that have unfolded in foreign political science.

Based on this circumstance the thematic scope of our issue of the RUDN Journal of Political Science, as well as the choice of authors, most of whom were supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the Expert Institute for Social Research, various scientific foundations, is quite justified. We would also like to note that the authors of the articles included in the issue represent various educational and scientific centers of Russia, China, and UK. Moreover, next to the names of distinguished scholars we see the names of novice researchers — postgraduate students and undergraduates. As always, the Editorial Board of the Journal strives to give the floor to both metropolitan and regional representatives of the scientific community and gives our young generation an opportunity to make their first steps in science.

The **first section** of the journal begins with the work of a scholar who has made a significant contribution to the development of the history of socio-political thought as a science and an academic discipline. In his article, *Sergey V. Perevezentsev* from *Lomonosov Moscow State University*, a developer of his original concept of the Russian spiritual-political school of thought, along with co-writer *Dmitry A. Ananiev* from *London School of Economics and Political Science*, made a convincing argument that despite the massive influence of Western European socio-political traditions on the Russian thought, the axiological foundations of the Russian statehood in the 18th

century remained just as traditional as those in the 10th-17th centuries. That said, the concepts of “truth” and “justice” continued to preserve their meaning as the essential spiritual-political categories of values until nowadays.

The article of two scholars of the *Lomonosov Moscow State University* *Anna V. Myrikova* and *Boris A. Prokudin* is dedicated to Pan-Slavism, the idea-political complex of which includes various doctrines, theories, concepts, and ideas. These were headed by the purpose of cooperation and unity in action in terms of cultural and political relations of congenial (by blood, language, religion, domestic culture, historical memory, territory) Slavic and close to them peoples and nationalities. Pan-Slavism has taken up many forms in the history of politics and thought. F.I. Tyutchev was an example of a political apologist of Pan-Slavism, while F.M. Dostoyevsky rather advocated cultural Pan-Slavism. The former believed that Germanification and Turkification of the Slavic peoples posed a threat to Russian state interests and called for the liberation, unification, and russification of Slavic countries (the idea of a Slavic empire). The history of the past two decades demonstrates that the idea of a “Slavic reciprocity” has played a significant role in politics. And it seems that today the ideas of Pan-Slavism, cultural and political, may become relevant again. Once Russia manages to bolster its influence in the world and adopt a course of dynamic economic development, Slavic states between Russia and the West cyclically shift their vector of friendly ties, will take a more favorable stance towards us.

At his height, Alexander S. Panarin, whose texts were somewhat a combination of philosophical essay-writing and conceptual thought, has brilliantly demonstrated in various essays the advantages of “discourse in the language of humanistic political science”. *Kirill M. Anderson*, Professor at *Lomonosov MSU*, independently of Panarin and under the influence of prominent Soviet scholars Boris F. Porshnev, Alfred E. Shtekley, Gennady S. Kucherenko, came to the same conclusion. He is known for writing his theses in a language of humanistic political science of high sophistication and adheres to the maxim, “If you want to be read, write to be read”. His essay, co-authored with *Maria S. Zvereva* will be quite the reading material.

The legal and philosophic regard adds the political science approach in the article by *Anton D. Ukhanov* from *Vladivostok State University* who proposes to compare the views of Hans Kelsen and Karl Schmitt on the nature of legal force and the hierarchy of normative legal acts. As Schmittian concepts and approaches are regaining increased research interest the RUDN Journal of Political Science could not just walk away from it.

The **second section** opens with an attempt to examine the evolution of ideas designed to consolidate Russian society and transmitted within the framework of the post-Soviet discourse of Russian identity. *Andrey N. Iokhim* together with *Maria A. Laguzova*, both representing *Lomonosov Moscow State University*, overview the 30-years-old story of search for Russian national idea and achieving social harmony. The authors arrive at the conclusion that the need to eliminate the deficit of consent in the 1990s was the starting point of the search for a consolidating national idea and a new macropolitical identity, and the most viable model of public consent was developed within a conservative great-power identity discourse, which is based

on the narrative of the “continuation state” and patriotism as a consolidating political value.

Alexander B. Shatilov, Zinaida I. Volkhonskaya, Daria D. Osinina — the group of scholars of the *Financial University* — are worried by threat of losing the national and cultural identity of Russians. They attempt to comprehend the value foundations of the essence of Russian statehood, summarize historical experience and determine the civilizational chronotype, which they call ‘Russian genetic code’. This article is a vivid example of the discourse widely shared in a part of Russian academia and public opinion, a sample of the Othering.

The following paper was the result of collaboration between scientists united by the desire to study the possibilities and features of the formation of worldview in the digital environment. *Sergey V. Volodenkov, Sergey N. Fedorchenko, Nikolai M. Pechenkin* — a collaboration of political scientists from *State Academic University for the Humanities, Lomonosov Moscow State University, National Research Nuclear University* and *Financial University*. They attempt to study the phenomenon of public consent in the context of the formation of digital polymentality. Its results clearly demonstrate the fact that the nature of the digital worldview is not the only one. This circumstance requires in-depth political scientific research and the formation of scientifically grounded models to counteract the formation of digital worldview and value-meaning splits in society.

Mariya A. Mayorova and *Alina I. Sbitneva* from the *INION Institute* consider the foreign influence on the Turkic-speaking territories of the Russian Federation through economic and humanitarian spheres within the framework of the pan-Turkism ideology and the idea of a “Turkic world”.

The **third chapter** of this volume considers ideas and ideologies in the international context. In every field of knowledge there are novice researchers taking their first timid steps in science, and there are established scholars whose name in the title of an article or book is a guarantee of the quality and high professionalism of the latter. The article by *Liubov A. Fadeeva* from *Perm National Research University*, is not just relevant; it is deeply substantiated, methodologically competent, written in a good literary language, illustrated with interesting examples, easy to read and stimulates reflection. The article suggests that national unity and social harmony, formed, among other things, with the social ‘chronotope’, which connects society by historical, socio-cultural, and spatial links, can be destroyed in a relatively short period by simplified myths that divide everything into black and white, ‘our peoples’ and ‘aliens’. Indeed, myth — i.e. an interconnected and complete system of beliefs that needs no justification other than its own assertion and no logic — is, on the one hand, a specific psychological reality that represents a consistent chain of images; on the other, it is a deformed, objectively unrelated to reality intellectual interpretation that has an explicative function and mobilizing power. These properties of the myth, as it was well demonstrated in the article, manifested themselves in the process of nation-building of modern Ukraine, turning it into “anti-Russia”.

The Middle East dimension is represented by *Vladimir A. Avatkov* together with *Danila S. Krylov* from *INION Institute*. They notice the interest of the cross-regional

actors of the Middle East to the promotion of Russian ideologies and a certain identity in its foreign policy. They also state the coincidence of the ideological and value spaces of Russia and the countries of the Middle East.

Svetlana S. Makkaveeva and her supervisor, professor *Dengxue Huang* from *Shandong University* investigate the relations between Russia and Western countries against the background of the Ukrainian crisis through the lens of Chinese political expertise with quite pessimistic conclusion for international peace and rather optimistic view on Chinese economy and geopolitics.

Chinese regard is followed by *Leonid G. Abdrakhimov* from the *RUDN University* who studies the value core — ‘Chinese Dream’ — of China’s system of state policy and national security, which predetermines the paradigm of China’s development.

We consider the Western dimension of contemporary ideas and normative discursive practices with the concept of political correctness in UK studied by *Mikhail S. Golovin* from *Chelyabinsk State University*. This concept is essential for the modern politics and social life in Europe and US which is seriously challenged by far-rights nationalist agenda.

The focus of *Alexey V. Mikhalev* from *Banzarov Buryat State University* is resource nationalism, a set of ideas that justify the monopoly of a nation (whose legitimate representative is the state) over the country’s natural resources or the profits from their extraction. In certain cases, this set of ideas can act as a political doctrine of this or that ‘mineral nation’, implying the achievement of public agreement on a fair distribution of the profits from the extraction of minerals. Resource nationalism has a great influence on political decision-making, as it does in contemporary Mongolia, although its prospects for becoming the country’s state ideology are uncertain.

The **last chapter** of the volume is traditionally dedicated to the youth policies. As any discipline political science has theoretical and applied edges. Their distinction can be drawn by analogy with the delimitation between the procedures of explanation and calculation. In other words, some groups of scientists tend to consider political problems in the context of solving general problems — ontological, gnoseological, epistemological, axiological, etc., while others focus their attention on solving problems and issues of a more ordinary, applied nature. However, there are fortunate exceptions when sociological research is oriented toward solving serious problems of a fundamental nature. A striking example of such a case is the work of the *Lomonosov MSU* professors *Tatyana V. Evgenyeva* and *Antonina V. Selezneva*, together with postgraduates *Nikolay S. Skipin* and *Dinara D. Tulegenova*. This article sums up some of the results of political-psychological research into the perceptions of the state among contemporary Russian youth. Analyzing the materials of this empirical study, the authors conclude that modern Russian youth are characterized by paternalistic orientations. Young people perceive the state as a source of welfare, support, and protection.

Younger scholars *Irina I. Andriiv* and *Anna D. Puzanova* from *St Petersburg State University* with their serious literature review believe to find the universal methodology for measuring the political trust of young people as a basis for the interaction of this social group and the state.

Dmitry A. Kazantsev, Tatyana A. Aseeva, Dmitry A. Kachusov from *Altai State University* beware national youth policy from the total standardization and unification under the patronage of the federal movement “Yunarmia” which strongly contribute to the formation of a statist model of patriotism among youth but cannot deal local and ethnic identities.

It is certainly difficult to comprehensively cover such a multifaceted phenomenon as social consent. The overview of studies of consent presented in our issue is mosaic and partial. Rather, it is a momentary glimpse of the trends of such studies in Russian political science and demonstrates that the topic of public consent requires further efforts to study historical facts from the perspective of the civilizational approach, as well as to make critical sense of the theoretical arguments of Russian and foreign scholars in this field.

Received / Поступила в редакцию: 04.12.2022

Accepted / Принята к публикации: 15.12.2022

References

- Bernstein, R.J. (2007). *New constellation: The ethical-political horizons of modernity/postmodernity*. Cambridge.
- Edmundson, W.A. (2018). Moral education and the ethics of consent. In A. Müller & P. Schaber (Eds.), *The Routledge handbook of the ethics of consent* (pp. 372–383). London; New York.
- Estlund, D. (2018). Normative consent and authority. In A. Müller & P. Schaber (Eds.), *The Routledge handbook of the ethics of consent* (pp. 359–371). London; New York.
- Gramsci, A. (1971). *Selections from the Prison Notebooks*. London.
- Habermas, J. (1984). *The theory of communicative action. Vol. 1. Reason and the rationalization of society*. Boston.
- Howarth, D.R. (2013). *Poststructuralism and after: Structure, subjectivity and power*. Houndmills, Basingstoke.
- Klosko, G. (2004). Multiple principles of political obligation. *Political Theory*, 32(6), 801–824.
- Klosko, G. (2005). *Political obligations*. Oxford; New York.
- Klosko, G. (2018). Consent theory of political obligation. In A. Müller & P. Schaber (Eds.), *The Routledge handbook of the ethics of consent* (pp. 348–358). London; New York.
- Klosko, G. (2019). *Why Should We Obey the Law?* Cambridge.
- Laclau, E., & Mouffe, Ch. (1985). *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics*. London; New York.
- Simmons, A.J. (1979). *Moral principles and political obligations*. New Jersey.
- Davaney, S.G., & Frisina, W.G. (Eds.). (2006). *The Pragmatic Century: Conversations with Richard J. Bernstein*. Albany.
- Tuckness, A. (2018). Historical perspectives in political philosophy. In A. Müller & P. Schaber (Eds.), *The Routledge handbook of the ethics of consent* (pp. 337–347). London; New York.
- Tully, J. (1995). *Strange multiplicity: constitutionalism in an age of diversity*. Cambridge.
- Wellmer, A. (1985). *Reason, utopia, and the Dialectic of Enlightenment*. In R.J. Bernstein (Ed.), *Habermas and Modernity* (pp. 35–67). Cambridge, Massachusetts.
- White, S.K. (1988). *The recent work of Jürgen Habermas: Reason, justice and modernity*. Cambridge.

About the authors:

Vladimir A. Gutorov — Doctor of Science in Philosophy, Professor, Head of the Department of Theory and Philosophy of Politics, Faculty of Political Science, St Petersburg State University (e-mail: gut-50@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-8063-2558)

Alexander A. Shirinyants — Doctor of Science in Political Sciences, Professor, Head of the Department of History of Social and Political Doctrines of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: jants@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-6949-2256)

Daria B. Kazarinova — PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, Peoples Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (e-mail: kazarinova-db@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-9416-5898)

Сведения об авторах:

Гуторов Владимир Александрович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (e-mail: gut-50@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-8063-2558)

Ширинянц Александр Андреевич — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: jants@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-6949-2256)

Казаринова Дарья Борисовна — кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (e-mail: kazarinova-db@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-9416-5898)

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ FROM THE HISTORY OF SOCIO-POLITICAL THOUGHT

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-21-37

Научная статья / Research article

Аксиологические основы российской государственности: «правда» и «справедливость» в отечественном идейно-политическом дискурсе

С.В. Перевезенцев^{1,2} , Д.А. Ананьев³

¹Государственный академический университет гуманитарных наук
Москва, Российская Федерация

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

³Лондонская школа экономики и политических наук, Лондон, Великобритания

 serp1380@yandex.ru

Аннотация. Понятие «правда» как ценностная духовно-политическая категория постоянно присутствует в русских духовно-политических сочинениях с древности до наших дней. Но в XVIII в. происходит важная трансформация этого понятия в отечественном идейно-политическом дискурсе. Под влиянием западноевропейской традиции в русских социально-политических сочинениях государственнического, консервативно-просветительского и радикально-просветительского направлений постепенно происходит переход от традиционных понятий, в том числе от понятия «правда», к таким понятиям как «справедливость» или «общая польза». Таким образом, оно приобретает значение, сохраняющееся и в современной политологической литературе. Однако понятие «правда» в традиционном значении не исчезает вовсе из общественно-политического дискурса XVIII в., а используется в основном в художественной литературе, прежде всего в поэзии, и в сочинениях традиционалистско-православного направления. Подобный вывод позволил сделать оригинальный методологический подход: анализ сочинений авторов XVIII в. осуществлялся на основе поисковой базы Национального корпуса русского языка, при этом в общей сложности было изучено более 800 текстов, созданных в 1701–1800 гг., в которых использовались слова «правда» и «справедливость». Основными методами исследования помимо общенаучного методологического аппарата стали — контент-анализ и политико-текстологический анализ.

© Перевезенцев С.В., Ананьев Д.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: правда, справедливость, общая польза, духовно-политические ценности, аксиологические основы, российская государственность

Для цитирования: *Перевезенцев С.В., Ананьев Д.А.* Аксиологические основы российской государственности: «правда» и «справедливость» в отечественном идейно-политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 21–37. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-21-37>

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта № FZNF-2022-0004 «Аксиологические основы российской государственности: история и современность», реализованного в ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» по итогам отбора научных проектов, проведенных Министерством высшего образования и науки РФ и ЭИСИ.

Axiological Foundations of Russian Statehood: “Truth” and “Justice” in the Domestic Ideological and Political Discourse

Sergey V. Perevezentsev^{1,2} , Dmitry A. Ananiev³

¹ *State Academic University for Humanities, Moscow, Russian Federation*

² *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

³ *London School of Economics and Political Science, London, United Kingdom*

 serp1380@yandex.ru

Abstract. The concept of “truth” as a valuable spiritual and political category is constantly present in Russian spiritual and political writings from antiquity to the present day. But in the 18th century, there is an important transformation of this concept in the domestic ideological and political discourse: Under the influence of the Western European tradition in Russian socio-political writings of the state, conservative-educational and radical-educational trends, there is a gradual transition from traditional concepts, including the concept of “truth”, to such concepts as “justice” or “common use”. Thus, it acquires a significance that persists, including in modern political science literature. However, the concept of “truth” in its traditional meaning does not disappear at all from the socio-political discourse of the 18th century, but is used mainly in fiction, primarily in poetry, and in the writings of the traditionalist-Orthodox trend. A similar conclusion was made possible by an original methodological approach: the analysis of the works of the authors of the 18th century. It was carried out on the basis of the search database of the National Corpus of the Russian language, while in total more than 800 texts created in 1701–1800 were studied, in which the words “truth” and “justice” were used. In addition to the general scientific methodological apparatus, the main research methods were content analysis and political-textual analysis.

Keywords: truth, justice, common good, spiritual and political values, axiological foundations, Russian statehood

For citation: Perevezentsev, S.V., & Ananiev, D.A. (2023). Axiological foundations of Russian statehood: “Truth” and “justice” in the domestic ideological and political discourse. *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 21–37. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-21-37>

Acknowledgements: The reported study was funded by the research project no. FZNF-2022-0004 “Axiological Foundations of Russian Statehood: History and Modernity” implemented at the State Academic University of Humanities based on the results of the selection of scientific projects conducted by the Ministry of Higher Education and Science of the Russian Federation and the EISR.

Введение

Одной из важнейших задач сохранения и развития российской государственности является обеспечение и защита духовного, политического и национального суверенитета. Эта задача напрямую связана с сохранением исторической памяти и национально-гражданской идентичности, которая опирается на комплекс базисных идеалов и духовно-политических ценностей¹, основанных на собственном историческом опыте, но вбирающих в себя все те положительные новшества, которые несет с собой социальный, информационный и технологический прогресс.

Одними из важнейших ценностных духовно-политических категорий, постоянно присутствующих в отечественном идейно-политическом дискурсе на протяжении всего времени существования российской государственности, были понятия «правда» и «справедливость». Как показывают недавние исследования, важное значение этих понятий, прежде всего понятия «справедливость», сохраняется и в наше время [Мареева 2015]. В частности, «справедливость», как духовно-политическая ценность, занимает устойчивое место в верхнем уровне ценностной иерархии молодежи [Селезнева, Антонов 2020], а категория «правда» в представлениях молодежи о справедливости «обозначает отечественное политико-культурное понимание справедливости как истинного и честного» [Селезнева 2020: 25]. И если на Западе справедливость понимается преимущественно в юридическом ключе, в России понимание справедливости традиционно включает в себя и социально-экономические, и морально-нравственные аспекты [Здравомыслова 2003]. При этом, по мнению молодежи, основной политической актор, который может обеспечить справедливое общественное устройство, традиционно вынесен вне самой личности, а именно — это государство [Касамара, Максименкова, Сорокина 2020].

В этой связи особенно актуальным является изучение исторических корней аксиологических основ российской государственности, и в частности в идейно-политическом дискурсе XVIII века, в рамках которого происходит постепенный переход от традиционного религиозного понимания основных ценностных категорий к осмыслению этих категорий в рационалистическом ключе. Этой проблематике был посвящен ряд интересных исследований. В частности, следует обратить внимание на некоторые статьи: работу С.Н. Черных, в которой автор проводит тезис об отсутствии принципиальной разницы между «правдой» и «справедливостью» [Черных 2010], а также статью Т.К. Овчинниковой, исследующую соотношение категорий «закона» и «правды» в русской политической

¹ Подробнее о понятии традиционных базисных духовно-политических ценностях российской государственности см.: [Перевезенцев, Пучнина, Страхов, Шакирова 2021, Вестник МГУ].

мысли в период с XI по XVI в. [Овчинникова 2016]. Небезынтересное исследование соотношения категорий «правды» и «справедливости» в русской культуре проведено Н.В. Печерской [Печерская 2011]. Кроме того, стоит упомянуть работы Т.В. Артемьевой [Артемьева 1996] и А.Б. Каменского [Каменский 2010], а также ряд диссертационных исследований². Существует также обширный массив зарубежных работ, посвященных исследованию феномена справедливости, среди них выделяются труды Дж.Л. Гибсона, Я. Селби, Д. Ольшанский, М. Сэндела, У. Кимлики, А. Свифта, О. Хеффе, Л. Болтански и Л. Тевено и др. [Gibson 2002; Selby 2006; Olshansky 2007; Sandel 2009; Kymlicka 2002; Swift 2014; Хеффе 2007; Болтански, Тевено 2013; Simpson 2022].

Анализ сочинений авторов XVIII в. осуществлялся на основе поисковой базы Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ)³. В общей сложности было изучено более 800 текстов, созданных в 1701–1800 гг., в которых использовались слова «правда» и «справедливость». Основными методами исследования помимо общенаучного методологического аппарата стали контент-анализ и политико-текстологический анализ.

Идея правды в идейно-политическом дискурсе XVIII в.

В современной историографии выделяется несколько основных направлений в отечественной социально-политической мысли XVIII в.: государственническое, консервативно-просветительское, радикально-просветительское и традиционалистско-православное [Перевезенцев 2015: 36]. Мыслители, принадлежавшие к тому или иному направлению, по-разному осмысливали понятия «правда» и «справедливость» и взаимоотношения между ними.

На основе поисковой базы НКРЯ было выявлено и проанализировано 511 текстов, созданных в данный исторический период, в которых наличествует слово «правда»; в большинстве текстов слово «правда» используется как устоявшийся фразеологизм или вводное слово и не имеет какого-либо специфического идейно-политического содержания. В свою очередь в 64 текстах выявлено социально-политическое содержание понятия «правда», из них 34 — представля-

² См. *Котова О.А.* Государственная деятельность Екатерины II: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Москва, 2000. 245 с.; *Черников М.В.* Философия Правды в русской культуре: дис. ... доктора философских наук: 24.00.01. Воронеж, 2002. 336 с.; *Лебедева Н.А.* Философская мысль русского духовенства в российском Просвещении: дис. ... кандидата философских наук: 24.00.01. Мурманск, 2003. 221 с.; *Кашиников Б.Н.* Либеральные теории справедливости и политическая практика России // Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2004. 260 с.; *Уткин Г.Н.* Идея правды в отечественной правовой мысли: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01. Москва, 2008. 150 с.; *Баклашов А.И.* Екатерина II и общественное мнение: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Москва, 2009. 290 с.; *Бобылева Е.Ю.* Феномен правды как онтолого-аксиологическая доминанта русской культурной традиции: дис. ... кандидата философских наук: 24.00.01. Тамбов, 2007. 154 с.

³ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.11. 2022 г.).

ют собой поэтические произведения, 30 — прозаические сочинения духовного содержания, созданные православными духовными и светскими мыслителями. При этом в рассуждениях о «правде» русских поэтов, духовных и светских мыслителей нашла продолжение прямая преемственность русской духовной традиции XI–XVII вв.: «правда» понимается как воплощение Божьей воли в мире, а единственной фигурой, способной установить «правду» в государстве, признается самодержавный государь.

К примеру, очень часто понятие «правда» встречается в поэтических сочинениях В.К. Тредиаковского, по мнению которого, главный источник «правды» — Господь Бог, Который «правдой» управляет людьми, помогает им избегать греха и обрести истинную веру⁴. В своей «Оде вымышлена в славу правды, побеждающая ложь и всегда торжествующая над нею» В.К. Тредиаковский дает характеристику основных черт «правды»⁵. О божественном источнике «правды» писали и другие поэты того времени: А.Д. Кантемир, Ф.П. Ключарев, Н.П. Николев, И.И. Мартынов, М.М. Вышеславцев и др.⁶

Для русских поэтов XVIII в., так же как и для русских мыслителей XI–XVII вв., «правда» — важнейшее качество русского государя, ведь смысл правления русского православного государя и заключается в воплощении Божией правды на земле. «Любовь к народу, правда, суд / И кроткий дух в Елисавете / С хвалой во всем гласяся свете», — утверждал в 1756 г. профессор Московского университета Н.Н. Поповский⁷. «В ней бодрость, кротость, правда, вера / Я Сам в лице ее предстал...» — говорит от имени Самого Господа о Елизавете Петровне М.В. Ломоносов в 1757 г.⁸ В том же ключе писали о русских государях и другие поэты этого периода: И.Ф. Богданович, Н.М. Карамзин, И.И. Варакин⁹.

В свою очередь, отсутствие «правды» — верный признак неистинного правителя, силой и обманом захватившего престол. Неслучайно в трагедии «Димитрий Самозванец» А.П. Сумароков устами царевны Ксении Годуновой утверждает: «Увяла правда вся, тирану весь закон — / Едино только то, чего желает он, / А праведных царей для их бессмертной славы / На счастье подданных основаны уставы»¹⁰.

⁴ Тредиаковский В.К. Избранные произведения. Библиотека поэта. Большая серия. М.: Л.: Советский писатель, 1963. С. 318–320.

⁵ Там же. С. 406.

⁶ См.: Кантемир А.Д. Собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1956. (Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание); Поэты 1790–1810-х годов. Л.: Советский писатель, 1971. (Библиотека поэта. Второе издание); Поэты XVIII века Л.: Советский писатель, 1972. (Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание); Поэзия небес. Вып. 2. Т. I. СПб.: Библия для всех, 2001.

⁷ Поэты XVIII века. Л.: Советский писатель, 1972. (Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание). С. 106.

⁸ Ломоносов М.В. Избранные произведения Л.: Советский писатель, 1986. (Библиотека поэта. Большая серия. Издание третье). С. 159, 196.

⁹ Богданович И.Ф. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1957. 257 с., портр. (Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание). С. 152.

¹⁰ Сумароков А.П. Избранные произведения Л.: Советский писатель, 1957. (Библиотека по-

Естественно, о Господе, как источнике «правды», постоянно рассуждали православные мыслители, к примеру, митрополит Рязанский и Муромский Стефан Яворский¹¹ или митрополит Московский и Коломенский Платон (Левшин), который неоднократно отмечал, что «Бог есть самая правда»; «правда и святость Христова, есть моя правда пред Богом», «Слово Божие сильнейшим образом Божию правду проповедует»¹².

Из светских социально-политических мыслителей XVIII в. в том же духе о «правде» писал И.Т. Посошков. Главным трудом жизни И.Т. Посошкова по праву считается «Книга о скудости и богатстве», в ней он изложил свои взгляды на должное государственное устройство. И.Т. Посошков ставил перед собой две цели, разрабатывая систему преобразований: во-первых, объяснить «отчего содевается напрасная скудость и отчего умножится может изобильное богатство» и «...како бы насадити прямую правду и во всяких делех исправление и како бы водрузити любовь и безпечное житие народное»¹³. Более того, И.Т. Посошков ставит «правду» выше богатства, обозначенного даже в названии книги, и, подобно И.С. Пересветову, приравнивает «правду» к Богу, к Богу Отцу, а не ко Христу, различие в данном случае незначительное¹⁴. Особенно интересно, что «правда» понимается И.Т. Посошковым в традиционном для духовно-политической мысли России XVI в. значении — как жизнь людей, выстроенная угодным Богу образом. При этом «правда» не сводится к «юридической» справедливости, она должна охватывать все сферы жизнедеятельности людей, организовывая их в соответствии с христианским вероучением. В дополнение к тому, что «правда» угодна Богу, И.Т. Посошков добавляет, что она позволяет народу и государству обогащаться. «Праведными» он считает и экономически эффективные, по его мнению, меры, не принося в жертву эффективности справедливость. Даже цену товара он предлагает мерять «самою правдою», что также подтверждает верховенство «правды» в его взглядах¹⁵.

В духе традиций XVI в. И.Т. Посошков считает, что только царь способен установить «правду», поэтому самодержавный правитель, помазанник Божий должен обладать полнотой всей власти, чтобы установить «правду», чтобы царство жило по Божьей воле и процветало в богатстве¹⁶.

эта. Большая серия. Второе издание). С. 438.

¹¹ *Стефан Яворский, митр.* Сочинения / публ., вступ. статья, словарь терминов и указ. имен Н.Н. Бородинной. Саратов: Научная книга, 2014. С. 251.

¹² *Платон (Левшин), митр.* Поучительные слова: в 8 т. Т. 1. М., 1779 URL: <https://www.stsl.ru/lib/platon1/2.php>; Т. 7. М., 1780; URL: https://www.stsl.ru/lib/platon7/part1_5.php; Т. 8. М., 1781; URL: https://www.stsl.ru/lib/platon8/part_5_1.php (дата обращения: 15.11.2022.).

¹³ *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве. Завещание отеческое / сост., авторы вступ. ст. и коммент. Н.В. Козлова, Л.Н. Вдовина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 47.

¹⁴ Там же. С. 75.

¹⁵ Там же. С. 76–77.

¹⁶ Там же. С. 200.

Идеи «справедливости» и «общей пользы» в идейно-политическом дискурсе XVIII в.

В ходе изучения использования понятия «справедливость» в сочинениях русских авторов XVIII в. на основе поисковой базы НКРЯ было проанализировано более 300 текстов, созданных в данный исторический период. В большинстве из них слово «справедливость» являет собой фразеологизм (например, «отдать справедливость», т. е. оценить по достоинству, воздать должное, признать достоинства) или же подразумевается прямая связь «справедливости» с правосудием, тем или иным решением суда. Тем не менее в определенной части социально-политических сочинений тема справедливости заняла вполне серьезное место.

Предварительно стоит сказать о том, что для мыслителей XVIII в. особое значение приобрело понятие «общей пользы», которое напрямую было связано с понятием «справедливость»: справедливо то, что полезно всему обществу, и, наоборот, «общая польза» — справедлива. В определенном смысле понятие «общей пользы» дополнило существовавшие ранее идеалы «Святорусского царства» и «Нового Израиля», если не заменило их. Смещению идеалов способствовало появление категорий «Отечество», «служения Отечеству», «пользы Отечеству» [Черная 1989; Лубский 2012; Перевезенцев, Пучнина, Страхов, Шакирова 2021]. В XVI в. можно было говорить о служении царя Богу, а народа — царю. К XVIII в. ситуация меняется: и правитель, и народ служат Отечеству, служба Отечеству, принесение пользы Отечеству и есть «общее благо», обеспечивающее «справедливость». Поэтому можно утверждать, что «идея „пользы Отечества“ — это рационалистическая трансформация традиционного православного представления о России как стране обитания и сосредоточения Божией благодати» [Перевезенцев, Пучнина, Страхов, Шакирова 2021, Тетради: 267]. При этом понятие «общей народной пользы» и «общей государственной пользы» оказываются тождественны, и это логично, особенно для первой половины XVIII в. когда в европейском мире большой популярностью пользовалось учение камерализма, наибольшего развития достигшее в Пруссии и Швеции [Каменский 2010: 9–14]. «Общая польза», таким образом, есть все, что служит на благо Отечеству.

Идеи «справедливости» и «общей пользы» в сочинениях мыслителей государственнического направления

Один из представителей государственнического направления, фактически главный идеолог русского абсолютизма, Феофан Прокопович, затрагивал тему «общей пользы» в «Правде воли монаршей». «Общая польза», по мнению Феофана Прокоповича, состоит в четырех основных «долженствованиях» царя. Во-первых, это обеспечение условий для благочестивой жизни по христианскому вероучению, во-вторых, обеспечение благосостояния подданных — «честное жительство» и «безпечалие»; в-третьих, правосудие

и поддержание справедливости, в-четвертых, защита Отечества от внешних угроз¹⁷. Получается, что «общая польза» охватывает все сферы жизни любого из подданных, царь имеет право контролировать и регулировать любой элемент общества. Имеет смысл провести параллель с иосифлянкой традицией духовно-политической мысли, также следовавшей принципу сильного самодержавного правления. В отличие от иосифлян Феофан Прокопович видит цель царского правления не в установлении «правды» для приближения к идеалу божественной справедливости, а в «добре общем народа» — в следовании «общей пользе». Одним из условий сильного государства мыслитель называет поддержание правосудия и справедливости. Справедливость в данном случае, хотя и предполагает принцип воздаяния должного, имеет чисто юридическое значение — соблюдение законов. Законы произвольно устанавливаются монархом.

Власть монарха основывается, по Феофану Прокоповичу, на договоре с народом, передающим свою «волю» навечно, и на Божьем благословении, освящающем данный договор. Таким образом, Феофан Прокопович обосновывает наличие абсолютной власти монарха: монарх сам определяет, что составляет «общую пользу», и действует без каких-либо ограничений. Вопрос о справедливости не ставится, более того, справедливость имеет меньшее значение, чем в иосифлянкой традиции. Для Феофана Прокоповича важно, чтобы монарх получил свою власть «праведным» образом. «Праведный», то есть правящий по праву монарх, не может быть несправедливым, потому что справедливость определяется его волей. Когда Феофан Прокопович пишет о справедливости, то для него важно обеспечение незыблемости и соблюдения законов, устанавливаемых монархом. Принцип, по которому пишутся законы, определяется исключительно волей монарха.

Похожей позиции придерживался Петр I. Он считал необходимой абсолютную власть монарха для деятельности на «общую пользу». Он не обосновывал своей позиции теоретически, однако в записках и письмах нередко апеллировал к данной категории. Особенно характерно то, что он зачастую добавлял в словосочетание общая польза прилагательное государственная: «...И того ради надлежит вам для общей государственной пользы (для которой мы и персоны своей, принимая всякия трудности, не щадим) то снести»¹⁸.

В свою очередь, в представлениях о справедливости Екатерины II наблюдается особого рода двойственность. Во-первых, справедливость для Екатерины II определяется естественным правом и Богом; во-вторых, Екатерина II признает, что в интересах России (то есть в интересах «общего блага») можно было бы поступать несправедливо и, более того, именно так она сама и поступила бы, потому что она, как монарх, обязана заботиться о счастье

¹⁷ *Феофан Прокопович*. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 353.

¹⁸ *Петр Великий*. Избранное. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 289–290.

своих подданных¹⁹. В результате, признавая теоретическую справедливость естественно-правовых идеалов, в политике Екатерина II ставила в качестве основного приоритета «общее благо». Императрица пишет: «...Хочу общей цели — сделать счастливыми...» и «Легко достигнуть любви и славы тому, кто этого желает: примите в основу ваших действий, ваших постановлений благо народа и справедливость, никогда не разлучных»²⁰. Таким образом, она отождествляет практическую справедливость и «общую пользу». Действия, несущие благо народу и государству, не могут быть признаны несправедливыми.

Итак, в представления мыслителей государственнического направления важность справедливости как составной части «правды» снижается, место справедливости занимает «общая польза», которая, тем не менее, может подразумевать справедливость как свою составную часть. Имеются две основные позиции о положении справедливости. Первая — предполагает, что справедливость гарантируется нахождением у власти законного монарха с неограниченной, абсолютной властью. Любое действие такого монарха априори будет справедливым, он определяет содержание «общей пользы» и обладает исключительным правом устанавливать законы. Вторая — предполагает разделение «общей пользы» и справедливости. Теоретически справедливость возводится к воздаянию должного и может строиться на разных принципах, например на принципе «заслуг» или принципе естественных прав. Однако такая справедливость не является определяющей в обществе в силу наличия необходимости стремления к «общей пользе», которая опять же может быть достигнута лишь мудрым правлением самодержавного монарха.

Идеи справедливости и «общей пользы» в сочинениях мыслителей консервативно-просветительского направления

Иное представление об идеях «общей пользы» и справедливости можно найти у мыслителей консервативно-просветительского направления. Отличительной чертой позиции В.Н. Татищева относительно «общей пользы» является тот факт, что «воля», то есть свобода как естественное право человека, «только нужна и полезна, что ни едино благополучие ей сравняться не может и ничто ее достойно, ибо кто воли лишаем, тот купно всех благополучий лишается или приобрести и сохранить не благонадежен»²¹. Понятие свободы в понимании В.Н. Татищева стоит наравне с «общей пользой». Свобода необходима каждому разумному человеку, без нее он неполноценен, но свободой можно злоупотребить, и поэтому есть «узды неволи», созданные для улучшения положения человека, его же благополучия и благосостояния.

¹⁹ *Екатерина II. Особая тетрадь: собственноручные заметки великой княгини Екатерины Алексеевны. 1758–1761 гг // Хранители России. Антология. Т. 2. В поисках нового... консерватизма / под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. М.: ООО «Паблиц», 2015. С. 547–550.*

²⁰ Там же. С. 540–550.

²¹ *Татищев В.Н. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 147.*

Естественный закон, из которого исходят естественные права в концепции В.Н. Татищева, выводится не только из природной сути вещей, но также и из Божественной воли. Вера в Бога и его влияние на общество и человека, в понимании рационалиста В.Н. Татищева, не так значительны, как считали авторы прошлых веков. Из этого следует признание необходимости не только любви к ближнему, но, в первую очередь, любви к самому себе. Разумность эгоизма состоит в том, что он соизмеряет свою пользу с пользой других людей, и, таким образом, каждый человек обязуется служить «общей пользе». Это служение становится критерием разумности человека и меры справедливости в обществе. Разумный человек служит «общей пользе», в то время как неразумный может заботиться только о себе, что к тому же будет просто безнравственно. В итоге человек способен обрести «высшее благополучие, т. е. спокойность души или совести», и «о сих нужно человеку крайне прилежать», как о главной цели своей жизни²².

В понимании М.М. Щербатова главные цели в жизни человека несколько иные: счастье и удовольствие²³. Люди не достигают и не могут достичь равной меры счастья в силу разного общественного положения, возможностей и других обстоятельств, как зависящих, так и не зависящих от самих людей. Таким образом, по М.М. Щербатову, равенство не лежит в основе справедливости. Не является таким основанием и свобода, так как люди обладают ей в разной степени. Сам М.М. Щербатов поддерживает крепостное право и отрицательно относится к идее освобождения крестьян, не признавая их положение несправедливым, в этом расходясь во мнениях с В.Н. Татищевым, призывавшим ограничить крепостное право. М.М. Щербатов пишет, что крестьяне недостойны свободы, что доказали бунтами и восстаниями, например, пугачевским²⁴.

Зато в понимании М.М. Щербатова основанием справедливости выступают, во-первых, Божий промысел и, во-вторых, «общая польза». Первое основание заключается в том, что Бог определяет то, в каком сословии рождается тот или иной человек, каким могуществом и богатством будет обладать. Некоторые люди имеют больше денег или власти, чем другие, но это, по мнению М.М. Щербатова, не делает их более счастливыми, чем менее преуспевающих в жизни. Дело в том, что люди, имеющие меньше, испытывают большее удовольствие, приобретая что-либо и вообще исполняя свои желания, в то время как богатым и могущественным сложно пожелать что-либо, так как у них уже все имеется и, следовательно, они получают меньшее удовольствие. Таким образом, сохраняется баланс в получаемом счастье и соблюдается справедливость. Второе основание — «общая польза». Она и в данной концепции тождественна пользе государства, но не определяется монархом произвольно. М.М. Щербатов выступает за умеренную монархию, в которой законы будут ограничивать мо-

²² *Татищев В.Н.* Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 147.

²³ *Щербатов М.М.* Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 546.

²⁴ Там же. С. 88.

нарха, не допуская его становления самодержцем, то есть абсолютным властителем. Подобных взглядов придерживается и В.Н. Татищев, будучи сторонником ограниченной монархии²⁵. Правитель не определяет общую пользу в полной мере, так как для этого составляются законы. М.М. Щербатов, кроме всего прочего, выступает против концентрации как законодательной, так и исполнительной власти в руках монарха. Таким образом, справедливо то, что установлено Богом, то есть современная М.М. Щербатову система, однако полезнее было бы иметь и твердые, обязательные для всех без исключения законы.

Отдельно следует обратить внимание на идеи С.Е. Десницкого, который разработал проект разделения властей в Российской империи, довольно часто апеллируя в нем к идее справедливости²⁶. Важно отметить, что рассуждения о справедливости в проекте сводились к необходимости установления четких законов и обязательности их исполнения. В данном случае виден характерный и для других мыслителей этой эпохи юридический подход к справедливости. При этом цель всех реформ и изменений в государственном устройстве С.Е. Десницкий видит в «осуществлении главной миссии — “всеобщего блага”» [Лаптева 2013]. Таким образом, справедливость, хотя и подразумевается, не ставится в качестве приоритета. Устройство, благоприятное для государства в целом, не может считаться несправедливым из-за того, что оно не способствует благу отдельных индивидов. Несмотря на признание особой важности законодательной власти, С.Е. Десницкий не видит необходимости ограничить законом власть монарха, как предлагал М.М. Щербатов. «Проект не претендовал на ограничение власти монарха, государю отводилась роль координатора, „высшего судьи“, „отца отечества“» [Лаптева 2013], — монарх действительно сохранял всю полноту власти и мог вмешиваться в дела любой из новообразованных «ветвей».

Отличное от описанного выше понимание справедливости демонстрирует Я.П. Козельский. Он приравнивает «общую пользу» и «справедливость», считая, что справедливым можно признать лишь то, что наиболее полезно для общества²⁷. При этом «общая польза» имеет разное содержание в зависимости от формы правления в государстве. Таким образом, универсальный принцип справедливости как воздаяния должного применяется по-разному в разных обществах. Следуя за Ш. Монтескье, Я.П. Козельский выделяет четыре формы правления, подробно описывая содержание «общей пользы» для республиканской и монархической форм правления. Я.П. Козельский не ищет универсальной справедливости и не пытается доказать, что одна форма правления «справед-

²⁵ Татищев В.Н. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 178–188.

²⁶ Десницкий С.Е. Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи // Хранители России. Антология. Т. 2: В поисках нового... консерватизма / под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. М.: ООО «Паблиц», 2015. С. 413–431.

²⁷ Козельский Я.П. Философические предложения... // Хранители России. Антология. Т. 2: В поисках нового... консерватизма / под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. М.: ООО «Паблиц», 2015. С. 514–521.

ливее» другой. Тем не менее больше внимания он уделяет именно рассмотрению монархии и справедливости в ней. Справедливым, или наиболее полезным, в монархии Я.П. Козельский считает принцип «заслуг», то есть лучшее положение достойнейших. Данный принцип строится на признании естественного неравенства людей, которое Я.П. Козельский не считает справедливым или несправедливым, принимая как данность.

Также следует отметить определенную двойственность, имеющую сходство с той, что отмечалась у Екатерины II, восприятия справедливости. Я.П. Козельский пишет о том, что принцип получения должностей по времени службы может быть менее справедлив, чем принцип получения их «по достоинству», однако так как определить достойных объективно довольно сложно, первый принцип можно считать более полезным, следовательно, более справедливым²⁸. Получается, есть определенный идеал справедливости, который может корректироваться потребностями, то есть, «пользой общества». Также делается уточнение о том, что только монарх может определять «достойных».

Отличие от взглядов Феофана Прокоповича здесь еще в том, что «общая польза» определяется не произволением монарха, а представляет собой гармонию между частными и общественными интересами. В разных государствах данная гармония принимает разные формы (как было описано, в монархиях и в республиках). Справедливость, таким образом, полностью подчинена «общей пользе», которой должны следовать монарх и народ: монарх, устанавливая законы и следя за их выполнением, обеспечивая воспитание добродетелей в обществе, а народ, соблюдая законы и трудясь на благо Отечества. Не случайно в своих известных «Письмах русского путешественника Н.М. Карамзин утверждал: «Впрочем, всякое правление, которого душа есть справедливость, благотворно и совершенно»²⁹.

Идеи справедливости и «общей пользы» в сочинениях мыслителей радикально-просветительского направления

Наконец, следует обратить внимание на позицию А.Н. Радищева как представителя радикально-просветительского направления. Мыслитель строит свое понимание справедливости на теории естественных прав человека и общественного договора, подобно Руссо и другим авторам Эпохи Просвещения второй половины XVIII в. Так, у человека есть ряд данных от природы и неотъемлемых прав, соблюдение которых — условие сохранения справедливости в обществе. Отсюда следует, что природа справедливости эгалитарная, так как обеспечива-

²⁸ *Козельский Я.П.* Философические предложения... // Хранители России. Антология. Т. 2: В поисках нового... консерватизма / под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. М.: ООО «Паблиц», 2015. С. 514–521.

²⁹ *Карамзин Н.М.* Избранные труды / сост., автор вступит. ст. и коммент. А.А. Ширинянец; автор вступит. ст. Д.В. Ермашов; автор коммент. А.И. Шевляков; сост. А.Ю. Старостин. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 156.

ется за счет сохранения равенства прав у всех граждан. А.Н. Радищев не описывает специально, какие именно права естественны и священны, но есть основания предполагать, что это классические для Просвещения права на жизнь, свободу, собственность, безопасность³⁰.

Несмотря на то, что прямо А.Н. Радищев не высказывается о справедливости, его сочинения, критикующие существующую власть, по своей сути выступают требованиями справедливости. Гражданин по праву должен обладать определенными правами, но в России, по мнению А.Н. Радищева, он их не имеет. Следовательно, налицо нарушение принципа воздаяния должного, несправедливость. Свобода в представлении А.Н. Радищева — неотъемлемое право гражданина, что немаловажно, естественное право. Оно сохраняется и в общественном состоянии, но уже в форме гражданской свободы, ограниченной законами. Законы, в свою очередь, не устанавливаются произвольно. Они должны охранять права всех граждан вне зависимости от их благосостояния и общественного положения. Если же власть нарушает права человека, то граждане вольны восстать против нее, так как на них больше не лежит обязательств общественного договора, нарушенного одним из участников. Достаточно лаконично А.Н. Радищев описывает свою позицию по данному вопросу в заметке «О самодержавстве»³¹. Если говорить о равенстве, то А.Н. Радищев выступает за равенство граждан перед законом, критикует крепостное право и чрезмерные привилегии дворян. Он считает сословный строй несправедливым, а единственное основание для неравенства — имущественное. Власть в представлении А.Н. Радищева отражает общую волю народа и действует в соответствии с законами. А.Н. Радищев был сторонником республиканского демократического правления, считая любую монархию — строем неправильным, не соглашаясь в этом вопросе ни с Монтескье, ни с Руссо³².

Как можно видеть, в концепции А.Н. Радищева, опирающейся на естественные и гражданские права человека, несправедливо все, что эти права нарушает. Таким образом, для А.Н. Радищева характерен классический подход европейских либеральных мыслителей той эпохи.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на смену в XVIII в. идейно-политической риторики под влиянием западноевропейской общественно-политической традиции, аксиологические основы российской государственности продолжали оставаться столь же традиционными, как и в XI–XVII вв., в частности, понятия «правда» и «справедливость» в XVIII в. продолжали сохранять свое значение важнейших ценностных духовно-полити-

³⁰ Радищев А.Н. Полное собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 1–18.

³¹ Там же. С. 213–214.

³² Там же. С. 1–18.

ческих категорий. При этом нужно отметить, что под влиянием западноевропейской традиции в русских социально-политических сочинениях государственнического, консервативно-просветительского и радикально-просветительского направлений постепенно происходит переход от традиционных понятий, в том числе от понятия «правда», к таким понятиям как «справедливость» или «общая польза», однако понятие «правда» не исчезает вовсе из общественно-политического дискурса XVIII в. но используется в основном в художественной литературе, прежде всего в поэзии, и в сочинениях традиционалистско-православного направления.

Как можно видеть, изучение трансформации понятий «правда» и «справедливость», как аксиологических оснований российской государственности, в отечественном идейно-политическом дискурсе, может помочь раскрыть механизм взаимодействия этих понятий в общественном сознании современного российского общества. Впрочем, для более полного понимания этих процессов необходимы дополнительные исследования как историко-политического, так и социологического характера.

Поступила в редакцию / Received: 09.11.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 31.11.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.12.2022

Библиографический список

- Артемяева Т.В.* История метафизики в России XVIII века. СПб.: Алетейя, 1996.
- Болтански Л., Тевено Л.* Критика и обоснование справедливости: очерки социологии градов / пер. с фр. О.В. Ковеневой; науч. ред. перевода Н.Е. Копосов. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
- Здравомыслова О.М.* Новый взгляд на общество? Изменяющиеся представления о власти, справедливости и солидарности // *Полития*. 2003. № 1. С. 34—51.
- Каменский А.Б.* Екатерина II // *Екатерина II. Избранное*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 5—36.
- Касамара В.А., Максименкова М.С., Сорокина А.А.* Справедливость в представлениях российской студенческой молодежи // *Общественные науки и современность*. 2020. № 4. С. 20—30. <https://doi.org/10.31857/S086904990010748-4>
- Лантева Ю.В.* Проект разделения властей С.Е. Десницкого // *Историко-педагогические чтения*. 2013. № 17. С. 448—457.
- Лубский Р.А.* Традиции полицейского государства в России как воплощение идеи общей пользы во имя общего блага // *Философия права*. 2012. № 2. С. 89—91.
- Мареева С.В.* Справедливость и неравенство в общественном сознании россиян // *Журнал институциональных исследований*. 2015. Т. 7. № 2. С. 109—119. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2015.7.2.109-119>
- Овчинникова Т.К.* Соотношение «закона» и «Правды» в русской политической мысли XI—XVI веков // *Современные проблемы социально-гуманитарных наук*. 2016. № 1. С. 11—14.
- Перевезенцев С.В.* В поисках нового... консерватизма // *Хранители России. Антология*. Т. 2. В поисках нового... консерватизма / под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. М.: ООО «Паблис», 2015.

- Перевезенцев С.В., Пучнина О.Е., Страхов А.Б., Шакирова А.А. «Отечество находится не в географии...»: к вопросу об эволюции традиционных духовно-политических ценностей российской цивилизации // Тетради по консерватизму. 2021. № 3. С. 263–283. <https://doi.org/10.24030/24092517-2021-0-3-263-283>
- Перевезенцев С.В., Пучнина О.Е., Страхов А.Б., Шакирова А.А. К вопросу о методологических принципах изучения российских базисных традиционных ценностей // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2021. Т. 27. № 4. С. 113–133. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-4>
- Печерская Н.В. Справедливость: между правдой и истиной. (История формирования концепта в русской культуре) // «Правда»: дискурс справедливости в русской интеллектуальной истории / под ред. Н.С. Плотникова. М.: Ключ-С, 2011. С. 15–49.
- Платон (Левшин), митр. Поучительные слова: в 8 т. Т. 1. М., 1779 [Электронный ресурс]. URL: <https://stsl.ru/lib/arkhiepiskop-platon/> (дата обращения: 15.11. 2022 г.).
- Селезнева А.В., Антонов Д.Е. Ценностные основания гражданского самознания российской молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 227–241. <https://doi.org/10.17223/1998863X/58/21>
- Селезнева А.В. Политические ценности российской молодежи: социокультурные особенности и идентификационный потенциал // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11, № 3. С. 20–32. <https://doi.org/10.18721/JHSS.11302>
- Хеффе О. Справедливость: Философское введение / пер. с нем. О.В. Кильдюшова; под ред. Т.А. Дмитриева. М.: Праксис, 2007. 192 с.
- Черная Л.А. От идеи «служения государю» к идее «служения Отечеству» в русской общественной мысли второй половины XVII — начала XVIII в. // Общественная мысль: исследования и публикации. 1989. Вып. 1. С. 28–43.
- Черных С.Н. Справедливость и правда в аспекте древнерусского мировоззрения // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2010. Т. 6. № 10. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/spravedlivost-i-pravda-v-aspekte-drevnerusskogo-mirovozzreniya> (дата обращения: 15.11.2022).
- Gibson, J.L. Truth, justice, and reconciliation: Judging the fairness of amnesty in South Africa // American Journal of Political Science. 2002. Vol. 46, no. 3. P. 540–556. <https://doi.org/10.2307/3088398>
- Kymlicka W. Contemporary Political Philosophy: An Introduction. Oxford: University Press, 2002.
- Olshansky D. History of Russian philosophy as an event of truth // Teme-Časopis za Društvene Nauke. 2007. No. 3. P. 597–619.
- Sandel M.J. Justice: What's the Right Thing to Do? NY: Farrar, Straus and Giroux, 2009.
- Selby J., Edward W. Said: truth, justice and nationalism // Interventions. 2006. Vol. 8, no. 1. P. 40–55.
- Simpson A. Reconfiguring Intercultural Communication Education through the dialogical relationship of Istina (Truth) and Pravda (Truth in Justice) // Educational Philosophy and Theory. 2022. P. 1–12. <https://doi.org/10.1080/00131857.2022.2098109>
- Swift A. Political Philosophy. Cambridge: Polity Press, 2014.

References

- Artemyeva, T.V. (1996). *The History of metaphysics in Russia of the 18th century*. St Petersburg: Aleteya Publishing House. (In Russian).
- Boltanski, L., & Teveno, L. (2013). Criticism and justification of justice: Essays on the sociology of cities. Moscow: New Literary Review. (In Russian). [Boltanski, L., & Thévenot, L. (1991). *De la justification: Les économies de la grandeur*. Paris: Gallimard].

- Chernaya, L.A. (1989). From the idea of “serving the sovereign” to the idea of “serving the Fatherland” in Russian public thought of the second half of the 17th — beginning of the 18th century. *Public Thought: research and publications*, 1, 28–43. (In Russian).
- Chernykh, S.N. (2010). Justice and truth in the aspect of the Old Russian worldview. *Bulletin of the Voronezh State Technical University*, 6(10). Retrieved November 15, 2022, from <http://cyberleninka.ru/article/n/spravedlivost-i-pravda-v-aspekte-drevnerusskogo-mirovozzreniya> (In Russian).
- Gibson, J.L. (2002). Truth, justice, and reconciliation: Judging the fairness of amnesty in South Africa. *American Journal of Political Science*, 46(3), 540–556. <https://doi.org/10.2307/3088398>
- Heffe, O. (2007). Justice: A philosophical introduction. Moscow: Praxis. (In Russian). [Höffe, O.G. (2006). *Eine philisiphische einföhrung*. München: Verlag C.H. Beck].
- Kasamara, V.A., Maksimenkova, M.S., & Sorokina, A.A. (2020). Justice in the representations of Russian student youth. *Social Sciences and modernity*, 4, 20–30. (In Russian) <https://doi.org/10.31857/S086904990010748-4>
- Kymlicka, W. (2002). Contemporary political philosophy: An introduction. Oxford: University Press.
- Lapteva, Yu.V. (2013). The project of separation of powers by S.E. Desnitsky. *Historical and pedagogical readings*, 17, 448–457. (In Russian).
- Lubsky, R.A. (2012). Traditions of the police state in Russia as the embodiment of the idea of the common benefit in the name of the common good. *Philosophy of Law*, 2, 89–91. (In Russian).
- Mareeva, S.V. (2015). Justice and inequality in the public consciousness of Russians. *Journal of Institutional Research*, 7(2), 109–119. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2015.7.2.109-119>
- Olshansky, D. (2007). History of Russian philosophy as an event of truth. *Teme-Časopis za Društvene Nauke*, 3, 597–619.
- Ovchinnikova, T.K. (2016). The relation between “law” and “Truth” in Russian political thought of the 11th — 16th centuries. *Modern problems of social and humanitarian sciences*, 1, 11–14. (In Russian).
- Pecherskaya, N.V. (2011). Justice: between “Pravda” and “Istina”. (The history of the concept formation in Russian culture). In Plotnikov, N.S. (Ed.), *Pravda: The Discourse of Justice in Russian Intellectual History* (pp. 15–49). Moscow: Klyuch-S. (In Russian).
- Perevezentsev, S.V., (2015). In search of a new... conservatism. In A.A. Shirinyants & S.V. Perevezentsev (Eds.), *Guardians of Russia. Anthology. Vol. 2. In search of a new... conservatism*. Moscow: LLC “Publis”. (In Russian).
- Perevezentsev, S.V., Puchnina, O.E., Strakhov, A.B., & Shakirova, A.A. (2021). “The Fatherland is not in geography...”: On the question of the evolution of traditional spiritual and political values of Russian civilization. *Notebooks on conservatism*, 3, 263–283. (In Russian). <https://doi.org/10.24030/24092517-2021-0-3-263-283>
- Perevezentsev, S.V., Puchnina, O.E., Strakhov, A.B., & Shakirova, A.A. (2021) On the methodological principles of studying Russian basic traditional values. *Bulletin of the Moscow University. Series 18: Sociology and Political Science*, 27(4), 113–133. (In Russian). <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-4>
- Platon (Levshin), Metropolitan. (1779). *Pouchitel’nyja slova*. Retrieved November 15, 2022, from <https://stsl.ru/lib/arkhiepiskop-platon/> (In Russian).
- Sandel, M.J. (2009). *Justice: What’s the Right Thing to Do?* NY: Farrar, Straus and Giroux.
- Selby, J. (2006). Edward W. Said: Truth, justice and nationalism. *Interventions*, 8(1), 40–55.
- Selezneva, A.V. (2020). Political values of Russian youth: Socio-cultural features and identification potential. *Society. Communication. Education*, 11(3), 20–32. <https://doi.org/10.18721/JHSS.11302>

- Selezneva, A.V., & Antonov, D.E. (2020). Value foundations of civic consciousness of Russian youth. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, 58, 227–241. <https://doi.org/10.17223/1998863X/58/21>
- Simpson, A. (2022). Reconfiguring Intercultural Communication Education through the dialogical relationship of Istina (Truth) and Pravda (Truth in Justice). *Educational Philosophy and Theory*, 1–12. <https://doi.org/10.1080/00131857.2022.2098109>
- Swift, A. (2014). *Political philosophy*. Cambridge: Polity Press.
- Zdravomyslova, O.M. (2003). A new look at society? Changing ideas about power, justice and solidarity. *Politeia*, 1, 34–51.

Сведения об авторах:

Перевезенцев Сергей Вячеславович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Научно-проектного отдела Научно-инновационного управления, Государственный академический университет гуманитарных наук, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: serp1380@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-9214-1753)

Ананьев Дмитрий Алексеевич — аспирант Лондонской школы экономики и политических наук (e-mail: d.ananyev@lse.ac.uk) (ORCID: 0000-0001-5238-2272)

About the authors:

Sergey V. Perevezentsev — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Scientific and Design Department of the Scientific and Innovative Management of the State Academic University of Humanities, Professor of Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: serp1380@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-9214-1753)

Dmitry A. Ananiev — Postgraduate of London School of Economics and Political Science (e-mail: d.ananyev@lse.ac.uk) (ORCID: 0000-0001-5238-2272)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-38-48

Research article / Научная статья

Pan-Slavism of F.I. Tyutchev and F.M. Dostoevsky: Historical and Political Analysis

Anna V. Myrikova , Boris A. Prokudin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 an_my@mail.ru

Abstract. The ideas of Slavic unity periodically played a significant role in politics. Today, the ideas of pan-Slavism, both political and cultural, are relevant again. The objective of this study is to identify two stable trends of pan-Slavism of the 19th century, “political” and “cultural”, which are reflected in the works of classics of Russian literature: F.I. Tyutchev and F.M. Dostoevsky. The history of socio-political doctrines as an interdisciplinary field of knowledge involves the study of various sources, including fiction. The theoretical basis of this research is a political and textual approach to the study of texts developed at the Department of the History of Socio-Political Doctrines of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University, as well as methods used in the research of political science fiction. According to the results of the study, it can be concluded that ideologically Tyutchev was close to representatives of “political” pan-Slavism. He believed that the “Germanization” and “Turkification” of the Slavic peoples jeopardized the state interests of Russia and called for actions to liberate, unite and Russify the Slavic countries (the idea of the Slavic Empire). Dostoevsky gravitated towards “cultural” pan-Slavism. He did not deny the very possibility of such a union, but believed that first it was necessary to raise the level of civic culture, for Dostoevsky the future of the “Slavic cause” was determined by the Orthodox-Messianic idea. If Russia aims to build allied relations with Slavic countries, it will have to formulate an attractive idea that could also contribute to the spiritual unification of Slavs and other peoples.

Keywords: Slavic unity, political pan-Slavism, cultural pan-Slavism, Slavic Empire, F.I. Tyutchev, F.M. Dostoevsky, Orthodox-Messianic idea

For citation: Myrikova, A.V., & Prokudin, B.A. (2023). Pan-Slavism of F.I. Tyutchev and F.M. Dostoevsky: Historical and political analysis. *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 38–48. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-38-48>

© Myrikova A.V., Prokudin B.A., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Панславизм Ф.И. Тютчева и Ф.М. Достоевского: историко-политологический анализ

А.В. Мырикова , Б.А. Прокудин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

 an_my@mail.ru

Аннотация. Идеи славянского единства периодически играли существенную роль в политике. Сегодня идеи панславизма, как политического, так и в культурного, вновь актуальны. Задачей настоящего исследования является выявление двух устойчивых направлений панславизма XIX в., «политического» и «культурного», которые нашли отражение в творчестве классиков русской литературы: Ф.И. Тютчева и Ф.М. Достоевского. История социально-политических учений как междисциплинарная область знаний предполагает исследование разнообразных источников, в том числе художественной литературы. Теоретической основой данного исследования является историко-политологический подход к изучению текстов, разработанный на кафедре истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, а также методы, применяемые в исследованиях *political science fiction*. По результатам исследования можно сделать вывод, что идейно Тютчев был близок представителям «политического» панславизма. Он считал, что «онемечивание» и «отуречивание» славянских народов ставит под угрозу государственные интересы России и призывал к действиям по освобождению, объединению и русификации славянских стран (идея Славянской империи). Достоевский тяготел к «культурному» панславизму. Он не отрицал самой возможности такого объединения, но считал, что для начала необходимо поднять уровень гражданской культуры. Для Достоевского будущее «славянского дела» определялось православно-мессианской идеей. Если Россия ставит своей целью выстраивание союзнических отношений со славянскими странами, ей предстоит сформулировать притягательную идею, которая могла бы способствовать еще и духовному объединению славян и других народов.

Ключевые слова: славянское единство, политический панславизм, культурный панславизм, Ф.И. Тютчев, Ф.М. Достоевский, идея Славянской империи, православное мессианство

Для цитирования: *Myrikova A.V., Prokudin B.A. Pan-Slavism of F.I. Tyutchev and F.M. Dostoevsky: Historical and Political Analysis // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 38–48. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-38-48>*

Introduction. What is pan-Slavism?

Pan-Slavism, as the idea of the historical unity of the Slavic peoples, based on the kinship of languages, ancient literature and common destinies, arose not in Russia, but on the European continent. More precisely, the origins of the idea of Slavic reciprocity date back to the 17th century, when the Croat Yuri Krizhanich invented the grammar and lexical composition of the common Slavic language, which he declared a means of uniting all Slavs. However, this idea acquired conceptual forms only in the 19th century. At the beginning of the genesis, having an exclusively literary character, then it was supplemented by political and religious arguments, acquiring

a political and ideological character, expanded, becoming the basis of various types and varieties of Slavic nationalist ideology.

Paradoxically, the first “theorist” of Slavic liberation and rethinking their world-historical role was a German. Johann Gottfried Herder, the head of the Protestant Church in Weimar and one of the founders of the philosophy of history, in his main work “Ideas on the Philosophy of the History of Mankind” (1784–1891, Russian translation in 1829) sympathetically characterized the Slavs and predicted a great historical future for them.

In Czechia and Slovakia at the beginning of the 19th century thanks to the works of J. Kollar, “father of pan-Slavism” [Levine 1914: 668; Maxwell 2011: 83], F. Palacky, P. Shafarik and other figures of the so-called “Slavic renaissance”, the Slavs realized their national identity and ethno-linguistic kinship [Shirinyants, Myrikova 2010: 85–110].

In Russia, interest in the Slavic world appeared, in fact, as a protest of intellectuals against the unhealthy fascination with Westernism in government circles and the country’s noble elite. Another kind of the concept of Slavic reciprocity arose and took shape in Russia in the 40–50s of the 19th century within the framework of Slavophilism. Two major ideas determined the specifics of the Slavophile concept — the idea of Orthodoxy and civilizational differences. Slavophil historiography, like the Western idea of all-Slavism, proceeded from the Hegelian doctrine that every nation has a priori a certain “beginning”, the disclosure of the content of which constitutes its history. In relation to the Slavs, Slavophiles saw such a “beginning” in Orthodoxy, which they often identified with early Christianity. They divided the entire European history and culture into two independent “worlds” — Western Latin, Catholic, Romano-Germanic and Eastern Greek-Slavic, Orthodox. The Slavophiles saw a deep, fundamental difference between these worlds.

It was on the Slavophile basis that the Russian pan-Slavist concepts and theories of the unification of the Slavs — both literary and political in nature — were formed [Egorov 2003: 23–32]. In their understanding of pan-Slavism, Russian thinkers were immediately divided into those who called for the rapprochement of the Slavic peoples, primarily in the field of culture, and those who assumed their state unification. Within the framework of Russian pan-Slavism, in which “cultural” and “political” directions are clearly distinguished, ideas were developed about the usefulness for all Slavs of introducing the Slavic alphabet (Cyrillic) into their writing, about the need for all Slavs to adopt a single literary language, which should have become Russian; projects for the political unification of the Slavs, in which Russia was assigned the role of not only a unifier, but also a hegemon. In turn, “political” pan-Slavism existed in several variants, some of which can be described as “revolutionary” or “radical” pan-Slavism, others as “conservative” or “imperial”.

Of course, this classification cannot be considered faultless because those supporters of Slavic reciprocity who never put forward a program of political unification of Slavic countries, but advocated only cultural rapprochement, in the long run still assumed the possibility of uniting Slavic peoples into one state.

The criteria for distinguishing these various ideological constructions should be sought in the difference of ideas about the foundations, scales, methods and ways

of achieving Slavic unification. In addition to the generally accepted distinction between liberal, radical and conservative ideologies that determined the socio-political nature of certain trends and social movements in support of the unification of the Slavs in the 19th century, whose representatives interpreted the idea of Slavic reciprocity in different ways, using it to promote their views and goals not only in political, but also in the scientific and creative spheres, other divisions can be proposed. So, for example, emphasizing the importance of literary activity (the goal is to create a common Slavic language as a means of communication and the basis of unification); political aspects (liberation from national oppression and the creation of federal or unitary unions of liberated peoples); civilizational, spiritual and moral foundations (Orthodoxy as a system-forming phenomenon of a new Slavic civilization opposed to Western) — all this it also caused the peculiarities and specifics of various currents and movements of Slavic unity.

Another important criterion for distinguishing them was the attitude towards Russia declared within the framework of certain concepts and theories, the interpretation of the role of the only independent Slavic power at that time in the process of national liberation of the Slavic peoples and their future unification. According to this criterion, all theories and concepts of Slavic reciprocity can be divided into Russophobic ones, proceeding from fear of the expansive power of autocratic Russia and therefore excluding its participation in the proposed political unification of individual Slavic peoples, and Russophile concepts of all-Slavism under the auspices and under the hegemony of Russia.

F.I. Tyutchev's "political" pan-Slavism

It is to the Slavophile, Russophile variety of political conservative pan-Slavism that the Tyutchev's ideal of the all-Slavic empire can be attributed, which occupies a central place in Tyutchev's justification of the idea of Slavic unity.

For the first time, the idea of the unity of the Slavs was expressed by Tyutchev in the poem "The Alps" (1830). Here the Slavic and Orthodox peoples are treated as one family, and the idea of creating an Eastern Empire led by Russia is expressed, albeit in an allegorical form. Then Tyutchev spoke about Slavic unity in a poem dedicated to the capture of Warsaw in 1831. The struggle against rebellious Poland was perceived by Tyutchev as a struggle for the preservation of the integrity of the Slavic state, which was to fulfill the great historical task predetermined to the Russian people.

According to his worldview, Tyutchev appears to us as a Christian, Orthodox thinker, whose historical and political arguments are the experience of rationalizing his Orthodox faith [Shirinyants, Myrikova 2020: 7–30]. The true subject of the historical process, according to Tyutchev, is God as a completely incomprehensible force of Providence, which has its own historical regularity. The real historical life of mankind, the political processes taking place in it, have relative independence, which is especially noticeable in peaceful, crisis-free periods of development. Based on the Orthodox faith and historical intuition, a person is able to partially guess the will of Providence and build on this basis an analysis of historical political reality, which is especially important during periods of crisis of civilizations, revolutions and wars.

From Tyutchev's point of view, the foundation of any civilization, its main socio-forming and cultural factor is religion, acting as a legitimate way of uniting the divine and human will. A similar foundation for the entire European region is the Christian Universal Church, the tragic split in which gave rise to two civilizational varieties — the West and the East. It is precisely the inadequate reflection of the divine will in Western European Christianity that, according to Tyutchev, is the deepest cause of the political, cultural, historical, civilizational crisis of the West.¹

First in the Russian and European intellectual tradition, Tyutchev identifies Catholicism, Protestantism, secular humanism, atheism and revolution as stages of a single process of degradation of Western European civilization. Political events of his contemporary history: the struggle for the unification of Germany, the formation of the new status of the Vatican, the revolutions in France in 1830 and 1848, other European revolutions of this period; emerging issues and problems of a theoretical plan: about democracy and the state, the relationship of state institutions and the Church, the role of public opinion and the press, etc. — all this is considered by Tyutchev in the light of the idea of a natural crisis of such a civilization, the basis of which implicitly contains the priority of the human over the divine. Tyutchev considers the struggle of the Revolution and Russia as expressing the false and true manifestations of Christianity in the historical life of mankind to be the main content of the epoch of his time.

In Tyutchev's interpretation, the idea of Slavic reciprocity and Slavic unity was based on faith in the historical mission of Russia as a liberator and unifier of the Slavic world, opposing "revolutionary" Europe. At the same time, Russia's state priorities are clearly visible: the preservation of territorial integrity, the strengthening of political influence, etc. For Tyutchev, one thing did not contradict the other: the interests of Russia objectively coincided with the interests of the Slavic peoples. The conservatism of the idea consisted in the assumption that the Slavic world would be based on the principles of Orthodoxy and monarchical principles.

Tyutchev's ideas about the Slavic peoples and the degree of their closeness had a romantic tinge. Hundreds of years of numbing and perfecting the Slavic peoples have done their job. There was a differentiation of their confessional characteristics, cultural and everyday characteristics, the level of socio-economic development and political consciousness. Realizing all this, Tyutchev, however, considered the similarities to prevail over the differences, believing and hoping for the all-Slavic unity.

His idea of Slavic unity was more historiosophical than political and pragmatic. This idea, concentrated in the ideal of an Ecumenical Orthodox Monarchy, was not supported by specific political programs and plans for the establishment of the state of the Slavs [Jong 1997: 58], a detailed justification of the ways and means of its implementation, and therefore may well be classified as never achievable utopias.

¹ Tyutchev, F.I. (2020). Roman question. In F.I. Tyutchev, Selected works (pp. 93-110). Moscow: Russian political encyclopedia (ROSSPEN). (In Russian) [Тютчев Ф.И. Римский вопрос // Избранные сочинения / Ф.И. Тютчев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 93–110].

The process of institutionalization of the pan-Slavist movement played an important role in the development of Russian pan-Slavism. Having appeared in 1858 and 1868, the Moscow and St. Petersburg Slavic Charitable Committees became centers of intellectual and social activity that spread the ideas of the Slavic brotherhood, formed public opinion on the so-called “Eastern question”.

The development of the theory of pan-Slavism is closely connected with the events on the Balkan peninsula in the second half of the 19th century and Russia’s policy towards the Slavic peoples. There are three main stages in the formation of pan-Slavism. The first one was after the end of the Crimean War (1856) to the so-called “Eastern crisis” (1875), the second — from the Eastern crisis and the Russian-Turkish War to the Berlin Peace (1878), and the third — after the Berlin Peace.

In the first period, after the defeat in the Crimean War, serious changes took place in Russia’s foreign policy. Russia was forced to exist in conditions of international isolation. The conditions of the Paris Peace were humiliating (the cession of part of Bessarabia and the ban on the restoration of the essentially destroyed Black Sea Fleet), but in the 1860s. Russia was not ready to wage a major war with the Ottoman Empire. Conventionally, this period can be called the period of cultural pan-Slavism. In those years Slavic charitable committees were formed, the ties of Russian scientists and publicists with Slavic figures were strengthened, the situation of the Balkan peoples was actively discussed in the press. At the same time, there could be no question of a political solution to the Slavic question. One of the main figures that vividly characterize the mindset of this period can be called V.I. Lamansky [Prokudin 2016: 70–82; Boldin, Prokudin 2019: 160–162].

During the Eastern crisis, Russia found itself in a difficult political situation. Gorchakov’s office tried by all means to find a peaceful solution to the Balkan problems (Russia was still not ready for big wars). But after the failure of diplomacy and the entry of Serbia and Montenegro into the war with Turkey, the Russian government, which did not want to lose its traditional influence in the Balkans, was forced to declare war on the Ottoman Empire. Slavic charitable committees and pan-Slavist publicists played an important role in the final decision of the government, fueling the outburst of public solidarity with the Southern Slavs.

The period of the Eastern crisis can also be called with a certain degree of conditionality a period of political pan-Slavism in Russia. For the first time there was an opportunity to realize the pan-Slavic dreams of expelling the Turks from the Balkans. Now the overwhelming majority of the theorists of Slavic unity openly called for the political unification of the Slavs. General R.A. Fadeev [Gilyazov 2002: 97–111] and N.Ya. Danilevsky, A.I. Vasilchikov were also characteristic representatives of this trend in Russian pan-Slavism.

The Berlin Congress put an end to the plans and dreams of the pan-Slavists regarding the complete liberation of the Southern Slavs. The time after the congress can be called a period of stagnation of the pan-Slavist movement [Boldin 2018: 109–128]. In the intellectual environment connected with the activities of Slavic committees, the Messianic and religious-moral ideas of F.M. Dostoevsky prevailed.

Dostoevsky's "cultural" pan-Slavism

“In the Slavic world, Dostoevsky is the greatest prophet and the most zealous apostle of the Slavs. The Slavic idea is one of his main prophecies and one of his main messages” [Pr. Justin (Popovich) 2002: 224], the Serbian theologian Justin Popovich wrote in 1931 in the book “Dostoevsky on Europe and the Slavs”. But Dostoevsky does not have a single work in which any pan-Slavic doctrine is presented or a complete system of views on the Slavic question is set out. What allows the Serbian thinker to call him the “apostle of Slavs”, and what kind of “gospel” are we talking about?

The basis of Dostoevsky's views on the all-Slavism can be found in two works written by him on behalf of the Slavic Charitable Society.² These two works are a congratulatory “address” to Alexander II, compiled by him for February 19, 1880 — the 25th anniversary of the emperor's reign, and Dostoevsky's famous speech at the opening of the monument to Pushkin in June 1880 in Moscow. Dostoevsky also expressed his views on the Slavic question in the issues of the *Writer's Diary*.

“We, the Slavic society,” Dostoevsky writes in his address to Alexander II, “<...> firmly believe that the question of Slavic unity, as well as the entire East, for its ultimate purposes is also a question of the highest spiritual unification, there is a question of Orthodoxy and its great destinies already in all mankind. For we, together with our great people, also believe that Orthodoxy, united in the nations that profess it, will reveal and will be able to finally reveal the true and already undistorted face of Christ even to the rest of humanity, tormented by unbelief and its spiritual disintegration”.³

Dostoevsky, who attached much more importance to Orthodoxy as the basis of Russian and common Slavic culture than other theorists of Slavic reciprocity, offers an original interpretation of the goals and objectives of pan-Slavism. With the help of the Orthodox idea, he wants to save not only the Slavs, but also Europe and the rest of the world. That is, the unification of Slavs for Dostoevsky is not an end in itself. This is only an intermediate stage on the way to fraternal unity of the peoples of the whole world.

According to Dostoevsky, Slavdom “sanctified by Christ” become a kind of “bridge” to “all-mankind”. The all-Slavism gain their significance in world history only through Christ with his “sacrificial service to all people”, without any national preferences, for

² The St. Petersburg Slavic Charitable Society was originally the Moscow circle of the historian-Slavist M.P. Pogodin. In 1858, the Slavic Charitable Committee emerged from this circle, the purpose of which is to provide material assistance to the Slavic peoples “from voluntary donations.” In 1868, the St. Petersburg branch of the Committee (later, the society) was established. The activities of the society were limited to the support of Orthodox churches, schools in Slavic lands; the development of literary and artistic activities; the education of Slavs coming to Russia; to promote the dissemination of information about Slavs in Russia, and in Slavic countries — about Russia and the Russian language; the issuance of benefits to persons of Slavic origin. F.M. Dostoevsky actively participated in the life of the Slavic Charitable Society. In 1880, he became a comrade (deputy) of its chairman K.N. Bestuzhev-Ryumin, and, in fact, was the ideological leader of the society.

³ Dostoevsky, F.M. (1990). Address to Alexander II, written by Dostoevsky on behalf of the Slavic Charitable Society. In F.M. Dostoevsky, *Complete collection of work*. (Vol. 30, Book 2, pp. 47–48). Leningrad: Nauka publ. (In Russian) [*Достоевский Ф.М. Адрес Александру II, написанный Достоевским от имени Славянского благотворительного общества // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1990. Т. 30. Кн. 2. С. 47–48*].

the sake of all mankind. Moreover, the unity of the Slavs (pan-Slavism), according to Dostoevsky, is possible and necessary only for “all-service to humanity”.

For people of a pragmatic mindset, that is, for the Roman Catholic civilization, such a program, according to Dostoevsky, may look like a utopia, but for an Orthodox person it is a direct conclusion from the Gospel.

Dostoevsky assigned the main role in the unification of the Slavic world, as well as in the further service to humanity, to the Russian people. “Russia carries within itself a treasure,” he wrote, “which does not exist anywhere else — Orthodoxy, it is the guardian of Christ’s truth, but already the true truth, the true image of Christ, obscured in all other faiths and in all other peoples”.⁴ In fact, Dostoevsky believed that the basic idea of the Russian people, or the “Russian idea”, is Orthodoxy. And “the true essence of Orthodoxy is in the all-service to humanity, to which it is intended”.⁵

“To become a real Russian, to become completely Russian”, says Dostoevsky in his “Pushkin” speech, “perhaps, it means only (finally, emphasize this) to become a brother of all people, an *all-man*, if you like”.⁶ “To become a real Russian will precisely mean: to strive to bring reconciliation to the European contradictions already definitively, to indicate the outcome of the European longing in the Russian soul, all-human and all-connecting, to accommodate it with brotherly love of all our brothers, and in the end, maybe, and utter the final word of great, common harmony, fraternal final consent all tribes according to Christ’s gospel law!”⁷

Why did Dostoevsky pin all his hopes on Orthodoxy? In the “Diary of a writer” for 1877, in the article “Three Ideas”, he wrote that three global ideas are competing in the world. This is the idea of Catholicism, which, in his opinion, needs not so much Christ as world domination. The second idea is Protestant pan-Germanism, which believes that “there is no other word in the world higher than the German spirit,” and it is thanks to Germany that European humanity can embark on the path of renewal. And the third idea is “a Slavic idea, an emerging idea containing the ability to resolve human destinies in Europe”.⁸

That is, for Dostoevsky, the future of the Eastern question was determined by the Orthodox-Messianic idea, because this Eastern question “is essentially the resolution of the destinies of Orthodoxy. The destinies of Orthodoxy are merged with the appointment of Russia”.⁹ Dostoevsky was aware that the roots of Catholicism are deep in the Slavic countries, but he deeply believed in the historical purpose of Orthodoxy for the fate of the Slavic peoples.

⁴ Dostoevsky, F.M. (1994). The writer’s diary for 1876. In F.M. Dostoevsky, *Complete collection of works* (Vol. 13, p. 206). Saint Petersburg: Nauka publ. (In Russian) [*Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1876 г. // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. СПб.: Наука, 1994. Т. 13. С. 206*].

⁵ *Ibid.* P. 225.

⁶ Dostoevsky, F.M. (1995). The writer’s diary for 1877. In F.M. Dostoevsky, *Complete collection of works* (Vol. 14, p. 438). Saint Petersburg: Nauka publ. (In Russian) [*Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1877 г. // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. СПб.: Наука, 1995. Т. 14. С. 438*].

⁷ *Ibid.* P. 439.

⁸ *Ibid.* P. 10.

⁹ *Ibid.* P. 362.

Orthodoxy, according to Dostoevsky, is the force that at the global level can resist “anti-Christian” Catholicism and expansionist Protestantism, “the two mortal diseases of Europe”, deeper ailments than the historical oppression of the Slavs.

The goal of Orthodox civilization, according to the writer (“Orthodox cause” or “Slavic idea”), is “sacrifice, the need to sacrifice even oneself for brothers, and a sense of voluntary duty to the strongest of the Slavic tribes to intercede for the weak... great all-Slavic unity in the name of Christ’s truth, that is, for the benefit of the weak and oppressed in the world... That’s why the Russian people themselves were oppressed and endured the centuries-old burden of the cross — that’s why they did not forget their “Orthodox cause” and their suffering brothers, rose in spirit and heart with perfect readiness to help the oppressed in every way”.¹⁰

Dostoevsky’s pan-Slavist concept, in fact, had no applied character. Russian Russian writer did not call for the expansion of Russian cultural influence in the Slavic countries, as V.I. Lamansky did, and did not inspire Russian society to finally expel the Turks from the Slavic lands, as N.Ya. Danilevsky, R.A. Fadeev and A.I. Vasilchikov did. The question of Slavic unity in the 1880s ceases to be political, becomes a “question of the highest spiritual unification” and is no longer for the protection of Russia or the “Russian-Slavic civilization”, but for the protection of all mankind from the Catholic and Protestant threat.

Dostoevsky’s views are still ambiguously evaluated in Slavic countries. Unlike Justin Popovich, a Serb by birth, a connoisseur and admirer of Dostoevsky’s work, the Polish Slavist Andrzej de Lazari spoke very critically about them. In his book on Russian soil science, he writes that giving Dostoevsky’s pan-Slavism an Orthodox appearance, in fact, did not contradict the main provisions of Danilevsky’s “Russia and Europe”, in which “great power chauvinism of the 19th century manifested itself in the crudest form” [Lazari 2004: 95]. According to Lazari, Dostoevsky only changed the names: the “Slavic idea” was replaced by the “Orthodox idea”, identical for him to the “Russian idea”. “The great power and monarchism characteristic of Danilevsky, who wrote that autocracy is organic and therefore necessary for Russia, also characterize Dostoevsky’s worldview. Only one thing distinguishes the two thinkers: if Danilevsky is just a sober, and sometimes cynical politician who weighs what is most politically advantageous to Russia and what is not, then Dostoevsky’s pan-Slavist position is complemented by a utopian ethical-eschatological concept, in which there is a place for Slavophile fantasies about a kind, just, loving people Russian Russian tsar, about the Russian people-the God-bearer, etc.” [Lazari 2004: 100].

Conclusion.

Pan-Slavism at the end of the 19th century

The further history of the development of the ideology of Slavic reciprocity in Russia in the 19th century is not eventful. The slow decline of the St. Petersburg Slavic Committee since the Berlin Congress continued for almost two more decades.

¹⁰ Dostoevsky, F.M. (1995). The writer ‘s diary for 1877. In F.M. Dostoevsky, *Complete collection of works*. Vol. 14, p. 438. Saint Petersburg: Nauka publ. (In Russian) [Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1877 г. // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. СПб.: Наука, 1995. Т. 14. С. 438].

At the same time, at the end of the 1880s, an attempt was made to revive his activities, the idea of organizing a major inter-Slavic action arose. As Z.S. Nenasheva points out, in 1889 the society “provided funds, approved a program” of a trip to the Slavic lands, the purpose of which “was to convene a general Slavic congress”. They were referring to the celebrations on the occasion of the 900th anniversary of the adoption of Christianity in Russia. But “numerous meetings and negotiations with Slavic leaders showed disinterest in convening any Slavic congress, because they were not sure of the expediency of such events. The tour of the Slavic lands once again demonstrated the weakness of integration processes among the Slavs” [Nenasheva 1992: 34–35]. Moreover, many Slavic “political realists” were forced to deny any “common Slavic policy” when everyone had “Russian Poland” in front of their eyes. And Bulgaria, Serbia and Czechia did not hide that “to go along with Russia politically means to risk in one bad minute turning into a “Priveltava” or “Danube Region” or the Balkan governorship-general, ruin their national independence and enter the field of administrative exploits of the Russian bureaucracy”¹¹.

It is clear that such sentiments did not contribute to the development of the Slavic reciprocity movement in Russia either. Disagreements within the St. Petersburg Slavic Charitable Committee led to its split in 1899. However, this event led to the emergence of several projects for the establishment of new organizations. For example, the project of A.A. Bogolyubov on the foundation of the “Common Slavic Matitsa”, which provided for “the creation of a Slavic library, a museum of fine arts, art crafts and handicrafts of the Slavic peoples, as well as departments of ethnography, archeology, numismatics, special halls for celebrations, and, most notably, a Slavic gymnasium and “Slavic Compound” [Nenasheva 1992: 37].

It should be stated that the ideologists of the “Common Slavic matitsa” in the last decade of the 19th century returned to what the Slavists of the first half of the century began with — to the call to strengthen the cultural ties of “all Slavic peoples.” But even the organizational activities of the special commission, which was tasked with developing the procedure for the upcoming work, did not bring real results. The idea of the “Common Slavic Mother” was destined to remain only on paper.

In principle, the ideas of F.I. Tyutchev and propagandists of cultural pan-Slavism, in particular, F.M. Dostoevsky, in the context of the “Slavic question” that escalated at the end of the twentieth century and has not yet been resolved, sound modern. In particular, the idea of “Slavic reciprocity” can be realized today, as Tyutchev predicted, only through strengthening mutual trust and various ties between Slavic peoples.

Received / Поступила в редакцию: 30.10.2022

Revised / Доработана после рецензирования: 30.11.2022

Accepted / Принята к публикации: 15.12.2022

¹¹ Here the authors of the article cite archival documents of the Manuscripts Department of the Library of the Academy of Sciences of Ukraine (OR BAN UR. F.V.D. 2122. Folder 1. 1. 2 vol.).

References

- Boldin, V.A. (2018). *Pan-Slavist political concepts: genesis and evolution*. Moscow: Aquilo. (In Russian).
- Boldin, V.A., & Prokudin, B.A. (2019) Evolution of the Pan-Slavist Views of V.I. Lamansky at the Beginning of the 20th Century. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 3, 158–167. (In Russian).
- Egorov, B.F. (2003). *On the nationalism and pan-Slavism of the Slavophiles*. In Egorov B.F. From Khomyakov to Lotman. Moscow: LRC Publishing House. (In Russian).
- Gilazov, M.V. (2002). *Political ideas and projects of R.A. Fadeev (1824–1884)*. Moscow: Sotsial'no-politicheskaya mysl'. (In Russian).
- Jong, H.-S. (1997). Idea of Slavic unity in the worldview of F.I. Tyutchev. In *Slavic question: Milestones of history* (pp. 55–69). Moscow: Institute of Slavic and Balkan studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Justin, (Popovich) Pr. (2002). *Dostoevsky about Europe and the Slavs*. Moscow-St. Peterburg: Sretenskiy monastyr'. (In Russian).
- Lazari, A. (2004). *In the circle of Dostoevsky. Pochvennichestvo*. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Levine, L. (1914). Pan-Slavism and European Politics. *Political Science Quarterly*, 29(4), 664–685.
- Maxwell, A. (2011). Herder, Kollár, and the Origins of Slavic Ethnography. *Traditiones*. № 40 (2), 79–95 <http://doi.org/10.3986/Traditio2011400205>
- Nenasheva, Z.S. (1992). Slavic societies in Russia in the last four years. In Lapteva, L.P. (Ed.), *Balkan studies. Vol. 16. Russian society and foreign Slavs. XVIII — early XX century* (pp. 33–44). Moscow: Institute of Slavic Studies and Balkanistics of the Russian Academy of Sciences (In Russian).
- Prokudin, B.A. (2016). V.I. Lamansky about the unity of the Slavs. *Bulletin of the Russian Nation*, 3, 70–83. (In Russian).
- Shirinyants, A.A., & Myrikova, A.V. (2010). The Russophobic myth of “Pan-Slavism”. *Political Studies. Bulgarian Association for political science*, 1–2, 61–83.
- Shirinyants, A.A., & Myrikova, A.V. (2020). *Russian socio-political thought: F.I. Tyutchev*. Moscow: Sotsial'no-politicheskaya mysl'. (In Russian).

About the authors:

Anna V. Myrikova — PhD in Political Science, Associate Professor, Department of the History of Public and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: an_my@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-2028-1770)

Boris A. Prokudin — PhD in Political Science, Associate Professor, Department of the History of Public and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: probor@bk.ru) (ORCID: 0000-0002-6590-6706)

Сведения об авторах:

Мырикова Анна Валериевна — кандидат политических наук, доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: an_my@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-2028-1770)

Прокудин Борис Александрович — кандидат политических наук, доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: probor@bk.ru) (ORCID: 0000-0002-6590-6706)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-49-62

Research article / Научная статья

In Search of Harmony: The Idea of Social Harmony in the Writings of Early Socialists

Kirill M. Anderson , Maria S. Zvereva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 kiranderson@mail.ru

Abstract. The problems of the history of socialist ideas, their origin and possible role in nowadays became the subject of scholar interest again. The problem of the social arrangement becomes more acute today than ever. Descriptions and even attempts to construct a harmonious society appeared many centuries ago. Two revolutions The Great French Revolution and the industrial revolution annihilated the ideological basis of previous times pushing forward the class structure instead of medieval system of estates. The first ones who found out the signs of order, not complete chaos, were early socialists A. Saint-Simon, S. Fourier, and R. Owen. This research is devoted to the comparison of approaches to the idea of social harmony of Saint-Simonists and Owenists. The main research method used is political-textual analysis. The conclusion of present study confirms that Saint-Simon and Owen being on the same side, followed different ways leading to harmonious state. However, their projects were united by a common radical idea — the complete reorganization of society, first — the system of classes and estates.

Keywords: Owen, Owenism, Saint-Simon, Saint-Simonism, social harmony, communism, socialism

For citation: Anderson, K.M., & Zvereva, M.S. (2023). In search of harmony: The idea of social harmony in the writings of early socialists. *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 49–62. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-49-62>

Acknowledgements: The study was carried out at the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences within the framework of the project 1022061600085-5-561 «Modern concepts of social harmony: actual problems of political theory and practice» with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

© Anderson K.M., Zvereva M.S., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

В поисках гармонии: идея общественного согласия в трудах ранних социалистов

К.М. Андерсон , М.С. Зверева

*Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация*

 kiranderson@mail.ru

Аннотация. Сегодня в исследовательское поле возвращаются вопросы истории социалистических идей, их истоков и возможности применения в современных реалиях. Проблема обустройства общества становится острой как никогда. Попытки не только описать, но и построить гармоничное общество появились достаточно давно. Великая Французская революция, соприкасавшаяся с революцией промышленной, разрушила идейные основы миропорядка, опиравшегося на систему сословий, вытесненных классами, отношения между которыми сопровождалась непредсказуемым противоборством. Среди многочисленных попыток постичь воцарившийся хаос и упорядочить его, особую роль сыграли ранние социалисты, к коим причисляют последователей А. Сен-Симона, Ш. Фурье и Р. Оуэна. Данное исследование посвящено сравнению подходов к идее общественного согласия сен-симонистов и оуэнистов. Основным используемым методом исследования — политико-текстологический анализ. В результате исследования было выявлено, что несмотря на некоторую схожесть представленных моделей, Р. Оуэн и А. Сен-Симон и его ученики предлагали различные способы достижения гармонии в обществе. Однако, их проекты объединяла общая радикальная идея — полная реорганизация общества, в первую очередь — систему классов и сословий.

Ключевые слова: Оуэн, оуэнизм, Сен-Симон, сен-симонизм, общественное согласие, коммунизм, социализм

Для цитирования: *Anderson K.M., Zvereva M.S. In Search of Harmony: The Idea of Social Harmony in the Writings of Early Socialists // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 49–62. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-49-62>*

Благодарности: Исследование выполнено в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (проект «Современные концепции общественного согласия: актуальные проблемы политической теории и практики», регистрационный номер в ЕГИСУ НИОКТР 1022061600085-5-5.6.1) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

Introduction

In the first decades of the 19th century, there was no more influential prophetess in Britain than Joanna Southcott. Heeding her words, tens of thousands of people dressed in savannas gathered on the wastelands in order to properly meet the coming Day of the Last Judgment. However, many believed that the end of the world had

already begun and the fruits of the revolutions, French and industrial, were directly affecting society.

Initially, the attention of contemporaries was focused on the political and economic upheavals that broke the age-old foundations of many states. The estate system, for all its rigidity, provided a visible order, based largely on the principle of the division of social functions, noted by Plato a long time ago. His distribution of responsibilities among philosophers, guardians and producers had an undoubted similarity with medieval ideas about a society consisting of worshippers, warriors and workers. The class division, based mainly on legal postulates, outlined acceptable forms of relations between social groups, making them predictable. This stratification was eliminated by revolutions, and the industrial revolution turned out to be the most destructive. Society has lost its traditional ties, which did not allow it to disintegrate, as hoops do not allow a barrel to fall apart. The gradual displacement of the concept of “estate” by the concept of “class” inspired fear, since the latter fixed the place of the individual mainly in economic life, linking, for example, the class of owners, or “capitalists”, with the class of factory workers, by exclusively monetary motives devoid of moral supports. Chaos was coming, smacking of apocalyptic motives. Fear gripped not only the adherents of Southcott, but also many reasonable people. It was not the inevitability of change that was frightening, but their unpredictability.

It was not easy to understand what was happening. The old tools of cognition, primarily philosophy, did not always work in the new, industrial environment. But still there are self-confident loners who undertake to explain to humanity what is happening.

They were brought into the category of visionaries, cranks or madmen — like Beranger, who praised them with the words: “If the world cannot find the way to the truth, honor to the madman who will bring a golden dream to mankind.”

For Beranger, as well as for the educated European public, the characters of the poem — Henri de Saint-Simon, Charles Fourier and Robert Owen — were presented as co-religionists who sought to bring peoples to peace and harmony, replacing the society of rivalry and competition with a society of cooperation.

The closeness of the views of the patriarchs of socialism is rather conditional, and this circumstance allows us to assume a multiplicity of trajectories of the development of social thought that preached social harmony. Let's try to compare the ideas of social harmony of Robert Owen and Henri Saint-Simon, and their disciples.

Owen's idea of social harmony

In 1771, when Robert Owen was born in the Newtown, the English kingdom had not yet completely parted with the blissful state in which it had been for the previous two decades. Those were serene and well-fed years: there were no wars, overseas trade brought enviable profits, local factories had no equal rivals, sluggish parliamentary debates resembled a meeting of a society of literature lovers, artisans were respected and lived in relative prosperity. Even beggars did not burden society too much.

When, in 1817, 46-year-old Owen unveiled his plan to rebuild the world, Britain was completely different. It was separated from the past way of life by two revolutions: the Great French Revolution and the Industrial Revolution. They dramatically changed the attitude of people who were transferred from “good old England” to new industrial Britain in a matter of decades [Thompson 1977].

At the beginning of the 19th century, the topic of “mechanical inventions” supplanted the plots of newspaper articles, the topics of meetings of philosophical and literary societies and even conversations in pubs. Driven by steam, they seemed a strange, but an alarming novelty. The contest of a steam carriage with a horse-drawn one was described as something funny, but unnatural, since the mechanism competed with a living being. Machines obeyed the will of man, but at the same time they turned out to be his formidable rival.

For the first time in history, it was discovered that technological progress is not equal to the promotion of happiness and abundance. Machines, soulless tools, same to those that were once subject to man, turned out to be the death of manual production and the prestige of the worker.

Years used to pass before a student, having mastered the skills of the profession, was allowed to work independently. The skill acquired by long labor elevated artisans above the crowd of profane. It gave a “position in society.” And now even a teenager, after a short training, could make a hundred times more than the old master.

The British were not interested in dubious acquisitions of the era of machines, but quite tangible, painful losses; not the flourishing of factory industry, but the ruin of old crafts; not the alienation that arises between the “capitalist” and the worker, but the destruction of former social ties. The unrestrained acquisition of the “lords of the machines” was understood not as the establishment of a new morality, but as the trampling of an ancient one. What was happening in the country seemed to be a departure from the proper, proven course of life, and few noticed that many phenomena, while retaining the old name, had lost their former essence. As before, there were owners and workers, but these were completely different breeds. Even poverty, the eternal companion of society, acquired new features, the guise of pauperism.

Contrary to Adam Smith’s predictions, the increase in national wealth not only did not reduce the number of the disadvantaged, but, on the contrary, turned pauperism into a national disaster. Neither the taxes increasing from year to year in favor of the poor, nor the existing forms of charity did not change anything at all. It was not the poverty itself that worried, but its scale.

Among the publicists who tried to find the origins of poverty, the belief prevailed that poverty is evidence of laziness or vice. Accordingly, pauperism was interpreted as a purely moral problem. Methodists, who believed that it was necessary to save souls, not bodies, very consistently adhered to this point of view. Their philanthropic activity was limited to the distribution of religious treatises and edifying conversations. However, judging by the fact that the sect acquired great influence in industrial areas at the beginning of the 19th century, even verbal encouragement was not useless [Thompson 1977, 385; Hammond 1920, P. 268–288].

Among the authors who talked about poverty, the radical-minded associated it primarily with the privileges of the landed aristocracy. Wealth inequality was another recognized cause of poverty. The monopoly of wealth was condemned by William Godwin, Thomas Spence and other publicists who embraced the ideas of the Enlightenment. The “natural state”, which did not know private property, served as a kind of standard, dictating a return to the reasonable simplicity of life, to the complete freedom of the individual. Their “ideal societies” were not just the antipodes of the established order in England, but also an apology for the mythical past, against which the industrial revolution seemed an unnatural process. Many people thought so, but not Robert Owen.

Sincerely believing in his mission as the savior of mankind, he saw in his own life a chain of significant events that led him to his cherished goal. But to an outsider, Owen’s life appears more like a textbook biography of a man who managed to rise on his own in troubled times. A native of provincial Newtown, who left his father’s shelter early, worked as a clerk in trading houses, receiving a more solid, but not fabulous salary with each transition, which allowed him to get his own spinning workshop, a administrator of a large factory who resorted to unconventional forms of management, a co-owner of a cotton mill in Scottish New Lanark, where he conducted a social experiment, investing money to improve the lives of workers, while increasing profits. The life path is typical for a “self-made man” inclined to charity. However, Owen went further, calling for the reconstruction of the world.

The starting point for Owen was the factory system, a phenomenon that was close to his interests and life experience. “The wide spread of industry throughout the country creates a new character in people; since this character is formed on the basis of a principle that is highly unfavorable for the general well-being and happiness of individuals, this should cause the most deplorable and, moreover, undeniably negative phenomena, unless this trend is stopped by legislative intervention and leadership,” he warned in one of his reports.

In 1816, addressing the residents of New Lanark, Owen stated with characteristic categoricity: “Now the dispute between me and the world will be resolved. Either the world is monstrously insane, or I am.” The madness of the world was not revealed to him suddenly. For a long time he went to the conviction of the unsuitability of the existing system, contrasting it with the “New Moral World”, a society without classes, private ownership and all kinds of oppression.

In one of the speeches, Owen told a parable about a farmer who wanted to plant grapes, but in his darkness planted a rosehip. Despite the tricks, the bush grew thorns, but not clusters. “This is an accurate picture of what human life has been up to now,” Owen sums up... Possessing in human nature a soil capable of yielding fruits in abundance, in our ignorance we planted a rosehip instead of a vine.”

The world has been unreasonable for a long time, maybe even since its creation. There is no history and there was no history. There are centuries-old misconceptions, the stagnant state of the human race. Only the Truth can interrupt it, freeing the mind from false opinions. The fact that it was Owen who discovered her was pure chance. With equal success, it could have been discovered by someone else centuries ago,

and even then humanity would have lived happily. Owen was the first to break out of the captivity of prejudice, but was he the only one? “I believe,” he declared, “that none of my principles has the slightest claim to originality; the best minds of mankind have been constantly protecting and recommending them since the most ancient times. I do not even claim the right of primacy in relation to the theoretical combination of these principles.”

Owen is undoubtedly a peculiar thinker. His originality lies in the fact that a significant part of his views seems unoriginal. He used already established ideas, slightly modifying them, rearranging accents, turning the original theories into their complete opposite.

“The character of a person is not formed by himself” — this is the law that Owen considered his greatest discovery, comparable only to the discoveries of Newton [Owen 1924: 45]. Contemporaries doubted Owen’s authorship not without reason. Many thinkers of the Enlightenment century proved that man is a product of the environment. In England, for example, this thesis was vividly and convincingly defended by Godwin. And Godwin wrote about the confrontation of reason and ignorance better than Owen, and, it is most importantly — earlier. As for the past, didn’t the enlighteners consider it a lost time, a failure in the life of mankind?

Owen, it would seem, is following the beaten path. If A. Saint-Simon and S. Fourier, not content with the legacy of the Enlightenment, created their own philosophy that explained the causes and patterns of the development of human society [Silberfarb 1964; Kucherenko 1975], then Owen’s worldview was formed from ideas accumulated by the previous century. However, for England, the appeal to the legacy of the “age of reason” was not an anachronism. The slogan of “human rights”, justified by T. Payne and other enlighteners, the apology of “natural” simplicity and individualism have not lost their appeal in the era of the Industrial Revolution. There is nothing surprising in the fact that Owen also took much of the heritage of the Enlightenment, first of all, the idea of the unconditional influence of the environment on man. If people are ignorant, dishonest, stoop to lies and crimes, then the environment that nurtured them is to blame for this. There is no inevitable reckoning for original sin, there is no innate depravity, but there are bad conditions that generate evil in the human mind [Owen 1816: 231]. Consequently, he is capable of perfection, of virtue, it is only necessary to create conditions corresponding to his nature.

Recognizing the postulate “man is a product of the environment”, Owen was close to the enlighteners but differed in the understanding of the word “environment”. For Rousseau or Diderot, the environment meant primarily political institutions and, to a lesser extent, social institutions. The ideal conditions for human nature were created by the “natural state”. Owen is not interested in political institutions at all, and he has not the slightest inclination towards the “natural state”. Equality and purity, achieved by a severe rejection of material goods, the squalor of “natural” life, from Owen’s point of view, do not deserve the name of reasonable [Owen 1924: 71]. Why condemn people to ascetic vegetarianism, if humanity is able to create an abundance that allows everyone to receive everything he needs? Yes, like the enlighteners, Owen

believed that “in order for a person to become wise and happy, his consciousness must be reborn... the very foundation of his life must be created in a new way” [Owen 1816, 145; See: Owen 1924: 113]. But an indispensable condition for the renewed “basis of life” should be what the thinkers of the 18th century considered the greatest deviation from the protected nature — industrial production. If for Godwin or Spence the progress of the mind meant going backwards from the “machine civilization”, then for Owen it was the threshold of a “New Moral World”. Although the utopians of the 18th century and Owen spoke the common language of the Enlightenment, they were talking about different things.

In people, Owen saw not their personal qualities, but the embodiment of certain “circumstances”. A person is essentially nothing more than a “tabula rasa” on which the outside world can inscribe any writing. No one is responsible for their actions or way of thinking. Because a feat, and a crime, and baseness, and greatness are the result of a combination of different circumstances. Punishments are ridiculous, praises are ridiculous. No matter how people differ from each other in appearance or characters, but everyone has the same “nature”. The troubles stem precisely from the oblivion of this truth. If one person oppresses another, he tramples on his own “nature”. The same thing happens to those who rise up against the enslaver. Ultimately, both the executioner and the victim are just slaves to the circumstances that shaped them. Therefore, oppression is unreasonable, but its violent destruction is also unreasonable [Owen 1818]. Thus, unreason, ignorance turned out, according to Owen’s logic, to be the main enemies of humanity. The world is being transformed not by weapons, but by enlightenment.

“True freedom of mind is necessary,” Owen said [Owen 1924: 225]. He did not reject political freedom, but neither did he praise it; he did not consider it harmful, however, as he personally saw in the very democratic United States, the majority of the people benefit from it is small.¹ In addition, politics gave rise to rivalry, that is, it divided, not united people. And therefore, the way to “mental freedom” lay, in Owen’s opinion, through getting rid of the four main prejudices associated with the concepts: “class”, “party”, “sect”, “nation”. All this is nothing more than ridiculous conventions that have entangled the consciousness of people [Owen 1950: 151].

Assigning the dominant role to the “environment”, considering man to be essentially a weak-willed creature, Owen was forced to resolve the contradiction that arose. To turn an unreasonable person into a “reasonable” one, it is necessary to change the world around him. But in order for a person to be able to “intelligently” change the world, it is necessary first to change his “ignorant” mind. A vicious circle was emerging. Since Owen did not believe in the providence of the Lord, denied the laws of history, did not allow thoughts of violence, he had to rely on the omnipotence of the Truth revealed by him, capable of overcoming ignorance [Owen 1920: 227]. Society will not get rid of unreason immediately, but only when the generations brought up by the “new environment” grow up. But in order for this cure to begin, it is necessary to put people in the appropriate conditions, whether they want it or not. Owen did not think

¹ New Harmony Gazette. 1826. Apr. 18.

of himself as the Messiah, but he was firmly convinced that it was he who was called to become the guide of humanity blinded by delusions.

It is hardly appropriate to talk about the philosophical system, or the teachings of Owen. His writings resemble a well-prepared business plan, with all the appropriate calculations that allow you to create a “village of unity and cooperation”, the most suitable form of communal live, ensuring the well-being of the human race. The system of Cooperation or the New Moral World, a post-enlightenment project that has affected many social movements. He was a man of action who despised armchair theorists and he attracted views by the practicality of his projects, most of which relied on already existing movements and organizations. Their participants could hardly be called Owen’s disciples, since the teaching was in line with the British constitution, which exists not in the form of a coherent text, but many separate acts and laws. In the ranks of friendly associations there were up to half a million people who are more appropriately called followers, not students.

The idea of social harmony in the works of Saint-Simon and Saint-Simonists

The fate of the ideas of Count Henri de Saint-Simon developed according to a different scenario. On October 17, 1760, the future social reformer and founder of the school of utopian socialism, Claude Henri de Saint-Simon, was born in the family of nobleman Balthazar Henri de Rouvroy de Saint-Simon. It was during this period that changes took place in France, which later led to the French Revolution, which echoed throughout Europe. On the throne was King Louis XV “Beloved”, who ruled the country for 58 years and brought France to decline with an inept and short-sighted policy to please his regents and favorites. The ruined treasury, the privileged position of the clergy, the Seven-Year War, which led to territorial losses and plunged the country into a political and financial crisis — the legacy inherited by the grandson of Louis XVI.

The young king, on whom great hopes were pinned and in whom they saw hope in changing the political situation in the country, also saw the need for reforms. The economic successes of neighboring countries, including England, contributed a lot to this. Having put such talented people as Turgot and Malesherbe at the head of the administration, Louis XVI led France on the right path, but the king’s indecision and his exposure to the influence of various people again prevented the completion of the reforms begun, to pursue a purposeful and planned policy. Since the 1780s, the rights and privileges of the nobles continued to expand, the gap between the estates increased.

At the same time, the last quarter of the 18th century for France was the time of the rise of production. The textile, food industry, and shipbuilding industries were actively developing. New agro-industrial methods were introduced into agriculture. However, even a slight rise in these areas could not protect the country from falling prices, rising unemployment, and all the measures taken,

as a result, only aggravated the situation. The crisis exacerbated discontent with the authorities and the “lower classes”, who had been practically silent until now, began to express their discontent openly and increasingly support the opposition. The government, which had lost all credibility and trust, despite attempts at reforms and transformations, was inexorably moving towards its collapse, marked by the French Revolution.

The French Revolution marked the formation of a completely different attitude to the structure of society and its laws in the intellectual elite. From the questions of the laws of nature, according to which both society and a person who is in certain circumstances develop, the philosophers moved on to the questions of the laws of the development of society. There is a new understanding of the structure of society, the founder of which was Saint-Simon. In this arrangement, it is the work of people that becomes the main aspect, and the measure of harmony is not full property equality, but universal labor for the benefit of common interests.

The revolution was discovered by A. Saint-Simon, a 29-year-old young man traveling around Europe in an attempt to offer the Spanish government his water canal project. He did not to take part in the revolution itself, because he was already convinced of the fragility of the existing Old regime. However, the very phenomenon of the French Revolution, reflections on it, ran like a red thread through all the work of the French thinker. Saint-Simon treated the revolution itself without sympathy, not accepting any methods that bring destruction. Saint-Simon developed and wrote his reformist ideas during the most notable social contradictions. At the same time, as Gladyshev clearly notes, his entire interpretation and analysis of the revolution takes place through the prism of the relationships of three classes: “scientists, artists and all people who share liberal ideas”, “all owners who are not part of the first”, “united by the idea of equality, encloses the rest of humanity” [Gladyshev 2001: 247]. The revolution itself was the result of a situation in society when the first class, the people who make progress, could not realize their ideas.

“Look at the history of the progress of the human mind, and you will see that we owe almost all of its exemplary works to people who stood apart and were often persecuted. <...> If an academician is a slave, is it surprising that he does nothing?” [Saint-Simon 1948: 109].

The interpretation of events through classes became a response to the relations between the three estates in France in the second half of the 18th century. The first and second estates — the nobility and clergy — had exclusive political rights, tax breaks, and the sale of titles and positions in parliament flourished in the highest society. The third estate did not have such a wide range of rights, but accounted for more than 80 % of the total population. The problem of classes is raised in the context of the French Revolution insofar as it was the class system that became the subject of transformations on the part of revolutionaries.

According to Saint-Simon, society should act for the benefit of the majority of people: “According to the principle that the Lord taught people as a rule of their behavior, they should organize their society so that it would be most beneficial to the

greatest number of people; they should set the goal of all their works and all their actions — in the shortest possible time and in the fullest way to improve the moral and physical condition of the most numerous class” [Saint-Simon 1948: 365]. The achievement of such a system should be progress, which will inexorably and inevitably lead humanity to its “golden age”. The engines of this progress will be industrialists who will create a stable foundation for a new system — industrialism. Saint-Simon gave the main role to large-scale production — it was not for nothing that he and his followers proposed monumental and truly epoch-making engineering projects, some of which were implemented.

A distinctive feature and the subject that causes discussions in the question “can Saint-Simon be classified as a socialist?” has become private property — the French Utopian does not oppose it at all. On the contrary, he assumed that the capitalists would remain with their capitals — the only question was how they organized labor. And Saint-Simon put the work at the forefront. In his system of society, everyone and absolutely everyone is obliged to work: “All people will work <..> everyone is charged with the duty to constantly direct their efforts for the benefit of humanity” [Volodin 1982: 216]. Saint-Simon was not an egalitarian and a democrat — he fought against the countless privileges granted by the nobility.

Immediately after the revolution, having created a fortune on financial speculation, Saint-Simon began to comprehend the sciences in order to find out their current state and lay a new path for humanity — the physico-political one [Saint-Simon 1948: 92]. The role of science and scientists in society for Saint-Simon was almost sacred — the philosopher in his main work “New Christianity”, created shortly before his death, described such a structure of society in which spiritual power should be in the hands of the scientific class.

“I think that all classes of society will be fine with such an arrangement: spiritual power is in the hands of scientists, secular power is in the hands of proprietors; the power to choose people to fulfill the duties of the great leaders of humanity is in the hands of the whole people” [Volodin 1982: 216].

As a result, a new religion should appear — Christianity, which will unite all the working people of society. The importance of this doctrine lies in one of the main principles of Christianity — all people should treat each other as brothers. Tracing the history of human development, Saint-Simon distinguishes epochs in relation to classes, with a certain form of human exploitation by man: the Ancient era is associated with slave-owning relations, the Middle Ages — with serfdom, Modern times — with industrial relations. The aforementioned most important principle of Christianity could not have been realized earlier, because it contradicted the foundations of relations between classes. However, in a new society in which the old foundation will be replaced by a new one — “industrialism”, and in place of the old Christianity — a new one that will be in alliance with secular power — then and precisely then this principle will prevail and become dominant for society. In “On the Industrial System,” Saint-Simon also writes that the feudal and spiritual system, being in their own way the foundations for scientific and industrial development, were so opposed to any changes that they themselves

hindered any reformation. Now, these systems will not only not contradict, but also contain the goal of development in themselves.

Saint-Simon sought to create a world in which the main measure would be work for the benefit of all. In his works, he saw a society that did not know exploitation, injustice and painful revolutions for him.

On May 19, 1825, A. Saint-Simon died in Paris. However, the teachings of the French Utopian did not disappear with his death. His students, continuing the work of their teacher, tried to make a structured theory out of a chaotic and unsystematic teaching that could become a full-fledged support for a future reformed society.

The dissemination and propaganda of Saint-Simon's works and ideas by his followers became the heyday of the teaching. Immediately after Saint-Simon's death in 1825, his disciples founded the newspaper "Producteur". It published a number of articles showing the difference between Saint-Simonism and the ideas of Saint-Simon himself and their personal vision of the reconstruction of society. For example, in the article "On the need for a new common doctrine," Saint-Amand Bazard writes about the imminent and inevitable collapse of the old structure of society prevailing throughout Western Europe, and the emergence of a new one. The new society will be based on two principles: education and legality [Bazard 1826: 526–528]. Hence the necessity of sciences and their development for society. He describes a similar idea in the article "De l'esprit critique" — people need harmony and a healthy state of society, which will replace uncertainty and anarchy [Bazard 1826: 114]. Moreover, this anarchy is also manifested in religion, which will be replaced by a new teaching — the teaching of A. Saint-Simon.

The intention to create a new religion is confirmed by the "Le Livre Nouveau des Saint-Simoniens" written by the disciples, the name of which should be translated as "The New Bible of Saint-Simonism". On its pages, again, the Saint-Simonists tried to systematically express the ideas of their teacher. The "New Bible" was supposed to serve the "new Christianity" and a society renewed not only industrially, but also morally [Barrault et al. 1991: 63]. As Philippe Rainier correctly noted in the preface, the Saint-Simonists assumed the role of apostles [Barrault et al. 1991: 8]. Olind Rodrigue, one of Saint-Simon's most zealous disciples, also considered himself the messenger of the new religion. In the work "Appel: religion saint-simonienne" he writes with admiration about the new Christianity that will replace the old one and unite all people [Rodrigues 1831: 5].

One of the heads of the Saint-Simonists sect, Prosper Enfantin, wrote about the special role of science and education. In his work "Le crédit intellectuel: oeuvre dernière et inédite", he points out the need to create special production societies in which intellectuals should dominate [Enfantin 1866: 8]. The organization of production, material or intellectual, should be collective [Enfantin 1866: 11].

The "Producteur" existed for only one year, but even in such a short period of time, the new movement found new adherents and followers. Everyone was sure that the new teaching, showing more and more mysticism and religious traits, would displace

Catholicism and liberalism and become the basis for a new society. The movement very soon began to resemble a sect with all its inherent attributes: the disciples of Saint-Simon were called “Fathers”, those, in turn, neophytes were called “sons” and “daughters”. Saint-Simonists began to develop and disseminate their ideas through public lectures, which were subsequently published in the work “Doctrines de S.-Simon”.

The Saint-Simonists went further than their teacher in the ideas of social co-residence. Completely rejecting the idea of private property and private interests, the Saint-Simonists believed that a person, as an element of society, should, first of all, serve for the benefit of this society. Following the concept of Saint-Simonists, the entire historical process of human development should eventually come to association and the complete disappearance of competition [Zhelubovskaya 1947, 14]. They laid the named principle of association as the basis for the establishment of colonies in Egypt and Algeria during the French expeditions [Enfantin 1843].

Saint-Amand Bazard became another head of the new sect of Saint-Simonists. He believed that one of the main problems of modern society was the gap between the poor and the rich, and it was the destruction of this gap and the distribution of all property between people on an equal basis that would help move to a new society [Zhelubovskaya 1947: 84]. The state will have to distribute the property according to the principle laid down by Saint-Simon: “to each according to his abilities.” Idleness will be destroyed, because, according to the Saint-Simonists, it contradicted nature itself [Zhelubovskaya 1947, 17].

The Saint-Simonists developed their teacher’s ideas about designing a society built on the ideas of association. In their teaching there was neither private property nor individual interests, P. Enfantin rejected even the institution of marriage. Productions organized by collectives with common property had to follow the goals of the whole society. The basis of the new society was to be a renewed Christianity, the apostles of which were the Saint-Simonists.

Conclusion

The development of various variants of socialist models was undoubtedly significantly influenced by the conditions in which their creators existed. Despite pauperism and the influence of revolutions and industrial upheaval, Britain was in a better position in terms of well-being than France, which became the direct theater of revolutionary actions. In the cultural field, conditions also differed — if Robert Owen largely relied on the works of his predecessors, the enlighteners, then Saint-Simon and his colleagues used a more innovative approach, developing more new ideas and approaches. As a result, despite the similarity of these models, some nuances, sometimes even key ones (for example, the attitude to the liquidation of private property), were determined by their creators in different ways. R. Owen gave a big role in the creation of a new society to the “environment” — the environment in which a person was brought up. Saint-Simon and his students looked at the person himself, his abilities and the benefit (or harm) that he brought to society. For R. Owen, the achievement of harmony could be realized through not the destruction of classes, but

the establishment of complete harmony in society. Hence the different models of social harmony — the communist one by R. Owen and the socialist one with the preservation of private property, classes by A. Saint-Simon. And it is the concept of the latter that has received so many interpretations and projects thanks to the active dissemination and development by students and a new approach to understanding the social structure.

Received / Поступила в редакцию: 13.09.2022

Revised / Доработана после рецензирования: 29.11.2022

Accepted / Принята к публикации: 15.12.2022

References

- Barrault, E., Chevalier, M., Duveyrier, C., Enfantin, P., Lambert, C., Simon, L., & Urbain, T.I. (Eds.). (1991). *Le Livre Nouveau des Saint-Simoniens*. Tusson: Editions du Lerot. (In French)
- Bazard, S.-A. (1826). De la nécessité d'une nouvelle doctrine générale. *Le Producteur*, 3, 526–560.
- Bazard, S.-A. (1826). De l'esprit critique. *Le Producteur*, 3, 110–134.
- Doctrines de Saint-Simon: exposition, première année, 1828–1829. (1831). Paris: bureau de l'Organisateur.
- Enfantin, P. (1843). *Colonization de l'Algérie*. Paris.
- Enfantin, P. (1866). *Le crédit intellectuel: Oeuvre dernière et inédite*. Paris: Édouard Dentu.
- Gladyshev, A.V. (2001). "Artists", "legists" and "bourgeois" (K.A. Saint-Simon on the creators of the French Revolution) (pp. 266–279). In A.V. Chudinov (Ed.), *Annuaire d'études françaises*. Moscow. (In Russian)
- Hammond, J.L., & Hammond, B. (1920). *The town labourer*. London: Longman, Hurst, Rees, Orme and Brown.
- Kucherenko, G.S. (1975). *Saint-Simonism in public thought of the 19th century*. Moscow: Nauka publ. (In Russian)
- Levandovsky, A.P. (1973). *Saint-Simon*. Moscow: Molodaya Gvardia publ. (In Russian)
- Owen, R. (1816). *Address to the Inhabitants of New Lanmark*. London: Longman, Hurst, Rees, Orme and Brown.
- Owen, R. (1819). *Address to the Working Classes*. London: Longman, Hurst, Rees, Orme and Brown.
- Owen, R. (1950). Description of a number of misconceptions and troubles. In Owen, R. *Selected writings* (Vol. 1). Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russian)
- Owen, R. (1924). Letter Published 10 September 1817. In Owen R. *New View of society and other writings*. London: Longman, Hurst, Rees, Orme and Brown.
- Owen, R. (1920). *Life of Robert Owen*. London: Longman, Hurst, Rees, Orme and Brown.
- Owen, R. (1820). *Report to Lanark County*. London: Longman, Hurst, Rees, Orme and Brown.
- Rodrigues, O. (1831) *Appel: Religion saint-simonienne*. Paris: Le Globe.
- Saint-Simon, K.A. (1948). *Selected works*. Moscow: Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russian)
- Silberfarb, I.I. (1964). *Fourier's social philosophy and its place in the history of socialist thought of the first half of the 19th century*. Moscow: Nauka publ. (In Russian)
- Thompson, E.P. (1977). *The Making of the English Working Class*. 7th ed. London: Penguin books.
- Volodin, A.I. (1982). *Utopian Socialism*. Moscow: Politizdat publ. (In Russian)
- Zhelubovskaya, E.A. (1947). *Exposition of the teachings of Saint-Simon*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russian)

About the authors:

Kirill M. Anderson — Ph.D. of Historical Sciences, Professor, Faculty of Political Science, Department of History of Socio-Political Doctrines, Lomonosov Moscow State University (e-mail: kiranderson@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0002-1887-8239)

Maria S. Zvereva — Postgraduate Student, Faculty of Political Science, Department of History of Socio-Political Doctrines, Lomonosov Moscow State University (e-mail: mariaszvereva@yandex.ru) (ORCID ID: 0000-0002-4815-0150)

Сведения об авторах:

Андерсон Кирилл Михайлович — кандидат исторических наук, профессор, факультет политологии, кафедра истории социально-политических учений, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: kiranderson@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-1887-8239)

Зверева Мария Семеновна — аспирант, факультет политологии, кафедра истории социально-политических учений, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: mariaszvereva@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-4815-0150)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-63-76

Научная статья / Research article

Нет иерархии норм, есть иерархия инстанций: нормативное и субъектно-политическое обоснование иерархии нормативно-правовых актов в учениях Ганса Кельзена и Карла Шмитта

А.Д. Уханов

Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия

 vin-chun.95@list.ru

Аннотация. Проблему юридической силы и иерархии нормативных правовых актов необходимо рассматривать на стыке политико-правового знания, поскольку такие акты являются не просто формой внешнего закрепления правовых норм, предписывающих субъекту определенную модель поведения, но и выражают государственно-властную волю, фиксируют институционально-политический каркас и расклад политических сил в обществе. В истории политической и правовой мысли оформились два основных способа обоснования юридической силы нормативно-правовых актов: нормативный и субъектно-политический. Наиболее последовательно и аргументированно обозначенные способы изложены в теоретических трудах немецких государствоведов прошлого века Ганса Кельзена и Карла Шмитта. В статье предлагается сравнить между собой взгляды мыслителей на природу юридической силы и иерархии нормативно-правовых актов. В заключительной части работы обосновывается вариант примирительной трактовки конкурирующих подходов, а также делаются выводы относительно практической значимости анализируемых теоретических моделей в контексте юридической практики и политического процесса.

Ключевые слова: иерархия, юридическая сила, нормативные правовые акты, правовая норма, политическая власть, орган государственной власти

Для цитирования: Уханов А.Д. Нет иерархии норм, есть иерархия инстанций: нормативное и субъектно-политическое обоснование иерархии нормативно-правовых актов в учениях Ганса Кельзена и Карла Шмитта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 63–76. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-63-76>

© Уханов А.Д., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

There Is No Hierarchy of Norms, There Is a Hierarchy of Instances: Normative and Subject-Political Justification of the Hierarchy of Normative Legal Acts in the Teachings of Hans Kelsen and Karl Schmitt

Anton D. Ukhanov

Vladivostok State University, Vladivostok, Russian Federation

 vin-chun.95@list.ru

Abstract. the problem of legal force and the hierarchy of normative legal acts must be considered at the intersection of political and legal knowledge, since such acts are not just a form of external consolidation of legal norms prescribing a certain model of behavior to the subject, but also express the state-power will, fix the institutional and political framework and the alignment of political forces in society. In the history of political and legal thought, two main ways of substantiating the legal force of normative legal acts have taken shape: normative and subject-political. The most consistently and argumentatively indicated methods are set out in the theoretical works of German lawyers of the last century, Hans Kelsen and Karl Schmitt. The article proposes to compare the views of thinkers on the nature of legal force and the hierarchy of normative legal acts. In the final part of the work, a variant of a conciliatory interpretation of competing approaches is substantiated, and conclusions are drawn about the relative practical significance of the analyzed theoretical models in the context of legal practice and the political process.

Keywords: hierarchy, validity, normative legal acts, legal norm, political power, public authority

For citation: Ukhanov, A.D. (2023). There is no hierarchy of norms, there is a hierarchy of instances: Normative and subject-political justification of the hierarchy of normative legal acts in the teachings of Hans Kelsen and Karl Schmitt. *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 63–76. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-63-76>

Введение

Фраза, вынесенная в заглавие настоящей статьи, представляет собой усеченный вариант критического суждения Карла Шмитта (1888–1985), адресованного Гансу Кельзену (1881–1973) в ходе дискуссии о гаранте конституции, состоявшейся между мыслителями в начале 1930-х гг. В ней выражено несогласие Шмитта с концепцией иерархического (ступенчатого) строения правопорядка, сформулированной и настойчиво отстаиваемой Кельзеном с 1910-х гг. И хотя центральным предметом этой дискуссии и ее поводом был совершенной другой вопрос, тем не менее на ее полях можно обнаружить обсуждение множества содержательных и важных политико-правовых проблем. Одной из них и является проблема обоснования иерархии нормативных правовых актов.

Приведенный выпад со стороны Шмитта является не первой попыткой оспорить один из ключевых элементов политико-правового учения Кельзена. Наиболее ранней из них, насколько об этом можно судить, следует считать ту,

что была предпринята в работе «Политическая теология» (1922)¹. В ней Кельзен предстает выразителем идейной тенденции, направленной на вымывание субъектно-политического начала, сопровождающегося отказом от решения ключевых политико-теоретических проблем и кардинальной переинтерпретацией важнейших категорий теории государства.

Действительно, Кельзен, стремящийся дать объективный анализ правовой системы еще до Первой мировой войны, формулирует теорию, ставшую объектом многочисленной критики [Иештедт 2015; Штолляйс 2017: 228]. Ниспровергающий характер работ Кельзена, направленных против господствовавшей государственно-правовой теории, поставил мыслителя в оппозицию к значительной части научного сообщества, вместе с тем способствуя образованию вокруг мыслителя собственной школы [Olechowski 2020: 316–344].

В настоящий момент оба мыслителя являются классиками политико-правовой науки [Aliprantis, Olechowski 2014; Бенуа 2013]. Однако не менее важной видится полемика между ними, развернувшаяся в 1920-1930-х гг. Poleмика не только является примером идейно-теоретического противостояния двух классиков политической и правовой мысли, но и обладает значительным эвристическим потенциалом для анализа политико-философских проблем [Donhauser 2019], исторических [Bernstorff 2017] и современных социально-политических и правовых процессов [Magalhaes 2021].

Как правило, в литературе отмечается высокая степень идейного антагонизма между мыслителями. Более того, высказывается позиция, что авторы, несмотря на общую образовательно-академическую базу, принадлежат к разным дисциплинам. Учение Кельзена становится концептуализацией юридической практики и находит свое место в юриспруденции, тогда как рассуждения Шмитта теряют какое-либо значение для правовых исследований и могут быть отнесены к политической науке [Mehring 1994]. На наш взгляд, такая трактовка отличается категоричностью, а идеи, высказанные мыслителями, можно примирить [Варга 2012], более того, выстроить на их основе комплексную исследовательскую оптику.

Именно это мы и попытаемся сделать, рассмотрев полемику мыслителей в обозначенном аспекте. Так, согласно замечанию С.Л. Полсона суждения Шмитта относительно концепции ступенчатого строения правопорядка Кельзена выглядят весьма обоснованными и вскрывают слабые места чистого учения о праве [Paulson 2017]. К сказанному следует добавить, что, критикуя Кельзена, Шмитт хотя и вскользь, но обозначает собственно видение проблемы строения государственно-правового порядка. На прикладном уровне данная проблема выражается в иерархии нормативных правовых актов и их юридической силе. Именно

¹ Хотя уже в «Диктатуре» (1921), ключевые части которой были написаны еще в годы Первой мировой войны и во многом выражали опыт функционирования конституционного государства в условиях чрезвычайного (осадного) положения [Quaritsch 1996], можно обнаружить упоминание кельзеновских теоретических построений, в ней Шмитт ограничился редкими зачастую несколько ироническими замечаниями (о предмете правовой науки, природе демократии и проч.) и не посвящал учению Кельзена специальной критики.

расхождения во взглядах на этот вопрос мы бы и хотели сравнить, поскольку представляется, что это имеет не только теоретико-методологическое значение для политической и правовой науки, но и может играть методическую роль для конкретного правоприменителя или политического деятеля.

Проблема иерархии правовых актов в политико-правовом дискурсе

Проблематика иерархии нормативных правовых актов может рассматриваться на стыке политологии и юриспруденции, поскольку такие акты являются не просто формой закрепления правовых норм, но и выражают государственную волю, свидетельствуя о состоянии политических сил и настроений в обществе. Так, начиная с Ж.Ж. Руссо в политической философии Нового времени закрепилось нормативное представление о законе как о провозглашенной общей воле народа [Руссо 2000: 217]. Меньше чем через тридцать лет после своего появления идея мыслителя была формально закреплена в пункте 6 «Декларации прав человека и гражданина», где сказано, что «закон есть выражение общей воли»².

Современная политическая наука относится к этой максиме более реалистично, полагая что «закон и право придают всеобщее выражение политической воли той или иной группы, которая удерживает государственную власть и интерпретирует содержание общественного блага. В этом плане правовые нормы являются важнейшим инструментом укрепления политической власти, придания ей всеобщего характера» [Соловьев 2017: 64]. Так же праву отводится роль оформления политики: «...политика — это своеобразный поисковый механизм социального развития, разрабатывающий его проекты, а право — механизм придания таким проектам общезначимого характера» [Соловьев 2017: 66].

В этом контексте показательно, что большая часть сборника «Политический процесс в России (1990–2001)» (2021) состоит из нормативных правовых актов, которые выступают документами, «отражающими характер и логику внутриполитических процессов в России» [Коваленко 2021]. В этом смысле правовые документы несут на себе отпечаток социально-политической ситуации соответствующей эпохи, являясь источником политической истории. Более того, изданием правового акта завершаются некоторые политические процессы. Например, это касается законотворчества, в ходе которого сталкиваются как публичные, так и теневые политические акторы [Краснова 2005: 5–6], компромисс между которыми находит свое выражение в содержании правового акта. При этом вопрос о соотношении политической власти, который может быть раскрыт через анализ иерархии нормативных правовых актов, разработан политической наукой весьма слабо. Именно поэтому представляется возможным кратко обратиться к наработкам юриспруденции.

² Декларация прав человека и гражданина 1789 г. // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Т. 2: Современное государство и права. М., 2003. С. 85–88.

Общим местом исследования иерархии в праве, с которым согласно большинство исследователей, является представление об определяющем значении юридической силы как ключевого фактора выстраивания иерархии нормативно-правовых актов и определения позиции конкретного акта в ней [Марченко 2017: 106].

Относительно юридической силы в литературе весьма точно отмечено, что она «предполагает не только специфически организованное правовое пространство, но и *особый дискурс практикуемых субъектами права суждений*, который, если продолжить использование пространственных выражений, образует “*сеть различных мест*”, *поле смыслов и границы значений* (курсив наш. — А.У.)» [Пермяков 2022: 97]. Из этого следует, что апелляция к юридической силе акта вытекает из легитимирующего дискурса (в том числе политико-идеологического), используемого для убеждения некоторого круга лиц в истинности определенного способа построения системы правовых актов.

Мы полагаем, что можно выделить три уровня дискурса или три способа обоснования юридической силы и иерархии правовых актов. *Во-первых*, легальный (законодательный, позитивно-правовой, официальный, формальный), под которым следует понимать фиксацию в законодательстве иерархии нормативно-правовых актов. Фиксация может быть частичной, посредством таких выражений, как «не могут противоречить» (например, п. 3, 5 ст. 76 Конституции РФ), либо полной, что предполагает принятие специального закона о системе нормативных правовых актов. В России идея принятия такого закона имеет как сторонников [Арзамасов 2004; Сильченко 2018], так и противников [Васев 2022].

В литературе очень точно отмечено, что «иерархическая зависимость между нормативными правовыми актами может существовать только в том случае, когда она выражена в соответствующей правовой форме» [Толстик 2002: 118]. Проблема данной позиции состоит в том, что для того, чтобы соглашаться с положениями ст. 15 Конституции РФ и именно в ней искать начало иерархии российского законодательства, нужно *уже* полагать Конституцию РФ документом, обладающим высшей юридической силой (имеет место самореференция).

Вторым уровнем обоснования иерархии нормативных актов является **доктринально-теоретический (догматический)**, представляющий собой сформированный на базе позитивистского правопонимания способ выстраивания системы соотношения нормативных актов между собой посредством формально-юридического толкования содержащихся в них норм.

Считается, что на этом уровне доминирующее положение занимает позиция, согласно которой место нормативно-правового акта определяется исключительно местом органа в системе органов государственной власти. Однако эта точка зрения имеет множество противников, поскольку она, к примеру, не объясняет «различное иерархическое соотношение федерального и регионального законодательства — в зависимости от предметов ведения в федеративных государствах» [Петров, Шафиров 2021: 72]. Она не позволяет выяснить, почему разные нормативные акты, принимаемые одним органом власти, имеют разную

юридическую силу [Арзамасов 2004: 229]. К тому же, что крайне важно, *положение государственного органа определяется нормативно-правовым актом определенного уровня*, что вновь отсылает нас к проблеме самореференции.

Полагаем, что *третьим уровнем* дискурса является *метатеоретический уровень* обоснования иерархии. В качестве таковых, как можно догадаться, мы рассматриваем политико-правовые учения Кельзена и Шмитта. Подход Кельзена целесообразно обозначить *нормативным*, тогда как подход Шмитта *субъектно-политическим*.

Нормативный и субъектно-политический способы обоснования иерархии правовых актов в учениях Г. Кельзена и К. Шмитта

Итак, Кельзен и Шмитт предлагают определенные способы обоснования юридической силы нормативных правовых актов, которые были обозначены нами соответственно как *нормативный* и *субъектно-политический*. Представляется, что имеет смысл кратко охарактеризовать каждый из способов, далее рассмотреть полемические выпады мыслителей в адрес друг друга и по возможности привести их контраргументы в защиту собственной позиции.

Начнем с *нормативного способа*, который сводит проблему обоснования иерархии нормативных правовых актов к иерархии норм. Подход Кельзена к этому вопросу полностью вписывается в общую логику чистого учения о праве. Наиболее принципиальными являются два момента: *во-первых*, представление о ступенчатом строении системы правовым норм, где действительность нижестоящей правовой нормы обуславливается вышестоящей правовой нормой. И, *во-вторых*, отсутствие различия между созданием права (правотворчество) и реализацией права (правоприменение), которое, с точки зрения Кельзена, является идеологическим и направленным, в частности, на ограничение судебной власти.

Оба положения базируются на неокантианской философии, тогда как второе так же связано с идеологическо-критической установкой. Одной из базовых посылок неокантианства является разведение бытия (Sein) и долженствования (Sollen), что при переносе в правовую науку приводит к представлению том, что предметом юриспруденции является исключительно должное. Из этого вытекает, что нормы существуют независимо от сущего, т.е. основанием действительности нормы не может выступать бытийный социальный факт, но только другая норма, также принадлежащая миру должного. Нормы находятся в соподчинении друг друга, определяя порядок собственного создания и содержания.

Для описания самопроизведения нормативно-правовой системы необходимо отказаться от различия правотворческой и правоприменительной деятельности. Более того, данное различие, встречающееся в традиционной государственно-правовой науке, основывается на идеологии и в политическом смысле позволяет ограничить власть судей (которые не творят правовые нормы, а только используют их). Принципиально важен тезис — каждый правотворческий орган является правоприменительным органом и каждый правоприменитель-

ный орган является правотворческим. Создание парламентом закона выступает не только правотворчеством, но и правоприменением, поскольку в этом процессе применяются конституционные нормы, устанавливающие порядок создания законов, а также содержание норм закона.

Таким образом, в основание иерархии помещаются указанные выше теоретико-методологические установки, а также допущение о существовании основной нормы, замыкающей иерархию норм права. Соответственно, юридическая сила акта является порождением нормы, на основании которой он был создан и по причине того, что в нем содержатся нормы, в определенном отношении отстающие от основной нормы.

Субъектно-политический способ связывает положение нормативно-правового акта с положением издающего его органа. Может показаться, что этот способ полностью соответствует доминирующему представлению об основании иерархии нормативных актов (юридическая сила акта определяется местом принимающего его органа в системе органов государственной власти). Однако этот способ не просто так обозначен нами не как субъектно-государственный, но как субъектно-политический.

Это связано с тем, что, во-первых, Шмитта интересует сфера политического, обретающего в государстве лишь свою наиболее совершенную форму. К тому же ключевым вопросом для Шмитта является вопрос о верховной власти, которая не столько черпает свое основание в государственном порядке, сколько его конституирует. Во-вторых, мыслитель не замыкает статус и степень влияния органов на описанные в законодательстве полномочия. Это хорошо видно на примере шмиттовских трактовок позитивного права, они всегда насыщены весьма обстоятельным идейно-историческим анализом, в ходе которого устанавливается значение тех или иных терминов, оборотов и словесных конструкций. Однако, в-третьих, что крайне важно, такие органы все же принадлежат правопорядку (что отличает их от преступной группировки).

С точки зрения Шмитта, основание иерархического строения правовых актов следует искать за пределами позитивно-правовой сферы в области общественной мифологии, которая уже далее находит выражение и институционализацию в праве. Современное демократическое государство в своем основании содержит демократический миф (правовым выражением которого является демократический принцип, находящий свое прямое или косвенное закрепление в конституционных актах государств). Согласно этому представлению высшей инстанцией выступает народ, чьи решения лежат в основании политического порядка и составляют действующую конституцию. Соответственно, конституция является правовым актом, обладающим высшей юридической силой, поскольку она исходит от народа, представляя собой его решения о политической форме.

Эта же логика касается остальных актов — мера отдаленности органа от народа (верховой инстанции) указывает на его политическое значение, что рождает юридическую силу издаваемых органом актов. В такой системе основная борьба происходит между парламентом и главой государства, при этом оба института стремятся к монополии на репрезентации воли народа. В частности,

поэтому в рамках субъектного способа весьма сложно согласиться с существованием особого органа конституционного правосудия, в полномочия которого входила бы проверка актов иных органов власти на их соответствие положениям конституции. Проблема состоит в антимажоритарной (антидемократической, элитарной) природе такого суда.

Исходя из этого, Шмитт критикует концепцию ступенчатого строения правопорядка Кельзена: «...на самом деле существует лишь *иерархия конкретных существующих инстанций*, преобладание и подчинение конкретных инстанций. „Иерархия норм“ — это некритичная и неметодическая антропоморфизация „нормы“ и импровизированная аллегория (курсив наш. — А.У.)» [Шмитт 2013: 77]. Шмитт полагает, что только политическое, выраженное в действиях конкретной властной инстанции, скрепляет нормативный порядок в единую систему: «...на чем покоится абстрактная необходимость и объективность различных вменений разным точкам вменения (т.е. то, к чему прилагаются требования норма права — А.У.), если она не основана на позитивном определении, то есть на приказе» [Шмитт 2000: 36]. По Шмитту, фундаментальной ошибкой кельзеневского учения выступает суверенизация нормы и исключения из системы субъектного начала: «Высшая компетенция принадлежит не какой-то личности или психологически-социологическому комплексу власти, а только самому суверенному порядку в единстве нормативной системы» [Шмитт 2000: 34].

Кельзен активно возражает против критики Шмитта, в первую очередь адресуя оппоненту упрек в непонимании концепции ступенчатого строения правопорядка как в содержательном, так и в интенциональном планах. В содержательном аспекте Шмитт искажает смысл и аргументацию Кельзена (совершает подмену тезиса), а в интенциональном — полагает, что Кельзен формулирует учение о ступенчатом строении с политическим намерением легитимировать определенный государственно-правовой порядок. Сам же Кельзен отмечает, что его теория «не желает выдать ничего, кроме структурного анализа права» [Кельзен 2013: 376].

Кельзен не отрицает наличие субъекта в поддержании нормативной правовой системы, однако субъекту отводится второстепенная норма, подчиненная содержанию правовых норм. Именно поэтому существуют процедуры не только создания правовых норм и отмены, ведь в строгом смысле, если противоречащую норму нельзя отменить, то вышестоящая норма не является обязательной [Кельзен 2006]. Нижестоящая норма получает свою легитимность посредством реализации зафиксированного вышестоящей нормой полномочия органа создать некую норму. Однако содержание этой нормы также играет роль, поскольку его противоречие вышестоящей норме указывает на нарушение процедуры создания этой нормы, т.е. орган, имея полномочие создавать норму в определенном порядке, все же его нарушил, сформулировав противоречивое содержание. Таким образом, заметно, что субъект не вымывается полностью, но лишь затушевывается и помещается внутрь нормативной системы.

Следует отметить, что из этой полемики хорошо видно, разделение векторов движения юридической и политической науки, а также специфику историче-

ского момента. Кельзен, хотя и стремится выдать свое учение за общую теорию права, применимую к любой исторической и социокультурной ситуации, фактически четко схватывает момент, отражая в своем учении практику правового государства, для которого характерны нормализация (формализация) и четкая институционализация политико-правового пространства.

Шмитт же, понимая, что юридическая наука движется в сторону описания конкретно-исторической практики построения и функционирования правового государства, фактически переходит в дисциплинарное поле политологии. Он полагает, что из политической сферы, несмотря на стремление к формализации, невозможно исключить чрезвычайные ситуации, раскрывающие природу верховной власти (суверенитет) и стихию политического.

Обратная сторона этого разделения предполагает, что для комплексного рассмотрения выбранного аспекта политико-правовой реальности, внутри которой чередуются «нормальное» и «чрезвычайное» состояния, необходимо совместить (примирить) два способа обоснования иерархии правовых актов.

Модели обоснования иерархии в контексте юридической практики и политического процесса

Обозначенные выше идеи имеют практическое значение и могут быть приложены не только в ходе теоретического анализа политико-правовой ситуации, но и в ходе прикладной деятельности. Речь идет о юридической практике и политических процессах.

Юристу, столкнувшемуся в ходе осуществления своей деятельности с бухгалтером (или менеджером), настойчиво требующим применить в некоторой ситуации положение из приказа министра, противоречащее норме, зафиксированной в Постановлении Правительства РФ, целесообразнее сослаться на усвоенную иерархию нормативно-правовых актов, восходящую к теоретической модели Кельзена. Разумеется, речь не идет о лекции на рабочем месте. Выводы из концепции Кельзена относительно строения системы правовых актов без прямой ссылки на автора известны каждому юристу. Юрист должен озвучить это как догму.

Однако зачастую реальная юридическая практика, будучи отягченной политической (властной, целеполагающей, ценностной) составляющей, противоречит обозначенному постулату. Например, в административной практике распространена ситуация, при которой ведомственные нормативные акты утверждаются приказами, иными словами, акт, обладающий с нормативной точки зрения большей юридической силой, вводится в действие актом, обладающим меньшей юридической силой [Арзамасов 2004: 228–229]. Разумеется, что причина этого кроется в реальном распределении властных полномочий, на что указывает субъектно-политический способ, согласно которому юридическая сила придается акту не ведомством в целом, а властью конкретного руководителя.

Сказанное справедливо и на макрополитическом уровне. Государство, находящееся в ситуации стабильного развития, действует и управляется на основе

четко определенных правовых норм, выстроенных в иерархию, описываемую нормативным способом. В этом контексте проблема перераспределения власти между политическими акторами не является столь выраженной, поскольку каждый из них фактически принимает существующий порядок и действует в нормативном поле.

Однако в ситуациях конституционного кризиса, когда «основы конституционного порядка в политическом, а иногда даже в юридическом смысле сами по себе являются предметом разногласий и острой дискуссии», т.е. в случае, «когда неясно, что такое конституция» [Натан, Уоллер 2017], большее значение приобретает субъективно-политический способ, который через апелляцию к нормативно-правовым актам стремится вскрыть реальную картину распределения политической власти между действующими акторами. Высшую силу приобретает акт, издаваемый органом, способным приостановить действие всего правопорядка, что, с учетом демократического мифа, предполагает наличие ярко выраженной демократической легитимности.

Можно заключить, что оба способа обладают существенным практическим потенциалом и в случае примирительной трактовки, соединяющей в элементы нормативности и субъектности, действуют кумулятивно.

Заключение

В заключении выделим три взаимосвязанных момента: идейно-исторический, теоретико-методологический и методический аспекты противостояния Кельзена и Шмитта относительно обоснования иерархии нормативно-правовых актов.

Идейно-историческая составляющая демонстрирует закономерности исторического развития идей. Рассматривая полемику Кельзена и Шмитта как исходную точку для сравнения двух теоретико-методологических подходов, мы исходили из предпосылки о том, что дискуссия является не только фактором появления тех или иных идей, но и причиной их четкого изложения, возникающего из необходимости опровергнуть идейного противника и аргументировать собственный взгляд на проблему. Масштаб (дискуссия) и тематика (обоснование иерархии) также интересны тем, что показывают, как общие положения авторского подхода прилагаются к отдельным элементам политико-правовой реальности.

Например, Шмитт, рассуждая о иерархии, высказывается, казалось бы, на непривычную для него тему, однако мы видим, что его суждения вписываются в общее смысловое пространство децизионистского подхода к праву и политике. Но не менее важно, что эти высказывания являются результатом стремления опровергнуть учение Кельзена. Тогда как последний, имея критику в свой адрес в качестве повода высказаться, создает «защитные» линии для собственного учения, которые среди прочего обеспечивают его устойчивость в системе теоретических языков будущего.

К идейно-исторической составляющей также относится следующее. Современная политическая и правовая теории являются прямыми приемниками той интеллектуальной ситуации, слагаемой из большого количества переменных (распространенность определенных идей и теоретических языков, социально-политический контекст, дискуссии и проч.), в которой творили Кельзен и Шмитт. При этом из настоящего мы знаем, что та или иная идея руками теоретика победила и утвердилась в качестве центральной, отодвинув своих «оппонентов» на периферию мысли. Однако исторический момент демонстрирует контингентность, т.е. то обстоятельство, что все могло быть иначе. Именно в этом мы и убеждаемся на примере интеллектуального противостояния мыслителей.

В **теоретико-методологическом измерении** следует подчеркнуть эвристический потенциал нормативного и субъектно-политического способа обоснования иерархии правовых актов.

Во-первых, выше было показано, что иерархия нормативных актов может быть обоснована как минимум тремя путями. Поэтому выделение нормативного и субъектно-политического способов демонстрирует значимость метатеоретического уровня рассуждений о политико-правовом порядке.

Во-вторых, каждый из способов по отдельности позволяет анализировать политическую и правовую системы. Нормативный способ не просто раскрывает системное строение позитивного права, но и утверждает его самовоспроизводящую природу. Иными словами, логика нормативной системы подчиняет себе действия субъектов, ограничивая возможности их действия и самовыражения. Причину принятия того или иного акта зачастую следует искать не столько в воле и желании лица, сколько в содержании вышестоящей нормы.

Субъектно-политический способ, напротив, помещает источник позитивного права в сфере отношений между властвующими субъектами, объем полномочий и влияния которых обуславливает силу правового акта. Данный способ позволяет анализировать реальный расклад политических сил через соотношение содержания правовых актов, их противоречия между собой и последствия от их введения и действия.

И наконец, *в-третьих*, крайне плодотворной видится объединительная трактовка. Нельзя не отметить, что в ходе полемики Кельзен, принципиально не отходя от своей позиции, весьма кратко очерчивает контуры примирительной позиции, утверждая, что между его видением нормативной системы и тем, как ее описывает Шмитт, делая акцент на субъектной компоненте, нет жестких противоречий. В этом плане разделительная граница между правом и политикой, нормой и личным усмотрением стирается, вписываясь в общую картину сложной политико-правовой тотальности, внутри которой центральный элемент (правовая норма и властвующий субъект) каждого из подходов содержит в себе пути к друг другу.

Методическое значение весьма очевидно в случае с нормативным подходом, поскольку именно он лег в основу заучиваемой юристами иерархии нормативно-правовых актов, представление о которой они, будучи «агентами» определенного типа юридического мышления, разносят за пределы профессиональной

корпорации. Субъектно-политический же призывает участников социально-политического процесса к постоянной бдительности и пониманию того, что формальное положение органа не всегда раскрывает полноту его власти и влияния.

Поступила в редакцию / Received: 30.08.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 01.11.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.12.2022

Библиографический список

- Арзамасов Ю.Г.* Ведомственный нормотворческий процесс в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Москва, 2004.
- Бенуа де А.* Карл Шмитт сегодня. М.: ИОИ, 2013.
- Варга Ч.* Подводные камни правового позитивизма (взаимно опровергающие и взаимодополняющие теории Кельзена и Шмитта) // Юридический позитивизм и конкуренция теорий права: история и современность (к 100-летию со дня смерти Г.Ф. Шершеневича): материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 1 (Иваново, 5–8 октября, 2008 г.). Иваново, 2012. С. 233–254.
- Васев И.Н.* Значение иерархии нормативно-правовых актов для коллизионного правоприменения // Российско-Азиатский правовой журнал. 2022. № 1. С. 4–10.
- Иештедт М.* Введение в чистое учение о праве Ганса Кельзена // Ганс Кельзен: чистое учение о праве, справедливость и естественное право / сост. и вступ. ст. М.В. Антонова. — СПб.: Издательский дом «Алеф-пресс», 2015. С. 623–625
- Кельзен Г.* Чистое учение о праве: введение в проблематику науки о праве // Ганс Кельзен: чистое учение о праве, справедливость и естественное право / сост. и вступ. ст. М.В. Антонова. СПб.: Издательский дом «Алеф-пресс», 2015. С. 107–240.
- Кельзен Г.* Кто должен быть гарантом конституции? // Шмитт К. Государство: право и политика. М.: Территория будущего, 2013. С. 359–410.
- Кельзен Г.* Судебная гарантия Конституции (Конституционная юстиция. Часть 1) // Право и политика. 2006. № 8. С. 5–14.
- Краснова О.И.* Понятие и сущность федерального законодательного процесса Российской Федерации: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.02. Махачкала, 2005.
- Коваленко В.И.* Предисловие // Политический процесс в России (1990–2001): сборник документов. М.: Издательство Московского университета, 2021. С. 5–8.
- Марченко М.Н.* Источники права. М.: Проспект, 2017.
- Натан Н.Дж., Уоллер Д.Дж.* Конституционный суд и политическая неопределенность: разрыв конституционной преемственности и «правление судей». Часть 1 // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4. С. 30–46.
- Пермяков Ю.Е.* Юридические доктрины естественного права. М.: Юрлитинформ, 2022.
- Петров А.А., Шафиров В.М.* Предметная иерархия нормативных правовых актов. М.: Проспект, 2021.
- Руссо Ж.Ж.* Об общественном договоре. Трактаты. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2000.
- Сильченко Н.В.* Проблемы иерархии источников права // Государство и право. 2018. № 4. С. 13–20.
- Соловьев А.И.* Политология: М.: Аспект Пресс, 2017.
- Толстик В.А.* Иерархия источников российского права. Н. Новгород: Общество «Интелсервис», 2002.

- Шмитт К. Гарант конституции // Шмитт К. Государство: право и политика М.: Издательский дом «Территория будущего», 2013. С. 29–220.
- Шмитт К. Политическая теология. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2000.
- Штолляйс М. История публичного права в Германии: Веймарская республика и национал-социализм. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2017.
- Aliprantis N., Olechowski T. Hans Kelsen: Die Aktualität eines großen Rechtswissenschaftlers und Soziologen des 20. Jahrhunderts. Wien: Manzsche Verlags- und Universitätsbuchhandlung, 2014.
- Bernstorff von J. Hans Kelsen's Judicial Decisionism versus Carl Schmitt's Concept of the One 'Right' Judicial Decision: Comments on Stanley L Paulson, 'Metamorphosis in Hans Kelsen's Legal Philosophy' // *Modern Law Review*. 2017. № 5. P. 860–894.
- Donhauser G. *Nomos or Law? Hans Kelsen's Criticism of Carl Schmitt's Metaphysics of Law and Politics* // *Hans Kelsen and the Natural Law Tradition*. Brill, 2019. P. 372–398.
- Magalhaes P.T. *The Legitimacy of Modern Democracy A Study on the Political Thought of Max Weber, Carl Schmitt and Hans Kelsen*. New York, 2021.
- Mehring R. Staatsrechtslehre, Rechtslehre, Verfassungslehre: Carl Schmitt Auseinandersetzung mit Hans Kelsen // *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie*. 1994. Bd. 80. H. 2. S. 191–202.
- Olechowski T. Hans Kelsen. Biographie eines Rechtswissenschaftlers. Tübingen: Mohr Siebeck, 2020.
- Paulson S.L. Hans Kelsen and Carl Schmitt: Growing Discord, Culminating in the "Guardian" Controversy of 1931 // Meirehenrich J., Simons O. *The Oxford Handbook of Carl Schmitt*. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 510–546.
- Quaritsch H. Souveränität im Ausnahmezustand: zum Souveränitätsbegriff im Werk Carl Schmitt // *Der Staat*. 1996. No. 1. S. 1–30

References

- Aliprantis, N., & Olechowski, T. (2014). *Hans Kelsen: The topicality of a great jurist and sociologist of the 20th century*. Vienna: Manzsche Verlags- und Universitätsbuchhandlung.
- Arzamasov, Yu.G. (2014). *Departmental rule-making process in the Russian Federation: dissertation for the degree of Doctor of Law. Sciences: 12.00.01*. Moscow. (In Russian).
- Benoit, de A. (2013). *Carl Schmitt today*. Moscow: IOI. (In Russian).
- Bernstorff, von J. (2017). Hans Kelsen's Judicial Decisionism versus Carl Schmitt's Concept of the One 'Right' Judicial Decision: Comments on Stanley L Paulson, 'Metamorphosis in Hans Kelsen's Legal Philosophy'. *Modern Law Review*, (5), 860–894.
- Donhauser, G. (2019). *Nomos or Law? Hans Kelsen's Criticism of Carl Schmitt's Metaphysics of Law and Politics*. *Hans Kelsen and the Natural Law Tradition*. Brill, 2019, 372–398.
- Istedt, M. (2015). Introduction to the Pure Doctrine of Law by Hans Kelsen. In *Hans Kelsen: Pure Doctrine of Law, Justice and Natural Law* (pp. 623–625). Saint Petersburg: Publishing House "Alef-press". (In Russian).
- Kelsen, G. (2006). Judicial guarantee of the Constitution (Constitutional Justice. Part 1). *Law and politics*, (8), 5–14. (In Russian).
- Kelsen, G. (2015). Pure doctrine of law: an introduction to the problems of the science of law. *Hans Kelsen: Pure doctrine of law, justice and natural law*. St. Petersburg: Publishing House "Alef-press", 107–240. (In Russian).
- Kelsen, G. (2013). Who should be the guarantor of the constitution? *Schmitt K. The State: Law and politics*. Moscow: Territory of the Future publ., 359–410. (In Russian).
- Kovalenko, V.I. (2021). Preface. *Political process in Russia (1990–2001). Collection of documents*. Moscow: Moscow University Press, 5–8. (In Russian).

- Krasnova, O.I. (2005). *The concept and essence of the federal legislative process of the Russian Federation*: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Sciences: 12.00.02. Makhachkala. (In Russian).
- Magalhaes, P.T. (2021). *The Legitimacy of Modern Democracy A Study on the Political Thought of Max Weber, Carl Schmitt and Hans Kelsen*. New York.
- Marchenko, M.N. (2017). *Sources of law*. Moscow: Prospect. (In Russian).
- Mehring, R. (1994). Staatsrechtslehre, Rechtslehre, Verfassungslehre: Carl Schmitt Engagement with Hans Kelsen. *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie*, (80), 191–202. (In German).
- Nathan, N.J., & Waller, D.J. (2017). The Constitutional Court and political uncertainty: the break in constitutional continuity and the “rule of judges”. Part 1. *Comparative Constitutional Review*, (4), 30–46. (In Russian).
- Olechowski, T. (2020). *Hans Kelsen. Biography of a legal scholar*. Tübingen: Mohr Siebeck.
- Paulson, S.L. (2017). Hans Kelsen and Carl Schmitt: Growing Discord, Culminating in the “Guardian” Controversy of 1931. *The Oxford Handbook of Carl Schmitt*. Oxford: Oxford University Press, 510–546.
- Permyakov, Yu.E. (2022). *Legal doctrines of natural law*. Moscow: Yurlitinform. (In Russian).
- Petrov, A.A., & Shafirov, V.M. (2021). *Subject hierarchy of normative legal acts*. Moscow: Prospect publ. (In Russian).
- Quaritsch, H. (1996). Sovereignty in a state of emergency: on the concept of sovereignty in the work of Carl Schmitt. *The State*, (1), 1–30.
- Rousseau, J.J. (2000). *About the social contract. Treatises*. Moscow: TERRA-Book Club; CANON-Press-C. (In Russian).
- Silchenko, N.V. (2018). Problems of hierarchy of sources of law. *State and Law*, (4), 13–20. (In Russian).
- Schmitt, K. (2000). *Political theology*. Moscow: Canon-Press-C. (In Russian).
- Schmitt, K. (2013). The Guarantor of the Constitution. In K. Schmitt, *The State: law and politics*. Moscow: Publishing House “Territory of the Future”, 29–220. (In Russian).
- Soloviev, A.I. (2017). *Political Science*. Moscow: Publishing House “Aspect Press”. (In Russian).
- Stolleis, M. (2017). *The History of Public Law in Germany: The Weimar Republic and National Socialism*. Moscow: Political Encyclopedia (ROSSPEN). (In Russian).
- Tolstik, V.A. (2002). *Hierarchy of sources of Russian law*. N. Novgorod: Publishing House “Intelservice Society”. (In Russian).
- Varga, Ch. (2012). Pitfalls of legal positivism (mutually refuting and complementary theories of Kelsen and Schmitt). *Legal positivism and competition of legal theories: history and modernity (to the 100th anniversary of the death of G.F. Shershenevich): Materials of the VI International Scientific and Practical Conference. Part 1*. Ivanovo, 233–254. (In Russian).
- Vasev, I.N. (2022). The significance of the hierarchy of normative legal acts for conflict of laws enforcement. *Russian-Asian Legal Journal*, (1), 4–10. (In Russian).

Сведения об авторе:

Уханов Антон Дмитриевич — ассистент кафедры теории и истории российского и зарубежного права, институт права, Владивостокский государственный университет (e-mail: vin-chun.95@list.ru) (ORCID: 0000-0003-0113-5057)

About the author:

Anton D. Ukhanov — Assistant of the Department of Theory and History of Russian and Foreign Law, Institute of Law, Vladivostok State University (e-mail: vin-chun.95@list.ru) (ORCID: 0000-0003-0113-5057)

РОССИЯ МЕЖДУ РАЗДЕЛЕНИЕМ И ОБЩЕСТВЕННЫМ СОГЛАСИЕМ

RUSSIA IN A FINE LINE BETWEEN CLEAVAGES AND SOCIAL HARMONY

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-77-96

Научная статья / Research article

«Как нам обустроить Россию»: проблема общественного согласия в дискурсе постсоветской идентичности

А.Н. Иохим^{1,2} , М.А. Лагузова^{1,2}

¹ Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН,
Москва, Российская Федерация

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

 andrey.iokhim@gmail.com

Аннотация. Распад Советского Союза, масштабная трансформация политической и социальной структуры в начале 1990-х гг. актуализировали проблему нациестроительства в новом российском государстве. Поиск «национальной идеи» способствовал тому, что за последние тридцать лет в российском официальном дискурсе сменилось несколько доминирующих концепций идентичности: от отрицания советской идентичности и стратегии на сближение с западными демократиями до конструирования великодержавной консервативной идентичности «государства-продолжателя». Центральное место в дискурсе российской идентичности занимает проблема достижения общественного согласия посредством проработки отношения к прошлому, конструирования политических ценностей, определения символических границ политического сообщества. Данное исследование посвящено сравнению представлений об общественном согласии, артикулируемых в рамках ключевых концепций постсоветской идентичности России. Теоретико-методологической основой данного исследования является социально-конструктивистский подход к пониманию социальных феноменов и проблемы макрополитической идентичности. Используемая в данном исследовании методология дискурс-анализа позволяет проанализировать основные концепты, связанные с проблемой общественного согласия, в дискурсе постсоветской идентичности, а также увидеть трансформацию политического языка — языка самоописа-

© Иохим А.Н., Лагузова М.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

ния политического сообщества, благодаря которому определяются символические границы данного сообщества, идентифицируются «Мы» и «Они», легитимируется та или иная концепция идентичности и транслируются структурообразующие для нее смыслы. Авторы приходят к заключению, что ключевую сложность на пути достижения консенсуса относительно будущей модели идентичности России представлял тот идейно-мировоззренческий раскол, который сформировался уже в период перестройки. При этом, как показано, наиболее жизнеспособная модель общественного согласия была выработана в рамках консервативного дискурса идентичности, в основе которой лежат нарратив «государства-продолжателя» и патриотизм как консолидирующая политическая ценность.

Ключевые слова: общественное согласие, консолидация, идентичность, Россия, 1990-е, политический дискурс, атлантизм, евразийство, неославянофилы, неозападники, патриотизм

Для цитирования: *Иохим А.Н., Лагузова М.А.* «Как нам обустроить Россию»: проблема общественного согласия в дискурсе постсоветской идентичности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 77–96. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-77-96>

Благодарности: Исследование выполнено в ФГБУН ФНИСЦ РАН (проект «Современные концепции общественного согласия: актуальные проблемы политической теории и практики», регистрационный номер в ЕГИСУ НИОКТР 1022061600085-5-5.6.1) при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и ЭИСИ.

“How Do We Arrange Russia”: The Problem of Social Harmony in the Discourse of Post-Soviet Identity

Andrey N. Iokhim^{1,2} , Maria A. Laguzova^{1,2}

¹*Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

²*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

 andrey.iokhim@gmail.com

Abstract. The collapse of the Soviet Union, the large-scale transformation of the political and social structure in the early 1990s actualized the problem of nation-building in the new Russian state. The search for a “national idea” has contributed to the fact that over the past thirty years several dominant concepts of identity have changed in the Russian official discourse: from the denial of Soviet identity and the strategy of rapprochement with Western democracies to the construction of a great-power conservative identity of the “successor state”. The central place in the discourse of Russian identity is occupied by the problem of achieving social harmony through the elaboration of attitudes to the past, the construction of political values, the definition of symbolic boundaries of the political community. This research is devoted to the comparison of ideas about social harmony articulated within the framework of key concepts of post-Soviet identity of Russia.

Keywords: social harmony, consolidation, identity, Russia, 1990s, political discourse, Atlanticism, Eurasianism, neo-Slavophiles, neo-Westerners, patriotism

For citation: Iokhim, A.N., & Laguzova, M.A. (2023). “How do we arrange Russia”: The problem of social harmony in the discourse of post-Soviet identity. *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 77–96. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-77-96>

Acknowledgements: The article was prepared in the FSBI of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (project “Modern concepts of public Consent: actual problems of political theory and practice”, registration number in the USISU R&D 1022061600085-5-5.6.1) with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and EISI.

Введение

За тридцать лет постсоветской истории в России не только произошла масштабная трансформация политической системы, социальных отношений, экономических связей, но и сменилось несколько доминирующих концепций макрополитической идентичности. Если в начале 1990-х гг. в политическом дискурсе ключевыми являлись стратегии отрицания советского прошлого и сближения с западными либеральными демократиями, то уже в середине последнего десятилетия XX в. руководством страны был анонсирован поиск «национальной идеи», а доминирующими нарративами в дискурсе идентичности последующих десятилетий стали реабилитация советского и имперского прошлого, великодержавная идеология «государства-продолжателя» и патриотическая консолидация общества.

Трансформации дискурса макрополитической идентичности России отвечали запросу на поиск общего «политического языка» в новом демократическом государстве, возникшем после распада СССР, а также тех политических ценностей, которые могли бы стать фундаментом для достижения согласия внутри российского общества.

Постсоветский опыт российского нациестроительства представляет собой наглядный кейс дискурсивной конкуренции за определение и утверждение концепции макрополитической идентичности. Этот процесс идет уже не первое десятилетие и идет сложно: он сопровождается периодической актуализацией дискуссий о необходимости национальной идеологии и поиска национальной идеи, пересмотром оценок исторического прошлого и проектов будущего.

В этой связи представляется крайне актуальным исследование эволюции идей, призванных обеспечить консолидацию российского общества и транслируемых в рамках постсоветского дискурса российской идентичности. Современный масштабный кризис, сопровождающийся беспрецедентным давлением на Российскую Федерацию со стороны коллективного Запада и политикой откровенной русофобии, выдвигает вопрос о достижении и сохранении согласия внутри российского общества на первый план.

Конструктивисты вслед за Б. Андерсеном трактуют ее в качестве «воображаемого сообщества» [Андерсон 2001]. Идентичность, с позиции социального конструктивизма, является продуктом взаимодействия членов политического

сообщества, она формируется и трансформируется посредством публичных символических / дискурсивных практик, в борьбе которых устанавливается то, что М. Фуко обозначает как «режим истины» [Foucault 1972].

Модель макрополитической идентичности России, возникшая в начале 1990-х гг. после распада Советского Союза, опиралась на идею демократии, а точнее — либерально-демократическую модель западного образца. В условиях деградации политических и государственных институтов, разрыва прежних социально-экономических связей и низкого уровня жизни большинства граждан России эффективность данной модели идентичности напрямую зависела от успеха либеральных политических и экономических реформ, осуществляемых руководством страны. Неспособность реформаторов решить наиболее острые социальные задачи приводила к разочарованию подавляющей части общества в самой демократической модели.

Характерно, как справедливо отмечает О.Ю. Малинова, что одним из ключевых факторов неудачи проводимых в 1990-е гг. преобразований руководство страны считало «издержки» той же демократии [Малинова 2010: 21]. Так, причиной «пробуксовки» объявлялся «дефицит доверия» со стороны граждан¹.

Демократическая модель идентичности, транслировавшаяся в официальном политическом дискурсе первой половины 1990-х гг., предполагала идеологический нейтралитет государства, а статья 13 Конституции РФ исключала возможность государства выступать активным субъектом на поле идеологической борьбы.

Существенная трансформация политики идентичности постсоветской России происходит уже в начале второго президентского срока Б.Н. Ельцина, когда в 1996 г. он анонсирует работу по формированию новой национальной идеи, задача которой заключалась в поиске консолидирующих ценностей и устранении «дефицита доверия» в обществе. Однако в 1990-е гг. разработки новой макрополитической идентичности, инициированные «сверху», не увенчались успехом: необходимый консенсус так и не был достигнут. Американский политолог М. Урбан отмечает, что, несмотря на то, что коммунистический, патриотический, демократический и государственный дискурсы российской идентичности «имеют структурное сходство» и «общую цель — сформулировать эксплицитно идею сообщества и превратить ее в государственную идеологию», острота конфликта вокруг содержания данной «идеологии» так и оставалась очень высокой [Urban 1998: 985].

Указанные идеологические размежевания стали одной из ключевых проблем на пути достижения согласия по вопросу концептуального и ценностного содержания новой идентичности постсоветской России или того, что Ельцин обозначил как «национальную идею». «...Идеологические расколы, сложившиеся в годы Перестройки и углубившиеся с началом реформ, — пишет

¹ Ельцин Б.Н. Послание Президента Российской Федерации от 30.03.1999 г. «Россия на рубеже веков» // Президент России: сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/22400> (дата обращения: 14.11.2022).

О.Ю. Малинова, — затрудняли политическое самоопределение российского общества и конструирование моделей коллективной идентификации, способных стимулировать солидарность, перекрывающую неизбежные различия» [Малинова 2010: 11].

Таким образом, именно необходимость устранения «дефицита согласия» в обществе стала ключевым фактором поиска новой консолидирующей макрополитической идентичности. В свою очередь, те идеологические расколы, которые возникли еще на заре формирования новой российской государственности в конце 1980-х — начале 1990-х годов, будут определять направление дискуссий о постсоветской российской идентичности и характер всей политико-идеологической борьбы последних трех десятилетий.

«Неозападники» vs. «неославяновилы»: разные пути к согласию

Проблема согласия в обществе представляет собой сложный, многогранный феномен, который присутствует в западническом неославянофильском, националистическом, неоевразийском дискурсах идентичности 1990–2000-х гг. Вследствие того, что речь идет о достаточно продолжительном промежутке времени и широком спектре течений, в рамках данной статьи ограничимся обзором установок лишь некоторых авторов, идеологических групп и организаций. При этом следует признать, что причисление к тому или иному идеологическому лагерю, равно как и их классификация, нередко имеет весьма условный характер. Существование перечисленных движений не отличается внутренним единством, нередко их представители по различным вопросам занимают противоположные позиции.

В начале 1990-х гг. в России, находящейся в условиях сильнейшего социально-политического и идейного раскола, проблема достижения национального примирения и общественного согласия была чрезвычайно острой. Со стороны властной элиты практическими, хотя и во многом популистскими шагами в этом направлении стали принятие Постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ № 65–1 ГД от 23.02.1994 г. «Об объявлении политической и экономической амнистии» и подписание 28.04.1994 г. Договора об общественном согласии. Под действие Постановления попадали фигуранты уголовных дел, связанных с событиями августовского кризиса 1991 г., участники ГКЧП, защитники Верховного Совета РФ в октябре 1993 г., а также лица, привлеченные к ответственности за ряд хозяйственных преступлений. Договор предполагал достижение в стране политической стабильности и гражданского мира, а также конструктивное сотрудничество между основными политическими силами. Документ включал в себя обязательства подписантов не инициировать политических кампаний с целью проведения досрочных, не предусмотренных Конституцией 1993 г. выборов федеральных органов власти; отказ от силовых методов решения конфликтов; принятие мер по преодолению социально-экономического кризиса и укреплению

единства экономического, политического и правового пространства РФ; развитие многонационального российского общества в режиме диалога и др.

Однако полного согласия не случилось даже на бумаге. Среди 245 подписантов Договора отсутствовали важные политические силы в лице КПРФ, «Яблока», «Аграрной партии России», «Трудовой России», «Русского национального собора», «Фронта национального спасения» и др. Одним из не подписавших Договор был лидер партии либерально-западнического толка «Яблоко» Г.А. Явлинский. Еще в 1991 г. он с единомышленниками говорил, что для решения проблем, стоявших в переходный момент перед государством, наряду с уже имеющимися политическими институтами были необходимы принципиально новые формы². Такой формой, по их мнению, могла стать политика общественного согласия («ОС»), заключающаяся в организации переговоров главных политических сил по ключевым вопросам текущего и будущего состояния дел в стране, выработке решений, удовлетворяющих большинство из этих сил, и отказе от насилия.

При этом допускалось, что органы государственной власти, опирающиеся в этих случаях на широкую общественную поддержку, при необходимости могли оказывать давление на политические силы, бойкотирующие переговоры и использующие насильственные действия. Одновременно подчеркивалось, что имеется в виду не разовая акция, а длительный переговорный процесс с целью укрепить институты представительной демократии и не допустить насильственные формы политической борьбы. Политика «ОС» базировалась на трех основных принципах: 1) констатация участниками переговоров факта «неприемлемости продолжающегося ухудшения ситуации в стране и невозможности преодоления этой тенденции в условиях жесткой политической конфронтации»; 2) признание того, что ни одна из сил не имеет достаточного политического потенциала для самостоятельного вывода страны из кризиса; 3) отказ политических сил от стремления к победе над другими политическими силами, стремление к поиску взаимного компромисса [О политике «Общественного согласия» 1991].

Задачами политики «ОС» признавались решение экономических проблем (межреспубликанские соглашения в рамках экономической политики, договоренность органов исполнительной власти с профсоюзами о взаимных обязательствах, антиинфляционная программа, поддержание обороноспособности страны), урегулирование межнациональных и социальных конфликтов (прекращение вооруженных столкновений, решение проблемы беженцев, роспуск незаконных вооруженных формирований, создание организаций, представляющих интересы различных социальных слоев и профессиональных групп и др.), достижение соглашений о будущем государственном устройстве.

Обнаружить концептуальные основы тех нарративов саморепрезентации постсоветской России, которые будут впоследствии ключевыми в дискурсе

² Явлинский Г., Задорнов М., Зверев С., Иваненко С., Макушкин А., Мельников А., Михайлов А., Ярыгина Т. О политике «общественного согласия» и практических мерах по ее реализации в СССР. URL: <https://www.yabloko.ru/Publ/Soglas/os.html?ysclid=lee20205gf654483456> (дата обращения: 14.11.2022)

идентичности периода 1990-х гг., можно уже в советском официальном дискурсе 80-х гг. прошлого столетия. На основе политических программ организаторов и сторонников перестройки, советских диссидентов и реформаторов либерального толка в конце 1980-х гг. появляется идеология «нового западничества» — «атлантистская» концепция идентичности. В центре данной концепции — идея «общего европейского дома», которая была артикулирована еще в начале десятилетия в последние «брежневские» годы, однако стала важным элементом советского политического дискурса в «горбачевский» период³. В основе западнической модели идентичности лежит представление об «органической», исторически и культурно обусловленной взаимосвязи нашей страны с Европой: «Мы — европейцы. С Европой Древнюю Русь связало христианство... История России — органическая часть европейской истории» [Горбачев 1988: 200]. Характерной чертой этих построений был отказ от прошлого, стремление копировать западные модели, однако пространственная концепция «возвращения» в Европу не имела будущего [Sakwa 2020].

Также одним из основных аспектов «атлантистского» дискурса российской идентичности является акцентирование внимания на универсальных правах человека. В этой связи политический идеал и необходимую «историческую» цель сторонники данной концепции идентичности видели в формировании полноценного правового государства, что, по их мнению, автоматически снимет с повестки проблему социокультурных, исторических или даже «естественных» противоречий между Россией и Европой.

Несмотря на попытки сторонников западного пути развития достичь согласия в обществе, их безоглядная ориентация на неолиберальную модель развития, сопровождавшаяся стремительным проведением экономических и политических реформ начала 1990-х гг., стала отправной точкой роста недовольства и постепенного разочарования значительной части населения страны в правильности выбранного направления. Если непосредственно после распада СССР в России круг либеральных (западнических) движений и политических партий был широким и разнообразным («Вперед, Россия!», «Выбор России» — «Демократический выбор России», «Общее дело», Партия экономической свободы, «Правое дело», «Яблоко» и др.), то с течением времени их количество стремительно уменьшалось ввиду низких электоральных рейтингов, что, впрочем, не мешало приверженцам либеральных взглядов присутствовать в органах исполнительной власти. После 2014 г. и в особенности в свете последних событий на Украине возможности для трансляции либерального дискурса с его принципиальным западничеством, в том числе в части проблемы общественного согласия, существенно сократились. В обществе наступило понимание того, что «Россия все дальше и дальше во времени и пространстве старалась казаться не тем, чем является на самом деле» [Маслин 2021: 407].

Социокультурные и политические проекты, выдвигавшиеся в рамках условного «антизападнического» дискурса российской идентичности, так или иначе

³ Европа — наш общий дом // Правда. 1985. 13 окт.

концептуализировали вопрос об особой исторической миссии России и порочности «европеизации» страны. В частности, против идеи «общего европейского дома» выступал А. Солженицын, призывавший в известной работе «Как нам обустроить Россию» не к свободным выборам и многопартийности, а к обретению «духовной ясности»⁴. Уже в 1991–1992 гг. западническая артикуляция стала терять свои доминирующие позиции и вытесняться формирующимся дискурсом великодержавия. Помощник президента РФ С. Станкевич в своей статье 1992 г. назвал спор о месте новой России в мире противоборством «атлантизма» и «евразийства»⁵, подчеркивая необходимость возвращения стране статуса великой державы посредством формулирования национальных интересов и отказа от «слепого» дрейфа в направлении западных демократий.

Идейное противостояние западничества и славянофильства, основы которого были положены в XIX в., с началом перестройки стало проявляться с новой силой. Но если в 1990-е гг. перевес был на стороне западничества, то в последнее время наблюдается устойчивая тенденция обращения к идеям славянофильства, что было связано с «ростом интереса к национальному аспекту, народным традициям, повышению роли православия в обществе» [Багаева, Жапова 2020: 17]. Приверженцы его постулатов — представители современного консерватизма — предлагают свой, отличный от западнического, путь модернизации страны и достижения общественного согласия. Их устремления направлены на сохранение русской идентичности, общественно-религиозных и культурных отечественных традиций, а также недопущение необдуманного копирования западных образцов. Своеобразным обобщением подобного миропонимания могут служить мысли одного из продолжателей славянофильских традиций и выразителя антизападнических идей В.Г. Распутина: «Национальную идею искать не надо, она лежит на виду. — Это — правительство наших, а не чужих национальных интересов, восстановление и защита традиционных ценностей, изгнание в шею всех, кто развращает и дурачит народ, опора на русское имя... Это — покончить с обезьяньим подражателем чужому образу жизни, остановить нашествие уродливой „культуры“, создать порядок, который бы шел по направлению нашего исторического и духовного строения, а не коверкал его»⁶.

Идеологические последователи славянофилов в 1990–2000 гг. предпринимали попытки синтеза идей русского патриотизма и собственного пути развития с основными принципами гражданских прав и свобод. Элементы неославянофильства присутствовали в установках ряда политических объединений 1990-х гг., таких как Конгресс русских общин, Общероссийское политическое общественное движение «Социально-патриотическое движение «Держава»», Российское народное собрание, Русский национальный собор, Российское христианское демократическое движение, а также организаций монархической

⁴ Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения // Литературная газета. Приложение. 1990. 19 сент.

⁵ Станкевич С. Держава в поисках себя // Независимая газета. 1992. 28 марта.

⁶ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999. 30 дек. С. 59.

направленности. По мнению ряда исследователей, об объединяющей идее в русле славянофильства говорили В.В. Аксючиц, Л.И. Бородин, С.Ю. Глазьев, Н.А. Нарочницкая, Д.О. Рогозин, А.И. Солженицын, И.Р. Шафаревич и др. «Сегодняшние итоги и задачи, — утверждает Н.А. Нарочницкая, — вызывают к чувству национальной солидарности не перед внешним врагом, а для духовно-исторического делания и продолжения исторической жизни... Ибо нация, способная сохранить себя в истории, это не простая сумма индивидов, а преемственно живущий организм с целями и ценностями национального бытия, с общим духом и верой, представлениями о добре и зле, с общими историческими переживаниями. Именно это и делает из народонаселения нацию, способную к творческому историческому акту». И далее заключает: «Нас разделяют символы прошлого, но должны объединить задачи будущего» [Нарочницкая 2005: 72].

Представители неоевразийства, выступающего альтернативой европоцентризму, акцентируют внимание на необходимости единства славянских и тюркских народов в обновленном формате, ориентации на Восток, сближении с КНР, критике западнических и либеральных идей. Позиции его приверженцев (Э.А. Баграмова, Л.Н. Гумилева, А.Г. Дугина, Н.А. Назарбаева, А.С. Панарина, В.Я. Пашенко, В.Л. Цымбурского и др.) во многом различны, равно как и различна оценка их воззрений обществом, политиками и научным сообществом. Например, в отличие от Н.А. Назарбаева, видевшего в основе интеграционных процессов евразийского пространства экономику, А.С. Панарин считал важнейшим консолидирующим началом постсоветского пространства духовное единение: «Евразийскому пространству, бесспорно, нужны кропотливые организаторы и работники, предприниматели и эксперты... Но никак не меньше ему нужны пламенные носители Веры и Смысла, ибо только взятое в духовном измерении оно обретает единство, притягательность и центростремительный потенциал. Никакие другие формы интеграции не могут дать надежного результата без духовной интеграции...» [Панарин 1999: 119]. Одновременно в основе Евразийского союза должны лежать «евразийские ценности, или два крупных „духовных текста“: православно-византийский и исламский» [Панарин 2002: 251]. Согласно теории А.С. Панарина, «христианский текст, ослаблен „большевистским погромом“ и обладает слабым интегративным потенциалом. Именно союз христианства и ислама поможет скрепить единство евразийской цивилизации... речь идет не о теократии или новой идеологии, а именно о духовной интеграции народов Евразии» [Панарин 1999: 253]. Вместе с этим основой союза государства и народа он считал не общественный договор, а веру как одну из самых ценных благ русского человека.

А.Г. Дугин активно продвигает идеологию евразийства, видя в ней единственную возможность объединения российского общества вокруг национальной идеи и гаранта безопасности в стратегическом, цивилизационном и политическом смыслах. В числе прочего, по его мнению, евразийская интеграция должна быть построена на основе межконфессионального, прежде всего христианско-исламского, диалога. Понимая, что догматические различия религий непреодолимы, А.Г. Дугин призывает не к слиянию, а к стратегическому альянсу

традиций. Основой диалога должна стать общность интересов всех традиций перед угрозой глобальной секуляризации и возможного отказа от религиозности. В отсутствие общего врага существует высокая вероятность возникновения межрелигиозных противоречий, а при его наличии религии получают новую основу для союзничества. В таком союзничестве, считает А.Г. Дугин, и состоит смысл евразийства. Вместе с тем «для сохранения России, Евразии и русского народа» в условиях противостояния «с геополитическим и цивилизационным противником» он ставит «вопрос о создании новой идеологии как четвертой политической теории» [Некрасов 2022: 64].

Среди других его предложений — расширение кампании по пресечению способствующей дестабилизации общества деятельности «пятой» и особенно «шестой» колонны, под которой он понимает либералов-западников, занимающих высокие государственные посты. Эти элиты, «укрепившиеся на верхах общества», все еще «сильны и влиятельны», а в отечественной экономике, образовании, культуре и науке по-прежнему превалируют «либеральные идеи, теории и методы», что способствует дезориентации общества и, как следствие, усилению «внутренних противоречий» [Дугин 2021: 22].

В возрождении правых консервативных традиций в 1990-е гг. большую роль сыграли течения современного русского национализма. Их возникновение было связано, в первую очередь, с распадом СССР и радикальной критикой возникшего после него политического и экономического порядка. Движения националистического толка, представлявшие собой многообразие идей и смыслов ленинско-сталинской идеологии, русского патриотизма и социализма 1930–1950-х гг., были представлены внушительным диапазоном персоналий: от писателей и философов до представителей андеграундного искусства. Националистические настроения присутствовали в риторике общественных объединений и партий («Великая Россия», КПРФ, ЛДПР, Национал-большевистская партия, Национально-патриотический фронт «Память», «Народный союз», «Союз офицеров», «Фронт национального спасения», «Родина» и др.), представителей субкультуры (скинхеды) и отдельных авторов. Так, в программных документах ЛДПР русский вопрос всегда занимал важное место — партия предлагала имперский национализм, опирающийся на государственное начало. Отвергая этнический национализм, ее представители во главе с В.В. Жириновским признавали приоритет русской культуры без ущемления прав представителей других национальностей и конфессий. Все граждане, согласно позиции партии, являются «своими людьми», если они патриоты России и уважают русский язык и культуру.

Выразителем имперского направления современного национал-патриотизма можно считать писателя, общественного и политического деятеля А.А. Проханова. Еще за месяц до августовского путча 1991 г. он с соратниками выпустил обращение к соотечественникам и армии «Слово к народу», где призвал всех к объединению, чтобы не допустить распада государства и экономики, предотвратить возникновение межнациональной розни и гражданской войны, содействовать укреплению советской власти и превратить ее в действи-

тельно народную, а не в источник доходов для нуворишей. В последние годы им предпринимается попытка создания всероссийского движения «Русская мечта», которое призвано объединить творческих людей, ученых и т.д. с целью выявления единой миссии регионов России, ее народов, культур и верований, сплотившихся в едином государстве. Русская мечта государства складывается из «мечтаний» отдельных русских земель и областей. Это «философия, основанная на понимании исторических кодов», складывающихся из «кодов русского чуда», «представления о России как о душе мира», из «упования на общее дело», когда победа — не достижение отдельного человека, а «достижение всего народа» [Проханов 2020: 4].

Сильное государство как основа общественного согласия

Нарратив «великой державы» становится определяющим в дискурсе российской идентичности во второй половине последнего десятилетия XX в. Так, в 1999 г. идентичность России как государства-продолжателя подвергается закреплению посредством радикальной секьюритизации: дискурсивные практики безопасности, конструирующие и воспроизводящие образ «Другого-Врага», способствуют единению общества перед лицом этого «Врага» и вытеснению за пределы коллективной идентичности альтернативных репрезентаций. Официальные интерпретации событий в Югославии еще больше усилили разочарование российских граждан в попытках обустроить страну по либерально-демократическому проекту.

В своей программной статье «Россия на рубеже тысячелетий» В. Путин артикулирует великодержавный нарратив государства-преемника как единственный вариант консолидации различных проектов российской идентичности и как возможность для модернизации: «У нас государство, его институты и структуры всегда играли исключительно важную роль в жизни страны, народа. Крепкое государство для россиянина не аномалия, не нечто такое, с чем следует бороться, а, напротив, источник и гарант порядка, инициатор и главная движущая сила любых перемен»⁷. Путин стремится обеспечить консенсус основных политических сил страны за счет согласования разных и взаимоисключающих темпоральных идентичностей России через идею «крепкой государственности». Поэтому он не отказывается от стратегии европеизации и демократизации страны, однако подчеркивает, что «действительно успешное, но сопряженное с чрезмерными издержками обновление нашей Родины не может быть достигнуто просто переносом на российскую почву абстрактных моделей и схем, почерпнутых из зарубежных источников»: вместо «механического копирования» чужого опыта Россия «обязана искать свой путь обновления».

Идеи «крепкой государственности» и «особого пути» развития России как «государства-продолжателя» являются узловыми точками доминант-

⁷ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999. 30 дек.

ного дискурса великодержавной идентичности, сформировавшегося после вступления В. Путина в должность президента. Относительно этих узловых точек конструируется смысловая матрица официальной репрезентации России во внешнем мире и получают содержательное наполнение изначально «пустые», т.е. деполитизированные, понятия «демократия», «национальная идея», «свобода», «справедливость», «права человека» и т.п. Будучи подчеркнута консервативным по своим ценностно-идеологическим параметрам, дискурс российской идентичности 2000-х — начала 2010-х гг. представляет собой практику артикуляции, направленную на конституирование политической общности как внутренне непротиворечивой структуры посредством определения границ сообщества, вытеснения альтернативных интерпретаций и устранения его дискурсивных дислокаций. Следствием такой практики становится аккумуляция частных нарративов вокруг коллективной идентичности «Мы — Свои» и их разграничение с идентичностями «Они — Чужие».

В. Морозов называет практику репрезентации России, сложившуюся в 1999 г. — в период косовских событий — и закрепившуюся в официальной риторике 2000-х гг., «романтическим реализмом». В его основе лежит механизм конструирования сообщества как нации, в котором коллективная идентичность «Мы» осмысливается и интерпретируется через отношение к государству и, что самое главное, от его имени [Морозов 2009: 358–359]. А. Цыганков в этом отношении совершенно справедливо характеризует внешнеполитический курс России после 2001 г. как «великодержавный прагматизм» [Tsygankov 2006: 127–166], в контексте которого прагматическая аргументация официальной риторики сводится к деполитизированным и деидеологизированным национальным интересам, обретающим ценностное содержание в артикуляции задач и стратегий государственной власти.

Великодержавный дискурс секьюритизирует партикулярную идентичность, воспроизводя антагонизм с внешним миром и вытесняя за пределы сообщества «универсальную» альтернативу, которая репрезентируется как политико-идеологическая концепция западного «Другого». С. Прозоров подчеркивает, что консерватизм периода президентства Путина трактует свободу «скорее не как атрибут индивида, а как характеристику политического сообщества» [Prozorov 2005: 128]. Здесь обнаруживается определенная приверженность постсоветского великодержавного нарратива идеям славянофильства и евразийства: индивидуальное приобретает свое значение и экзистенциальный статус через причастность к органическому — «соборному» — единству в образе России. «Романтический реализм», таким образом, наделяет «политическое сообщество» (цивилизационное образование) интенциональностью, конструируя, согласно Л. Ионину, идеологию «консервативной геополитики», исключаяющей то или иное универсальное измерение человеческой идентичности, характерное для идеологии «прогрессивного глобализма».

В постструктуралистской теории консервативный дискурс российской идентичности может быть понят в категориях «археополитики» (С. Жижек) и «попу-

листской политики» (Э. Лаклау, Ш. Муфф). Если первая представляет собой «коммунитаристскую» попытку определить традиционное, закрытое и органически структурированное гомогенное социальное пространство, исключаящее пустоту, в которой может обнаружиться политический момент-событие» [Zizek 1999: 29], то «популистская политика» также стремится к консолидации общности в политическом пространстве, которое не допускает возникновения демократической политики.

Российский великодержавный дискурс «государства-продолжателя» 2000-х гг. конструируется через непрерывную связь советской темпоральности и постсоветской российской идентичности. В этих практиках особую роль играет дискурс о Великой Отечественной войне и Победе 1945 г. Он, выражаясь постструктуралистским языком, формирует «узловые точки» и «цепочки эквивалентности» [Laclau, Mouffe 1985] символической сферы российской политики: через концепты «Великая Отечественная война» и «Великая Победа» в публичном дискурсе определяются такие ключевые для концепции идентичности понятия, как «патриотизм», «свобода», «национальные интересы», «национальная гордость» и многие другие.

Память о войне и культ военных побед занимают особое место в практиках конструирования коллективных идентичностей. У. Хедетовт подчеркивает, что ментальность войны может лежать в основе нациестроительства, поскольку в коллективной памяти война не только является моментом единения государства и общества, но и тесно связана с понятием суверенитета, который отстаивается, завоевывается или утрачивается в ходе войны [Hedetoft 1993]. В этом отношении трудно переоценить значение героического нарратива Великой Отечественной войны для формирования национально-государственной идентичности современной России [Гудков 2005]. Победа 1945 г. является сегодня фактически единственной позитивной опорной точкой национального самосознания в постсоветском обществе. Дискурс о Победе не только «примиряет» россиян с советским прошлым и потерянной советской идентичностью, но также конструирует державное сознание и систему ценностных установок. Социолог Л. Гудков в этой связи отмечает, что память о войне связана с «двумя планами национальных состояний»: с одной стороны, это государственно-патриотический энтузиазм и мобилизация, а с другой — ценностная установка на стабильность и порядок [Гудков 2004].

Переложение деидеологизированной идентичности «государства-продолжателя» на современный великодержавный нарратив уже в 2000-е гг. возродило характерные для советской внешней политики американоцентризм и западоцентризм в целом. Результатом этих процессов становится тенденция к отрицанию универсалистских ценностей и норм, прочно ассоциирующихся с Западом, в том числе демократии, прав человека и политического плюрализма, а также проецирование образа внешнего врага на внутреннее политическое пространство через дискредитацию и протестных объединений как проводников «западных» интересов.

Консервативно-мобилизационный дискурс идентичности и патриотическая консолидация общества

Дискурс идентичности 2012–2022 гг. можно обозначить как консервативно-мобилизационный. В его основе лежит ясное представление об «угрозах» и «врагах» России, а также посыл к идеологической консолидации политического сообщества вокруг актуальных опасностей. Выступая на X Международном дискуссионном форуме «Валдай», В. Путин заявил: «При всей разнице наших взглядов, дискуссия об идентичности, о национальном будущем невозможна без патриотизма всех ее участников. Патриотизма, конечно, в самом чистом значении этого слова... Нам всем: и так называемым неославянофилам, и неозападникам, государственным и так называемым либералам — всему обществу предстоит совместно работать над формированием общих целей развития»⁸.

Период с начала третьего президентского срока В. Путина по сегодняшний день можно охарактеризовать как реставрацию и последующее закрепление охранительного дискурса великодержавной идентичности, что во многом стало реакцией на массовые протесты в Москве и крупных городах России в 2011–2012 гг. и на антироссийскую санкционную политику Запада после включения Крыма в состав РФ. По мнению М. Блэкберна из Уппсальского университета, начиная с 2012 г. в России в качестве официальной макрополитической идентичности воспроизводится концепция России как «государства-цивилизации», которая, по сути, отождествляет понятия «нации» и «государства» [Blackburn 2021].

Если дискурс 2000-х гг. являл своего рода попытку «реакционной модернизации» российской идентичности путем оспаривания либерально-универсалистской гегемонии и ее базовых концептов — «демократии» и «прав человека», то последующий поворот ознаменовался доминированием консервативной риторики и апелляцией к духовным и традиционным ценностям, не имеющим, впрочем, однозначной содержательной трактовки, однако фиксирующих четкую антизападную и антиуниверсалистскую направленность.

В середине 2010-х гг. в российском политическом дискурсе доминирующей концепцией идентичности становится консервативно-мобилизационная модель, центральной политической ценностью является патриотизм. Современные зарубежные исследователи в этой связи предлагают говорить о состоявшемся в третий президентский срок В. Путина «патриотическом повороте» [Kratochvíl, Shakhanova 2020] и формировании в современной России такого феномена, как «повседневный патриотизм» [Goode 2018]. Так, к примеру, и В. Путин в 2016 г. впервые очень четко назвал суть национальной идеи современной России: «У нас нет никакой, и не может быть другой объединяющей идеи, кроме патриотизма... Никакой другой идеи мы не придумаем, и придумывать не надо»⁹.

⁸ Путин В.В. Выступление на заседании X Международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 года // Президент России: сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19243> (дата обращения: 14.11.2022).

⁹ Путин: национальная идея в России — это патриотизм // РИА Новости. 2016. URL: <http://ria.ru/society/20160203/1369184806.html> (дата обращения: 14.11.2022).

Одним из основополагающих явлений в массовом политическом сознании россиян последнего десятилетия стал так называемый «Крымский консенсус». В узком смысле слова данное понятие обозначает единство мнений, суждений и взаимное согласие россиян относительно вхождения Крыма в состав Российской Федерации. Во втором, широком значении, Крымский консенсус — это согласие граждан страны относительно возникших после возвращения Крыма новых целей и ценностей общества; сплочение россиян вокруг Президента и осуществляемого им политического курса [Абрамов 2019].

Согласно результатам проведенного ВЦИОМ в апреле 2014 г. опроса общественного мнения: 96 % россиян оценили решение о принятии Крыма в состав Российской Федерации как правильное. При этом важно, что такое решение стало действительно единодушным. Его поддержали представители всех социальных групп российского общества: и жители городов-миллионников (98 %), и сельские жители (95 %), и молодежь (96 %), и люди преклонного возраста (97 %), и сторонники «Единой России» (97 %), и КПРФ (99 %) ¹⁰.

На еще один любопытный аспект Крымского консенсуса обратил внимание А.Б. Шатилов: присоединение Крыма способствовало формированию внутри-элитного консенсуса: решение властей поддержали не только «силовики» и чиновники (что традиционно), но и значительная часть представителей российской интеллектуальной и бизнес-среды, причем как «патриотического» и «центристского», так и «либерального» ее крыла.

Нынешний консервативно-мобилизационный дискурс идентичности предстает подчеркнуто премодерным. Для него характерно воспроизводство геополитических концептов, в том числе сакрализация территорий («для России Крым, древняя Корсунь, Херсонес, Севастополь имеют огромное цивилизационное и сакральное значение» ¹¹), и традиционалистская этнонационалистическая риторика: «Россия, как образно говорил философ Константин Леонтьев, всегда развивалась как „цветущая сложность“, как государство-цивилизация, скрепленная русским народом, русским языком, русской культурой, Русской православной церковью и другими традиционными религиями России» ¹²; «русский — это человек, считающий себя русским; не имеющий иных этнических предпочтений; говорящий и думающий на русском языке; признающий православное христианство основой национальной духовной культуры; ощущающий солидарность с судьбой русского народа» ¹³.

¹⁰ Крым в России — навсегда! // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=770> (дата обращения: 14.11.2022).

¹¹ Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации, 4 декабря 2014 года // Президент России: сайт. URL: www.kremlin.ru/transcripts/47173 (дата обращения: 14.11.2022).

¹² Путин В.В. Выступление на заседании X Международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 года // Президент России: сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19243> (дата обращения: 14.11.2022).

¹³ Декларация русской идентичности. Принята 11 ноября 2014 года по итогам заседания XVIII Всемирного русского народного собора // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: www.patriarchia.ru/db/text/508347.html (дата обращения: 14.11.2022).

Своего рода кульминацией утверждения в официальном дискурсе патриотизма в качестве ключевой ценности современной российской нации стало придание ему конституционного статуса в 2020 г. Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»¹⁴. Среди поправок к Конституции РФ 2020 г. вопросам формирования национальной идеи и патриотизма уделено большое внимание [см. подробнее: Бредихин 2021].

Таким образом, в начале 2020-х гг. патриотическая консервативная идентичность не только воспроизводится в официальном дискурсе как предпочтительная модель консолидации и достижения согласия в обществе, но и получает свое концептуальное и нормативное оформление. В современной версии российской Конституции особое внимание уделяется гражданской идентификации граждан с самобытной российской цивилизацией и культурой, а также патриотизму и гордости граждан за историческое прошлое России.

Заключение

Проблема общественного согласия и способы его достижения являются системообразующими нарративами ключевых концепций постсоветской идентичности России, артикулируемых как в рамках официального политического дискурса, так и в контексте идеологической борьбы различных политических сил. Более того, необходимость устранения «дефицита согласия» и стала в 1990-е гг. отправной точкой поиска «национальной идеи» и новой макрополитической идентичности, которая могла бы выполнить консолидирующую миссию вместо «деидеологизированной» и дискредитировавшей себя в массовом политическом сознании «либерально-демократической» идентичности.

Ключевую сложность на пути достижения консенсуса относительно будущей модели идентичности представлял тот идейно-мировоззренческий раскол, который сформировался уже в период перестройки и по своему содержанию воспроизводил «традиционную» для российского политического сознания дихотомию: «западники» / «славянофилы», «атлантизм» / «евразийство», «неозападники» / «неославянофилы».

Наиболее жизнеспособная модель общественного согласия была выработана в рамках консервативного дискурса идентичности, в основе которой лежат нарратив «государства-продолжателя» и патриотизм как консолидирующая политическая ценность.

Поступила в редакцию / Received: 16.10.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 29.11.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.12.2022

¹⁴ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Справочная правовая система Консультант плюс.

Библиографический список

- Абрамов А.В.* Крымский консенсус как феномен российского политического сознания // Пятилетие воссоединения Крыма с Россией: итоги и перспективы: сб. научных статей по материалам шестой Международной научно-практической конференции / под ред. А.А. Вилкова. Саратов: Саратовский источник, 2019. С. 3–9.
- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.
- Багаева К.А., Жапова Н.А.* Западничество и славянофильство: двести лет спустя // Евразийство и мир. 2020. № 1. С. 16–21.
- Бредихин А.Л.* Концепция национальной идеи в поправках к Конституции РФ 2020 г. // Экономика. Социология. Право. 2021. № 1 (21). С. 70–73.
- Бредихин А.Л.* Национальная идея: государственно-правовой аспект // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 3. С. 18–21.
- Горбачев М.С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1988.
- Гудков Л.Д.* Память о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 46–57.
- Гудков Л.Д.* Структура и характер национальной идентичности России // Полит.ру. 2004. 5 апреля. URL: https://polit.ru/article/2004/04/05/national_identity/#_ftnref8.
- Дробизева Л.М.* Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50.
- Дугин А.Г.* Манифест великого пробуждения // Общественно-политический журнал «Изборский клуб». 2021. № 5 (91). С. 4–23.
- Лутовинов В.И.* Национальная идея и стратегия национальной безопасности России как основа ее развития в XXI веке // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2021. № 3 (29). С. 34–37.
- Малинова О.Ю.* Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза: Политэкс. 2010. Т. 6. № 1. С. 5–28.
- Маслин М.А.* Национальная идея в контексте национальной безопасности России // Философия политики и права. 2022. № 13. С. 109–126.
- Маслин М.А.* Национальная идея как фундамент обеспечения и укрепления национальной безопасности России // Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации: сборник материалов круглого стола (25 августа 2021 г.); ВАГШ ВС РФ. М.: Издательский дом «ИМЦ», 2021.
- Морозов В.Е.* Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
- Нарочницкая Н.А.* За что и с кем мы воевали. М.: Минувшее, 2005.
- Некрасов С.Н.* Геополитика, православие, евразийство в концепциях А.Г. Дугина и проект четвертой политической теории // Научные исследования 2022: сборник статей III Международной научно-практической конференции. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». 2022. С. 64–67.
- Панарин А.С.* Политология. О мире политики на Востоке и на Западе. М.: Книжный дом «Университет», 1999.
- Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002.
- Панарин А.С.* Россия в циклах мировой истории. М.: Издательство Московского университета, 1999.
- Проханов А.А.* Коды Русской мечты // Общественно-политический журнал «Изборский клуб». 2020. № 10 (86). С. 3–4.

- Торбаков И.Б. «Непредсказуемое» или «неопределенное» прошлое? Международные отношения и российская историческая политика // Символическая политика. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / отв. ред. О.Ю. Малинова. М.: РАН ИНИОН, 2012. С. 91–125.
- Blackburn M. Mainstream Russian Nationalism and the “State-Civilization” Identity: Perspectives from Below // *Nationalities Papers*. 2021. Vol. 49, no. 1. P. 89–107.
- Foucault M. *The Archeology of Knowledge*. L.: Routledge, 1972.
- Goode J.P. Everyday patriotism and ethnicity in today’s Russia // *Russia before and after Crimea: Nationalism and Identity* / ed. by P. Kolstø, H. Blakkisrud, 2010–17. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2018. P. 258–281.
- Hedetoft U. National Identity and Mentality of War in Three EC Countries // *Journal of Peace Research*. 1993. Vol. 30, no. 3. P. 281–300.
- Kratochvil P., Shakhanova G. The patriotic turn and re-building Russia’s historical memory: Resisting the west, leading the post-soviet east? // *Problems of Post-Communism*. 2020. No. 68 (5). P. 1–13.
- Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialistic Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso, 1985.
- Prozorov S. Russian Conservatism in the Putin Presidency: The Dispersion of a Hegemonic Discourse // *Journal of Political Ideologies*. 2005. Vol. 10, no. 2. P. 121–143.
- Sakwa R. 1989 as a mimetic revolution: Russia and the challenge of post-communism // *Social Science Information*. September 2020. Vol. 59, no. 3. P. 439–458.
- Teper Y. Kremlin’s Post-2012 National Policies: Encountering the Merits and Perils of Identity-Based Social Contract // *Russia before and after Crimea: Nationalism and Identity* / ed. by P. Kolstø, H. Blakkisrud, 2010–17. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2018. P. 68–92.
- Tsygankov A.P. *Russia’s Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2006.
- Urban M. Remythologizing the Russian State // *Europe–Asia Studies*. 1998. Vol. 50, no. 6. P. 969–992.
- Zizek S. *Carl Schmitt and the Age of Post-Politics* // *The Challenge of Carl Schmitt* / ed. by C. Mouffe. L.: Verso, 1999.

References

- Abramov, A.V. (2019). Crimean consensus as a phenomenon of Russian political consciousness (pp. 3–9). In A.A. Volkov (Ed.), *The Fifth anniversary of the reunification of Crimea with Russia: results and prospects. Collection of scientific articles based on the materials of the Sixth International Scientific and Practical Conference*. Saratov: Saratov source publ. (In Russian).
- Anderson, B. (2001). *Imagined Communities*. Moscow: Canon-Press-Ts. (In Russian). [Anderson, B. (1983). *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. Verso].
- Bagaeva, K.A., Zhapova, N.A. (2020). Westernism and Slavophilism: Two hundred years later. *Eurasianism and the World*, 1, 16–21. (In Russian).
- Blackburn, M. (2021). Mainstream Russian Nationalism and the “State-Civilization” Identity: Perspectives from Below. *Nationalities Papers*, 49(1), 89–107.
- Bredikhin, A.L. (2021). National idea: State-legal aspect. *State power and local self-government*, 3, 18–21. (In Russian).
- Bredikhin, A.L. (2021). The concept of the national idea in amendments to the Constitution of the Russian Federation 2020. *Economics. Sociology. Right*, 1(21), 70–73. (In Russian).

- Drobizheva, L.M. (2020). Russian identity: The search for definition and dynamics of distribution. *Sociological research*, 8, 37–50. (In Russian).
- Dugin, A.G. (2021). Manifesto of the Great Awakening. *Socio-political magazine "Izborsky Club"*, 5(91), 4–23. (In Russian).
- Foucault, M. (1972). *The Archeology of Knowledge*. L.: Routledge.
- Goode, J.P. (2018). Everyday patriotism and ethnicity in today's Russia. In B.P. Kolstø & H. Blakkisrud (Eds.), *Russia before and after crimea: Nationalism and Identity, 2010–17* (1st ed., pp. 258–281). Edinburgh University Press.
- Gorbachev, M.S. (1988). *Perestroika and new thinking for our country and for the whole world*. Moscow: Politizdat. (In Russian).
- Gudkov, L.D. (2004). The structure and nature of the national identity of Russia. *Polit.ru*. April 5. Retrieved from: https://polit.ru/article/2004/04/05/national_identity/#_ftnref8 (In Russian).
- Gudkov, L.D. (2005). The memory of the war and the mass identity of Russians. *The Inviolable Reserve*, (2–3), 46–57. (In Russian).
- Hedetoft, U. (1993). National Identity and Mentality of War in Three EC Countries. *Journal of Peace Research*, 30(3), 281–300.
- Kratochvil, P., & Shakhanova, G. (2020). The patriotic turn and re-building Russia's historical memory: Resisting the west, leading the post-soviet east? *Problems of Post-Communism*, 68(5), 1–13.
- Laclau, E., & Mouffe, C. (1985). *Hegemony and Socialistic Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. L: Verso.
- Lutovinov, V.I. (2021). National idea and strategy of national security of Russia as the basis of its development in the 21st century. *Bulletin of the Moscow University named after S.Yu. Witte. Series 2: Legal Sciences*, (3–29), 34–37. (In Russian).
- Malinova, O.Y. (2010). The construction of macropolitical identity in post-Soviet Russia: symbolic politics in the transforming public sphere. *Political expertise: Politex*, 6(1), 5–28. (In Russian).
- Malinova, O.Yu (Ed.). (2012). Symbolic policy: Issue 1: Constructing ideas about the past as a power resource. Moscow: RAS INION. (in Russian)
- Maslin, M.A. (2021). National idea as a foundation for ensuring and strengthening the national security of Russia. In *Predicted challenges and threats to the national security of the Russian Federation and the directions of their neutralization: a collection of materials of the round table (August 25, 2021); VAGSH of the Armed Forces of the Russian Federation*. Moscow: Publishing House "IMC". (In Russian).
- Maslin, M.A. (2022). National idea in the context of national security of Russia. *Philosophy of Politics and Law*, 13, 109–126. (In Russian).
- Morozov, V.E. (2009). *Russia and Others: Identity and Boundaries of the Political Community*. Moscow: New Literary Review. (In Russian).
- Narochnitskaya, N.A. (2005). *For what and with whom we fought*. Moscow: The past. (In Russian).
- Nekrasov, S.N. (2022). Geopolitics, Orthodoxy, Eurasianism in the concepts of A.G. Dugin and the project of the fourth political theory (pp. 64–67.). In *Scientific Research 2022: collection of articles of the III International Scientific and Practical Conference*. Penza: ICNS "Science and Education". (In Russian).
- Panarin, A.S. (1999). *Political Science. About the world of politics in the East and in the West*. Moscow: University Book House.
- Panarin, A.S. (1999). *Russia in the Cycles of World History*. Moscow: Moscow University Press. (In Russian).
- Panarin, A.S. (2002). *Orthodox civilization in the global world*. Moscow: Algorithm. (In Russian).
- Prokhanov, A.A. (2020). Codes of the Russian dream. *Socio-political magazine "Izborsky club"*, (10–86), 3–4. (In Russian).

- Prozorov, S. (2006). Russian Conservatism in the Putin Presidency: The Dispersion of a Hegemonic Discourse. *Journal of Political Ideologies*, 10(2), 121–143.
- Sakwa, R. (2020). 1989 as a mimetic revolution: Russia and the challenge of post-communism. *Social Science Information*, (59–3), 439–458.
- Teper, Y. (2018). “Kremlin’s Post-2012 National Policies: Encountering the Merits and Perils of Identity-Based Social Contract.” In B.P. Kolstø & H. Blakkisrud (Eds.), *Russia before and after crimea: Nationalism and Identity, 2010–17* (1st ed., pp. 68–92). Edinburgh University Press.
- Torbakov, I.B. (2012). “Unpredictable” or “uncertain” past? International relations and Russian historical politics (pp. 91–125). In *Symbolic Politics. Issue 1: Constructing ideas about the past as a power resource*. Moscow: RAS INION. (In Russian).
- Tsygankov, A.P. (2006). *Russia’s Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity*. Lanham: Rowman & Littlefield.
- Urban, M. (1998). Remythologizing the Russian State. *Europe–Asia Studies*, 50(6), 969–992.
- Zizek, S. (1999). Carl Schmitt and the Age of Post-Politics (pp. 18–37). In C. Mouffe (Ed.), *The Challenge of Carl Schmitt*. L.: Verso.

Сведения об авторах:

Иохим Андрей Николаевич — кандидат политических наук, научный сотрудник ФГБУН ФНИСЦ РАН, научный сотрудник факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: andrey.iokhim@gmail.com) (ORCID: 0000-0001-8125-6363)

Лагузова Мария Андреевна — младший научный сотрудник ФГБУН ФНИСЦ РАН, аспирант факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: laguzova@bk.ru) (ORCID: 0000-0003-1507-1883)

About the authors:

Andrey N. Iokhim — PhD in Political Sciences, Research Fellow of the FCTAS RAS, Researcher at the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: andrey.iokhim@gmail.com) (ORCID: 0000-0001-8125-6363)

Maria A. Laguzova — Junior Researcher of the FCTAS RAS, Postgraduate Student of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: laguzova@bk.ru) (ORCID: 0000-0003-1507-1883)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-97-112

Научная статья / Research article

Приоритетные ценности «генетического кода» российской государственности

А.Б. Шатилов , З.И. Волхонская , Д.Д. Осинина

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация*

 ashatilov@fa.ru

Аннотация. В условиях внешнеполитического давления сохранение и укрепление единства граждан является одной из основных задач современного российского государства. Говоря о вызовах, стоящих перед Россией, в первую очередь, речь идет об угрозе утраты национальной и культурной идентичности граждан. Продолжающиеся дискуссии относительно самоопределения России в системе мировых и цивилизационных координат, а также образа единства в сознании нации подтверждают необходимость осмысления ценностных оснований сущности российской государственности, обобщения исторического опыта и определения цивилизационного хронотипа. Базовой методологической основой исследования выступает исторический институционализм. Проведенный анализ позволил выделить пять приоритетных ценностей «генетического кода» российской государственности: самоидентификация в рамках семьи, самовосприятие индивида как «хозяина своей земли», определение гражданской идентичности как чувства общности с народом и страной, уважение к традициям и истории, а также восприятие России как страны глобальных проектов. Данные элементы «генетического кода», по мнению авторов, отражают ценностное ядро российской государственности, а также определяют систему координат для идентификации россиян.

Ключевые слова: ценности, идентичность, государственность, «генетический код», социум, общественное мнение

Для цитирования: Шатилов А.Б., Волхонская З.И., Осинина Д.Д. Приоритетные ценности «генетического кода» российской государственности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 97–112. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-97-112>

Благодарности: Проект «Генетический код Российской государственности. Политическая система периода СССР» № 122101100042–2 реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

© Шатилов А.Б., Волхонская З.И., Осинина Д.Д., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Priority Values of the “Genetic Code” of the Russian Statehood

Alexander B. Shatilov , Zinaida I. Volkhonskaya , Daria D. Osinina

*Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation*

 ashatilov@fa.ru

Abstract. Under foreign policy pressure, preserving and strengthening the unity of citizens is one of the main tasks of the modern Russian state. Speaking about the challenges facing Russia, first, we are talking about the threat of losing the national and cultural identity of citizens. Ongoing discussions regarding Russia’s self-determination in the system of world and civilizational coordinates, as well as the image of unity in the consciousness of the nation, confirm the need to comprehend the value foundations of the essence of Russian statehood, summarize historical experience and determine the civilizational chronotype. The methodological basis of the research is historical institutionalism. The analysis made it possible to distinguish five priority values of the “genetic code” of Russian statehood: self-identification within the family, the self-perception of an individual as “the owner of his land”, the definition of civil identity as a sense of community with the people and the country, respect for traditions and history, as well as the perception of Russia as a country of global projects. These elements of the “genetic code,” according to the authors, reflect the value core of Russian statehood, and also determine the coordinate system for identifying Russians.

Keywords: values, identity, statehood, “genetic code”, society, public opinion

For citation: Shatilov, A.B., Volkhonskaya, Z.I., & Osinina, D.D. (2023). Priority values of the “genetic code” of the Russian statehood. *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 97–112. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-97-112>

Acknowledgements: The project “The genetic code of Russian statehood. The Political System of the USSR Period” No. 122101100042–2 was implemented at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences following the selection of scientific projects supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research.

Постановка проблемы

В своей постсоветской истории Российская Федерация сталкивалась с несколькими кризисами, среди которых социально-политическая нестабильность и рост центробежных сил в 1990-е гг., дефолт 1998 г. и санкционное давление Запада, начавшееся в 2014 г. и продолжающееся по сей день. Новым вызовом для российской государственности стали события, развернувшиеся после 24 февраля 2022 г., связанные с началом специальной военной операции по защите русскоязычного населения Донбасса, Херсонской и Запорожской областей. Объявленная странами Запада гуманитарная война против России вкупе с попыткой отмены российской культуры и России в целом поставили перед властью и обществом вопрос о четком формулировании уникального

ценностного ядра, воплощающего хромотип¹ российской государственности, специфику локализации страны в мире и всемирной истории. Ценностное ядро порождает символический ряд и ценностную систему государства, выступающую в роли «почвы» для самоидентификации индивида и отождествления себя с внешним миром.

Здесь необходимо отметить, что ключевым внешним триггером российской государственности, безусловно, является беспрецедентное экономическое, политическое, информационное и культурное давление Запада. Однако намного более серьезным фактором выступает смена ценностно-мировоззренческих ориентаций россиян, начавшаяся после распада Советского Союза и идущая по сей день, которая, по сути, оказывает давление «изнутри» на российское государство. За последние тридцать лет выросло целое поколение, воспитанное в духе западных ценностей индивидуализма и гедонизма, о чем свидетельствуют социологические замеры, о которых будет сказано далее. Так, исторически в России были сильны идеи патриотизма как преданности и любви к своей Родине, жертвенности и результата самоидентификации индивидов со страной, что отражалось в оценках представителей всех поколений². В то же время, согласно аналитическому отчету клуба «Валдай» от 2014 г., более 30 % молодых людей, родившихся в период с 1985 по 1999 г., не идентифицируют себя ни с какой из групп, характеризуя свой статус как «сам по себе»³. Подобные тенденции являются характерными преимущественно для США, стран Центральной и Западной Европы и отражают принципы либертарианской идеологии. В рамках данной идеологической модели у индивидов нет четкой системы ценностей, а вся идея строится вокруг восприятия свободы и индивидуализма в крайних вариациях, не предполагающих совместной жизни в обществе.

Между тем нация и государство связаны именно через призму процессов идентификации: нация, будучи «воображаемым политическим сообществом» [Anderson 1983], поддерживаемым на основании ментального образа своего сходства и исторической памяти, стремится к автономии, залогом которой является суверенное государство⁴. В свою очередь, государство, обладая символическими ресурсами, должно поддерживать образ единства в сознании нации. Последнее требует четкого определения ценностного базиса связки «общество — государство».

¹ Прим.: под термином хромотип в данной статье понимаются индивидуальные особенности российской государственности и цивилизационного самоопределения.

² Меньше слов, больше дела: как изменился патриотизм в России за 20 лет // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/expertise/menshe-slov-bolshe-dela-kak-izmenilsja-patriotizm-v-rossii-za-20-let> (дата обращения: 05.11.2022).

³ Национальная идентичность и будущее России // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/9miqlwj1un/direct/135819049> (дата обращения: 05.11.2022).

⁴ Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2014/2014-02-19-ros_identichnost.pdf (дата обращения: 05.11.2022).

Иными словами, сегодня перед Россией стоит задача осмысления ценностных оснований сущности российской государственности, обобщения исторического опыта страны, определения цивилизационного хронотипа с целью понимания внутренних условий социально-политической устойчивости государства, его статуса на мировой арене и формирования стратегического курса его дальнейшего развития.

Теоретический обзор

Формирование той или иной системы ценностей во многом определяется культурными факторами, особенностями организации социально-политической жизни, которые, в свою очередь, влияют на социально-историческую траекторию развития государства и общества [Степанищенко 2011]. Изучением закономерностей развития человеческого общества в рамках институциональной теории занимался Д. Норт [North 1989]. Он выделял три компонента в составе институтов, влияющих на развитие общества, среди которых: неформальные ограничения (складывающиеся в формате обычаев или традиций), формальные правила (обеспечиваемые установленными законами и нормативно-правовыми актами), а также механизмы принуждения (представленные органами правосудия и полицией). Институциональные изменения, по Д. Норту, как правило, возникают в двух случаях: либо вследствие ценовых сдвигов, происходящих на фоне технического прогресса, роста населения, открытия новых рынков и др., либо посредством идеологии, через призму которой люди воспринимают мир.

Обозначенные Д. Нортом компоненты и факторы важны для понимания «генетического кода», рассматриваемого в качестве социально-политической категории. Под «Генетическим кодом» применительно к государственности, отражающей преемственное состояние государственно-организованной общественной жизни с учетом развития экономики, культуры, геополитики и т.д., Р.И. Соколова понимает общественный идеал, свойства духа цивилизации, существующие на уровне коллективного бессознательного, проецирующиеся в общественной истории народов и формирующие ее константы [Соколова 2018]. Коллективность и общественность, свойственные «генетическому коду» государственности, позволяют говорить о важности рассмотрения еще одного термина — идентичности. Идентичность — это чувство принадлежности, которое испытывает человек, встроенный в ту или иную социальную категорию (семью, политическое движение, этническую группу и др.), по отношению к ней [Харичев, Шутов, Полосин, Соколова 2022]. Исследование идентичности строится на глубоких теоретических традициях (Э. Эриксон [Erikson 1959], М. Кастельс [Castells 1997] и др.) и подходах, основывающихся на типологиях идентичности (Т.В. Евгеньева [Евгеньева 2012], А.В. Селезнева [Евгеньева, Селезнева 2017], О.В. Попова [Попова 2013] и др.). Фундаментом идентичности являются упоминаемые ранее ценности, представляющие собой совокупность идей, разделяемых представителями обособленной группы.

Методология и методика исследования

Базовым методологическим подходом работы, позволяющим рассмотреть поставленную в исследовании проблему в рамках историко-компаративистской парадигмы, выступает исторический институционализм. Данный подход предполагает исследование институтов, их пространственно-временной трансформации, а также влияния на формирование социально-политических и экономических процессов [Steinmo, Thelen, Longstreth, 1992]. Специфика исторического институционализма в том, что он фокусирует свое внимание на эмпирических вопросах реального мира, исторических временных масштабах, а также на том, каким образом институты определяют контуры политического поведения [Артамонова 2015]. В качестве самостоятельного метода выступает традиционный качественный анализ документов, а также анализ вторичных социологических данных.

Основные результаты

По результатам проведенного анализа были выявлены следующие приоритетные ценности «генетического кода» российской государственности.

Во-первых, социологические замеры позволяют сделать вывод, что самоидентификация индивидов в рамках семьи продолжает играть важную роль. Так, несмотря на общее повышение интенсивности отождествления индивидов с малыми идентификационными группами⁵, приоритетное значение в структуре социальных идентичностей остается за семьей (рис. 1–2).

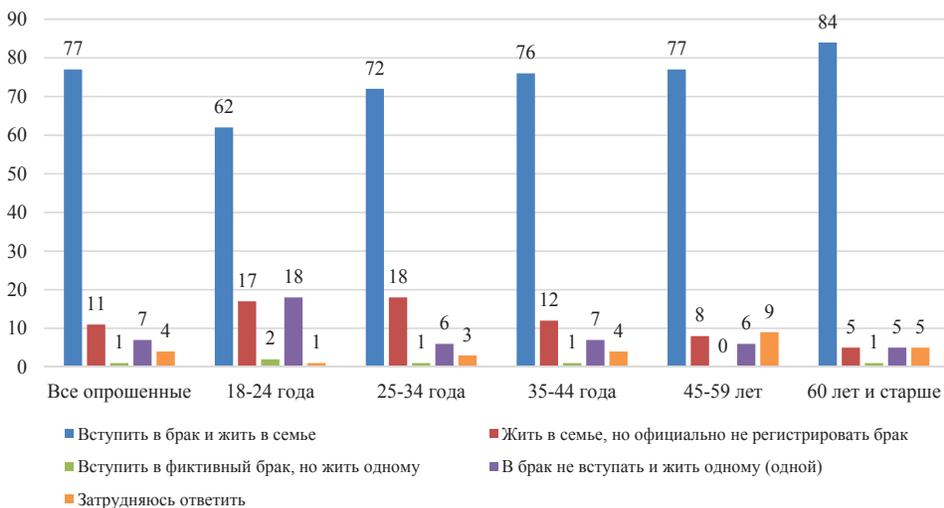

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос о предпочтительности семьи, брака и одиночества (по возрасту)

Источник: составлено авторами на основе данных ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otnoshenie-k-brakam-i-razvodam-monitoring> (дата обращения: 05.11.2022).

⁵ Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2014/2014-02-19-ros_identichnost.pdf (дата обращения: 05.11.2022).

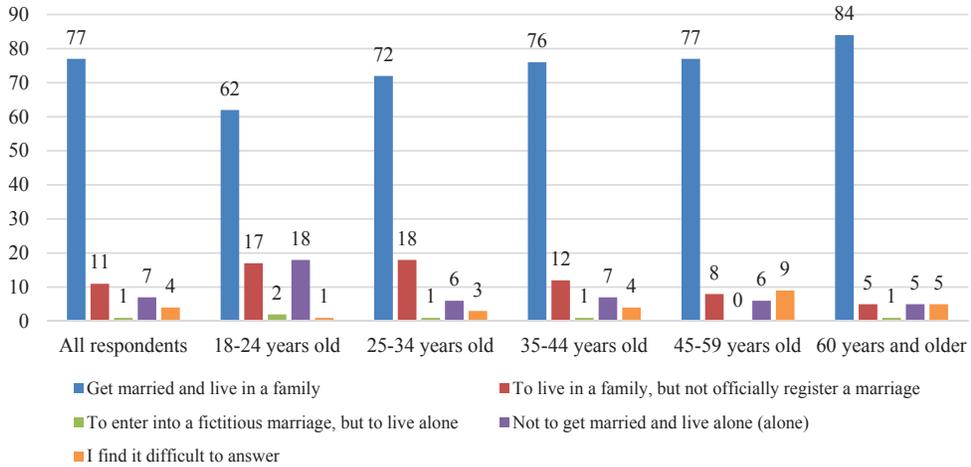

Figure 1. Distribution of respondents' answers to the question of preference for family, marriage and loneliness (by age)

Source: compiled by the authors based on VCIOM data.

Retrieved November 5, 2022, from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otnoshenie-k-brakam-i-razvodam-monitoring>

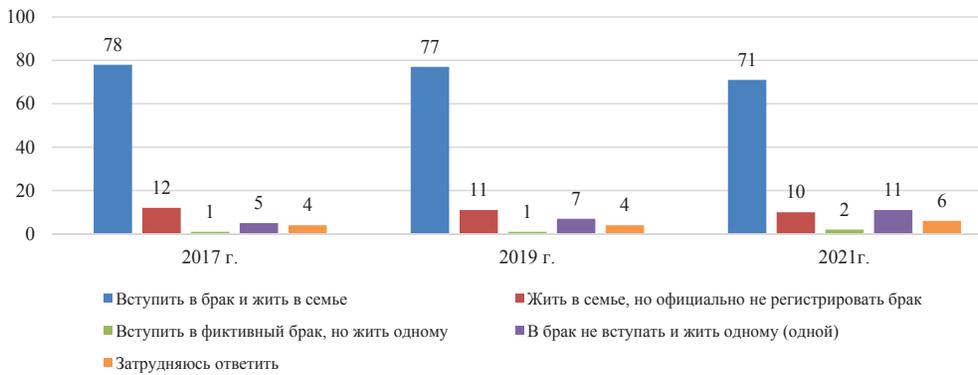

Рис. 2. Распределение ответов респондентов

на вопрос о предпочтительности семьи, брака и одиночества в 2017–2021 гг.

Источник: составлено авторами на основе данных ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otnoshenie-k-brakam-i-razvodam-monitoring> (дата обращения: 05.11.2022).

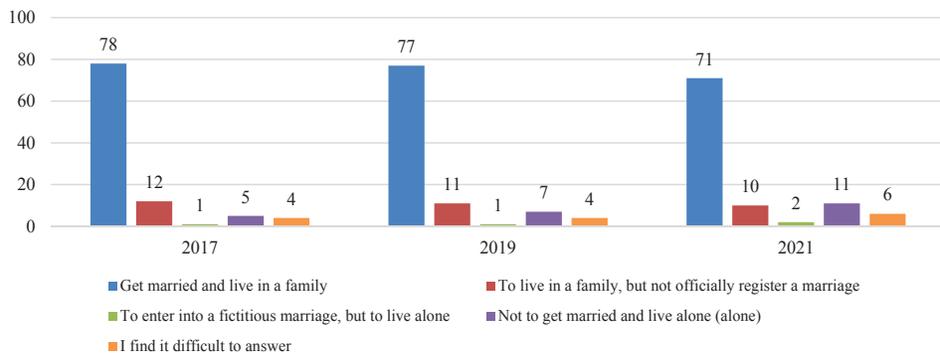

Figure 2. Distribution of respondents' answers to the question about the preference for family, marriage and loneliness, 2017–2021

Source: compiled by the authors based on VCIOM data. Retrieved November 5, 2022, from <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otnoshenie-k-brakam-i-razvodam-monitoring>

Семья выступает в роли базовой ступени социальной идентификации. В то же время нужно признать, две революции и распад Советского Союза позволяют характеризовать XX — начало XXI в. как период нестабильной институциональной среды, для которого характерна трансформация не только политического пространства страны, но и социокультурного пространства России. Подобных примеров институциональных и социокультурных кризисов можно найти достаточно много в российской истории — Смутное время рубежа XVI–XVII вв., дворцовые перевороты XVIII в. и др. В условиях подобной трансформации политического пространства страны можно констатировать «уменьшение глобальных социальных и политических категорий» [Бродовская 2012] в пользу небольших и более стабильных. Турбулентность во внешней среде вкупе с тяжелыми климатическими условиями исторически предопределила стержневую роль семьи в рамках эволюции российской государственности.

Напротив, растущая популярность либертарианской идеологии на Западе стимулирует индивидуализацию и атомизацию общества — те самые тренды, которые в своих крайних вариациях не предполагают жизни в социуме. В этом смысле семья, оставаясь первичной социальной категорией и основной единицей в рамках государства, способствует сохранению взаимосвязи с индивидом, независимо от его политических и иных предпочтений, а также обеспечению передачи опыта в рамках межпоколенческого диалога. Российское государство представляет собой «семью семей», что позволяет ему, несмотря на кризисы институтов, сохранять свою целостность [Харичев, Шутов, Полосин, Соколова 2022].

Во-вторых, особая роль семьи в системе государства породила патерналистское отношение к государству в целом [Сабинова 2021]. С одной стороны, это определило статус человека, отца семейства — он хозяин своей земли. А с другой — сформировало восприятие правителя как отца нации.

Самовосприятие человека как хозяина своей земли предопределило особый статус территории и земли в процессе идентификации россиян. Ибо хозяином человек является на той территории, на которой он родился, вырос и живет. А «страна его постольку, поскольку его хозяйство находится на ее территории»⁶. Иными словами, родная земля является ядром системы самоидентификации индивидов.

Так, у 64 % опрошенных слово Родина ассоциируется именно с местом, где человек родился и вырос⁷. Причем подобное восприятие Родины поддерживается среди всех возрастных групп, у молодежи, например, достигая 67 %⁸. Интересно и то, что с народом у российского населения ассоциируется именно

⁶ Национальная идентичность и будущее России // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/9miqlwj1un/direct/135819049> (дата обращения: 05.11.2022).

⁷ Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2014/2014-02-19-ros_identichnost.pdf (дата обращения: 05.11.2022).

⁸ Там же.

понятие «Наша земля, территория, на которой мы живем» (рис. 3). То есть земля и территория проживания являются связующими элементами между понятиями Родина, народ и человек, что предопределило особый статус концепта «территория» в системе российской государственности. При этом значение территории проживания в системе идентификационных координат россиян выросло после воссоединения с Крымом в 2014 г.

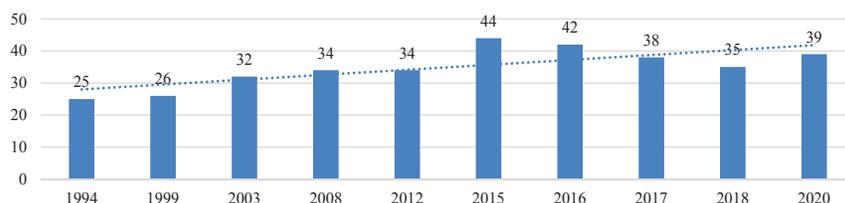

Рис. 3. Динамика выбора респондентом варианта «Наша земля, территория, на которой мы живем» при ответе на вопрос «Что в первую очередь связывается у вас с мыслью о вашем народе?» в 1994–2020 гг., %

Источник: составлено авторами на основе данных Левада-Центра (признан иностранным агентом). URL: <https://www.levada.ru/2020/10/19/gordost-i-identichnost/> (дата обращения: 05.11.2022).

Figure 3. The dynamics of the respondent's choice of the option "Our land, the territory on which we live" when answering the question "What do you primarily associate with the thought of your people?", 1994–2020, %

Source: compiled by the authors based on data from the Levada Center (recognized as a foreign agent) Retrieved November 5, 2022, from <https://www.levada.ru/2020/10/19/gordost-i-identichnost/>

Как было сказано выше, особая роль семьи в системе идентификационных координат россиян укоренила восприятие правителя как отца нации, принимающего решения и несущего ответственность за народ. Подобный тренд определил запрос на сильного лидера и стремление к централизованному управлению. Так, данный вывод подтверждается социологическими замерами, согласно которым особую популярность среди политических лидеров России имеет И.В. Сталин (рис. 4).

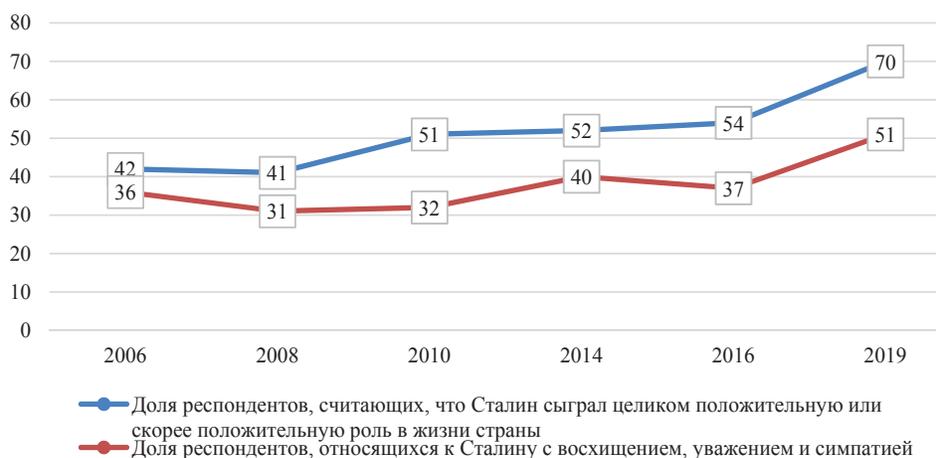

Рис. 4. Доля респондентов, выбравших позитивные варианты ответа в вопросах оценки личности И.В. Сталина в 2006–2019 гг., %

Источник: составлено авторами на основе данных Левада-Центра (признан иностранным агентом). URL: <https://www.levada.ru/2019/04/16/dinamika-otnosheniya-k-stalinu/> (дата обращения: 05.11.2022).

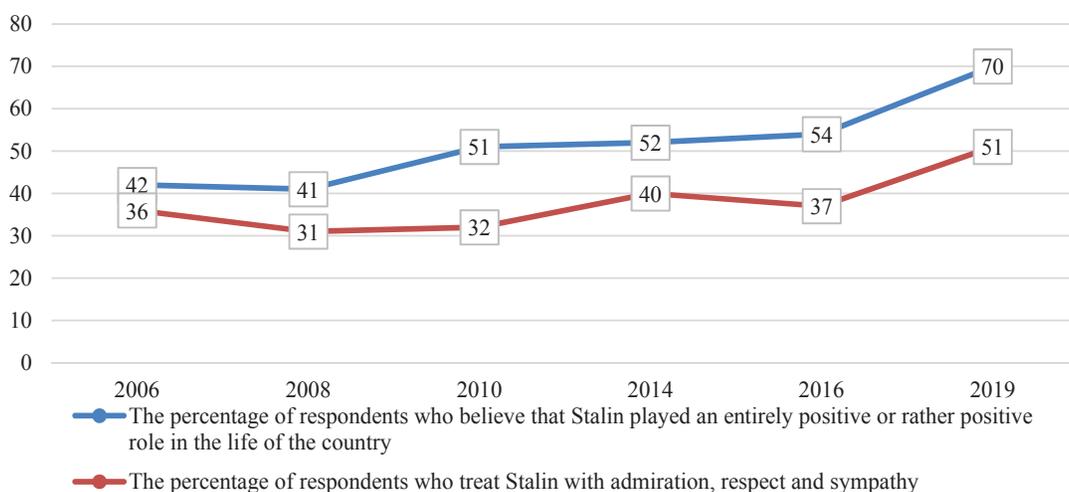

Figure 4. The percentage of respondents who chose positive answers in the questions of assessing the personality of I.V. Stalin, 2006–2019, %

Source: compiled by the authors based on data from the Levada Center (recognized as a foreign agent). Retrieved November 5, 2022, from <https://www.levada.ru/2019/04/16/dinamika-otnosheniya-k-stalinu/>

В-третьих, коллективная идентичность по-прежнему является неотъемлемой частью системы координат современных россиян. В РФ вслед за советской моделью коллективной идентификации гражданская идентичность как надэтнический и наднациональный объединительный конструкт выражена ярче других форм идентичности⁹. Причем гражданская идентичность привязана к территории (к Отечеству, родной земле). В таком контексте страна выступает как «дом для личности, семьи и общества» [Харичев, Шутов, Полосин, Соколова 2022].

Таким образом, гражданская идентичность определяется как чувство общности с народом и страной¹⁰. При этом необходимость самоопределения как части общероссийской нации высказывает 80 % опрошенных респондентов, а позитивное восприятие подобной самоидентификации в равной степени выражают представители русской этнической группы (79 %) и других национальностей (78 %)¹¹.

В условиях наличия множества идентичностей у современных россиян (социальных, профессиональных и т.д.), а также принимая во внимание многонациональный характер страны, наличие объединительного конструкта в виде гражданской идентичности служит важным механизмом консолидации населения и является неотъемлемой ценностью российской государственности.

В-четвертых, несмотря на сочетание традиционалистских и модернистских тенденций в процессе эволюции российской государственности, базовой

⁹ Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2014/2014-02-19-ros_identichnost.pdf (дата обращения: 05.11.2022).

¹⁰ Состояние и перспективы развития российской гражданской идентичности. Обзор научных исследований и публикаций 2010–2015 гг // Исследовательская группа ЦИРКОН. URL http://www.zircon.ru/upload/iblock/c9b/Civil_Identity.pdf (дата обращения: 05.11.2022).

¹¹ Там же.

основой является уважение к традициям и истории, что позволяет обеспечивать историческую преемственность российского государства. Причем данный тренд поддерживается населением, для которого «мы» строится на общности, объединенной социальной памятью. Так в структуре факторов объединения россиян историческое прошлое плотно входит в тройку лидеров (49 % респондентов отмечают его приоритетное значение)¹².

В данном контексте следует рассматривать и новый виток религиозной солидаризации, который отражает символ соборности в системе взаимоотношений «государство—общество» [Религия в современной России... 2021]. По сути, соборность демонстрирует значение морально-этических норм в процессе принятия решений государством, а также укореняет коллективистские настроения и статус семьи в системе общественных координат. Вместе с тем соборность зачастую отождествляют с духовностью, противопоставляя популярной сегодня концепции общества потребления и гедонистического стиля жизни.

Итак, за последние 10 лет влияние РПЦ на духовно-нравственное состояние общества выросло на 12 % (с 51 до 63 %). При этом роль церкви во внутренней политике страны, по мнению россиян, остается на столь же высоком уровне — данный тезис поддерживает 50 % опрошенных респондентов¹³.

Не стоит забывать и о том, что поддержка властных институтов со стороны традиционных конфессий является важной частью легитимации политических процессов в современной России.

В-пятых, Россия — это страна глобальных проектов. Поэтому в числе событий, которые вызывают безусловную гордость у россиян, можно отметить ведущую роль страны в освоении космоса, присоединение Крыма, великую русскую литературу, достижения российской науки, превращение Советского Союза в одну из ведущих промышленных держав в мире (рис. 5)¹⁴. Во многом данный аспект определяет высокие оценки достижений президента России В. Путина во внешней политике страны, а также гордость за статус Великой державы. И напротив, в числе событий, которые вызывают стыд и огорчение у россиян, распад СССР (так считают 49 % респондентов) (рис. 6). В таком контексте распад Советского Союза скорее воспринимается как потеря былого величия и территории, нежели падение коммунистического режима и ностальгия о нем. Интересно, что длительное время наиболее популярным ответом респондентов был вариант «Великий народ, богатая страна, а живем в вечной бедности и неустроенности», который ушел на второй план только в 2020 г., уступив место огорчению по поводу распада Советского Союза.

¹² Состояние и перспективы развития российской гражданской идентичности. Обзор научных исследований и публикаций 2010–2015 гг // Исследовательская группа ЦИРКОН. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/c9b/Civil_Identity.pdf (дата обращения: 05.11.2022).

¹³ Церковь и общество: мониторинг // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cerkov-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения: 05.11.2022).

¹⁴ Гордость и идентичность // Левада-центр (признан иностранным агентом). URL: <https://www.levada.ru/2020/10/19/gordost-i-identichnost/> (дата обращения: 05.11.2022).

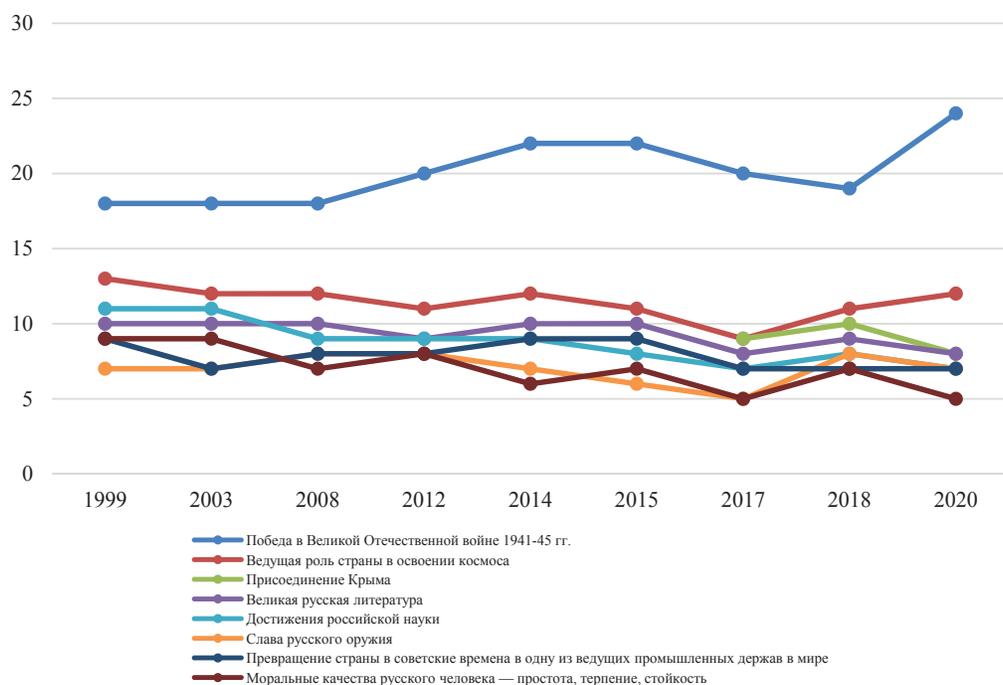

Рис. 5. Доля респондентов, выбравших события, вызывающие у них чувство гордости, в 1999–2020, %
 Источник: составлено авторами на основе данных Левада-Центра (признан иностранным агентом).
 URL: <https://www.levada.ru/2020/10/19/gordost-i-identichnost/> (дата обращения: 05.11.2022).

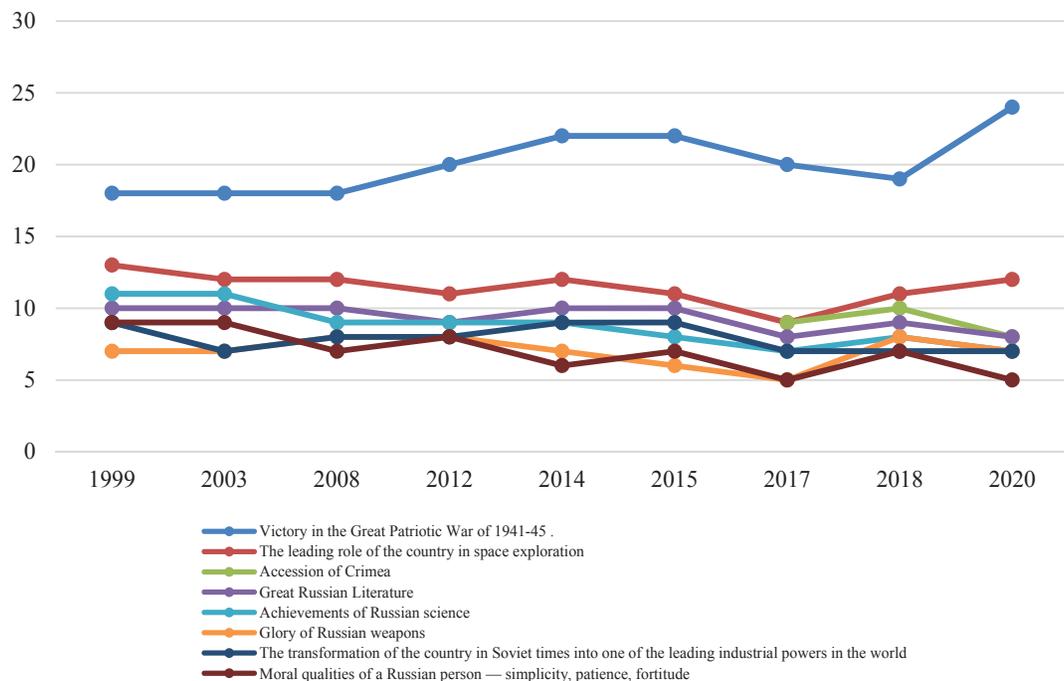

Figure 5. The percentage of respondents who chose events that make them feel proud, 1999–2020, %
 Source: compiled by the authors based on data from the Levada Center (recognized as a foreign agent)
 Retrieved November 5, 2022, from <https://www.levada.ru/2020/10/19/gordost-i-identichnost/>

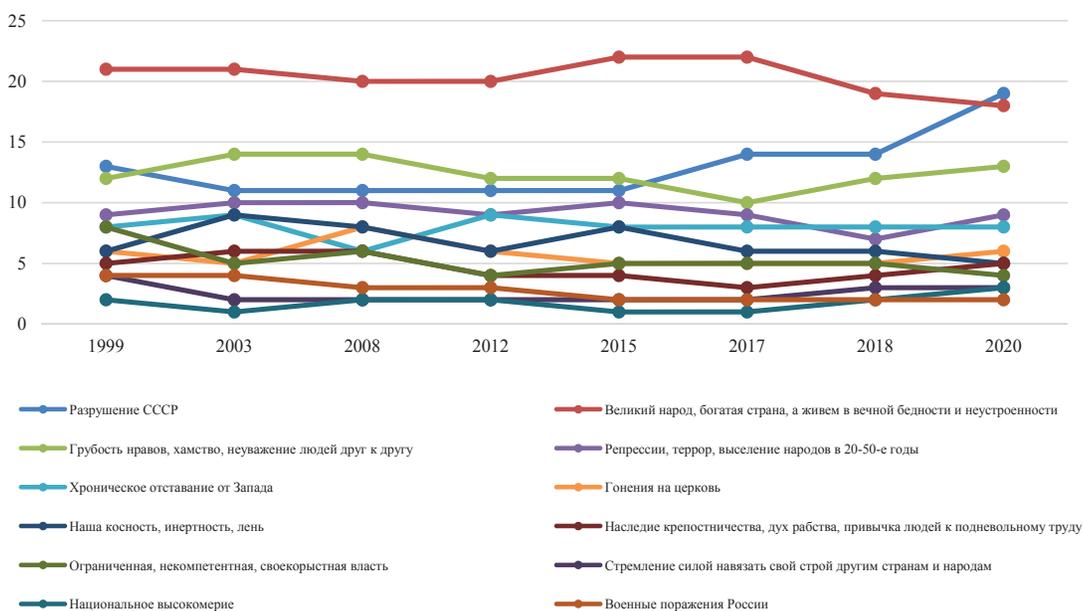

Рис. 6. Доля респондентов, выбравших события, вызывающие у них чувство стыда, в 1999–2020 гг., %
 Источник: составлено авторами на основе данных Левада-Центра (признан иностранным агентом).
 URL: <https://www.levada.ru/2020/10/19/gordost-i-identichnost/> (дата обращения: 05.11.2022).

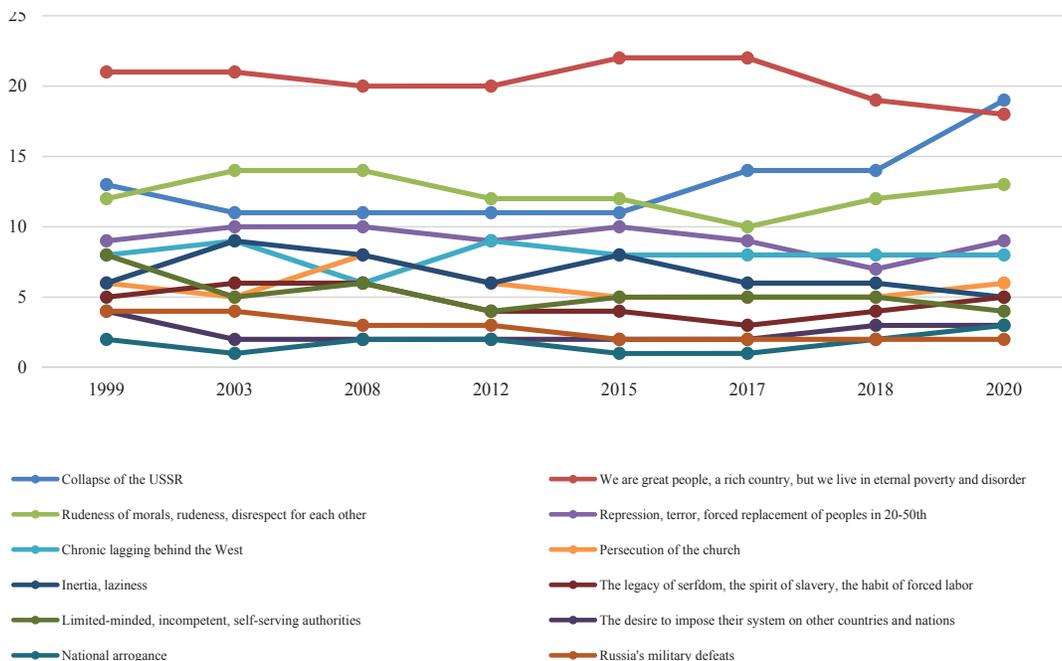

Figure 6. The percentage of respondents who chose events that cause them a sense of shame, 1999–2020, %
 Source: compiled by the authors based on data from the Levada Center (recognized as a foreign agent)
 Retrieved November 5, 2022, from <https://www.levada.ru/2020/10/19/gordost-i-identichnost/>

В то же время для российского населения характерны жертвенность, миссия освободителей, стремление к обеспечению социальной и общечеловеческой справедливости. Маркером обозначенных характеристик является признание значимости и чувство абсолютной гордости россиян за победу в Великой Отечественной войне (см. рис. 5). Более того, победа в Великой Отечественной войне отражает неприятие внешнего давления, которое является «несущей конструкцией российской государственности»¹⁵. История России доказывает, что государство и общество олицетворяют полное единство в кризисные периоды.

Заключение

По результатам исследования можно выделить следующие приоритетные ценности «генетического кода» российской государственности.

Во-первых, приоритетное значение семьи в структуре социальных идентичностей предопределило ее стержневую роль в рамках эволюции российской государственности. Отношения индивида и государства традиционно строились через семью, в рамках которой обеспечивалась передача коллективного опыта и национальных традиций.

Во-вторых, особый статус семьи в системе ценностных координат населения привел к самовосприятию индивида как хозяина своей земли. В таком контексте земля и территория проживания стали системообразующими элементами национально-государственной идентичности, обеспечив взаимосвязь понятий Родина—народ—человек. Иными словами, в системе российской государственности особое значение имеет концепт «территория».

В-третьих, надэтническим и наднациональным объединительным конструктом выступает гражданская идентичность, символизирующая чувство общности с народом и страной. Причем гражданская идентичность привязана к территории, а не политическим институтам.

В-четвертых, базовой ценностью российской государственности является уважение к традициям и истории, что позволяет обеспечивать историческую преемственность российского государства.

В-пятых, российская государственность строится и развивается на системе глобальных проектов. А в числе ценностных характеристик российского общества — жертвенность, миссия освободителей, стремление к обеспечению социальной и общечеловеческой справедливости.

Описанные выше элементы «генетического кода» отражают ценностное ядро российской государственности, а также определяют систему координат для идентификации россиян. Необходимо отметить, что осмысление представленных социально-политических категорий крайне важно, так как они формируют смысл идентичности, утрата которого ведет к поиску новых оснований

¹⁵ Владимир Путин назвал генетический и культурный код россиян // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2017/11/09/vladimir-putin-nazval-geneticheskij-i-kulturnyj-kod-rossiiian.html> (дата обращения: 05.11.2022).

идентификации. Данный вопрос особенно актуален в контексте продолжающихся дискуссий относительно самоопределения России в системе мировых и цивилизационных координат.

Поступила в редакцию / Received: 22.10.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 12.12.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.12.2022

Библиографический список

- Артамонова Е.В.* Институционализм: исследовательские стратегии, преимущества и недостатки // Экономика и общество: рациональность и ответственность: сборник научных трудов / под редакцией О.П. Кузнецовой. Омск: Омский государственный технический университет, 2015. С. 114–119.
- Бродовская Е.В.* Влияние посткоммунистической трансформации системы идентичностей на процесс политической ресоциализации граждан: анализ базовых тенденций // Ценности и смыслы. 2012. № 5 (21). С. 37–50.
- Евгеньева Т.В.* Историческая память и национально-государственная идентичность в современной России // Ценности и смыслы. 2012. № 5 (21). С. 27–36.
- Евгеньева Т.В., Селезнева А.В.* Трансформация национально-государственной идентичности российской молодежи в постсоветский период: ценностные основания и символические репрезентации // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2017. № 4 (87). С. 48–64.
- Махмутова Е.В., Волхонская З.И.* Политическая самоидентификация молодежи. Понятие, компоненты, оценка // Власть. 2022. Т. 30. № 4. С. 111–116. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i4.9135>
- Попова О.В.* Исследование проблем политической идентичности в России // ПОЛИТЭКС. 2013. № 2. С. 205–219.
- Религия в современной России: события и дискурсы пандемии: монография / отв. ред. М.М. Мчедлова. М.: РУДН, 2021.
- Сабирова Н.С.* Феномен патернализма в политической культуре России // Власть. 2021. Т. 29. № 4. С. 146–150. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i4.8395>
- Соколова Р.И.* Российская цивилизация и ее генетический код // Полилог. 2018. Т. 2. № 2. С. 7–16. <https://dx.doi.org/10.18254/S0000045-1-1>
- Степанищенко О.В.* Понятие и природа политических ценностей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2011. № 2. С. 284–292.
- Титов В.В.* Симулятивная реальность как вызов национальной идентичности: теория и российские политические практики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 4. С. 590–602. <https://dx.doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-590-602>
- Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н.* Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6. № 3. С. 9–19. <https://dx.doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19>
- Шестопал Е.Б., Смутькина Н.В.* Какой видят свою страну сегодня российские граждане? // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2018. № 2 (89). С. 51–68. <https://dx.doi.org/10.30570/2078-5089-2018-89-2-51-68>

- Anderson B.R. *Imagined communities: Reflections on the origin a spread of nationalism*. London: Verso, 1983.
- Castells M. *The power of identity*. Cambridge: Mass., 1997.
- Erikson E.H. *Identity and the Life-Cycle*. New York: International University Press, 1959.
- Huntington S.P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. London: The Free Press, 2002.
- North D.C. *Institutions and Economic Growth: An Historical Introduction*. World Development, 1989.
- Steinmo S., Thelen K., Longstreth F. *Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Analysis*. Cambridge University Press, 1992. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511528125>.

References

- Anderson, B.R. (1983). *Imagined communities: Reflections on the origin a spread of nationalism*. London: Verso.
- Artamonova, E.V. (2015). Institutionalism: Research strategies, advantages and disadvantages. In O.P. Kuznetsova (Ed.), *Economy and society: rationality and responsibility. Collection of scientific papers* (pp. 114–119). Omsk: Omsk State Technical University. (In Russian).
- Brodovskaya, E.V. (2012). Influence of the post-communist transformation of the identity system on the process of political re-socialization of citizens: analysis of basic trends. *Tsennosti i Smy Sly*, 5, 37–50. (In Russian).
- Castels, M. (1997). *The power of identity*. Cambridge: Massachusetts.
- Erickson, E.H. (1959). *Identity and the life cycle*. New York: International University Press.
- Evgenieva, T.V. (2012). Historical memory and national-state identity in modern Russia. *Tsennosti i Smy Sly*, 5, 27–36. (In Russian).
- Evgenieva, T.V., & Selezneva, A.V. (2017). Transformation of the national-state identity of Russian youth in the post-Soviet period: value bases and symbolic representations. *Politeia*, 4, 48–64. (In Russian).
- Harichev, A.D., Shutov, A.Yu., Polosin, A.V., & Sokolova, E.N. (2022). Perception of basic values, factors and structures of socio-historical development of Russia (based on research and testing materials). *Journal of Political Studies*, 3, 9–19. (In Russian). <https://dx.doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19>
- Huntington, S.P. (2002). *The clash of civilizations and the remaking of the world order*. London: Free Press.
- Makhmutova, E.V., & Volkhonskaya, Z.I. (2022). Political self-identification of youth: Concept, components, evaluation. *Vlast*, 4, 111–116. (In Russian). <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i4.9135>
- North, D.C. (1989). *Institutions of the Northern District of Columbia and Economic Growth: A Historical Introduction*. World Development.
- Popova, O.V. (2013). Research of problems of political identity in Russia. *Political expertise: POLITEX*, 2, 205–219. (In Russian).
- Mchedlova, M.M. (Ed.). (2021). *Religion in Modern Russia: Events and Discourses of the Pandemic*. Moscow: RUDN University. (In Russian).
- Sabirova, N.S. (2021). The phenomenon of paternalism in the political culture of Russia. *Vlast*, 4, 146–150. (In Russian). <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i4.8395>
- Shestopal, E.B., & Smulkina, N.V. (2018). How do Russian citizens see their country today? *Politeia*, 2, 51–68. (In Russian). <https://dx.doi.org/10.30570/2078-5089-2018-89-2-51-68>
- Sokolova, R.I. (2018). Russian civilization and its genetic code. *Polylogos*, 2, 7–16. (In Russian). <https://dx.doi.org/10.18254/S0000045-1-1>

- Steinmo, S., & Thelen, K., & Longstreth, F. (1992). *Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Analysis*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511528125>.
- Stepanishchenko, O.V. (2011). The concept and nature of political values. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 2, 284–292. (In Russian).
- Titov, V.V. (2020). Simulative reality as a challenge to national identity: theory and Russian political practices. *RUDN Journal of Political Science*, 22(4), 590–602. (In Russian). <https://dx.doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-4-590-602>

Сведения об авторах:

Шатилов Александр Борисович — кандидат политических наук, декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (e-mail: ashatilov@fa.ru) (ORCID: 0000-0002-4776-0934)

Волхонская Зинаида Ивановна — магистрант факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (e-mail: zivolkhonskaya@fa.ru) (ORCID: 0000-0001-5203-389X)

Осинина Дарья Дмитриевна — заместитель декана факультета социальных наук и массовых коммуникаций по международному сотрудничеству, ассистент департамента политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (e-mail: ddosinina@fa.ru) (ORCID: 0000-0002-5565-2079)

About the authors:

Alexander B. Shatilov — PhD in Political Sciences, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (e-mail: ashatilov@fa.ru) (ORCID: 0000-0002-4776-0934)

Zinaida I. Volkhonskaya — Master Student of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (e-mail: zivolkhonskaya@fa.ru) (ORCID: 0000-0001-5203-389X)

Daria D. Osinina — Deputy Dean for International Cooperation, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Assistant of the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation (e-mail: ddosinina@fa.ru) (ORCID: 0000-0002-5565-2079)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-113-133

Научная статья / Research article

Влияние цифровой среды на современное мировоззрение: Pro et Contra

С.В. Володенков^{1,2} , С.Н. Федорченко^{1,2,3} , Н.М. Печенкин^{1,4}

¹ Государственный академический университет гуманитарных наук,
Москва, Российская Федерация

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

³ Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»,
Москва, Российская Федерация

⁴ Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Российская Федерация

 s.v.cyber@gmail.com

Аннотация. Глобальные технологические трансформации ключевых сфер жизнедеятельности современного общества, формирование и активное функционирование глобальных и национальных цифровых институтов, оказывающих влияние на актуальные социально-политические процессы, цифровизация социальных отношений формируют запрос на комплексные научные исследования процессов цифрового влияния на развитие и функционирование современных общественных систем. Настоящее исследование нацелено на рассмотрение проблемы взаимосвязи цифрового и мировоззренческого аспектов функционирования современных обществ. В связи с этим основным вопросом стало определение степени и характера влияния процессов цифровизации, а также непосредственно цифровой среды и цифровых институтов на содержательные аспекты мировоззренческих представлений индивида. Данный исследовательский вопрос непосредственно связан с изучением феномена общественного согласия в условиях формирования цифровой полиментальности. Для решения поставленного в работе вопроса авторами был проведен дискурс-анализ существующей научной литературы по теме соотношения цифровизации и мировоззрения в логике Pro et Contra, а также организовано международное экспертное исследование, позволившее выявить основные экспертные позиции по теме исследования, а также ключевые риски, угрозы и вызовы в сфере сохранения традиционного мировоззрения и достижения общественного согласия на основе единства ценностно-смысловых и мировоззренческих представлений индивидов. В качестве главного вывода работы выступает обоснованная результатами исследования принципиальная неоднозначность пози-

© Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

ций ученых и экспертов в оценке степени и характера влияния цифровизации, цифровой среды и цифровых институтов на содержательные параметры мировоззрения современного человека, а также неоднозначность характера формируемых и поддерживаемых в цифровой среде ценностно-смысловых установок.

Ключевые слова: мировоззрение, общественное согласие, ценностно-смысловые установки, цифровая среда, цифровые институты, алгоритмы, технологический детерминизм

Для цитирования: Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М. Влияние цифровой среды на современное мировоззрение: Pro et Contra // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 113–133. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-113-133>

Благодарности: Исследование выполнено в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках проекта «FZNF-2022–0001 — Возможности и особенности формирования мировоззрения в цифровой среде» при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

Influence of the Digital Environment on the Contemporary Worldview: Pro et Contra

Sergey V. Volodenkov^{1,2} , Sergey N. Fedorchenko^{1,2,3} ,
Nikolai M. Pechenkin^{1,4}

¹ *State Academic University for the Humanities, Moscow, Russian Federation*

² *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

³ *National Research Nuclear University MEPhI, Moscow, Russian Federation*

⁴ *Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation*

 s.v.cyber@gmail.com

Abstract. Global technological transformations of key areas of life of contemporary society, the formation and active functioning of global and national digital institutions that influence current socio-political processes, and the digitalization of social relations form a demand for comprehensive scientific research on the processes of digital influence on the development and functioning of modern social systems. This article is aimed at considering the problem of the relationship between digital and worldview aspects of the functioning of modern societies. In connection with this, the research issue was to determine the degree and nature of the influence of digitalization processes, as well as directly the digital environment and institutions on the content aspects of the individual's worldview. This research question is directly related to the study of the phenomenon of public consent in the context of the formation of digital polymentality. To answer the research question posed in the paper, the authors conducted a discourse analysis of the existing scientific literature on the relationship between digitalization and worldview in the pro et contra logic. An international expert study was also conducted, which made it possible to identify the main expert positions on the study, as well as the key risks, threats, and challenges in the field of preserving the traditional worldview and achieving public consent based on the unity

of value-semantic and worldview ideas of individuals. The main conclusion of the paper is the fundamental ambiguity of the positions of scientists and experts, justified by the results of the study, in assessing the degree and nature of the influence of digitalization, the digital environment and institutions on the content parameters of the worldview of a modern person, as well as the ambiguity of the value-semantic attitudes formed and maintained in the digital environment.

Keywords: worldview, public consent, value-semantic attitudes, digital environment, digital institutions, algorithms, technological determinism

For citation: Volodenkov, S.V., Fedorchenko, S.N., & Pechenkin, N.M. (2023). Influence of the digital environment on the contemporary worldview: Pro et Contra. *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 113–133. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-113-133>

Acknowledgements: The study was carried out at the State Academic University for the Humanities within the framework of the project «FZNF-2022-0001 — Possibilities and Features of Worldview Formation in the Digital Environment» with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

Введение

Возникновение и развитие цифровой среды, включающей не только технологии, но и новые феномены, формы коммуникации и соответствующие им эффекты, связано с существенными изменениями социально-экономической, культурной и политической жизни современных граждан. Важным аспектом таких изменений, по нашему мнению, является локализация глобальных технологических процессов и трендов, изменяющих ценности существующих обществ.

О чрезвычайной важности и актуальности вопросов соотношения мировоззренческого и цифрового, проработки нюансов ценностной нейтральности алгоритмов, нейронных сетей, искусственного интеллекта, социальных сетей Интернета, метавселенных свидетельствует возникший в свое время академический спор о феномене эхо-камер (к примеру, если К. Санстейн и его последователи стараются его обосновать, то их критики — Р. Флетчер, Р. Нельсен и др. — с ними склонны не соглашаться).

Ключевой проблемой, включающей вопросы взаимосвязи цифрового и мировоззренческого, является феномен общественного согласия, а также его достижение посредством применения новейших цифровых технологий и коммуникаций в условиях полиментальности (термин В.Е. Семенова) — множественности менталитетов в одном социуме. По-прежнему недостаточно ясно, к чему приведет, к примеру, развитие сетевых сообществ — торжеству каких-то одних ценностей или углублению социально-культурной поляризации, препятствующей общественному согласию [Семенов 2015].

К сожалению, пока нет исследований, выявляющих возможности и ограничения того же Интернета вещей для поддержания высокого уровня общественного согласия при одновременном сохранении полиментальности социальных групп. Хотя очевидно, что такие исследования уже назрели. Так, Э. Бернейс утверждал, что важнейшим «...моментом инженерии согласия, стимулирующей социальные действия, выступают коммуникации» [Бернейс 2013].

Между тем необходимо со всей осторожностью подходить к уже существующим готовым моделям формирования общественного согласия, слепое заимствование которых может привести к созданию манипулятивных механизмов на цифровой основе и к самым драматическим последствиям. Тот же Бернейс признавал, что его модель инженерии согласия не всегда нацелена на выработку совместных решений, основанных на понимании фактов большинством людей. Такая модель «инженеров согласия» приспособлена под лидеров, элиту, но пренебрегает интересами и проблемами остальных, недостаточно просвещенных политически и технологически.

Взвешенная и методологически выверенная оценка этой проблемы должна помочь ответить на ряд ключевых вопросов. Какие существуют в научных кругах тезисы, однозначно признающие уникальное воздействие цифровой среды на мировоззренческую картину? Какие доводы, наоборот, отрицают это воздействие? С этой целью в настоящей работе будет сделан соответствующий теоретический обзор. Кроме того, дополнительное обращение к экспертной проверке позволит проверить гипотезу о том, что алгоритмы ценностно не нейтральны и обладают потенциалом влияния на мировоззренческие представления людей.

Гипотеза и методология исследования

В настоящей работе в качестве основного выступает исследовательский вопрос о том, влияют ли и как именно влияют процессы цифровизации, а также непосредственно цифровая среда и цифровые институты на содержательные аспекты мировоззренческих представлений индивида.

С целью формулирования обоснованного ответа на поставленный исследовательский вопрос авторами статьи был применен метод дискурс-анализа научных источников по теме исследования, а также организован международный экспертный опрос «Возможности и особенности формирования мировоззрения в цифровой среде».

В сентябре-октябре 2022 г. авторами были опрошены 26 экспертов в сфере цифровизации современной политики из Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки, Республики Беларусь, Болгарии, Республики Узбекистан, Киргизской Республики, Хорватии, Боснии и Герцеговины. В ходе проведения экспертного опроса участникам было предложено ответить как на открытые, так и на закрытые вопросы. В дальнейшем количественные оценки были подвергнуты процедуре комплексирования, а качественные оценки использовались для формирования комплексного обоснования количественных результатов исследования.

Pro: тезисы, признающие воздействие цифровой среды на мировоззрение

Большинство тезисов, признающих цифровую сферу как пространство и фактор изменения мировоззренческой картины, происходят от идей, концептов, гипотез, пересекающихся с социологической установкой технологического

детерминизма, изложенной в работах Т. Веблена, К. Эйрса¹. Писавший в стиле жесткого технологического детерминизма Ж. Эллюль отмечал, что техника тоталитарна, так как подавляет множественность, преобразует традиционные практики, распространяя в обществе принципы рациональности, искусственности (подчинение, разрушение природы), автоматизма, самоумножения технических достижений, целостности, универсализма и, наконец, автономии [Ellul 1964]. Люди начинают приспосабливать собственные социальные условия под свои же технологии (идеи Эллюля поддержал Р. Мертон, раскритиковали — А. Боргманн, К. Лэш и Е. Морозов).

Отдельные же представители мягкого технологического детерминизма (к примеру, американский социолог У. Огборн) считают, что из-за культурного отставания от технологических инноваций люди вынуждены постоянно приспосабливаться к такого рода изменениям. На деле технологический детерминизм претендует на статус «теории всего» (как теория струн Л. Сасскинда и др., теория вселенной-нейросети В. Ванчурина, объектно-ориентированная онтология Г. Хармана и др.). Проблема всех таких «теорий всего», в том числе и политологических, — адекватное параллельное объяснение микро- и макроуровня явлений, процессов.

Предположение о том, что цифровая среда предполагает сложное, противоречивое и неоднозначное влияние на систему мировоззрения высказал в своей книге «Введение в медиалогию» Р. Дебрэ, постаравшийся уйти от технологического детерминизма. С одной стороны, французский мыслитель признавал факт существования особого «технического мировоззрения», включающего проекцию необратимости технического прогресса, обуславливаемого тем, что техническая стандартизация не является нейтральной.

Техносфера у Дебрэ посредством интерфейсов заставляет людей унифицировать свои практики, способствует межэтническому и межкультурному смешиванию, тяготеет к созданию одной-единственной мегасистемы, тогда как культура, наоборот, увеличивает набор различий (при этом он вспоминает тезис П. Леви о том, что технические инновации не являются императивным фактором, хотя и создают возможности для возникновения культурных форм). Вместе с тем Дебрэ связывает влияние технологии на мировоззрение с «эффектом бега трусцой» — за каждым технологическим «скачком вперед» может следовать ментальный «скачок назад» (к примеру, на галопирующую унификацию техносреды появляется реакция — «политико-культурная балканизация») [Дебрэ 2010: 101, 298–312].

Видение Дебрэ диаметрально противоположно технодетерминистской концепции «эпистемологических сдвигов мировоззрения» [French 2016], которая делит человеческую историю на три эпистемологических этапа (домодернист-

¹ Британский исследователь Д. Чендлер к технологическим детерминистам относит швейцарского архитектурного критика З. Гидиона, американского культуролога Л. Уайта, представителей Торонтской школы коммуникаций Г. Инниса и М. Маклюэна. См.: Chandler D. Technological or Media Determinism. URL: <http://visual-memory.co.uk/daniel/Documents/tecdet/tdet11.html> (accessed: 07.11.2022).

ский, модернистский и постмодернистский), во время которых технологические трансформации (введение печатного станка, телевидения, Интернета и т.п.) приводили к мировоззренческим метаморфозам.

Г. Ловинк в своей критической теории подошел к проблеме несколько нестандартно, описав особую социотехническую реальность, создаваемую из сферы социального и технического программистами². Нидерландский ученый отмечает, что в то время, как элита наслаждается офлайном, большинство групп населения начинает подчиняться коммуникативной логике Интернета, а принципы децентрализации социальных сетей глубоко проникают в культуру, трансформируя отношения власти в современных политических движениях. Цифровые корпорации влияют на мировоззрение, продвигая в социальных сетях стратегии бесконечного шеринга, апдейта, пассивно-агрессивного поведения, формируя «слабые связи» между людьми, препятствующие их настоящей политической коллаборации.

Большую роль в мировоззренческих сдвигах Ловинк отводит технологиям IoT (Интернета вещей), пересматривающим политику конфиденциальности данных, разрушающим саму пользовательскую культуру посредством принципа распределенной приватности, перемешивающим интересы граждан, их групп, корпораций [Ловинк 2019: 208–209]. По логичной оценке Ловинка, кто соединит цифровые точки доступа («умные вещи», «умный дом», «умный город»), тот и будет обладать властью в сетях³. Интернет вещей открывает неизведанное поле «объектно-ориентированной политики» в понимании Б. Латура и Г. Хармана, где нечеловеческие объекты начинают играть важнейшую роль [Харман 2021: 142].

Встречается мнение, что технологии Интернета вещей как раз усиливают влияние компьютеризации на ценностные установки людей: в виде повседневных стереотипов распространяются новые «культурные программы» — культура предусмотрительности («умные вещи» запрограммированы на предупреждающую передачу рисков о состоянии дома — коммуникаций, параметров противопожарной безопасности, температуры, влажности, наличия микроорганизмов, грибков), закрепляются традиции инициативного, безвозмездного труда на благо общества (что видно на примере редактирования свободного программного обеспечения).

В то же время углубляемая IoT компьютеризация способствует «ампутации» некоторых человеческих способностей (расчеты задач в уме, замена реального общения на виртуальное), что может накладывать отпечаток на процесс воспроизводства мировоззрения [Карпенко 2016]. Интернет вещей снимает проблему зависимости человека от дистанции интерфейсов, которые превращаются в технологическую среду обитания людей. Прежние культурные практики, формы

² Очень схожие попытки по объяснению феномена социотехнической реальности предпринимались Б. Латуром, А.В. Резаевым, И.А. Исаевым и другими исследователями.

³ Такой тезис Г. Ловинка, по нашему мнению, не просто обладает провокативным характером, он заставляет корректировать теорию сетевой власти М. Кастельса.

общения становятся экзотикой, зато появляются новые цифровые ритуалы (лайки, сторис, селфи, комментарии, репосты и др.). Постепенно меняется восприятие даже такого устойчивого политического института, как государство: если раньше оно связывалось с коридорами, очередями, бумажной документацией, то теперь к этому образу добавляется метафора мультиагентной нелокализованной системы, сетевой функционал мобильных приложений, веб-порталов [Барышников 2015].

Сама оценка влияния цифровизации на ценности неоднозначна. Работы о проайретических интерфейсах (интернет-мемы, фото, видеография) свидетельствуют о том, что цифровые технологии задают условия для коллективного творчества [Деникин 2019]. Другие же авторы бьют тревогу по поводу возникновения «новой алгоритмической идентичности» из подконтрольных алгоритмам пользователей [Cheney-Lippold 2011]. Тем самым работы показывают многогранность, неоднозначность технологических условий для развития индивидуального либо коллективного в ценностной повестке.

Многообещающим объяснительным потенциалом для глубокого теоретического осмысления мировоззренческих последствий технологических трансформаций, на наш взгляд, обладает теория дрона французского исследователя Г. Шамаю. Согласно этому концепту, массовое внедрение телеархических систем с дистанционным управлением провоцирует не только социально-политические, но и ценностно-этические метаморфозы.

Политические изменения происходят вслед за внедрением данных дистанционных технологий и касаются возникновения специфической модели «государства-дрона», действующего наподобие охотника, для которого место, где возможно насилие, ограничивается лишь присутствием врага-добычи (что видно на примере так называемого эффекта kill box — практики расширения «охотничьего угодья» как автономной зоны временного истребления врага в любом месте) [Шамаю 2020: 65–68]. В основе такой модели государства лежат практики инвазивной власти, обнаруживаемой не в завоевании, а в преследовании.

Государство-дрон подвергает классический суверенитет изрядной ревизии, — границы других государств проницаемы со стороны его «императорских облав». Вертикализация власти влияет на переход от двумерных генштабовских карт к объемной геополитике. Суверенитет из плоского и территориального состояния смещается в трехмерный формат. Из-за дронизации (одновременных цифровых и политических изменений), по мнению Шамаю, происходит эволюция от этики самопожертвования и отваги к этике самосохранения [Шамаю 2020: 115].

Шамаю приводит доводы в пользу зарождения гумилитаристской власти на базе особой некроэтики дрона с доктриной «достойного убийства», согласно которой дистанционно отнимать жизни, не рискуя при этом своей жизнью, хорошо. Но исследователь предупреждает, что в этом случае агент, действующий в условиях минимального для себя риска, сам склонен к более рискованному поведению в отношении своего противника.

Технологии автономных систем и тренды роботизации уже порождают мировоззренческий раскол в академической среде: если эксперт по работо-

технике из Технологического университета Джорджии в Атланте Р. Аркин и исследователь из Университета Вандербильта в Нэшвилле Э. Шехтер оправдывают их активное внедрение большей надежностью, эффективностью, беспристрастностью, гуманностью, снижением потерь среди мирного населения во время конфликтов, то исследователь искусственного интеллекта и робототехники из Шеффилдского университета Н. Шарки категорически выступает против этого, опасаясь, что ошибки таких систем в различении мирного жителя и вражеского солдата приведут к фатальным последствиям [Искусственный интеллект... 2019: 170–172]. Миф об этичном роботе скрывает экзистенциальные угрозы снижения моральной и политической ответственности.

Дистанционный формат меняет у представителей государства и само восприятие врага. Теперь враг — это не тот, над которым нужно одержать вверх как над политическим противником, а «аберрантный индивид» — опасная личность, обреченная на арест или даже уничтожение как преступник⁴. Поэтому государство-дрон, согласно Г. Шамаю, уделяет большое внимание технологиям автоматического обнаружения аномальной активности, так как любая активность в Интернете начинает соотноситься алгоритмами с признаками идентичности.

Статус комбатанта не просто размывается и становится все более неопределенным, дистанционные системы не исключают соотнесения таких комбатантов с нонкомбатантами, политическими активистами и любыми оппозиционерами, означая мировоззренческий сдвиг от эпистемологии суждения на базе фактов к эпистемологии подозрения. При «деперсонификации силы» машины способны сражаться с машинами без ввода войск на чужую территорию, а значит, вступление в войну будет слишком простым шагом для государств. Войны могут стать более затяжными, сдерживающими послевоенное восстановление инфраструктуры [Искусственный интеллект... 2019: 171].

Contra: доводы, отрицающие изменение мировоззрения под влиянием цифровизации

Доводы, отрицающие влияние цифровой среды на мировоззренческие картины, также приводятся самыми разными исследователями. Часто их критический анализ выстраивается на основе определения причин и особенностей техноутопических идей. Ведь, по сути, варианты технологического детерминизма претендуют на разные сценарии цифровой утопии. Возможно, некоторые из них станут основой для очередной политической утопии.

⁴ В таком понимании нет принципиально новой идеи. Г. Беккер в своей известной работе «Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности» хорошо описал завуалированные приемы контроля, базирующиеся на практике навешивания ярлыков на оппонентов. И все же Г. Шамаю предпринял примечательную попытку связать технологические и политические изменения, а также выявить этико-мировоззренческие последствия таких изменений.

Русский философ Н.А. Бердяев, кстати, еще в начале XX в. не соглашался с тезисом о безусловной ценностной трансформации человека по причине технологий: «Не машина, а человек виновен в страшной власти машинизма, не машина обездушила человека, а сам человек обездушился... Машинизм есть лишь проекция этой дегуманизации» [Бердяев 1933: 33–34]. Профессор Д. Чендлер из Университета Аберистуита перечисляет признаки технологического детерминизма, которые могут вызывать критику: редукционизм (сведение сложного к простому), перенос механистичных моделей на социальные явления, реификация (овеществление технологии), автономия технологий, технологический императив (прогресс технологий неизбежен), схожий тезис техноэволюции как социального прогресса, определение ценностной нейтральности технологий, универсализм⁵.

Основоположник кибернетики Н. Винер также высказывал довольно осторожные и взвешенные оценки на проблему технологических трансформаций для мировоззрения человека. В своей работе «Корпорация Бог и голем. Комментарий по поводу ряда проблем, возникающих при столкновении кибернетики с религией» ученый указывал на то, что с приходом технологий вера в магические силы никуда не исчезла. Наоборот, Винер уже в свое время описывал технических руководителей и инженеров, составляющих группу «машинопоклонников», разделяющих иллюзию о том, что автоматизация позволит снять с человека бремя решения трудных задач.

Винер усмотрел в мировоззрении таких машинопоклонников магическую основу: «Перед нами образ мышления, свойственный колдуну в полном смысле этого слова. Против таких колдунов предостерегают не только церковные доктрины, но и накопленный поколениями здравый смысл...» [Винер 2019: 239]. Воспроизводство такого магического мировоззрения в условиях цифровой среды подвергает большим рискам современное общество, так как оправдывает уход от личной ответственности за свои поступки.

Один из ведущих медиатеоретиков Л. Манович предлагает свою критику увлечения технологиями цифровой среды. Признавая специфику цифровых медиа (привязка к алгоритмам и софту, числовое представление, изменяемость, модульность, фрактальность, автоматизация), исследователь подчеркивает, что их логика соотносится с сущностью постиндустриального общества, в котором каждый гражданин может выбрать подходящую ему идеологию и создать свой особенный стиль жизни. Напротив, логика старых, традиционных медиа (печать, кино, радио, телевидение) была связана с природой индустриального общества [Манович 2017: 31], при котором граждане пользовались схожими благами и разделяли одинаковые убеждения.

Другими словами, цифровая сфера, по Мановичу, наоборот, ничего не унифицирует и предоставляет условия для существования разных типов мировоззрений, не навязывая какое-то одно из них. Такой тезис автор объясняет

⁵ Chandler D. Technological or Media Determinism. — Mode of access: <http://visual-memory.co.uk/daniel/Documents/tecdet/tdet11.html> (accessed: 07.11.2022).

на примере: любой читатель гипертекста может получить собственную версию текста, а каждый пользователь — свой вариант веб-страницы, созданной из базы данных.

Цифровые элементы гарантируют пользователям, что их выбор не является заранее запрограммированным, определенным алгоритмами (правда, последние исследования Ш. Зубофф подвергают такую точку зрения сомнению). Описывая феномен культурного интерфейса, репрезентующего артефакты культуры посредством компьютерных технологий, Манович замечает, что в их основе сохраняются прежние культурные формы (прокрутка веб-страницы остается от традиции разворачивания, сворачивания свитка в Древнем Египте, Греции и Риме; экран компьютера и кинозала исходит от прямоугольной рамы картины эпохи Возрождения) [Манович 2018: 112–119]. Такое понимание переключается с моделью ремедиации Д. Болтера и Р. Грусина, видящих в новых медиа признаки, преемственность от традиционных медиа, у которых только добавилась интерактивность.

Е. Морозов в своей книге «Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети» приводит критический разбор киберутопизма — убежденности в некоей особенной эмансипирующей сути сетевых коммуникаций, якобы помогающей политической оппозиции добиваться своих целей. Автор описывает так называемую «доктрину Google» — идею, преувеличивающую положительную роль в распространении демократических режимов. Морозов скептически оценивает метафоричный язык «киберстены», «информационного занавеса», так как это, по его мнению, только затеняет, но не объясняет, каким образом именно демократические ценности восторжествуют благодаря Интернету, ведь ресурсы последнего могут генерировать, транслировать и воспроизводить совершенно разные ценности, в том числе и недемократические.

Даже возникновению «доктрины Google», как полагает Морозов, способствовали вовсе не социальные сети и микроблоги, а завершение холодной войны, головокружение некоторых западных авторов от краха советской системы (к примеру, концепция «конца истории» Ф. Фукуямы) и последующее наделение Интернета уникальными способностями активации антиправительственных протестов и распространения потребительского образа жизни [Морозов 2014: 18, 31, 75].

С Интернетом вещей также не все так однозначно. Сложно спорить с тем фактом, что технологии IoT, связывая интерфейсы, человеческое и нечеловеческое, способны привести к существенным корректировкам прежних генераторов мировоззренческих картин — семьи, государства, социальных групп, партий.

Но, тем не менее, по оценке некоторых исследователей [Барышников 2015], даже на такую инновационную сферу, как Интернет вещей, также изначально распространилось мировоззренческое противостояние приверженцев совершенно разных подходов — сторонников открытого исходного кода и адептов закрытых защищенных цифровых систем. Аксиологическая основа внешне противостоящих друг другу техноалармистов и технооптимистов, по сути, берет свое начало в древнем мифе о Золотом веке [Там же]. Иными словами, в цифро-

вую среду переносятся уже имеющиеся в прошлом мировоззренческие проблемы и вопросы.

Вероятно, к технодетерминизму и кратковременному увлечению какой-либо «теорией всего» приводят не только важные и необходимые для общества фундаментальные научные открытия, но и параллельное внедрение некоторых «сквозных технологий» в социально-политическую и экономическую жизнь, провоцирующие исследователей обращаться к экстраполяции, форсайту и сценариотехникам.

Например, внедрение практик Big Data перенаправило технодетерминистов и техноутопистов на неоднозначные и рискованные интервенции в религиозное мировоззрение. Профессор В.Н. Лексин как раз в своей монографии проводит критический разбор датаизма — новой формы «цифровой религии», провозглашающей приход бога-суперкомпьютера, бессмертного сверхчеловека с паранормальными способностями (Homo Deus), превосходство электронных алгоритмов над биохимическими основами, сводящего понимание вселенной к потокам данных, а роль человека — к обработке этих данных [Лексин 2021: 251–257]. Подобные интервенции технодетерминизма, машинопоклонничества, машинизма в бердяевском смысле являются вызовом для традиционных религий, философий, политических идеологий и даже человека как такового. И они также не новы. Вспоминается, что фашистские эксперименты с идеей сверхчеловека в сочетании с созданием квазирелигии привели в прошлом веке человечество к довольно опасной черте.

В своей статье российский философ А.В. Горюнов обосновывает критику технологического детерминизма тем, что технология сама по себе не предопределяет характер общественных изменений, скорее, наоборот, технологические инновации, их направление зависят от социальных условий. Горюнов не отрицает возможность радикального технологического скачка, но, по его мнению, к серьезным последствиям приводит не просто технология как таковая, а технология, сопровождаемая исторически присущим ей социальным применением [Горюнов 2011].

С. Ллойд, физик-теоретик из Массачусетского технологического института, утверждает, что среди исследователей имеется технологическая переоценка безграничных возможностей технологий и той же идеи сингулярности. Во-первых, развитие технологий из-за закона Мура может достигать предела. Кроме того, обучение компьютеров является медленным и сложным процессом, при этом системы на глубинном обучении становятся более человекоподобными, а не наоборот: «Лучшие шахматисты мира — это не компьютеры и люди по отдельности, а люди, работающие вместе с компьютерами» [Искусственный интеллект... 2020: 36–38].

Из вывода Ллойда можно понять, что любую значимую мировоззренческую трансформацию нужно ждать не от конкретной технологии, элемента, эффекта цифровой среды, а от возникновения социотехнических систем («цифровых кентавров»), предполагающих слаженную работу людей, их групп с цифровыми интерфейсами, алгоритмами, искусственным интеллектом.

Полученные результаты экспертного исследования

В первую очередь, в рамках исследования респондентам было предложено определить, какие цифровые институты и акторы и как участвуют на сегодняшний день в процессах формирования современного мировоззрения человека. Эксперты сформировали широкий спектр ответов по данному вопросу, что позволяет сделать вывод о том, что цифровой фактор имеет существенное влияние на мировоззренческие системы.

Большинство принявших участие в экспертном исследовании участников придерживаются мнения о том, что цифровые институты в настоящее время — это не только удобные, комфортные и мобильные среды для разнообразных интеракций, но, главным образом, глобальная цифровая среда со своей ценностно-нормативной системой, символикой, «цифровым правом» (нормативный инжиниринг) и цифровой идентификацией, которые постепенно и устойчиво вытесняют социально-культурную идентификацию личности, традиционные общественно-политические формы организации и взаимодействия.

Цифровые институты все активнее выступают инициаторами общественных дискуссий (например, массового обсуждения принятых властно-управленческих решений) и социальных акций (к примеру, акции несогласных с существующей повесткой дня), осуществляют управляемую консолидацию социальных интересов и потребностей, реинтерпретируют общественно-политические явления, события, процессы, социальные смыслы и ценности, а также активно принимают участие в общественной оценке событий, явлений и процессов.

Обращает на себя внимание экспертная позиция, в соответствии с которой в современном обществе цифровые институты стали доминирующим механизмом формирования мировоззрения человека. Если еще лет 20 назад Интернет просто ускорил и упростил получение информации, упростил коммуникацию и расширил диапазон источников информации, то в настоящее время у большинства индивидуумов в обществе просто нет иного выбора.

При этом цифровые институты сегодня не просто дополняют реальную практику, расширяя доступ человека к информации, но в значительной степени замещают реальную практику виртуальной, формируют иллюзорное мировоззрение. В результате, как отметил один из участников исследования, современная цифровая среда проникла и в повседневные практики, и в сферу профессиональной деятельности, и в область досуга, что не только кардинально меняет их формы, но и перестраивает сознание, включая мировоззренческие ориентиры людей.

Как итог — цифровые институты формулируют, транслируют и навязывают мнения и стереотипы поведения, функционируя в режиме просвещения и пропаганды, активно формируя представление о том, что цифровая среда является главной или единственной средой предоставления информации об окружающей действительности.

Вместе с тем цифровые институты, по мнению многих экспертов, имеют возможности оказывать прямое, хотя и скрытое влияние на формирование мировоззрения больших общностей за счет манипулирования контентом и в соответствии с политическими интересами заказчика (бенефициара, субъекта

управления). Степень такого рода влияния и воздействия на общество по мере развития соответствующих технологий принципиально возрастает.

Весьма примечательно, что при общей оценке ценностно-смысловых установок, формирование которых поддерживает современная цифровая среда, значительная часть экспертов склоняется к мнению о том, что это в первую очередь индивидуалистические установки, и в значительно меньшей степени коллективистские, что приводит нас к выводу о том, что цифровая среда на сегодняшний день не способствует явным образом общественной консолидации и обеспечению общественного согласия, выступая скорее фактором ценностно-смыслового раскола и поляризации индивидов (рис. 1).

Однако, следуя заданной нами логике Pro et Contra, необходимо отметить и наличие позиции, указанной рядом респондентов, в соответствии с которой цифровая среда обеспечивает формирование и поддержку коллективистских ценностно-смысловых установок.

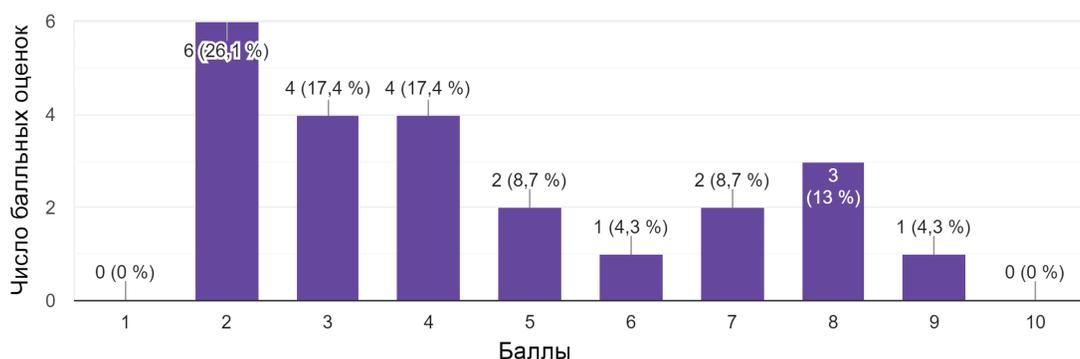

Рис. 1. Формирование каких ценностно-смысловых установок в большей степени поддерживает сложившаяся на сегодняшний день цифровая среда — индивидуалистических или коллективистских? Количественная оценка от 1 до 10 баллов: 1 — преимущественно индивидуалистических, 10 — преимущественно коллективистских

Источник: составлено авторами.

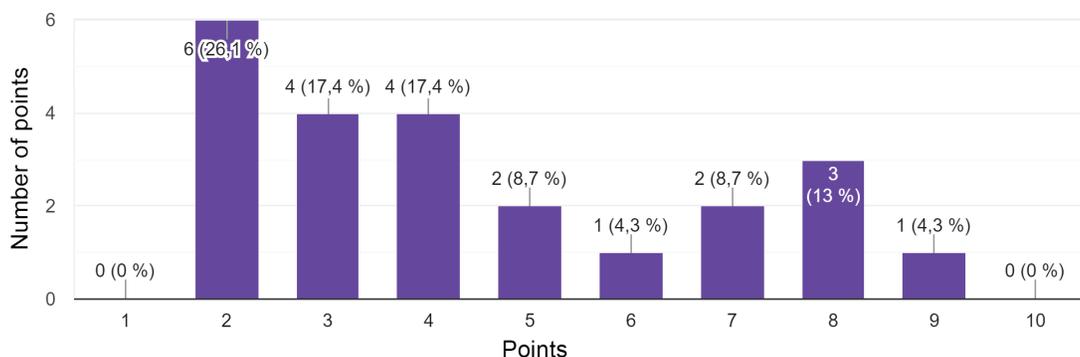

Figure 1. The formation of which value-semantic attitudes is more supported by the today's digital environment — individualistic or collectivist?

Assessment from 1 to 10 points: 1 — mainly individualistic, 10 — mainly collectivist

Source: compiled by the authors.

К наиболее влиятельным цифровым институтам в аспекте влияния на мировоззрение ряд экспертов отнес общественно значимые интернет-платформы и сервисы, к числу которых, в свою очередь, можно отнести глобальные социальные сети (как площадки кластеризации и взаимодействия групп), вики-проекты (подобные «Википедии»), мессенджеры, блог-платформы (сервисы для социальной журналистики), рекомендательные сервисы, поисковики и видеохостинги. По мнению участников исследования, они выполняют функции глобального информационного посредника между людьми, обеспечивая социальную рефлексию.

Что касается общественно значимых интернет-платформ в целом (вне зависимости от своей тематики) — все они неизбежно являются прямо или косвенно участниками социальных отношений, а также внешней и внутренней политики в странах присутствия. В силу своей социальной значимости они не могут самоустраниться от активного участия в формировании и переформировании социополитических ценностей, норм поведения, ритуалов.

Например, пользователь может увидеть в большинстве случаев лишь тот контент, который при помощи непрозрачного алгоритма отобрал для него поисковик. В свою очередь, социальные сети являются эффективным инструментом организации современных сообществ. В социальных сетях человек ежедневно получает информацию, которая алгоритмически «подбирается» под его интересы и потребности на основе анализа пользовательских цифровых следов, либо транслируется рекламодателем (включая рекламодателей политических).

При этом транслируемый контент алгоритмически популяризируется, что оказывает самое непосредственное влияние на мировоззренческие представления субъекта и степень общественного согласия и консолидации общества. Таким образом формируется «информационный пузырь», укрепляющий упрощенное мировоззрение, а также своего рода цифровую многополярность в условиях ангажированности площадок социальных сетей, их зависимости от цифровых элит, контролирующих пространство общественно-политических и социокультурных коммуникаций, а также связи с предпочтениями бенефициаров.

Помимо этого, социальные сети, по мнению ряда экспертов, осуществляют как скрытый, так и явный контроль за содержанием размещаемого пользовательского контента, манипулируя информацией (мягко предлагая темы для обсуждений и дискуссий, подсказывая готовые «правильные» ответы), а также формируют эмоциональную зависимость от процессов цифровой коммуникации.

В свою очередь, влиятельные блог-платформы, имеющие многомиллионные аудитории подписчиков, успешно замещают традиционную журналистику: их главная лента может оказывать влияние на новостную и общественно значимую повестку дня. «Википедия» берет на себя функции формирования исторической памяти и социальных смыслов, а глобальные видеохостинги, управляя в экстерриториальном режиме общественно-политическими трендами, могут мобилизовать протестные настроения и вывести инсургентов на улицы городов, тем самым трансформируя уже не только представления о реальности, но и воздействуя на модели массового и группового поведения.

Также респонденты определили в качестве ключевых цифровых институтов, участвующих в формировании мировоззрения человека и общества, новые политические и цифровые элиты, которые начали формироваться в рамках государственно-частного партнерства в сфере инновационного технологического развития властно-управленческой деятельности, развития государственных публичных сервисов и модернизации военно-промышленного комплекса, а именно — IT и медиакорпорации, ориентированные на создание альтернативных государству виртуальных пространств общественно-политического взаимодействия, инжиниринговые центры, сформированные и функционирующие на базе ведущих университетов и ведущих технологических лабораторий, которые стали влиятельными и относительно независимыми акторами, осуществляющими прогнозирование и проектирование развития цифровой среды и коммуникативного взаимодействия.

Кроме того, эксперты особо выделили цифровые площадки, сервисы и платформы, посредством которых организуются и реализуются различные цифровые интеракции, продвигается цифровая ценностно-нормативная система, различные режимы безопасности, формы и способы управления поведением пользователей, которые в цифровом пространстве могут одновременно менять свою позицию от зрителя к актеру и режиссеру.

Говоря о цифровых платформах, влияющих на мировоззрение, ряд экспертов обратил особое внимание на необходимость различать платформы как акторов и платформы как среду. Как среда цифровые платформы в формировании мировоззрения никак не участвуют, в формировании мировоззрения интерфейс участвовать не может. Но, выступая в качестве акторов, цифровые платформы разрабатывают *platform affordances* и политику платформы в области ограничения контента на основе законов и деонтологии, понятых собственным способом.

Например, глобальные поисковые сервисы неизбежно выводят вперед одни аспекты исторической памяти и скрывают другие. Неслучайно ряд работ в области проблематизации цифровых процессов как фактора изменения мировоззренческих установок изучают влияние алгоритмических гейткиперов на формирование мировоззрения отдельного человека с помощью управления поисковой выдачей мировоззренческого, ценностно-смыслового, культурного и иного общественно значимого контента.

Как можно заметить, эксперты выделили целый ряд цифровых институтов, функционирующих в современной цифровой среде, отметив как степень влияния на мировоззренческие компоненты современного человека, так и на содержательные аспекты подобного влияния.

Непосредственно с проблемой влияния цифровой среды на мировоззрение человека связаны и отмеченные экспертами риски, угрозы и вызовы цифровизации существующих традиционных систем мировоззрения.

В качестве основного общественно-политического риска, по мнению экспертов, сегодня выступает мировоззренческая деконсолидация современных обществ в развитых странах. Этот феномен, безусловно, существует: были

католики и гугеноты, северяне и южане, красные и белые, интеллигенция и глубинный народ и пр. Однако историческое отличие современной деконсолидации заключается в том, что она имеет шансы стать новой нормальностью. Между тем человек с иным мировоззрением воспринимается как чужой, изгой. Учитывая мозаичность, отчуждение, эфемерность мировоззренческих констант и аксиом, современные общества рискуют столкнуться с массовыми масштабными и скоротечными мировоззренческими кризисами и расколами, экстремальной поляризацией как между обществами, так и внутри самих обществ.

Помимо указанного, эксперты, принявшие участие в исследовании, выделили целый спектр и иных рисков и угроз, связанных с цифровизацией общественной мысли. Ключевыми из них, связанными с трансформацией мировоззренческих структур общества и личности, выступают:

- доминирование постгуманистического мировоззрения, в рамках которого интересы развития цифровых технологий и потребности систем ориентированного машинного обучения становятся доктринально, институционально и практически более значимыми, чем интересы человека, сообщества и социокультурной целостности, где традиционный статус личности сводится до простой активности в сети отношений с иными агентами — роботами, технологиями и различными материальностями (смартфонами, серверами и проч.);
- монополизация технологическими корпорациями публичных и частных сервисов, традиционно реализуемых государством и институтами гражданского общества;
- формирование виртуальных вселенных как основного фактора организации и структуризации человеческих сообществ;
- замещение реальных человеческих отношений и традиционных институтов на цифровой алгоритмический порядок.

При этом цифровые риски и угрозы заключаются в первую очередь в неясной трансформации мировоззрения, особенно у молодежи, под влиянием наиболее активных и агрессивных мировоззренческих позиций, распространяемых в цифровой среде. И здесь необходимо формирование стратегии адаптации: запрещать и тем самым ограничивать цифровое присутствие или начинать более активно работать в цифровой среде, чтобы составить конкуренцию другим мировоззренческим позициям. Однако, согласно ряду экспертных позиций, традиционные общественно-политические системы не способны сегодня противостоять «новым» и «альтернативным» системам мировоззрений, генерируя для этого конкурентный ценностно-смысловой и мировоззренческий контент.

Одновременно с этим необходимо указать еще на одну важную экспертную позицию, согласно которой в цифровом пространстве существует угроза возникновения «информационных стен», а также создания эффекта «спирали молчания». Также уже сегодня можно говорить о риске создания так называемого «*media-driven society*» в его худшем виде.

Для оценки такого риска требуются исследования, подобные исследованиям fake news, которые бы связывали уровень образования реципиента и другие его характеристики со способностью осознавать степень искажения информационного потока и пристрастности, например, новостного агрегатора. Если степень искажения не осознается, то это может приводить к стремительным культивационным эффектам.

Непосредственно с перечисленными угрозами и рисками связана, по мнению ряда экспертов, и такая негативная тенденция, как разрушение культур и заложенных в них традиционных систем мировоззрения. Цифровизация обеспечивает разрушение целостных картин мира, дискредитацию ключевых образов и смыслов, взамен представляя фрагментированный постнарратив, обеспечивая экстерриториальное внедрение в сознание привнесенных извне образов и смыслов; переформатирование ценностной матрицы общества; универсализацию мировоззрения посредством подавления традиционных систем мировоззрения.

Под влиянием процесса цифровизации разрушается система логического мышления человека, а вместе с ней и системы рациональности. Открытость Интернета превратила его в пространство массового насаждения пороков и де-табуизации. Как отмечают участники исследования, цифровая среда плохо приспособлена для долгого сложного обсуждения серьезных проблем, ее отличает бессистемность, фрагментарность знания, отсутствие рефлексии, критического и самостоятельного мышления. Как следствие — атомизация обществ и утрата национально-государственной идентичности.

При этом информации поступает так много и в таком интенсивном режиме, что человек не успевает ее осознать, осмыслить, а доступность огромного массива информации создает у индивида ощущение «всезнания» и уничижительного отношения к образованию и науке. В итоге антициентизм становится важнейшей установкой современного мировоззрения, одновременно превращая человека в удобного потребителя любой фэйковой информации, привлекательными сторонами которой являются новизна, эпатажность, эмоциональность. И традиционные системы мировоззрения, стремящиеся опереться на рациональную сторону сознания, здесь сразу проигрывают.

В итоге, по мнению большинства экспертов, результатом цифровизации могут стать существенное падение уровня массовой политической культуры, распространение массовой общественно-политической безграмотности и инфантильности, снижение качественного уровня дискуссий по общественно значимым проблемам, отчуждение граждан от реальных политических процессов, жесткий контроль за содержанием общественно-политического дискурса, активное распространение в цифровой среде массовых стереотипов, предубеждений и предрассудков в формате deep fake, а также повышение степени подверженности общественного сознания манипуляционно-пропагандистскому воздействию, сопровождающееся растворением традиционности, гомогенизацией и маргинализацией индивидов, общественных структур и непосредственно самого общества.

Заключение

По итогам проведенного исследования мы можем констатировать неоднозначность оценки степени влияния цифровой среды на современное мировоззрение, его дизайн и содержательные компоненты. При этом даже среди тех ученых и экспертов, которые придерживаются мнения о значительном влиянии цифровой среды, а также функционирующих в ней институтов, имеются весьма различные позиции, составляющие целый спектр суждений о характере подобного влияния.

Даже характер ценностно-смысловых установок, формируемых и поддерживаемых в цифровом пространстве, оказался для участников исследования неоднозначным. Данная ситуация характерна как для ученых, анализ работ которых был осуществлен в данной работе, так и экспертов, принявших участие в международном экспертном исследовании, проведенном авторами.

Существование такого рода неоднозначной ситуации во многом определяется как сложностью самого феномена цифровой среды, так и интенсивным развитием новых форматов функционирования цифровых институтов, функциональной «мутацией» технологического потенциала применительно к вопросам влияния на современное мировоззрение, недостаточностью академических исследований такого рода влияния (к примеру, интересно экспериментально протестировать возможности Интернета вещей по формированию общественного согласия: создаст ли он «петли» обратной связи между гражданами и политической властью, устанавливающие механизм взаимного влияния, либо заложит завуалированные «политические цепи», при которых политическое влияние будет исходить лишь от одних акторов [Харман 2021: 140–141]).

Тем не менее та часть ученых и экспертов, которая склонна оценивать влияние цифровой среды на ценностно-смысловые и мировоззренческие представления современного человека, формулирует весьма широкий спектр рисков, угроз и вызовов, связанных с интенсивной цифровизацией традиционных сфер жизнедеятельности общества, включая сферу формирования и сохранения традиционных систем мировоззрения, а также обеспечения общественного согласия.

Данное обстоятельство позволяет нам прийти к выводу о необходимости глубоких междисциплинарных исследований учеными и специалистами актуальных процессов эволюции цифровой среды и цифровых институтов в аспекте степени и характера их влияния на мировоззрение современного человека, а также формирования и поддержания общественного согласия в условиях цифровых технологических трансформаций, носящих глобальный и во многом необратимый характер.

Поступила в редакцию / Received: 04.09.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 19.11.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.12.2022

Библиографический список

- Барышников П.Н. Морфология технологической сказки: Интернет вещей и социальные дистанции // Социология власти. 2015. Т. 27. № 1. С. 37–54.
- Бердяев Н.А. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) // Путь. 1933. № 38. С. 3–37.
- Бернейс Э. Инженерия согласия // Полис. Политические исследования. 2013. № 4. С. 122–131. <https://doi.org/10.17976/jpps/2013.04.00>
- Винер Н. Кибернетика и общество: [сборник] / пер. с англ. В. Желнинова. М.: АСТ, 2019. 288 с.
- Горюнов А.В. Информационные технологии и общество, или Состоятелен ли технологический детерминизм? // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8–1 (14). С. 54–58.
- Дебрэ Р. Введение в медиалогию / пер. с франц. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2010. 368 с.
- Деникин А.А. Цифровые медиа и проайретические интерфейсы: о некоторых особенностях партиципаторных коммуникаций // Дизайн СМИ: Тренды XXI века. 2019. № 4. С. 189–196.
- Искусственный интеллект. Что стоит знать о наступающей эпохе разумных машин / под ред. Д. Хэвен; пер. с англ. О.Д. Сайфудиновой. М.: АСТ, 2019. 352 с.
- Искусственный интеллект — надежды и опасения: сборник / пер. с англ. В. Желнинова; под ред. Дж. Брокмана. М.: АСТ, 2020. 384 с.
- Карпенко В.Е. Интернет «умных» вещей как аттрактор культуры // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2016. № 11–12 (60). С. 103–118.
- Лексин В.Н. Искусственный интеллект в экономике, политике и частной жизни: опыт системной диагностики. М.: ЛЕНАНД, 2021. 336 с.
- Ловинк Г. Критическая теория интернета / пер. с англ. А. Бадоян, Н. Лебедева. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей совр. иск. «Гараж», 2019. 304 с.
- Манович Л. Теории софт-культуры. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017. 208 с.
- Манович Л. Язык новых медиа / пер. Д. Кульчицкой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 400 с.
- Морозов Е.М. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М.: Corpus, 2014.
- Семенов В.Е. Социокультурная поляризация и общественное согласие в контексте концепции российской полиментальности // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 206. С. 92–100.
- Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / пер. с англ. М. Фетисова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2021. 272 с.
- Шамаю Г. Теория дрона / пер. Е. Блинов. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2020. 280 с.
- Cheney-Lippold J. A New Algorithmic Identity: Soft Biopolitics and the Modulation of Control // Theory, Culture & Society. 2011. Vol. 28. Iss. 6. P. 164–181. <https://doi.org/10.1177/0263276411424420>
- Ellul J. The technological society. New York: Vintage Books, 1964. 449 p.
- French R.P. Deconstructing The End of Leadership: Postmodernity, Epistemology, and Worldviews // SAGE Open. 2016. Vol. 6. <https://doi.org/10.1177/2158244016628588>. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2158244016628588> (accessed: 07.11.2022).

References

- Brockman, J. (Ed.). *Artificial intelligence — hopes and fears*. (2020). Moscow: AST. (In Russian). [Brockman, J. (Ed.). (2019). *Possible Minds: Twenty-five Ways of Looking at AI*. London: Penguin Press].

- Baryshnikov, P.N. (2015). Morphology of a technological fairy tale: Internet of things and social distances. *Sociology of power*, 27(1), 37–54. (In Russian).
- Berdyaev, N.A. (1933). Man and machine (a problem of sociology and metaphysics of technology). *Way*, 38, 3–37. (In Russian).
- Bernays, E. (2013). Consent Engineering. *Polis. Political studies*, 4, 122–131. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2013.04.00> [Bernays, E. (1947). *The Engineering of Consent. Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 250, 1].
- Cheney-Lippold, J. (2011). A New Algorithmic Identity: Soft Biopolitics and the Modulation of Control. *Theory, Culture & Society*, 28(6), 164–181. <https://doi.org/10.1177/0263276411424>. (In Russian).
- Debray, R. (2010). *Introduction to mediology*. [Introduccion a la mediologie]. Moscow: Praxis. (In Russian). [Debray, R. (2010). *Introduccion a la mediologie*. Barcelona: Paidós. 288 p.].
- Denikin, A.A. (2019). Digital media and pro-airctic interfaces: about some features of participatory communications. *Media Design: Trends of the 21st century*, 4, 189–196. (In Russian).
- Ellul, J. (1964). *The technological society*. New York: Vintage Books.
- French, R.P. (2016). Deconstructing The End of Leadership: Postmodernity, Epistemology, and Worldviews. *SAGE Open*. Vol. 6. <http://doi.org/10.1177/2158244016628588>. Retrieved November 07, 2022 from: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2158244016628588>
- Goryunov, A.V. (2011). Information technology and society, or is technological determinism consistent? *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, 8(14). Part 1, 54–58. (In Russian).
- Harman, G. (2021). *Object-Oriented Ontology: A New “Theory of Everything”*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian). [Harman, G. (2018). *Object-Oriented Ontology: A New “Theory of Everything”*. New Orleans: Pelican. 336 p.].
- Haven, D. (Ed.). (2019). *Artificial intelligence. What you should know about the coming era of intelligent machines*. Moscow: AST. (In Russian). [Haven, D. (Ed.). (2017). *Machines that think. Everything You Need to Know about the Coming Age of Artificial Intelligence*. Kiddle ed. Retrieved November, 11, 2022, from https://www.amazon.com/Machines-that-Think-Everything-intelligence-ebook/dp/B01M4N4B8P#detailBullets_feature_div].
- Karpenko, V.E. (2016). Internet of “smart” things as an attractor of culture. *Topical issues of social sciences: sociology, political science, philosophy, history*, (11–12), 103–118. (In Russian).
- Leksin, V.N. (2021). *Artificial intelligence in economics, politics and private life: An experience of system diagnostics*. Moscow: LENAND. (In Russian).
- Lovink, G. (2019). *Critical Theory of the Internet*. Moscow: Ad Marginem Press, Museum of modern. claim. “Garage”. (In Russian).
- Manovich, L. (2017). *Theories of soft culture*. Nizhny Novgorod: Krasnaya Swallow. (In Russian).
- Manovich, L. (2018). *The language of new media*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian). [Manovich, L. (2001). *The language of new media*. Cambridge: MIT Press].
- Morozov, E.M. (2014). *The Net Delusion. The Dark Side of Internet Freedom*. Moscow: Corpus. (In Russian)
- Shamayu, G. (2020). *Drone Theory*. Moscow: Ad Marginem Press, Garage Museum of Contemporary Art. (In Russian). [Shamayu, G. (2015). *Drone Theory*. London: Pinguin. 304 p.].
- Semenov, V.E. (2015). Sociocultural polarization and public consent in the context of the concept of Russian polymentality. *Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Culture*, 206, 92–100. (In Russian).
- Viner, N. (2019). *Cybernetics and society: [collection]*. Moscow: AST. (In Russian).

Сведения об авторах:

Володенков Сергей Владимирович — доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник научно-проектного отдела Научно-инновационного управления, Государственный академический университет гуманитарных наук; профессор кафедры государственной политики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: s.v.cyber@gmail.com) (ORCID: 0000-0003-2928-6068)

Федорченко Сергей Николаевич — доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник научно-проектного отдела Научно-инновационного управления, Государственный академический университет гуманитарных наук; профессор, ведущий эксперт, старший научный сотрудник кафедры управления наукоемкими отраслевыми и региональными проектами, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-6563-044X)

Печенкин Николай Михайлович — лаборант, Государственный академический университет гуманитарных наук; научный сотрудник, преподаватель департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ (e-mail: nick_pechyonkin@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-7846-4847)

About the authors:

Sergey V. Volodenkov — Doctor of Political Sciences, Chief Researcher of the Research and Design Department of the Scientific and Innovation Department of the State Academic University for the Humanities; Professor of the Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: s.v.cyber@gmail.com) (ORCID: 0000-0003-2928-6068)

Sergey N. Fedorchenko — Doctor of Political Sciences, Chief Researcher of the Research and Design Department of the Scientific and Innovation Department of the State Academic University for the Humanities; Professor, Leading Expert, Senior Researcher of the Department of Management of Science-Intensive Industry and Regional Projects of the National Research Nuclear University (e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-6563-044X)

Nikolai M. Pechenkin — Laboratory Assistant at the State Academic University of Humanities; Researcher and Lecturer at the Department of Political Science of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications of the Financial University under the Government of the Russian Federation (e-mail: nick_pechyonkin@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-7846-4847)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-134-149

Научная статья / Research article

Идеологическое влияние Турции в регионах России: тюркский фактор

М.А. Майорова , А.И. Сбитнева

*Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация*

 a_sbitneva@mail.ru

Аннотация. Отмечается важность эффективной реализации государственной национальной политики для стабильности и устойчивости государства. Особенно актуальным данный вопрос представляется в контексте таких крупных этноязыковых общностей, как тюркские народы, являющиеся уязвимыми для внешнего воздействия объектами. Авторами рассматривается вопрос иностранного влияния на территориальные единицы Российской Федерации через экономические и гуманитарные сферы на примере деятельности Турецкой Республики. В рамках идеологии пантюркизма для Турции особую важность представляют тюркоязычные народы, в частности проживающие на территории Российской Федерации. Идеей построения «тюркского мира» под эгидой Турции Анкарой оправдывается вмешательство во внутренние дела суверенных государств. Исследована деятельность турецких организаций, а также специфика экономического и гуманитарного сотрудничества в Республиках Татарстан, Башкортостан, Чувашия, Крым, Алтай, Саха (Якутия), Тыва, Хакасия. В результате анализа открытых источников и официальных данных выявлена степень интенсивности турецкого присутствия в тюркоязычных регионах. В Приволжском федеральном округе уровень распространения турецкого влияния, а также сотрудничества в различных сферах достаточно высок, особенно в таких республиках, как Татарстан и Башкортостан. Наименее подверженной турецкой деструктивной деятельности остается Республика Чувашия. Информационное воздействие оказывается преимущественно в Республике Крым посредством протурецких СМИ. На Алтае, в Тыве и Хакасии после 2015 г. активность взаимодействия с Турцией в гуманитарных и экономических сферах несколько снизилась. Несмотря на это, обозначение фактора внешнего влияния и разработка эффективных мер по противодействию ему должны стать одними из важных тем для учета в новой Стратегии государственной национальной политики после 2025 г.

Ключевые слова: Россия, Турция, тюрки, тюркский фактор, тюркский мир, национальная безопасность, государственная национальная политика, иностранное влияние

© Майорова М.А., Сбитнева А.И., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Майорова М.А., Сбитнева А.И. Идеологическое влияние Турции в регионах России: тюркский фактор // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 134–149. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-134-149>

Turkish Ideological Influence in Russian Regions: The Turkic Factor

Mariya A. Mayorova , Alina I. Sbitneva

*The Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

 a_sbitneva@mail.ru

Abstract. The article underlines the importance of effective implementation of the state national policy for the stability and sustainability of the state. This issue is particularly relevant in the context of such large ethno-linguistic communities as the Turkic peoples, which are vulnerable to external influence objects. The authors consider the issue of foreign influence on the territorial units of the Russian Federation through economic and humanitarian spheres on the example of the activities of the Republic of Turkey. Within the framework of the ideology of pan-Turkism, the Turkic-speaking peoples, especially those living on the territory of the Russian Federation, are of particular importance to Turkey. Ankara justifies interference in the internal affairs of sovereign states with the idea of building a “Turkic world” under the auspices of Turkey. The article reflects the activities of Turkish organizations, as well as the specifics of economic and humanitarian cooperation in the Republics of Tatarstan, Bashkortostan, Chuvashia, Crimea, Altai, Sakha (Yakutia), Tyva, Khakassia. The analysis of open sources and official data revealed the degree of intensity of the Turkish presence in the Turkic-speaking regions. In the Volga Federal District, the level of Turkish influence as well as cooperation in various fields is quite high, especially in Tatarstan and Bashkortostan. The Republic of Chuvashia remains the least susceptible to Turkish destructive activity. The informational impact through the pro-Turkish media is mainly observed in the Republic of Crimea. In Altai, Tuva and Khakassia, after 2015, the activity of interaction with Turkey in the humanitarian and economic spheres has decreased to some extent. However, the designation of the factor of external influence and the development of effective measures to counteract it should become one of the most important topics of the new Strategy of the state national policy after 2025.

Keywords: Russia, Turkey, Turks, Turkic factor, Turkic world, national security, state national policy, foreign influence

For citation: Mayorova, M.A., & Sbitneva, A.I. (2023). Turkish ideological influence in Russian regions: The Turkic factor. *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 134–149. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-134-149>

Введение

Конституция Российской Федерации гласит, что Россия представляет собой государство, где единственным носителем суверенитета и источником власти является его многонациональный народ. 19 декабря 2012 г. российская правовая

система пополнилась одним из важнейших на сегодняшний день документов стратегического планирования — Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Согласно второму пункту Стратегии, она нацелена на активизацию всестороннего сотрудничества народов России, развитие их национальных языков и культур, а также укрепление государственного единства и целостности страны, сохранение этнокультурной самобытности ее народов.

Российские исследователи справедливо отмечают, что эффективность государственной национальной политики зависит в том числе от связок «нация и национализм, этнос и этничность, идентификация и идентичность, которые, в свою очередь, отвечают запросам государства и населения», куда включена в том числе проблематика этнической идентичности и самоидентификации [Тадышева, Енчинов 2018: 13].

Следует отметить, что в настоящее время ситуация в сфере национальной политики значительно улучшилась. Так, во время встречи президента России В.В. Путина и руководителя Федерального агентства по делам национальностей И. Баринова в 2020 г. был озвучен ряд положительных изменений, среди которых одним из основных стал показатель уровня гражданской идентичности, составивший 91 %¹, а по итогам встречи в 2022 г. достигший 93,4 %². Кроме того, была отмечена позитивная динамика в области оценки состояния межнациональных и этноконфессиональных отношений среди населения³.

Несмотря на уже достигнутые существенные результаты в области национальной политики после тяжелых для страны 1990-х гг., некоторые проблемы все же остаются. К перечисленным в официальном документе негативным факторам⁴, в том числе влияющим на реализацию положений Стратегии, можно отнести деятельность иностранных государств на территории отдельных субъектов Российской Федерации, наглядным примером которой служит работа специализированных организаций и структур Турецкой Республики в тюркоязычных регионах России.

В последнее время на международной арене возникает все больше государств и центров сил, стремящихся оказывать влияние как на процессы глобального характера, так и на отдельно взятые регионы мира. Турецкая Республика является государством именно такого типа: одним из приоритетных направлений ее внешней политики в рамках идеологии пантюркизма является идея создания обособленной подсистемы международных отношений — «тюркского

¹ Встреча с руководителем Федерального агентства по делам национальностей Игорем Бариновым // Президент России. 13.10.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/26/events/64196> (дата обращения: 24.01.2023).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Президент России. 19.12.2012. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201212190001.pdf> (дата обращения: 08.07.2022).

мира», включающего в себя не только ареал тюркских народов Средней Азии, но и тюркоязычные субъекты России.

В 2021 г. Д. Бахчели — глава Партии националистического движения Турции, которая вместе с Партией справедливости и развития входит в правящий «Народный альянс», подарил Р.Т. Эрдогану карту «тюркского мира», где изображены в том числе тюркоязычные российские регионы, включая Крым, Якутию, Восточную Сибирь, некоторые территории Северного Кавказа и др.⁵ Подобные прецеденты, несмотря на то, что кажутся на первый взгляд незначительными, в действительности несут в себе потенциальную опасность и указывают на определенные намерения Турции, в долгосрочной перспективе затрагивающие вопрос национальной безопасности России. Кроме того, в том же году телеканал TGRT продемонстрировал планы по расширению сфер влияния Турции, в числе которых оказались юг России и Поволжье, а в феврале 2022 г. турецкая газета *Kağar* в своей статье назвала десять регионов России «автономными тюркскими республиками»⁶.

В информационном поле при этом негласно формируется негативный образ России как «угнетателя тюрков». Такой подход при этом не учитывает культурные особенности и региональную специфику народов, причисляемых к таковым: славянские и тюркские народы имеют глубокую и древнюю совместную историю. В этом смысле народы Турецкой Республики, по сравнению даже с тюркоязычными народами России, в меньшей степени являются носителями тюркской культуры, и, как отметил однажды пресс-секретарь президента России, тюрколог Д. Песков, комментируя турецкую карту «тюркского мира», его центр правильнее было бы изобразить именно на российском Алтае⁷.

В 2015 г., после инцидента со сбитым турками Су-24 и введением в связи с этим санкций в отношении Турецкой Республики, Министерство культуры России оперативно отреагировало и предложило тюркоязычным республикам страны ограничить гуманитарное сотрудничество с Турцией, в частности, прекратить контакты с Международной организацией тюркской культуры (ТЮРКСОЙ), где Республики Алтай, Башкортостан, Хакасия, Саха (Якутия), Татарстан и Тыва числились наблюдателями. На тот момент с трудностями в выполнении рекомендаций министерства столкнулись только Татарстан и Якутия. Однако на официальном сайте организации статус наблюдателей по-прежнему сохраняют все обозначенные выше республики⁸. Примечательно, что плата

⁵ Эрдоган получил в подарок карту тюркского мира с частью России // Москва 24. 17.11.2022. URL: <https://www.m24.ru/news/politika/17112021/192484> (дата обращения: 11.07.2022).

⁶ В Турции назвали десять российских регионов «тюркскими республиками» // РИА Новости. 17.02.2022. URL: <https://ria.ru/20220217/respublika-1773340603.html> (дата обращения: 10.07.2022).

⁷ Песков сожалеет, что на карте тюркского мира Эрдогана не указано, что его центр на Алтае // ТАСС. 21.11.2021. URL: <https://tass.ru/politika/12982517> (дата обращения: 09.07.2022).

⁸ Официальный сайт международной организации тюркской культуры // ТЮРКСОЙ. URL: <https://www.turksoy.org/ru> (дата обращения: 10.07.2022).

за право быть наблюдателем составляет 75 тыс. евро и оплачивается из республиканского бюджета каждого субъекта⁹.

ТЮРКСОЙ при этом является не единственной организацией, ведущей свою деятельность в рамках рассматриваемой проблематики. Отдельные кейсы турецкого влияния на тюркоязычные народы России целесообразнее всего рассматривать на примере отдельных субъектов в рамках существующих сегодня федеральных округов.

Приволжский федеральный округ — главный центр притяжения Турции

Поволжье традиционно считается тюркским регионом Российской Федерации: Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Чувашская Республика исторически населены тюркоязычными народами, многие из которых добровольно вошли в состав России еще в XVI веке и гармонично сосуществуют в составе российского государства на протяжении многих сотен лет.

Несмотря на эффективную национальную политику, реализуемую сегодня федеральными и региональными органами власти России, после распада СССР обстановка в стране была несколько иной, и именно эти субъекты подверглись наибольшему идеологическому влиянию «извне», что накладывает своеобразный отпечаток на состояние общенационального единства и согласия в этих регионах и в настоящее время.

Известно о широком распространении в 1990-х гг. на территории Поволжья турецкого религиозного движения «Нурджулар» и открытии там «просветительских» школ «Хизмет», методика образования которых не соответствовала единым государственным стандартам, а сами учреждения больше напоминали исламскую секту. В целях предотвращения дальнейшего деструктивного влияния в 2008 г. движение и школы были признаны Верховным Судом РФ экстремистскими и запрещены.

Кроме того, мягкую силу на территории данных субъектов активно осуществляли Институт им. Ю. Эмре и упомянутая выше ТЮРКСОЙ, нацеленная на объединение тюркских народов посредством проведения культурных, научных и других мероприятий. После событий 2015 г., благодаря оперативному реагированию российских органов государственной власти, взаимодействие организации с рядом субъектов России было существенно уменьшено, однако не приостановлено до конца. Сегодня Поволжье по-прежнему остается уязвимой зоной с точки зрения как межэтнического, так и межконфессионального характера. Конфликтogenность его во многом обусловлена деструктивными действиями внешних сил, в частности Турции, и разного рода провокациями, нацеленными на подрыв межнационального согласия, а также навязывание тюркоязычным народам страны чуждых им идейно-ценностных установок.

⁹ Свой или ТЮРКСОЙ? // Национальный акцент. 27.12.2015. URL: <https://nazaccent.ru/content/18885-svoj-ili-tyurksoj.html> (дата обращения: 10.07.2022).

Республика Татарстан является одним из наиболее ярких примеров тесного и многовекторного взаимодействия субъекта Российской Федерации с Турецкой Республикой. Татарстан на протяжении многих лет остается главным торговым и инвестиционным партнером Турции среди всех других российских субъектов. Так, по итогам только I квартала 2022 г. товарооборот между Татарстаном и Турцией составил 142,7 млн долл., а за весь предыдущий 2021 г. эта цифра достигла 563,7 млн долл.¹⁰ Сегодня на территории Татарстана активно работают турецкие инвесторы и компании, занятые в основном в сфере строительства.

К примеру, под Казанью не так давно была возведена мечеть, построенная на средства турецкого футболиста, экс-игрока казанского «Рубина» — Г. Карадениза, который утверждает, что местные жители предлагают назвать сооружение в его честь, и желает, чтобы объект открыл не кто иной, как президент Турецкой Республики Р.Т. Эрдоган¹¹. Также известно, что в 2021 г. турецкая *Naayat Kimya* выделила 7,5 млн р. на строительство Соборной мечети «Джамиг» в Набережных Челнах¹², а сегодня сразу две архитектурно-строительные компании из Стамбула — *HASSA* и *Mila Construction Decoration* — наряду с другими участниками борются за право проектировать Соборную мечеть в Казани в рамках конкурса на лучшую разработку ее эскизного проекта¹³.

Необходимо подчеркнуть, что в духовно-религиозном плане взаимодействие с Турцией во многом происходит за счет активных контактов Духовного управления мусульман Республики Татарстан и Управления по делам религии Турецкой Республики (Диянета)¹⁴. Что касается иных форм мягкой силы, то после закрытия в России основных центров распространения туркоцентричной идеологии в лице школ «Хизмет» эта политика, несмотря на активную деятельность российских властей по ее ликвидации, полностью не исчезла и приобрела иные — более изощренные — формы. Следует в первую очередь отметить, что упомянутое движение «Нурджулар» вновь дало о себе знать спустя 12 лет после его официального запрета — в 2020 г., когда в Набережных Челнах возбуди-

¹⁰ Товарооборот Татарстана и Турции за первый квартал составил \$142,7 миллиона // Реальное время. 01.07.2022. URL: <https://realnoevremya.ru/news/255115-tovarooborot-tatarstana-i-turcii-po-itogam-2021-goda-sostavil-5637-mln> (дата обращения: 11.07.2022).

¹¹ Карадениз: «Мою мечеть в Татарстане должен открыть Эрдоган» // Татар-информ. 17.01.2022. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/karadeniz-moyu-mecet-v-tatarstane-dolzen-otkryt-erdogan-5850697> (дата обращения: 11.07.2022).

¹² Компания из Турции выделила €7,5 млн на строительство мечети в Татарстане // TRT на русском. 14.07.2021. URL: <https://www.trtrussian.com/novosti-turciya/kompaniya-iz-turcii-vydelila-75-mln-na-stroitelstvo-mecheti-v-tatarstane-6042789> (дата обращения: 11.07.2022).

¹³ За право проектировать Соборную мечеть в Казани поборются 20 компаний // Реальное время. 21.04.2022. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/248189-za-pravo-proektirovat-sobornuyu-mechet-v-kazani-poboryutsya-20-kompaniy> (дата обращения: 11.07.2022).

¹⁴ Муфтий Татарстана провел ряд встреч в Управлении по делам религии Турецкой Республики // Духовное управление мусульман Республики Татарстан. 19.02.2015. URL: http://dumrt.ru/ru/news/news_9312.html (дата обращения: 11.07.2022).

ли уголовное дело в отношении двух женщин, обвиненных в распространении толкований Корана «Рисале-и Нур» турецкого богослова С. Нурси (основателя и идейного вдохновителя «нурсистов»), признанных в России экстремистскими.

Стоит уделить особое внимание зарубежной информационной кампании, развернутой после оглашения приговора и нацеленной на формирование стереотипов о России, в особенности правящих кругах страны. Так, судебный процесс по делу сопровождался поддержкой обвиненных турецкими и связанными с Турцией СМИ, функционирующими на территории Российской Федерации и являющимися одними из ключевых проводников турецкой идеологии за рубежом. Ряд из них, например известный своей антироссийской риторикой ресурс «TRT на русском», распространял ложные данные о нарушениях прав человека и притеснениях по этническому признаку, основываясь на мнениях турецких «экспертов» и заключении Генпрокуратуры Стамбула, не нашедших в трудах С. Нурси признаков экстремизма¹⁵. Содействие Турции в освещении вопроса в антироссийском ключе оказывали портал «Голос Ислама», официально признанный сегодня СМИ-иноагентом ресурс «Idel.Реалии» и ряд других.

Помимо этого, под влиянием в том числе турецких идеологов на пространстве Татарстана периодически локализуются проявления национализма и в некоторых случаях даже присутствует сепаратистская риторика. Основным проводником таких идей там является «Всетатарский общественный центр» (ВТОЦ)¹⁶, с 1990-х гг. пропагандирующий идею отделения субъекта от России [Диков 2016: 108], а также нарушения прав тюркских народов. Примечательно, что в 2021 г. с целью защиты ряда националистических объединений от их включения в список экстремистских так называемое «татарское национальное движение» опубликовало открытое письмо к Р.Т. Эрдогану с призывом «защитить» организации такого рода от этой участи¹⁷. Связь ВТОЦ и других схожих организаций с Турецкой Республикой косвенно подтверждает и тот факт, что после начала Россией специальной военной операции на Украине в 2022 г. лидер ВТОЦ Ф. Закиев бежал именно в Турцию и был замечен там на одном из антироссийских митингов в поддержку Киева¹⁸.

¹⁵ Наследие Саида Нурси: запреты в России и признание в Турции // TRT на русском. 09.12.2021. URL: <https://www.trtrussian.com/magazine/nasledie-saida-nursi-zaprety-v-rossii-i-priznanie-v-turcii-7358074> (дата обращения: 11.07.2022).

¹⁶ Здесь и далее — экстремистская организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

¹⁷ Ряд ресурсов, разместивших письмо, в настоящее время заблокированы по причине публикаций экстремистского содержания. Текст письма доступен в сети Интернет по адресу сохраненной копии публикации азербайджанского портала «Minval.az», также заблокированного Роскомнадзором в марте 2022 г.: Татары обратились к Эрдогану за защитой от Кремля. URL: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:byD3L00QeCQJ:https://minval.az/news/124097282+&cd=3&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 11.07.2022).

¹⁸ Со штрафом в миллион рублей и официальным признанием в экстремизме глава ВТОЦ сбежал в Турцию // KazanFirst. 10.06.2022. URL: <https://kazanfirst.ru/articles/583928> (дата обращения: 11.07.2022).

Аналогичные экстремистские воззрения продвигаются сегодня и Союзом татарской молодежи «Азатлык» [Надеин-Раевский 2017: 120], регулярно проводящим разного рода акции как в Татарстане, так и в Турции. В 2018 г., к примеру, в Казани была проведена акция памяти Г. Исхаки¹⁹ — одного из идеологов нереализованного проекта татаро-башкирской автономии «Идель-Урал», в 1920 г. эмигрировавшего в Турцию. Интересно, что под эгидой «Азатлык» на русском, татарском, английском и турецком языках функционирует сайт, посвященный Г. Исхаки, где в том числе в положительном ключе описывается его вклад в исследование «освободительного движения тюркских народов» и идея «создания самостоятельного татарского государства²⁰». При этом официальная эмблема Союза — волк на фоне полумесяца — в точности повторяет символику турецких ультраправых националистов, в частности так называемого «Фонда образования и культуры очагов идеалистов» (Ülkü Ocakları Eğitim ve Kültür Vakfı).

Республику Башкортостан с Турцией на данном этапе, как отметил в ходе встречи с турецкими коллегами в июле 2022 г. Р. Хабилов, связывают «давние экономические связи²¹». В идеологическом плане Башкирия долгое время являлась партнером ТЮРКСОЙ — в 2012 г., например, при Государственном педагогическом университете Башкортостана с целью изучения культурных аспектов тюркских народов была создана кафедра ТЮРКСОЙ.

Также имеет место деятельность, связанная с переписыванием истории и даже героизацией нацизма. С подачи Турции и ТЮРКСОЙ, в частности специализированными лоббистскими группами, регулярно возвеличивается личность А.-З. Валиди Тогана как важного научного деятеля и видного башкирского «тюрколога», в действительности эмигрировавшего в Турцию этнического башкира, пособника нацистской Германии и члена подразделения вермахта «Идель-Урал», бюст которого на основании этой обнародованной архивной информации демонтировали в январе 2021 г. на территории СПбГУ в г. Санкт-Петербурге²².

Так, 2010 г. был объявлен ТЮРКСОЙ годом Ахмет-Заки Валиди. В его рамках в Турции состоялся ряд памятных мероприятий, а сын Валиди — ныне профессор Университета Билькента С. Тоган в ходе III Всемирного курултая башкир в том же году заявил, что в том числе издание в Турции собра-

¹⁹ Активисты союза татарской молодежи «Азатлык» провели в Казани акцию памяти Гаяза Исхаки // Бизнес Online. 23.02.2018. URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/373714> (дата обращения: 11.07.2022).

²⁰ Биография Гаяза Исхаки // Татарское национальное движение Союза татарской молодежи «Азатлык». URL: <https://isxaki.com/ru/biografiya/> (дата обращения: 11.07.2022).

²¹ В сентябре этого года делегация Башкортостана с рабочим визитом посетит Турцию // Башинформ. 04.07.2022. URL: <https://www.bashinform.ru/news/economy/2022-07-04/v-sentyabre-etogo-goda-delegatsiya-bashkortostana-s-rabochim-vizitom-posetit-turtsiyu-2862276> (дата обращения: 12.07.2022).

²² Стало известно, как Ахмет-Заки Валиди был связан с фашистами // Петербургский дневник. 20.01.2021. URL: <https://spbdnevnik.ru/news/2021-01-20/stalo-izvestno-kak-ahmetzaki-validi-byl-svyazan-s-fashistami> (дата обращения: 12.07.2022).

ния сочинений его отца и межвузовское взаимодействие учреждений Турции и Башкортостана будут способствовать «укреплению дружбы башкирского и турецкого народов»²³. При этом следует отметить, что республиканская национальная библиотека в Уфе, а также одна из центральных улиц города до сих пор носят имя этого по-прежнему почитаемого в Турции деятеля.

Чувашская Республика в меньшей степени подвержена идейно-ценностному турецкому влиянию. При этом важно, что в 2015 г., в разгар российско-турецкого кризиса, Духовное управление мусульман Чувашии, одно из немногих, в знак протеста турецкой политике распространило заявление о прекращении любых контактов с официальными религиозными структурами Турции²⁴. Сегодня взаимодействие региона с Анкарой ограничивается в основном дежурными бизнес-встречами по обсуждению обоюдно выгодных экономических проектов. Вместе с тем в 2019 г. стороны обсуждали возможность возобновления сотрудничества образовательного характера: в частности, речь шла о контактах между Чувашским государственным университетом им. И.Н. Ульянова и учебными заведениями Турции²⁵. В условиях, когда российско-турецкое гуманитарное сотрудничество только начинает развиваться, подобное взаимодействие не должно оставаться без внимания. Учитывая возможности турецкой стороны в области распространения влияния на российских студентов и их последующего «переманивания» в турецкие учебные заведения [Özoğlu, Gür, Coşkun 2015], данный вопрос также приобретает особую актуальность.

Крым и «тюркский фактор»

Крым с момента возвращения в состав России автоматически пополнил список тюркоязычных субъектов страны и стал объектом пристального внимания со стороны Турции, которая за время пребывания полуострова под юрисдикцией Украины успела основать там собственные центры мягкой силы, которые осуществляли работу в ее интересах и частично переиспользовались на территорию Украины из-за разного рода политических убеждений в 2014 г. В настоящее время особый интерес для Анкары, которая не признает Крым российским и имеет весьма проукраинскую позицию на этот счет, представляет крымско-татарская часть населения полуострова, а также диаспора [Цибенко 2020: 241], проживающая непосредственно на территории Турецкой Республики.

²³ Ахмет-Заки Валиди проложил тропу от башкирского народа к турецкому // Башинформ. 10.06.2010. URL: <https://www.bashinform.ru/news/economy/2010-06-10/ahmet-zaki-validi-prolozhil-tropu-ot-bashkirskogo-naroda-k-turetskomu-2101329> (дата обращения: 12.07.2022).

²⁴ ДУМ Чувашии прекращает сотрудничество с исламскими организациями Турции // Regnum. 01.12.2015. URL: <https://regnum.ru/news/2024660.html> (дата обращения: 12.07.2022).

²⁵ Чувашия и Турция расширяют сотрудничество // Грани. 17.11.2019. URL: <http://www.grani21.ru/news/chuvashija-i-turcija-rasshirjajut-sotrudnichestvo> (дата обращения: 12.07.2022).

Влияние в отношении крымских татар преимущественно имеет провокационный информационный характер и осуществляется в большинстве случаев «извне», в том числе с территории Турции. Главная и наиболее уязвимая тема публикуемых материалов — депортация крымских татар 1944 г., которая нередко преподносится как целенаправленное «истребление» советскими властями целого этноса.

На территории современной Турции со штаб-квартирой в Анкаре функционирует Ассоциация культуры и помощи крымским тюркам (Kırım Türkleri Kültür ve Yardımlaşma Derneği), которая в 1990 г. ассимилировалась с другими крымскими объединениями, а в конце 1992 г., по решению Кабинета министров Турции, получила официальный статус ассоциации, работающей в интересах общества. В настоящее время Ассоциация имеет около 30 филиалов по всей территории страны, а также зарубежное представительство в Великобритании.

При этом исторические события, связанные с Россией и крымскими татарами, описаны на официальном сайте организации следующим образом: «После оккупации Крыма русскими в 1783 г. начались трудные и мучительные годы для крымских татар. Те, кто не хотели подвергаться русскому гнету, начали эмигрировать в называвшиеся в те годы “Белыми землями” районы Анатолии и другие регионы Османской империи...»²⁶. Организация также распространяет провокационные материалы о «притеснениях» крымских татар со стороны России, а также проводит антироссийские мероприятия с участием крымских татар и политических деятелей Украины.

Одно из последних таких мероприятий состоялось в Турции 5 июля 2022 г., когда депутату Украины и самопровозглашенному «лидеру крымских татар» М. Джемилеву было вручено звание почетного доктора в Университете экономики и технологий Союза торговых палат и товарных бирж Турции (ТОВВ), после чего он в качестве спикера принял участие в программе «Нападение России на Украину и крымская проблема» Фонда исследований экономической политики Турции (ТЕРАУ), выступив там с яркой антироссийской речью, в которой заявил о «российском оккупационном режиме» и планах Москвы сделать из Крыма военную базу, а также вынудить проживающих там крымских татар покинуть полуостров²⁷. Нередко в качестве гостя на подобные мероприятия приглашается и лидер запрещенного в России «Меджлиса крымско-татарского народа»²⁸ Р. Чубаров.

Для освещения подобных событий и формирования определенной информационной повестки и соответствующего образа России на территории Турции

²⁶ Tarihçe // Kırım Türkleri Kültür ve Yardımlaşma Derneği. URL: <https://kirimdernegi.org.tr/dernek/tarihce> (дата обращения: 12.07.2022).

²⁷ См.: Mustafa Kırımoglu TEPAV'da Ukrayna ve Kırım'ı Anlattı // Kırım Türkleri Kültür ve Yardımlaşma Derneği. URL: <https://kirimdernegi.org.tr/haberler/1513-mustafa-kirimoglu-tepav-da-ukrayna-ve-kirim-i-anlattı> (дата обращения: 12.07.2022).

²⁸ Здесь и далее — экстремистская организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

функционируют специализированные «крымско-татарские» СМИ, одним из которых является расположенное в Анкаре «Крымское агентство новостей» (Kırım Haber Ajansı), вещающее на турецком, крымско-татарском, украинском и английском языках.

Агентство широко освещает «крымский вопрос», намеренно искажая факты и называя присоединение Крыма к России «аннексией» и «оккупацией», рассказывает о «достижениях» тюркских деятелей, в том числе идеолога пантюркизма И. Гаспринского, а также особенно часто выпускает статьи о «гонениях» в отношении крымских татар и «ущемлениях их прав», наполненные фейковыми фактами. К примеру, в одном из опубликованных на турецком материалов приводится речь Р. Чубарова о задержанных в Крыму крымских татарах, обвиненных в причастности к экстремистским организациям, где они названы «политзаключенными»²⁹.

Однако важно, что на территории Крыма «сопротивление» подобной деструктивной политике оказывается в том числе местной региональной национально-культурной автономией крымских татар. Так, например, в апреле 2022 г. глава автономии Э. Умеров обратился к Р.Т. Эрдогану с призывом повлиять на Киев в вопросе признания российского полуострова и заявил следующее: «Мы, крымские татары, живем дома, в российском Крыму, и будем признательны президенту Турции, если он прислушается к нашему голосу, а не к экстремистам и радикалам с Украины»³⁰.

Вместе с тем известно, что Турецкая Республика также старается проникнуть на территорию Крыма через духовно-религиозную сферу. Так, например, в ноябре 2021 г. Муфтият Крыма и г. Севастополя издал перевод труда доктора исламских наук и турецкого профессора О. Чекера, в котором идет речь в том числе о «роли суфизма в истории становления и сохранения мусульманского крымско-татарского народа»³¹. Следует отметить, что во времена Крымского ханства на территории современного Крыма распространялся турецкий мистический тарикат «Мевлеви» [Сухоруков 2019: 22], популярный сегодня среди суфиев Турции и «возрождаемый» его последователями в различных регионах мира. В связи с этим примечателен и тот факт, что именно турецких мастеров в настоящее время планируется привлечь к росписи строящейся в г. Симферополе Соборной мечети³².

²⁹ Refat Çubarov: Birlik olduğumuz müddetçe kimse bizi yenemez // Kırım Haber Ajansı. 13.07.2022. URL: <https://qha.com.tr/haberler/refat-cubarov-birlik-oldugumuz-muddetce-kimse-bizi-yenemez/422622/> (дата обращения: 14.07.2022).

³⁰ Крымские татары обратились к Эрдогану // РИА Новости. 03.04.2022. URL: <https://ria.ru/20220403/krym-1781535148.html> (дата обращения: 14.07.2022).

³¹ Муфтият Крыма и г. Севастополя выпустил книгу «Тасаввуф через призму фикха» // Духовное управление мусульман Республики Крым и города Севастополь. 29.10.2021. URL: <https://qmdi.ru/muftiyat-krym-i-g-sevastopol-vypustil-knigu-tasavvuf-cherez-prizmu-fikha-foto/> (дата обращения: 14.07.2022).

³² Турецкие мастера распишут соборную мечеть в Симферополе // ТАСС. 02.07.2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/11805517> (дата обращения: 14.07.2022).

Дальневосточный и Сибирский федеральные округа — «ядро» «тюркского мира»?

Последнее время Турецкая Республика проявляет особый интерес к **Республике Саха (Якутии)**. В Якутске нередко бывают турецкие бизнесмены и предприниматели, заинтересованные в первую очередь в осуществлении совместных проектов, связанных с производством сжиженного природного газа и созданием Жатайской судовой верфи. К примеру, в 2020 г. представители турецких компаний находились с «бизнес-миссией» в столице республики, а в 2021 г. посол Турции в России нанес официальный визит главе Якутии³³. Кроме того, в 2019 г. в Республику Саха приезжал сын президента Турции Б. Эрдоган. В ходе своего визита он посетил спортивные объекты Якутска и Соборную мечеть города, где совершил намаз. Интересно, что в ходе своего обращения к присутствующим, он использовал свойственную его отцу Р.Т. Эрдогану «пантюркистскую» популистскую риторику и назвал якутов «братьями по крови»³⁴.

Говоря о других субъектах, следует отметить, что согласно китайским летописям и некоторым древнетюркским руническим надписям, родиной тюрков является **Алтай** [Запорожец 2012: 189], однако турецкий след в республике наименее заметен. Одной из причин является грамотно выстроенная работа по реализации государственной национальной политики в регионе.

Со времен присоединения и включения Сибири и Дальнего Востока в состав Российской империи в рамках проводимой тогда национальной политики учитывались местные уникальные системы быта и организации жизни народов, населяющих эти регионы. С тех пор прошло много времени, однако основные обозначенные принципы уважения местных традиций и культуры сохранились до сих пор.

Сегодня одним из важнейших проектов в рамках осуществления государственной национальной политики и положительным примером ее реализации является проект «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности», поддержанный Министерством науки и высшего образования России. Одним из итогов проекта должен стать многотомник «Летопись тюркской цивилизации», написанный международным авторским коллективом. В отличие от распространенной зарубежной практики подобный подход позволяет объединить позиции исследователей из разных тюркских стран и регионов мира, не ставя во главу угла какую-либо одну, например туркоцентричную, методологию к изучению проблематики.

Аналогичная ситуация с турецким присутствием наблюдается в **Республике Тыва**: в открытых источниках отсутствует информация о каком-либо активном сотрудничестве субъекта с Турцией за последние годы. Однако следует отме-

³³ Якутия и Турция будут сотрудничать в торгово-экономической сфере // YakutMedia. 26.06.2021. URL: <https://yakutimedia.ru/news/1120759/> (дата обращения: 14.07.2022).

³⁴ В Якутске гостит сын президента Турции Биал Эрдоган // Новости Якутии. 29.06.2019. URL: <https://news.ykt.ru/article/88491> (дата обращения: 14.07.2022).

тить, что до 2015 г. Тыва принимала активное участие в мероприятиях, организованных по линии ТЮРКСОЙ.

Немного иначе обстоят дела в **Республике Хакасия**, где в конце 2021 г. по подозрению в экстремистской деятельности (антироссийской пропаганде, шпионаже и пр.) были задержаны редакторы — как выяснилось позднее — турецкого издания GZT Н. Кенжетай и Э. Карачак³⁵, которые, по их же словам, снимали документальный фильм о быте тюркских общин. Интересно, что это не первый случай их задержания на территории Российской Федерации — ранее «журналисты» уже имели дело со следствием по аналогичным обвинениям в Якутии и на Алтае, однако тогда дело ограничилось выплатами штрафов. Тем не менее открытой и активной деструктивной деятельности на территории Республики не наблюдается, что обусловлено, в частности, грамотной реализацией национальной политики Российской Федерации.

В.В. Путин в своей статье «Россия и национальный вопрос» отметил: «Мы видим, что происходит в мире, какие здесь копятся серьезнейшие риски. Реальность сегодняшнего дня — рост межэтнической и межконфессиональной напряженности. Национализм, религиозная нетерпимость становятся идеологической базой для самых радикальных группировок и течений. Разрушают, подтачивают государства и разделяют общества»³⁶. Обозначенная еще в 2012 г. президентом России угроза размывания кроется не только во внутренних процессах, но и в иностранном вмешательстве, особенно если оно затрагивает национальный и этнический аспекты.

Рассмотренная политика Анкары способствует размыванию исторически сложившегося фундамента межнациональных отношений и фрагментирует давние связи тюркских, славянских и других народов многонациональной России. Со времен 1990-х гг. формы воздействия Турции претерпели серьезные изменения и теперь подкреплены идейно-ценностным фактором. В настоящее время, несмотря на противодействие со стороны российских властей, уровень влияния (прежде всего идеологического) со стороны Турции все же несколько сохраняется в Крыму и Приволжском федеральном округе, а именно в отношении двух субъектов — Татарстана и Башкортостана, что обусловлено частично сохранившимися с тех же 1990-х гг. контактами, подкрепленными сегодня развитием экономического и гуманитарного сотрудничества.

Относительно низкий уровень сотрудничества с такими регионами, как Тыва, Алтай, Хакасия и — что особенно интересно — Чувашия, заключается не только в успешном осуществлении национальной политики, но и во влия-

³⁵ В Хакасии задержали турецких журналистов // Хакасия Информ 20.12.2021. URL: <https://hakas.info/news/98835> (дата обращения: 12.07.2022).

³⁶ «Россия: национальный вопрос». Вторая программная статья Владимира Путина // Вести.Ру. 23.01.2012. URL: <https://www.vesti.ru/article/1886371> (дата обращения: 13.07.2022).

нии религиозного фактора. Турецкая Республика использует религию как один из инструментов по распространению своего влияния и позиционирует себя одним из лидеров исламского мира. Воздействовать на общественность в немусульманских регионах сложнее ввиду отсутствия объединяющего религиозного компонента. По этой причине интенсивность взаимодействия с субъектами, исповедующими ислам, гораздо выше, чем в тех регионах, где преобладают другие конфессии.

Вместе с тем стоит учитывать, что попытки Турции влиять на Россию не ограничиваются Крымом, Приволжским, Дальневосточным и Сибирским федеральными округами — они в равной степени наблюдаются и в других, традиционно не относимых к тюркским регионам, например в республиках Северного Кавказа, где также проживают тюркские народы в лице ногайцев, балкарцев, карачаевцев, месхетинцев, кумыков и т.д. К примеру, там наблюдаются случаи поддержки из-за рубежа сепаратизма или возвеличивания Турцией явления басмачества, а также неоднозначной в российской истории фигуры Имама Шамиля.

Согласно пункту 6 Стратегии государственной национальной политики, «государственная национальная политика Российской Федерации нуждается в новых концептуальных подходах с учетом необходимости решения вновь возникающих проблем, реального состояния и перспектив развития национальных отношений»³⁷. Таким образом, учитывая иногда проявляющее себя иностранное, в частности турецкое, влияние на тюркоязычные регионы России, в документах, которые будут приниматься в том числе после истечения срока Стратегии (т.е. после 2025 г.), представляется важным рассмотреть вопрос расширения мер по противодействию подобной деятельности на территории России, а также разнообразить существующие контрмеры в отношении деструктивных по своему характеру внешних сил в соответствии с новыми вызовами времени.

Россия на пути своего исторического становления и развития всегда представляла собой пространство сосуществования разных народов и культур на основе взаимоуважения и добрососедства. Однако отношения между этими народами нуждаются в регуляции для поддержания внутренней стабильности, которой в последние годы уделяется особое внимание. Стремление к единению и консолидации, а также соблюдение постулируемых принципов позволят России сохранить себя в качестве многонационального и многоконфессионального государства и противостоять возникающим рискам [Зорин, Каменских 2021: 48].

Сочетание интересов государства и населяющих его народов — основной принцип национальной политики Российской Федерации. Деятельность Анкары не способствует сохранению самобытности тюркских народов, а, напротив, ставит своей целью унификацию на турецкий лад, тем самым подвергая их угро-

³⁷ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Президент России. 19.12.2012. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201212190001.pdf> (дата обращения: 08.07.2022).

зе утраты национальной идентичности. Особенно важным в данном контексте представляется тот факт, что подобная политика реализуется заинтересованными лицами в отношении не только России, но и других — прежде всего тюркоязычных — государств постсоветского пространства.

Поступила в редакцию / Received: 02.11.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 12.11.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.12.2022

Библиографический список

- Диков А.Б. Региональное президентство и институты сепаратизма в тюркских республиках России: современный этап // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. №4. С. 101–112. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2016-4-101-112>
- Запорожец В.М. К вопросу об эволюции этнонима «огуз» в этноним «тюрк» // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 3. С. 188–193.
- Зорин В.Ю., Каменских М.С. 2020 год в национальной политике России: итоги, задачи и вызовы нового десятилетия // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. №2. С. 38–50. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-2-1068>
- Надеин-Раевский В.А. Пантюркизм: идеология, история, политика. Экспансионистская доктрина: от Османской империи до наших дней и судьбы Турции, России и Армении. М.: Русская панорама, 2017.
- Сухоруков А.Н. Суфийский орден «Мевлеви» в Крыму в XIV–XIX веках // Научный вестник Крыма. 2019. № 2 (20). С. 1–25.
- Тадышева Н.О., Енчинов Э.В. (ред). Конструирование общероссийской, региональной и этнической идентичности в Республике Алтай (конец XX — начало XXI веков). НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова. Горно-Алтайск, 2018.
- Цибенко В.В. Конкуренция национальных проектов Турции: пример черкесов и крымских татар // Восточная аналитика. 2020. №4. С. 237–248. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2020-04-237-248>
- Özoğlu M., Gür B.S., Coşkun İ. Factors influencing international students' choice to study in Turkey and challenges they experience in Turkey // *Research in Comparative & International Education*. 2015. No. 10 (2). P. 223–237. <https://doi.org/10.1177/1745499915571718>

References

- Dikov, A.B. (2016). Regional presidency and institutions of separatism in the Turkic republics of Russia: the modern stage. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*, 4, 101–112. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2016-4-101-112> (In Russian).
- Nadein-Rayevsky, V.A. (2017). *Pan-Turkism: ideology, history, politics. Expansionist doctrine: from the Ottoman Empire to the present day and the fate of Turkey, Russia and Armenia*. Moscow: Russkaya Panorama publ. (In Russian).
- Özoğlu, M., Gür, B.S., & Coşkun, İ. (2015). Factors influencing international students' choice to study in Turkey and challenges they experience in Turkey. *Research in Comparative & International Education*, 10(2), 223–237. <https://doi.org/10.1177/1745499915571718>

- Sukhorukov, A.N. (2019). The Sufi Order “Mevlevi” in the Crimea in the 14th — 19th centuries. *Scientific Bulletin of the Crimea*, 2(20), 1–25. (In Russian).
- Tadysheva, N.O., & Yentinov, E.V. (Eds.). (2018). *The construction of all-Russian, regional and ethnic identity in the Altai Republic (late XX — early XXI centuries)*. Gorno-Altaysk: Surazakov Research Institute of Altaic Studies. (In Russian).
- Tsibenko, V.V. (2020). Competition of the national projects in Turkey: the example of the Circassians and Crimean tatars. *Eastern Analytics*, 4, 237–248. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2020-04-237-248> (In Russian).
- Zaporozhets, V.M. (2012). On the question of the evolution of the ethnonym “Oguz” into the ethnonym “Turk”. *MGIMO Review of International Relations*, 3, 188–193. (In Russian).
- Zorin, V.Yu., & Kamenskikh M.S. (2021). Year 2020 in national policy of Russia: results, tasks, challenges in the new decade. *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2, 38–50. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-2-1068> (In Russian).

Сведения об авторах:

Майорова Мария Алексеевна — младший научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН) (e-mail: alex1996m5@inbox.ru) (ORCID: 0000-0003-0751-5210)

Сбитнева Алина Игоревна — научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН) (e-mail: a_sbitneva@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-9196-9348)

About the authors:

Mariya A. Mayorova — Junior Researcher of the Department of Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (e-mail: alex1996m5@inbox.ru) (ORCID: 0000-0003-0751-5210)

Alina I. Sbitneva — Research Fellow of the Department of Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (e-mail: a_sbitneva@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-9196-9348)

ИДЕИ И ИДЕОЛОГИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ КОНТЕКСТЕ

IDEAS AND IDEOLOGIES IN THE INTERNATIONAL CONTEXT

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-150-162

Научная статья / Research article

От социального хронотопа к политическому мифу: украинский кейс

Л.А. Фадеева

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Российская Федерация*

 lafadeeva@gmail.com

Аннотация. Идеи, ценности, смыслы, ориентации относительно идентичности получившей независимость Украины автор предлагает рассматривать через понятие социального хронотопа, предполагающего концептуальное и ментальное пространство, в котором соединены временные и пространственные характеристики. В исследовании использованы социально-конструктивистский подход к идентичности, дискурсивный анализ публикаций представителей политической и интеллектуальной элиты, вторичные социологические данные. Социальный хронотоп формировался украинской элитой с опорой на исторические мифы и новые геополитические реалии, сделавшие Украину самой крупной страной Европы. Важнейшим компонентом хронотопа было представление, что Украина нуждается в идентичности, отличающей ее от России. Если события 2004 г. определили вектор украинской политики идентичности как европейский, то Евромайдан 2014 г. провел демаркационную линию не только между Украиной и Россией, но и между Киевом как центром политической власти и символом политического сообщества, с одной стороны, и пророссийски настроенными регионами восточной Украины — с другой. Их жителям было отказано в украинской гражданственности, их взгляды и ценности были маргинализированы, что разрушило социальный хронотоп, заменив его идеологическим противостоянием в форме политического мифа о европейскости Украины, которой препятствует Россия и находящиеся под ее влиянием «сепаратисты».

Ключевые слова: социальный хронотоп, Украина, идентичность, Европа, Россия, Евромайдан, Анти-Майдан, политический миф

© Фадеева Л.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Фадеева Л.А. От социального хронотопа к политическому мифу: украинский кейс // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 150–162. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-150-162>

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках государственного задания FSNF-2022-0038 «Украина как детерминанта российской идентичности» и Экспертного института социальных исследований.

From Social Chronotope to Political Myth: Ukrainian Case

Liubov A. Fadeeva

Perm State University, Perm, Russian Federation

 lafadeeva@gmail.com

Abstract. The author proposes to consider ideas, values, meanings and orientations regarding the identity of Ukraine that gained independence through the concept of a social chronotope. This implies a conceptual and mental space in which temporal and spatial characteristics are combined. The researcher uses a socio-constructivist approach to identity, a discourse analysis of publications by representatives of the political and intellectual elite, and secondary sociological data. The social chronotope was formed by the Ukrainian elite based on historical myths and new geopolitical realities that made Ukraine the largest country in Europe. The most important component of the chronotope was the idea that Ukraine needs an identity that distinguishes it from Russia. If the events of 2004 determined the vector of Ukrainian identity politics as European, the Euromaidan of 2014 drew a demarcation line not only between Ukraine and Russia, but also between Kyiv as a center of political power and a symbol of political community, on the one hand, and the pro-Russian regions of the eastern Ukraine, on the other hand. Their inhabitants were denied Ukrainian citizenship, their views and values were marginalized, which destroyed the social chronotope. It is, thus, replaced with an ideological confrontation in the form of a political myth about the Europeaness of Ukraine, which is hindered by Russia and the “separatists” under its influence.

Keywords: social chronotope, Ukraine, identity, Europe, Russia, Euromaidan, Anti-Maidan, political myth

For citation: Fadeeva, L.A. (2023). From social chronotope to political myth: Ukrainian case. *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 150–162. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-150-162>

Acknowledgements: The article was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research within the framework of the scientific project, grant No FSNF-2022-0038 “Ukraine as a Determinant of Russian Identity”.

Введение

Концепт «конца истории» Фрэнсиса Фукуямы как окончания идеологического противостояния уже давно и оспорен, и раскритикован, однако острота такого противостояния достигла накала лишь в последние десятилетия. Изменение

мирового порядка и борьба за новое мироустройство повышают градус политической и научной дискуссии. Интеллектуалов постоянно упрекают в том, что они совершают очередное «предательство», подвергаясь политическим страстям и втягивая в них общество. В такой ситуации поиск новых исследовательских инструментов приобретает особое значение.

В поисках аналитического инструментария для исследования идей, концептуального и ментального пространства представители социально-гуманитарных и общественных наук в последние годы все чаще обращаются к понятию социального хронотопа. Как считает А. Шабага, «это пространство концептуально в том смысле, что его структура парадигмальна, то есть представлена в виде некоего образца, следуя которому можно изменить «действительное» пространство (как физическое, так и социальное)»¹. Он утверждает, что все социальные хронотопы связаны с изменениями общественной мысли и общественных отношений и были в той или иной форме предложены обществу, которое может выбрать подходящий ему вариант. Значительный интерес исследователей вызывает пространственно-временная компонента идентичности [Емелин, Тхостов 2020], возможность применения хронотопа к теории социального действия², хронотоп как образ геополитической реальности [Сапрыка 2019].

Социальный хронотоп как ментальное пространство особо существенно меняется в связи с изменениями политического и геополитического характера. Одним из важнейших изменений конца XX в. стали сначала радикальные реформы в форме перестройки в рамках СССР, а затем распад Советского Союза. В это время шел активный процесс создания социальных хронотопов интеллектуальной и политической элитой из претендующих на независимость частей Советского Союза, ставших с его распадом новыми государствами. Задача данной статьи — охарактеризовать формирование украинского социального хронотопа, его внутренние противоречия, которые привели к трансформации в политический миф как идеологическое противостояние.

Проблематике Украины, украинского транзита, «Оранжевой революции», Евромайдана посвящена обширная литература [Мироненко 2020]; анализу подвергаются не только причины и последствия этих событий, изменение расстановки политических сил, но и вопросы украинской идентичности, ее идеологического и психологического измерения [Shulman 2004; Riabchuk 2016; Kulyk 2016, Zaharchenko 2012]. Специальное исследование посвящено анализу дискурсивного пространства Евромайдана, созданию новых смыслов и идейно-ценностных демаркаций [Байша 2021].

Общепринято суждение, что политическая суверенизация сопровождалась так называемой «национализацией истории», процессом «отделения “своей” национальной истории от ранее единого пространства и времени. Недавнее общее

¹ Шабага А. Как социальный хронотоп влияет на идентичность исторического субъекта. URL: <https://iarex.ru/articles/52556.html> (дата обращения: 20.11.2022).

² Сунгуров А.Ю. Время и политика. Введение в хронополитику. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/C/sungurov-aleksandr-yurjevich/vremya-i-politika-vvedenie-v-hronopolitiku/9> (дата обращения: 20.11.2022).

прошлое, представляемое в виде транснациональной “истории СССР”, разделилось и в идеологических практиках, и в сознании людей» [Касьянов 2007]. В конце 1990-х участники проекта «Создание национальных историй в советском и постсоветском государствах»³ в ходе оживленных дискуссий и острых споров согласовали понимание «национальной истории» как системы знаний, идей, ценностей, которые формируются лидерами национальных движений, политической и интеллектуальной элитой [Национальные истории 2009: 9].

Становление украинского социального хронотопа

Создаваемые (реставрируемые) и культивируемые (героизированные) символы и представления имеют значимость как для идеологического, так и культурного маркирования. Еще не распался Советский Союз, но проводимая в нем перестройка вызвала рост национальных движений, которые требовали признания своих идеологических маркеров, почерпнутых в исторических мифах.

Г. Касьянов, известный украинский историк, воспроизводит шаги становления украинского национального мифа: обращение в 1989 г. Полтавской организации «Рух» «К общественности Украины и всего Советского Союза», в котором Полтавская битва характеризовалась как уничтожение остатков украинской автономии («Рухом» были заготовлены плакаты: «Петр Первый — палач украинского народа», «Вечная слава гетману Мазепе»); в том же году акция «живая цепь»⁴ в память «Воссоединения-1919» (Западно-Украинской Народной Республики и Украинской Народной Республики); в 1990 г. — мероприятия в честь С. Петлюры; изменение оценок личности Мазепы — от предателя до патриота; демонтаж памятников Ленина в ряде городов. Касьянов считает, что уже к концу 1990 г. «украинские политики национал-демократического лагеря, интеллектуалы и общественные активисты национальной ориентации сделали решающий шаг в отмежевании национальной истории от ранее общего воображаемого культурно-исторического пространства» [Касьянов 2007].

С провозглашением независимости Украины культурно-историческое пространство в социальном хронотопе дополняется географическим. В книге «Украина — не Россия», вышедшей в 2003 г., Леонид Кучма воспроизвел те исторические мифы и культурные символы, которые уже были приняты украинской общественностью. При этом особое значение он уделил пространственному, территориальному фактору: «Украина, будучи в 28 раз меньше России, остается очень большой, безо всяких натяжек очень большой, европейской страной (самой большой, если брать страны, целиком расположенные в Европе [Кучма 2003: 28]. «В составе СССР Украина занимала незначительное пространство, но „вернувшись“ в Европу, новая Украина масштабами своей

³ Проект был реализован совместно Институтом русской и советской культуры имени Ю.М. Лотмана, Рурским университетом в Бохуме, Фондом Фридриха Науманна и АИРО— XXI (Ассоциацией исследователей российского общества).

⁴ Трофимов А. 9 самых знаменитых «живых цепей» URL: <https://www.forbes.ru/sobytiya-slideshow/lyudi/79473-9-samyh-znamenityh-zhivyh-tsepei> (дата обращения: 20.11.2022).

территории разом отняла первенство у Франции», — отмечает украинский президент. Но и этого акцента ему кажется мало: «Возвращение тем закономернее, что и „географический центр Европы находится на украинской территории, в Закарпатье“» [Кучма 2003: 28].

В составе СССР Украина была третьей по площади республикой (после РСФСР и Казахстана), но занимала лишь 6,8 % территории страны. В 1991 г. она стала самым большим по территории государством Европы. Время и пространство соединились в том, чтобы способствовать продвижению нового понимания Украины. Политические лидеры страны не раз в разных контекстах говорили с огорчением, что в мире, и в особенности в Европе, имеют слабое представление об Украине и без малого 50-миллионном украинском народе. Вставал вопрос о геополитической идентичности и ориентации Украины. К концу 1990-х — началу 2000-х он был решен в пользу европейской принадлежности и идентичности. Кучма выражал убеждение, что Украина является европейской не только по географической принадлежности, но и потому, что украинцы обладают европейской идентичностью, привержены к порядку и закону, хозяйственны и экономны. «Для Украины он (европейский выбор) полностью органичен, это ее цивилизационный выбор, сделанный в глубокой древности и, как говорится, никогда никем не отмененный», — резюмировал украинский президент, замечая при этом, что «мотивы России не столь очевидны, поскольку ей куда менее присуще чувство принадлежности к Европе» [Кучма 2003: 510].

Историки украинского национализма отмечают, что он первоначально формировался в русле европейских тенденций. Неудивительно, что европейскую ориентацию ранее всех в независимой Украине стали демонстрировать представители националистических движений, таких как «Рух» и партия «Свобода»; они заявляли, что «украинцы — европейский народ», декларировали европейскую цивилизационную принадлежность Украины, обосновывая этим требование к государству «сделать решительный шаг по пути европейской и трансатлантической интеграции». «Украина уже сейчас должна подать заявку на вхождение в НАТО» и вообще стремится «активно развивать военное и военно-техническое сотрудничество с НАТО, интегрироваться в политические структуры НАТО»⁵.

«Нельзя не замечать, что украинское общество взрослеет, консолидируется, как в самооценке, так и в представлениях о своем будущем», — справедливо утверждает В.И. Мироненко, характеризуя украинский транзит [Мироненко 2020]. Он так описывает сложившийся исторический нарратив в Украине: государство предстает путеводной звездой, которая появляется в средние века, исчезает в политической раздробленности XII в., тлеет «торфяным пожаром» в раннем Новом времени, восстает в XVII из огня освободительной войны, как птица Феникс, «и исчезает, поглощаемое двумя империями» [Мироненко 2020: 22].

⁵ Плотников Д.С. Националистические партии и движения как акторы политического процесса России и Украины: дис. ... канд. полит. наук Пермь, 2010. 254 с.

Из множества аудиовизуальных источников, дающих представление о самооценке украинским обществом своего прошлого, особый интерес представляют материалы записи публичной лекции Алексея Миллера в Одессе в 2011 г.⁶ Материалы были выложены в 2015 г. и важны не только лекционным материалом, представленным Миллером, но и реакцией аудитории, которая задавала вопросы, высказывала суждения, давала оценки.

Когда Алексей Миллер доказывал отсутствие национальной идентичности в Российской империи в середине XIX в., а представления украинцев о Киевской Руси, «золотом веке» казачества и т.п. относил к категории исторических мифов, то реакция слушателей была болезненной. Выступая в Одессе в 2011 г., лектор как опытный спикер начал обращение к аудитории со ссылки на отзыв одного из слушателей на прочитанный Миллером в Киево-Могилянской академии курс. Слушатель курса сказал о лекторе: «Говорит он логично, но слушать его уж очень противно (дуже погано)». Аудитория в Одессе слушала Миллера внимательно, вопросы задавала вдумчиво и без агрессии, но после реплики одной из присутствующих «Просто Вы не знаете Украину!» разразилась бурными аплодисментами⁷. Очевидно, что это была реакция на попытку лектора подвергнуть сомнению ментальное пространство слушателей, сложившийся социальный хронотоп, указывая, в частности, на региональные различия в идентичности, ценностях, геополитической ориентации.

Внутренние противоречия хронотопа

Усилия украинской политической и интеллектуальной элиты давали свой эффект в формировании и укреплении социального хронотопа, в котором прошлое, настоящее и будущее выстроено и концептуализировано применительно к новой пространственной организации страны. Правда, в этом хронотопе изначально возникала проблема его «раздвоения» на восточный и западный сегменты. Часть украинского общества не была готова принимать такую версию истории и идентичности, не согласна с ориентацией Украины на Европу против России, считала необходимым сохранить и защищать русский язык и русскую культуру. И пространственно эта часть была сосредоточена на востоке Украины.

В описываемой Г. Касьяновым акции «живая цепь», организованной «Рухом» в 1990 г. для демонстрации единства украинцев в стремлении независимости от России, не удалось вывести на улицы достаточное количество людей в восточной части республики, в силу чего «живую цепь» пришлось укоротить» [Касьянов 2007]. Кучма упоминал о специфике Западной Украины: «Моя «политкорректность» бунтует, когда говорят так: Западная Украина дорога для всей Украины больше всего потому, что она никогда не была в составе России.

⁶ Поле перед грозой. Лекция Миллера в Одессе (2011 год). URL: <https://a-bugaev.livejournal.com/1145683.html> (дата обращения: 20.11.2022).

⁷ Лекция д.и.н. А.И. Миллера об истории украинской нации. Одесса. 14.07.2011. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=I9PmxSYUY50> (дата обращения: 20.11.2022).

Не только тактичнее, но и точнее, по-моему, говорить так: дорога тем, что всегда была частью Запада, частью Центральной Европы. Это не одно и то же» [Кучма 2003: 60]. «Вкладывая всю свою энергию в создание новых национальных символов — флага, гимна, государственного герба и т.д., — первое правительство независимой Украины столкнулось с резким неприятием на Юго-Востоке страны, в ее промышленных регионах», — отмечает О. Байша. Сетования были такого рода: «Уже два года идут споры о цвете флага. Дом рушится, крыша горит, но депутаты думают, как назвать здание, которое будет построено в будущем» [Байша 2021: 41].

Майдан 2004 г., «Оранжевая революция», обозначила европейский и евроатлантический вектор внешней политики Украины. Украинский политолог М.Б. Погребинский считает, что «для В. Ющенко европейский выбор, выбор геополитический и цивилизационный — базисный элемент национальной идеи, призванной обеспечить создание суверенного украинского национального государства» [Погребинский 2005]. При этом за скобками оставалось то обстоятельство, что близость ряда ценностных установок украинцев не к жителям ЕС, а к жителям России неизменно показывало Европейское социальное исследование (ESS) — анализ изменения установок, взглядов, ценностей и поведения населения Европы [Слинько 2016].

Хотя в электоральном плане уже в 2004 г. страна разделилась на «оранжевых», поддерживающих Ющенко и европейский вектор развития Украины, и «бело-голубых», выступающих в поддержку Януковича и дружеских отношений с Россией, однако вплоть до 2014 г. решение проблемы востока Украины откладывалось. Согласно данным Центра Разумкова, русскоязычные граждане Украины считали ее своей родиной, оценивали себя как украинцев патриотов, не думали о реальной возможности раскола страны по поводу языковых и культурных различий [Kulyk 2016].

Украинские интеллектуалы неоднократно поднимали тему неоднородности Украины⁸. Журналист Сергей Дацюк в статье «Смысл или революция. О роли интеллектуалов в сохранении целостности Украины» писал: «Направьте содержательную свободу на массовое сознание Западной Украины — будет вам „западнический“ смысл Украины. Направьте содержательную свободу на массовое сознание Восточной Украины — будет вам „восточнический“ смысл Украины». Он упрекал и руководство страны, и ее интеллектуальную элиту, что они избегают говорить о смыслах, идут на поводу у партий и формулируют цели: «А если эти цели не воспринимает часть страны, то это просто плохая часть страны»⁹. По его мнению, «только смыслы целой страны позволяют осуществлять изменения во всей стране, а не кромсать ее на части, поддерживающие какие-то частичные смыслы»¹⁰. «Киев никогда не ставил себе задачу найти адекватный месседж

⁸ Материалы ниже были размещены на украинских сайтах и скопированы автором данной статьи в 2014 г. в процессе подготовки публикации [Фадеева 2015].

⁹ Сергей Дацюк, для «Хвилі». URL: <http://politobzor.net/show-10573-smysl-ili-revoluciya-oli-intellektualov-v-sohraneni-cestnosti-ukrainy.html> (дата обращения: 04.01.2014).

¹⁰ Там же.

для юго-востока. Киев не умеет разговаривать с юго-востоком», — утверждал художник Александр Ройтбурд, активист Евромайдана-2014¹¹. На его взгляд, сложилось непонимание, что «месседж из Киева должен быть одинаково читаем и на западе, и на востоке. Западная Украина пассионарна. Она радикализирует тот месседж, который формирует Киев. Она ставит на повестку дня какие-то свои смыслы и их продавлирует... А восточная и южная Украина инерционны. Чем отчетливее звучит в Киеве галичанский акцент, тем больше юго-восток дистанцируется и перестает считать Украину своей страной»¹².

Исследования социологов и политологов подтверждают, что различия между двумя версиями идентичности — этнически украинской и восточно-славянской — были заметными. Так, жители Донецка предпочитали относить себя к восточным славянам, тесно сотрудничавшим с Россией [Shulman 2004: 53]. По данным Киевского международного института социологии, более трети жителей юго-востока Украины определяли свою идентичность преимущественно как жителей города (деревни), и лишь на 2–3-е место ставили гражданскую политическую идентичность [Kulyk 2016: 595]. Т. Захарченко указывает на мнение исследователей региона: «Восточные украинцы отказывались принимать не национальную идею, а ее антироссийское наполнение» [Zaharchenko 2012]. Захарченко высказала суждение о том, что настало время для гибких, открытых, динамичных идентичностей, когда желание быть понятым, услышанным и принятым составляет одну из важнейших потребностей человека [Zaharchenko 2012].

Социальный хронотоп в силу сложной структуры может быть внутренне противоречив, но эти противоречия длительное время могут оставаться латентными [Сапрыка 2019: 60]. Проявляются они обычно в период кризисов. Одним из таких острых кризисов стал Евромайдан 2014 г. Переосмысление сложившегося концептуального пространства потребовало бы серьезных усилий, в то время как политический класс Украины испытывал значительное давление со стороны радикальных националистов, и украинские интеллектуалы не смогли предложить никаких новых идей по консолидации пространства, с учетом его разнородности. Не зря журналист Петр Билян упрекал их за то, что они не производят ни идей, ни смыслов, которые легли бы в основание программы: «господа интеллектуалы даром едят свой хлеб»¹³.

Политическая элита Украины при президентстве П. Порошенко сосредоточила большие усилия на декоммунизации страны, не принимая во внимание существующие социокультурные расколы. Такие решения, как запрет коммунистической символики, поддержали в 2016 г. 57 % респондентов в Западной Украине, 42 % — в центральных областях, 34 % на востоке и юге страны; признание борцами за независимость ОУН и УПА на западе поддержали 76 %, в центре 46 %, на востоке 26,8 %, на юге — 20,1 % [Касьянов 2019: 211]. Поддержку переимено-

¹¹ Александр Ройтбурд: Если не победим, Украина вообще уйдет из цивилизационного поля. URL: <http://life.pravda.com.ua/person/2014/02/14/152414/> (дата обращения: 16.02.2014).

¹² Там же.

¹³ Петр Билян. Украина. Предательство интеллектуалов. URL: <http://polemika.com.ua/article-74421.html> (дата обращения: 20.11.2014).

ванию городов и улиц высказали 35 % респондентов, из них 63 % в Западной, 32 % в Центральной Украине, 19 % в южных регионах и 18 % в восточных регионах [Касьянов 2019: 212]. В результате проводимой политики законодательно устанавливалась, по определению Г. Касьянова, победа «представлений о прошлом одного сегмента общества в ущерб другим» [Касьянов 2019: 217]. «Новая трактовка истории», по мнению экспертов, оказывает влияние на смысловое пространство, на определение новых друзей и врагов» [Сапрыка 2019: 65].

Политический миф и маргинализация несогласных

В ситуации нарастающего противостояния предпочтение было отдано политическому мифу как «идеологически маркированному противостоянию, претендующему на статус истинного представления о событиях прошлого, настоящего и будущего» [Флад 2004: 41]. Для понимания изменения смыслов и трансформации социального хронотопа, на наш взгляд, особенно значимо исследование Ольги Байша. Она сосредоточила свое внимание не на событиях, а на дискурсивном пространстве, для чего провела анализ большого массива публикаций в «Украинской правде», ставшей самой популярной газетой в 2014 г., можно сказать, рупором Евромайдана, а также 430 выступлений политических лидеров, выступавших на Майдане. «Если активисты Евромайдана связывали его значение преимущественно с движением к цивилизации и уходом от России и советского прошлого, то для их оппонентов он стал означать экстремизм, национализм и колониальную зависимость от Запада» [Байша 2021: 44]. По социологическим данным, среди тех, кто принял Евромайдан, видел будущее Украины в связи с Евросоюзом 91 %, а среди не принявших — лишь 10 %. Соответственно, вторая категория связывала свое будущее с Россией и Беларуссией — 66 %, в то время как в первой группе таковых было лишь 27 % [Kulyk 2016: 603].

Это размежевание было идеологически обосновано активистами Евромайдана. Из всех 430 авторов, чьи тексты проанализировала О. Байша, только 11 (3 %) использовали позитивную или нейтральную оценку антимайданных «других». Лишь один человек осмелился прямо писать о том, что насилие использовали не только «титушки», но и радикалы-националисты.

Основной лейтмотив лидеров — Майдан — это Украина, анти-Майдан противоречит интересам Украины, пособничает Москве, значит, не может быть отнесен к украинскому политическому сообществу. Несогласных называли «совками», «ватниками», «колорадами». «Ни один из выступающих на Майдане, чьи речи были мною анализированы, не подвергал сомнению эту сконструированную эквивалентность между „народом Украины“ и „народом Майдана“», — отмечает Байша [Байша 2021: 64]. Соответственно, как в публикациях «Украинской правды», так и в речах лидеров звучала идея, что антимайданно настроенных украинцев нельзя считать украинскими гражданами: «они попросту не заслуживали того, чтобы быть частью „украинского народа“, стали своего рода недогражданами [Байша 2021: 65].

Противопоставление происходило по нескольким параметрам: лояльность/нелояльность Украине; модернизированность vs. архаизм сознания и поведения; ориентация на Европу vs. ориентация на Россию, которая оценивалась уже не просто как «внешний друг», но как оппонент и враг. Это логически выводило на отношение к «Анти-Майдану» как к пророссийскому сепаратизму. Украинская идентичность выстраивалась на противопоставлении Украины России, причем возобладали тот взгляд на Россию, который Кучма в 2003 г. считал неприемлемым: как на «дикую», «деспотическую», «азиатскую» страну, желающую снова свернуть Украину с демократического пути и оторвать, против воли Запада, от остальной Европы» [Кучма 2003: 141] Поддерживающие «такую» Россию не могли называться иначе, чем «сепаратисты», «террористы», и такие определения стали доминировать в украинских СМИ.

Г. Касьянов акцентирует внимание на том, что применительно к исторической политике используется «язык лозунгов и криков, иногда молебных и шаманских заклинаний, это язык надписей, независимо от того, где они сделаны — на заборах, транспарантах или страницах законодательных актов» [Касьянов 2019: 271]. Однако новое символическое пространство как пространство идеологического противостояния приводит к тому, что, по определению британского специалиста по Украине Тараса Кусьо, «украинцы, не принявшие Евромайдан, были маргинализованы и стерты с поля политической репрезентации: их мнение, воспринимаемое как мнение «модернизационных лузеров», символически уничтожалось». Сама Байша считает возможным использовать терминологию Джона Хартли применительно к результатам такой политики: происходила «внутренняя колонизация» части населения, исключенной из политического процесса» [Байша 2021: 92].

Если социальный хронотоп связывает пространство, предлагает его концептуализацию, то политический миф, претендуя на целостность взгляда, в то же время может разрывать пространство, вытеснять из него то (и тех), что (и кто) не соответствует идеологическому концепту.

Заключение

Представляется, что «социальный хронотоп» не случайно перешел из филологии и литературоведения в социальные науки. Это понятие дает возможность соединить разные компоненты для анализа концептуального пространства. Украинский опыт формирования социального хронотопа позволил в ментальном плане соединить историческими, социокультурными, пространственными нитями общество только что провозгласившей независимость страны. Социальный хронотоп по своей природе не может не быть противоречивым, как и все то, что относится к субъективной стороне политического процесса, однако сама по себе противоречивость не угрожает ментальному пространству. Угроза возникает тогда, когда происходящие общественные изменения, политические события, геополитические процессы, политика элит влекут за собой радикальное изменение хронотопа, разрывают его, как это и произошло на Украине, где

часть страны и общества оказалась вытесненной сначала из ментального, а затем и из политического пространства.

Место социального хронотопа занял политический миф, призвание которого не в соединении пространства, а в его демаркации по линии свой — чужой, друг — враг. Самоидентификация как психологический процесс всегда начинается с определения того, кто эти «Другие». Украина не представляет собой исключения на всем постсоветском пространстве в назначении на роль Другого России. Впрочем, уже и понятие «постсоветское пространство» подвергается критике как категория, которая является связующей между Россией и другими бывшими советскими республиками, чего бы последние хотели избежать. Социальный хронотоп маркировал в 1990-е гг. статус Украины как «не-России», политический миф заменил его в 2004–2014 гг. идентификацией Украины как «анти-России».

Ни социальный хронотоп, ни политический миф не могут быть использованы как аналитический инструмент для анализа всей полноты картины политической и социокультурной жизни Украины после провозглашения независимости. В то же время разработка и имплементация такого рода инструментария позволяет предложить академический фокус не только на институциональных процессах и уточнить научное понимание острых политических коллизий.

Поступила в редакцию / Received: 30.10.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 30.11.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.12.2022

Библиографический список

- Байша О.* Дискурсивный разлом социального поля. Уроки Евромайдана. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021.
- Емелин В., Тхостов А.* Идентичность и символический хронотоп. М.: Кан-Н-Плюс, 2020.
- Касьянов Г.С.* Украина — 1990: бои за историю // Новое литературное обозрение. 2007. № 1 (83). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2007/1/ukraina-1990-boi-za-istoriyu.html> (дата обращения: 20.11.2022).
- Касьянов Г.С.* Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018. М.: НЛО, 2019.
- Кучма Л.Д.* Украина — не Россия. М.: Время, 2003.
- Миллер А.* Национальная идентичность на Украине: история и политика // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 4. С. 46–65 <http://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-4-46-65>
- Мироненко В.И.* Украинский транзит. Опыт ситуационного анализа. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Европы Российской академии наук, 2020. http://doi.org/10.15211/report102020_377
- Национальные истории на постсоветском пространстве / под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009.
- Погребинский М.Б.* Оранжевая революция. Украинская версия. М.: Европа, 2005.
- Сапрыка В., Бабинцев В., Вавилов В.* Россия и Украина: противоречия постсоветского приграничного хронотопа // Вестник Российской нации. 2019. № 3 (67). С. 59–69.

- Сапрыка В., Бабинцев В., Вавилов А. Россия и Украина: противоречия постсоветского приграничного хронотопа // Вестник российской нации. 2019. № 3. С. 59–69.
- Слинко Е., Кубарский Д. Россия, Украина и европейские страны: общее и различия в системе ценностей // Вестник российской нации. 2016. № 2. 93–119.
- Фадеева Л.А. Предательство интеллектуалов как ценностная проблема // Идеи и ценности в политике. Политическая наука: Ежегодник 2015 / под ред. А.И. Соловьева. М.: РОССПЭН, 2015. С. 203–214.
- Федор Дж., Льюис С., Журженко Т. Война и память в России, Украине и Беларуси // Неприкосновенный запас. 2018. № 3 (119). С. 114–141.
- Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
- Kulyk V. National Identity in Ukraine: Impact of Euromaidan and the War // *Europa-Asia Studies*. Vol. 68, no. 4, 2016. P. 588–608.
- Riabchuk M. Ukrainians as Russia's Negative 'Other' History Comes Full Circle // *Communist and Post-Communist Studies*. 2016. No. 49. P. 75–85.
- Shulman S. The Contours of Civic and Ethnic National Identification in Ukraine // *Europa-Asia Studies*. 2004. Vol. 56, no. 1. P. 35–56.
- Zaharchenko T. Polyphonic Dichotomies: Memory and Identity in Today's Ukraine // *Democratizatsia*. 2012. Vol. 21, no. 2. P. 241–269.

References

- Baisha, O. (2021). *Discursive fracture of the social field. Lessons from Euromaidan*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. (In Russian).
- Bomsdorf, F., & G. Bordyugov (Eds.). (2009). *National histories in the post-Soviet space*. Moscow: F. Naumann F. — AIRO-XXI. (In Russian).
- Emelin, V., & Tkhostov, A. (2020). *Identity and symbolic chronotope*. Moscow. (In Russian).
- Fadeeva, L.A. (2015). Betrayal of intellectuals as a value problem. In A.I. Solovyov (Ed.), *Ideas and values in politics. Political Science: Yearbook 2015* (pp. 203–214). Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Flood, K. (2004). *Political myth. Theoretical study*. Moscow. (In Russian).
- Fedor, J., Lewis, S., & Zhurzhenko, T. (2018). War and memory in Russia, Ukraine and Belarus. *Неприкосновенный Запас (NZ)*, (3), 114–141. (In Russian).
- Kasyanov, G. (2007). Ukraine — 1990: “Fights for history”. *New Literature review*, (1). Retrieved November, 20, 2022 from: <https://magazines.gorky.media/nlo/2007/1/ukraina-1990-boi-zastoriyu.html> (In Russian).
- Kasyanov, G (2019). *Ukraine and neighbors: Historical policy*. Moscow: New Literary Review. (In Russian).
- Kuchma, L.D. (2003). *Ukraine is not Russia*. Moscow: Time. (In Russian).
- Miller, A. (2022). National identity in Ukraine: History and politics. *Russia in Global Affairs*, 20(4), 46–65. <http://doi.org/10.31278/1810-6439-2022-20-4-46-65> (In Russian).
- Mironenko, V.I. (2020). *Ukrainian transit. Experience in situational analysis*. Moscow: Institute of Europe RAS. (In Russian).
- Pogrebinskiy, M. (2005). *Orange Revolution. Ukrainian version*. Moscow: Europe. (In Russian).
- Pogrebinsky, M.B. (2007). *Ukraine without Kuchma. Year of orange power*. Kyiv.
- Riabchuk, M. (2016). Ukrainians as Russia's negative 'other' history comes full circle. *Communist and Post-Communist Studies*, (49), 75–85.
- Slinko, E., & Kubarsky, D. (2016). Russia, Ukraine and European countries: Common and differences in the system of values. *Bulletin of Russian nation*, (2), 91–119. (In Russian).
- Sapryka, V., Babintsev, V., & Vavilov, A. (2019). Russia and Ukraine: The contradictions of the post-Soviet border chronotopos. *Bulletin of Russian nation*, (3), 59–69. (In Russian).

Shulman, S. (2004). The contours of civic and ethnic national identification in Ukraine. *Europa-Asia Studies*, 56(1), 35–56.

Zaharchenko, T. (2012). Polyphonic dichotomies: Memory and identity in today's Ukraine. *Democratizatsia*, 21(2), 241–269.

Сведения об авторе:

Фадеева Любовь Александровна — профессор кафедры политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет (e-mail: lafadeeva@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-3389-750X)

About the author:

Liubov A. Fadeeva — Professor of Politics, Political Science Department, Perm State University, (e-mail: lafadeeva@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-3389-750X)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-163-174

Научная статья / Research article

Внешиполитические идеологиемы России и их актуальность для региона Ближнего Востока в контексте трансформации современной системы международных отношений

В.А. Аватков , Д.С. Крылов

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Российская Федерация*

 v.avatkov@gmail.com, danila-krylov@yandex.ru

Аннотация. Проведен анализ внешнеполитических идей, ценностей и нарративов Российской Федерации, распространяемых в информационной сфере, на основе тезисов, которые были озвучены президентом России В. Путиным в ходе выступлений в 2022 г. Данные идеи были рассмотрены через призму идеологем, определяющих стратегический вектор внешней политики официальной Москвы. Кроме того, дана оценка актуальности данных идеологем для государств региона Ближнего Востока в условиях изменениях глобальной трансформации всей системы международных отношений и выстраивания нового полицентричного миропорядка. Сделаны выводы о заинтересованности кроссрегиональных акторов ближневосточной подсистемы в продвижении Россией выдвинутых тезисов и идеологем и определенной тождественности и совпадении идейно-ценностных пространств России и стран Ближнего Востока. Обозначены аспекты и направления, по которым может развиваться сотрудничество и координация действий Москвы и ближневосточных лидеров. Выдвинуто предположение о возможности построения на Ближнем Востоке системы правил и идей, которая впоследствии может быть экстраполирована на всю глобальную систему международных отношений.

Ключевые слова: Россия, Ближний Восток, идеологемы, идейно-ценностное пространство, Турция, Иран, Египет, Израиль, Саудовская Аравия, система международных отношений

Для цитирования: Аватков В.А., Крылов Д.С. Внешнеполитические идеологемы России и их актуальность для региона Ближнего Востока в контексте трансформации современной системы международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 163–174. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-163-174>

© Аватков В.А., Крылов Д.С., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Russia's Foreign Policy Ideologemes and Their Relevance for Middle East in Context of Transformation of Modern System of International Relations

Vladimir A. Avatkov , Danila S. Krylov

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

 v.avatkov@gmail.com, danila-krylov@yandex.ru

Abstract. As part of this research, there was made an analysis of the foreign policy ideas, values and narratives of the Russian Federation distributed in the information sphere based on the theses that were voiced by the President of Russia V. Putin during his speeches in 2022. These ideas were considered through the prism of ideologemes that determine the strategic vector foreign policy of official Moscow. In addition, an assessment is made of the relevance of these ideologemes for the states of the Middle East region in the context of changes in the global transformation of the entire system of international relations and the building of a new polycentric world order. Conclusions are drawn about the interest of the cross-regional actors of the Middle East subsystem in the promotion of the theses and ideologies put forward by Russia and a certain identity and coincidence of the ideological and value spaces of Russia and the countries of the Middle East. Aspects and directions are outlined in which cooperation and coordination of actions between Moscow and the Middle East leaders can develop. An assumption is put forward about the possibility of building a system of rules and ideas in the Middle East, which can subsequently be extrapolated to the entire global system of international relations.

Keywords: Russia, Middle East, ideologemes, ideas and value space, Turkey, Iran, Egypt, Israel, Saudi Arabia, system of international relations

For citation: Avatkov, V.A., & Krylov, D.S. (2023). Russia's foreign policy ideologemes and their relevance for Middle East in context of transformation of modern system of international relations. *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 163–174. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-163-174>

Введение

В октябре 2022 г., выступая на пленарном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай», президент Российской Федерации Владимир Путин заявил, что при формировании будущего миропорядка должна быть принята во внимание каждая точка зрения, каждая система мировоззрений, идей, религиозных представлений, «не навязывая никому единой истины»¹. Подобный тезис во многом стал основополагающим при проведении Россией внешней политики как на глобальном уровне, так и в отдельных регионах. Ближний Восток не стал исключением. Трансформация системы международных отношений,

¹ Путин призвал принять во внимание каждую точку зрения при формировании будущего мира // ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/16175393> (дата обращения: 20.01.2023).

ускорившаяся после начала специальной военной операции (СВО) по защите Донецкой и Луганской Народных Республик², наглядно показала разницу в подходах держав Запада и Востока к новому формирующемуся миропорядку.

При этом такие идейные нарративы, как правда, свобода, справедливость, равенство, борьба с колониализмом, озвученные президентом В. Путиным 30 сентября 2022 г. в Георгиевском зале Кремля в ходе церемонии подписания договоров о принятии в Россию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области и образовании новых субъектов Российской Федерации (также называемой «Георгиевской речью» по аналогии с «Мюнхенской речью» 2007 г.)³, близки многим государствам Ближнего Востока.

В рамках данного исследования под Ближним Востоком понимается географическое и политическое пространство, включающее в себя страны Аравийского полуострова (Бахрейн, Йемен, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия), Арабского Машрика (Иордания, Ирак, Ливан, Сирия), Израиль, а также Египет, Турцию и Иран, которые играют ключевую роль во всех региональных процессах. При этом геополитические, геоэкономические и геочивилизационные особенности ближневосточной подсистемы, оказывают влияние как на региональный баланс сил, так и соседние регионы Северной Африки, Средней Азии, Южного Кавказа и Южной Европы, а также, в отдельных аспектах, — на всю глобальную систему международных отношений.

Внешнеполитические идеи и ценности России

Выступление президента В. Путина в Георгиевском зале в сентябре 2022 г. представляется особенно важным, поскольку в ходе него был выдвинут целый комплекс идей и тезисов, которые в совокупности своей, с учетом современных международных реалий (про которые также были сделаны отдельные заявления), формируют достаточно стройную систему идеологем. В отличие от идеологии, которая обычно имеет жесткую структуру, сформулирована и зафиксирована в доктринальных документах, идеологемы являются эффективным способом построения гибкой и ориентированной на результат внешней политики государства, которая может трансформироваться с учетом возникающих вызовов и угроз.

Идеологемы — своего рода информационные, идейно-ценностные стратегемы государства, тезисы и нарративы, оформленные в виде отдельных слов или словосочетаний и связанных в единую систему. При этом идеологемы могут иметь как внутри-, так и внешнеполитическую направленность, определяя стратегию и курс государства. Идеологемы существуют всегда, у всех государств

² Обращение Президента Российской Федерации 24 февраля // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 20.01.2023).

³ Подписание договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69465> (дата обращения: 20.01.2023).

и обычно не прописаны в официальных документах, поскольку, например, отсутствие внешнеполитических принципов означает переходную форму внешней политики того или иного государства, поиск им своего места в сложившейся реальности [Аватков 2016].

Так, одной из самых известных идеологием, которые продвигает Российская Федерация на протяжении десятилетий, является переход системы международных отношений к полицентричности (многополярности), в рамках которой управление мировыми процессами осуществлялось не через диктат одного актора, но группой крупных и сильных мировых держав (центров силы), одним из которых, бесспорно, была бы и сама Россия [Аватков 2016]. При этом сам тезис иного миропорядка продвигался еще до «Мюнхенской речи» Путина 2007 г. (в ходе которой было заявлено о неприемлемости и малой возможности однополярного мира⁴), в 1990–2000-х гг. профессором А.Д. Богатуровым (в качестве «плюралистической однополярности») [Богатуров 1996] и М.М. Лебедевой (в рамках новой «сетевой» структуры мира) [Лебедева 2000].

Внешнеполитические идеологемы Российской Федерации имеют также и негативную направленность, т.е. ориентированы против идей и ценностей оппонентов. Так, например, Россия выступает против колониальной политики и диктата США, строящегося на грубой силе и «кулачном праве»⁵, а также считает недопустимым тотальное доминирование США и НАТО через политику «сдерживания», которая осуществляется путем подрыва суверенных центров (как путем физического уничтожения, так и через ограничения, нарушающие нормы международного права, в том числе санкционной направленности) [Бирюков 2016]. Также Москва осуждает западную концепцию собственной исключительности, продвигаемую через агрессивную пропаганду, построение мифов и фейков, а также выдачу желаемого за действительное.

Россия не является мировым гегемоном и не стремится к господству и установлению диктата во всем мире. Не ставит себе цели поставить другие народы и государства на колени и подчинить их своим амбициям, идеям, нормам, ценностям и правилам. Не жаждет переделать весь мир под себя, под свое видение реальности, уничтожая несогласных. Не ведет экспансионистской или односторонней эксплуатационной модели внешней политики, в том числе в регионе Ближнего Востока. Напротив, Россия продвигает тезисы и идеи полицентричного мира, системы правил, которые основаны на диалоге и взаимодействии нескольких (более двух) центров силы.

В этой связи основополагающими становятся тезисы-идеологемы суверенитета, свободы, созидания, справедливости, человеколюбия, милосердия и сострадания. Крайне важными являются идеи правды, безопасности и защиты

⁴ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 20.01.2023).

⁵ Подписание договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69465> (дата обращения: 20.01.2023).

традиционных духовных норм и ценностей, языка, культуры, истории, права выбирать собственный путь. Россия в настоящее время ведет уже даже не гибридную, но почти настоящую войну с Западом⁶. Войну в идейно-ценностной сфере, войну за язык, культуру, ценности и идеи.

Актуальность российских идеологем для государств Ближнего Востока

Говоря о Ближнем Востоке в XXI в. следует учитывать высокую геополитическую и геоэкономическую значимость региона. Несмотря на глобальный сдвиг основных процессов в экономике и политике из Европы в Азию, Ближний Восток не потерял своей важности на карте современных международных отношений. Географически по суше из Азии в Европу торговые пути и сухопутные логистические маршруты строятся либо через Россию, либо через Ближний Восток. Кроме того, рост взаимодействия стран «третьего мира» (включая государства Ближнего Востока) с Китаем по линии Юг–Юг [Кузнецов 2019] приводит к переносу и смещению сил и интересов на глобальный Восток, а также к росту числа зон напряженности и повышению важности поддержания безопасности в региональных подсистемах.

Несомненно, распад СССР оказал значительное влияние на развитие процессов, происходящих во внутренней и внешней политике государств Ближнего Востока, привел к интенсификации внутривосточных конфликтов на Ближнем Востоке и к их интернационализации [Савичева 2014]. Уход одного из традиционных игроков-балансиров с глобальной карты международных отношений на региональном уровне привел к интенсификации внутривосточных конфликтов на Ближнем Востоке и к их интернационализации [Савичева 2014]. Кроме того, возникла необходимость поиска новых партнеров и новых центров силы. Все это в совокупности привело к глобальному повороту многих ближневосточных стран в сторону США, Великобритании и других крупных западных держав бывшего капиталистического блока.

Вместе с тем некоторые региональные державы заняли лидирующие позиции в новом мире и до сих пор соперничают между собой за региональное или даже трансрегиональное лидерство. В последние годы государства Запада активно реализуют на Ближнем Востоке экспансионистские и эксплуатационные геополитические проекты, если основываться на классификации И.В. Шамина [Шамин 2013]. Экспансионистский подход, как показывают примеры Ирака и Сирии [Долгов 2015], приводит преимущественно к уничтожению государственности, утрате суверенитета, интенсификации конфликтных противоречий. Государства на десятилетия утрачивают внутривосточную стабильность и становятся целями активного внешнего воздействия. Эксплуатация пространств и ресурсов (в первую очередь углеводородных) стран Ближнего

⁶ Лавров заявил, что Россия ведет с Западом уже не гибридную войну // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20230123/rossiya-1846778090.html> (дата обращения: 20.01.2023).

Востока также может оказывать разрушительное влияние на государства, но при этом реальная эффективность данных геополитических проектов в последнее время постепенно снижается. Тем не менее конструктивный и оборонительный характер внешней политики Москвы в регионе оказывается весьма эффективным и при этом привлекает все большее число региональных игроков, поскольку не несет для них риски и угрозы, исключая потенциальное санкционное давление со стороны коллективного Запада.

При этом результаты переговоров и сделок России и государств Ближнего Востока на фоне глобальных процессов 2022 г. свидетельствуют о созидательной позиции Москвы по ряду ключевых вопросов региональной повестки дня, об определенном совпадении идейно-ценностных пространств. Это касается как мыслей и идей о настоящем народа и государства, так и планов на будущее и схожего видения мира. Определенная тождественность взглядов и идей позволяет развивать, совершенствовать и поддерживать активное сотрудничество и взаимодействие в различных сферах, выгодных всем заинтересованным сторонам. При этом Россия (с учетом опыта СССР) является одним из исторических партнеров большинства ведущих держав Ближнего Востока. Москва имеет давние экономические, энергетические, военно-политические и гуманитарные связи с кроссрегиональными, региональными и локальными державами геополитического пространства Ближнего Востока.

Продвигая идеологему противодействия колониальной политике, а также тезисы суверенности, справедливости и созидания, Россия, например, активно поддерживает и наращивает сотрудничество с такими кроссрегиональными державами, как Иран, Турция, Саудовская Аравия, Египет. Так, например, Каир тесно сотрудничает с Москвой как по линии военно-технического сотрудничества и в области проведения антитеррористических учений, так и в сфере обеспечения и поддержания продовольственной безопасности. После начала СВО в феврале 2022 г. из-за антироссийских санкций Запада египетские импортеры зерна столкнулись с высокими ценами, перебоями в поставках и сложностями в осуществлении платежей. Нарушение традиционных цепочек поставок пшеницы из региона Черного моря поставило Египет перед угрозой продовольственного кризиса. При этом, несмотря на давление Запада, Каир (как и многие арабские государства) не присоединился к антироссийским санкциям⁷. Кроме того, в рамках поиска путей выхода из складывающегося кризиса и с целью решения вопроса продовольственного суверенитета Россия и Египет уже запланировали переход на национальные валюты⁸. Также ведутся переговоры по соглашению о свободной торговле между Египтом и Евразийским экономическим союзом⁹.

⁷ Египет осудил введение санкций против России // Радио Sputnik. URL: <https://radiosputnik.gia.ru/20220303/egipet-1776216816.html> (дата обращения: 20.01.2023).

⁸ السفير الروسي بالقاهرة يكشف تطورات أكبر صفقة في تاريخ مصر مع موسكو // [Посол России в Каире раскрыл события крупнейшей в истории Египта сделки с Москвой] Elbalad. URL: <https://www.elbalad.news/5443292> (дата обращения: 23.01.2023).

⁹ روسيا توضع مصر في دائرة كسر العقوبات الغربية // Masr360. URL: <https://masr360.net/مصر/روسيا-التجارة-مصر-كسر-العقوبات> (дата обращения: 20.01.2023).

Взаимоотношения России с Ираном также строятся и развиваются в соответствии с идеологемами, озвученными президентом В. Путиным. Так, например, в контексте возможного заключения ядерной сделки с Ираном (нового аналога СВПД, который был разрушен после выхода США из соглашения) Москва выступает за справедливые условия, которые бы не ставили под сомнение суверенность Тегерана и вместе с тем обеспечивали бы сохранение баланс сил в сфере ядерных технологий. Заключение сделки с Ираном способно снизить шанс возможного распространения ядерного оружия как в связи амбициями отдельных государств (Саудовской Аравии или ОАЭ), так и в связи с возможным попаданием оружия массового уничтожения под контроль различных экстремистских или террористических группировок. Однако Запад оказывал и продолжает оказывать дипломатическое давление на все стороны переговоров, вынуждая Иран и его союзников принять ультимативные условия нового соглашения, если таковое в целом будет достигнуто. При этом Москве также следует учитывать растущую доктринальную агрессивность США и стран НАТО, которые рассматривают Россию в качестве «стратегического соперника» [Иванов 2020].

Что касается сотрудничества с Саудовской Аравией, то здесь Россия активно задействует тезисы о справедливом мире, который основан на договоренностях и компромиссах. Ярким примером может служить энергетическое сотрудничество Москвы и Эр-Рияда по линии ОПЕК+. Нацеленность Вашингтона на установление в интересующих их странах подконтрольных правительств привело к постепенному осознанию в том числе Саудовской Аравией опасности, которая исходит от амбиций США в регионе [Аватков, Останин-Головня 2022]. Возможно в том числе и по этой причине в июле 2022 г. Эр-Рияд объявили о намерении вступить в БРИКС¹⁰. Кроме того, в 2022 г. Саудовская Аравия вела активные переговоры с Ираном с целью заключения соглашения по объединению энергосистем двух государств¹¹ и нормализации отношений с Тегераном¹², призвав последнего сотрудничать со всеми арабскими странами региона. Таким образом, экспансионистская политика США по принуждению третьих стран к исполнению собственных целей и интересов, попытка продвигать собственную гегемонию в регионе потерпела неудачу, предоставив другим игрокам, включая Россию, возможность укрепить свое влияние на мировой арене через взаимодействие с ключевым актором ближневосточной энергетической повестки — Саудовской Аравией. В значительной мере этому способствовали гибкие и актуальные для Эр-Рияда идеологемы Москвы, которые позволили совершить в определенной степени поворот «от США».

¹⁰ Пополнить рады: Египет, Саудовская Аравия и Турция могут вступить в БРИКС // Известия. URL: <https://iz.ru/1364353/mariia-vasileva-elnar-bainazarov/poplnit-rady-egipet-saudovskaia-araviia-i-turtcia-mogut-vstupit-v-briks> (дата обращения: 20.01.2023).

¹¹ Saudi Arabia, Iraq Sign Electricity Interconnection Agreement // Aawsat. URL: <https://english.aawsat.com/home/article/3761056/saudi-arabia-iraq-sign-electricity-interconnection-agreement> (дата обращения: 20.01.2023).

¹² Переговоры Эр-Рияда с Тегераном о нормализации отношений идут позитивно — глава МИД // Независимая. URL: <https://www.ng.ru/news/743885.html> (дата обращения: 20.01.2023).

Наконец, одним из наиболее важных аспектов сотрудничества и совпадения идейно-ценностных пространств России и кроссрегиональных и региональных государств Ближнего Востока является вопрос обеспечения безопасности как в целом, так и по отдельным направлениям. В этом контексте крайне важен вопрос количества и статуса центров силы. Столкновения интересов акторов-центров силы приводят к динамичному изменению зоны противостояния и расширению очагов напряженности в регионе. Если создать полицентричную региональную систему безопасности и интегрировать в нее акторов, которые готовы к диалогу и компромиссу, стремятся и могут решать вопросы региональной безопасности, то подобный комплекс связей поможет минимизировать последствия конфликтных столкновений. Ключевой вопрос — это территориальные и ресурсные претензии каждой стороны по идеологическим, историческим, геополитическим, экономическим и иным причинам. В настоящее время России, в рамках ведения внешнеполитической стратегии на построение полицентричного мира, удалось создать трехкомпонентную систему, включающую в себя Россию, Иран и Турцию, о чем в рамках Международного дискуссионного клуба «Валдай» говорили автор¹³ и В. Наумкин¹⁴.

Вместе с тем Турция представляет довольно интересное направление применимости российских идеологем, поскольку имеет собственную развитую и активно продвигаемую систему идей и ценностей, направленных как на собственное население, так и страны региона, соседние регионы и даже на идейно-ценностное пространство России. Наиболее ярким примером является Турецкая Республика, продвигающая тезисы «неоосманизма», «пантюркизма» (т.е. туркоцентричности), «исламизма», а также идею «государства-хаба» [Аватков 2021], которая была поддержана в том числе и официальной Москвой. Неоосманизм во многом в настоящее время олицетворяет политику Турции в отношении стран Запада. Пантюркизм реализовывается Анкарой преимущественно на пространстве Постсоветского Востока и в идейно-ценностном поле России. Исламизм, в свою очередь, нацелен на объединение как можно большего числа народов и государств мира с мусульманским населением под эгидой Турецкой Республики. При этом данные идеологемы, в рамках реализации во внутреннем информационно-дискуссионном пространстве Турции, в целом совпадают с внешнеполитическими идеями и носят стратегический характер. Однако во внутривосточном контексте идейно-ценностные нарративы обретают больший националистический окрас, а объектом их воздействия является прежде всего население страны, а также многочисленные диаспоры, в особенности представители тюркских народов, в том числе в странах Западного мира [Аватков, Сбитнева 2022].

¹³ Аватков В.А. Новая система будущего Сирии: трехсторонний подход // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2018. 6 апреля. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sistema-budushchego0-sirii/> (дата обращения: 20.01.2023).

¹⁴ Виталий Наумкин о новой архитектуре безопасности на Ближнем Востоке // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 19.02.2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ddoNbeRZOFk> (дата обращения: 10.01.2023).

В то же время идея государства-хаба является более интересной, поскольку может иметь много значений в современных реалиях. В общем смысле «хаб» означает узел какой-либо сети, в котором наблюдается наибольший уровень активности¹⁵. Однако не только Турция, но также и другие государства Ближнего Востока (в особенности стабильные и суверенные кроссрегиональные державы) могут быть «хабами» в том или ином смысле: инвестиционными, гуманитарными, энергетическими, логистическими, военно-политическими, информационными, идейно-ценностными и др. При этом как несколько государств могут быть «хабами» в рамках одной сферы (например, Турция и Иран в равной степени могут быть «хабами» в области поставки энергоресурсов), так и одно и то же государство может быть «хабом» в нескольких сферах (например, Турция является таковым в области поставок зерна, энергоресурсов, гуманитарных грузов, военно-политических вопросов). В этом контексте Россия тоже может быть «хабом» и зоной интереса для ближневосточных акторов, при этом связывать не только ресурсные системы, но также и идейно-ценностные, кроме того, не просто выступать модератором в области межгосударственного взаимодействия, но последовательно внедрять, распространять и укреплять собственные внешнеполитические идеологемы в информационном пространстве Ближнего Востока.

Заключение

Политика Российской Федерации на Ближнем Востоке в последние годы ведется в условиях жестких и порой трудноразрешимых противоречий, конфликтов интересов и жесткой конкуренции между различными акторами [Чувараян 2014]. Учитывая сложную структуру отношений государств Ближнего Востока, их ориентированность на двусторонние контакты и соглашения [Bani Salameh, Bani Salameh, Al-Shra'h 2012], а также наличие в регионе минимум пяти государств кроссрегиональных лидеров — Турции, Ирана, Саудовской Аравии, Израиля и Египта (пусть у них и существуют различия потенциала центров силы), продвигаемые Российской Федерацией идеологемы (особенно суверенитета, справедливости и свободы) оказываются крайне интересными для ближневосточных игроков. Разноуровневая конфронтация, которая также присутствует между ними, еще больше подчеркивает невозможность однополярности даже в ограниченных рамках одной единственной подсистемы международных отношений.

Что касается процесса взаимодействия с государствами и реагирования на вызовы на Ближнем Востоке, то Россия придерживается оборонительной геополитической модели. Москва продвигает идеологемы, которые близки и понятны ближневосточным государствами. Вместе с тем гибкий характер системы идеологем и возможность выбирать и продвигать наиболее подходящие в каждый конкретный момент времени в рамках определенных условий среды соз-

¹⁵ Hub // Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/hub> (accessed: 20.01.2023).

дает отличительную асимметричную особенность внешнеполитической линии России. Это, в свою очередь, усложняет потенциальным оппонентам возможности по предсказанию и превентивному нивелированию возможных решений и их последствий.

Российская Федерация не просто продвигает идеологемы полицентричности, суверенности, справедливости и безопасности, но осуществляет фактическую реализацию в рамках отдельных региональных подсистем, среди которых не последнее место занимает Ближний Восток. При этом данные тезисы в своей совокупности могут впоследствии сформировать модель взаимодействия акторов международных отношений в рамках определенной системы и с учетом не только военно-политических и экономических, но и идейно-ценностных особенностей среды, в которой система располагается. Подобная структура не только будет обеспечивать безопасность и возможность России и другим игрокам реализовывать свои национальные интересы (если таковые не входят в жесткое противоречие с интересами региональных держав), но и определит правила и формы межакторного взаимодействия и коммуникаций.

Вместе с тем Ближний Восток потенциально может стать своего рода экспериментальной площадкой по построению стабильной и функционирующей системы правил в сфере международных отношений. Правил, которые могут быть отработаны и проверены на практике в регионе, в котором существует целый ряд межгосударственных конфликтов и зон напряженности. Впоследствии выстроенная система отношений, сдержек и противовесов, при участии всех заинтересованных международных игроков, может быть постепенно экстраполирована на глобальный уровень. Возможно это даже позволит избежать глобальной войны, как было при прошлых сменах систем международных отношений, что становится крайне актуальным и важным в условиях нарастания мировой напряженности в связи с недальновидной политикой отдельных государств западного мира.

Поступила в редакцию / Received: 30.10.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 30.11.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.12.2022

Библиографический список

- Аватков В.А.* Турецкая идеология «хаба» // Восточный альманах. 2021. № 5. С. 8–13.
- Аватков В.А., Останин-Головня В.Д.* Дихотомия Восток—Запад. Идейно-ценностное изменение мировой политики // Свободная мысль. 2022. № 3 (1693). С. 115–120.
- Аватков В.А.* Идеологемы внешней политики России: 25 лет поиска // Свободная мысль. 2016. № 5 (1659). С. 27–39.
- Аватков В.А., Сбитнева А.И.* Новый национализм Турецкой Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. № 2 (24). С. 291–302. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302>

- Бирюков Е.С. Этапы и инструменты внешней политики США на Ближнем Востоке // *Международная жизнь*. 2016. № 11. С. 85–104.
- Богатуров А.Д. Плюралистическая однополярность и интересы России // *Свободная Мысль*. 1996. № 2. С. 25–36.
- Долгов Б.В. Сирийский конфликт // *Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка): монография / отв. ред. В.В. Наумкин, Д.Б. Малышева*. М.: ИВ РАН, 2015.
- Иванов О.П. Ядерное оружие и НАТО в контексте европейской безопасности // *Новая эпоха международной безопасности. Россия и мир / отв. ред. О.П. Иванов*. М.: Проспект, 2020. С. 7–22.
- Кузнецов А.В. Концепции экономического взаимодействия по линии Юг — Юг // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. Т. 2, № 3. С. 30–46. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-3-30-46>
- Лебедева М.М. Формирование новой политической структуры мира и место в ней России // *Полис. Политические исследования*. 2000. № 6. С. 40–50.
- Савичева Е.М. К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке: взаимодействии региональных и глобальных тенденций // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2014. № 3. С. 14–21.
- Чувараян А.А. Энергетические отношения на Ближнем Востоке // *Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer*. 2014. № 1 (288). С. 73–90.
- Шамин И.В. Экспансия как фактор обеспечения суверенитета и развития государства в глобализирующемся мире // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. 2013. Т. 6, № 4. С. 19–30.
- Bani Salameh M.A.R., Bani Salameh M.T., Al-Shra'h M.K. The Camp David Accords: Lessons and Facts // *The Arab Journal For Arts*. 2012. Vol. 9. Iss. 2A. P. 41–66.

References

- Avatkov, V.A. (2016). Ideologems of Russian Foreign Policy: 25 Years of Search. *Svobodnaya Mysl*, 5(1659), 27–39. (In Russian).
- Avatkov, V.A. (2021). Turkish “hub” ideology. *Eastern Almanac*, 5, 8–13.
- Avatkov, V.A., & Ostanin-Golovnyia, V.D. (2022). The “East-West” Dichotomy. Ideological and Value Dimension of World Politics. *Svobodnaya Mysl*, 3(1693), 115–120. (In Russian).
- Avatkov, V.A., & Sbitneva, A.I. (2022). New Nationalism of Turkish Republic. *RUDN Journal of Political Science*, 2(24), 291–302. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302> (In Russian).
- Bani Salameh, M.A.R., Bani Salameh, M.T., & Al-Shra'h, M.K. (2012). The Camp David Accords: Lessons and Facts. *The Arab Journal For Arts*, 9(2A), 41–66.
- Biryukov, E.S. (2016). Stages and instruments of US foreign policy in the Middle East. *International affairs*, 11, 85–104. (In Russian).
- Bogaturov, A.D. (1996). Pluralistic unipolarity and Russia’s interests. *Svobodnaya Mysl*. 1996, 2, 25–36. (In Russian).
- Chuvarayan, A.A. (2014). Energy policy of the key actors in the Middle East. *Scientific and analytical journal Obozrevatel — Observer*, 1(288), 73–90. (In Russian).
- Dolgov, B.V. (2015). Syrian conflict. In V.V. Naumkin & D.B. Malysheva (Eds.), *Conflicts and wars of the 21st century (Middle East and North Africa)*. Moscow: IV RAN. (In Russian).
- Ivanov, O.P. (2020). Nuclear weapons and NATO in the context of European security. In O.P. Ivanov (Ed.), *A new era of international security. Russia and the world* (pp. 7–22). Moscow: Prospect. (In Russian).

- Kuznetsov, A.V. (2019). Concepts of South-South economic cooperation. *Contours of global transformations: politics, economics, law*, 3(2), 30–46. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-3-30-46> (In Russian).
- Lebedeva, M.M. (2000). The formation of a new political structure of the world and Russia's place in it. *Polis. Political studies*, 6, 40–50. (In Russian).
- Savicheva, E.M. (2014). On geopolitical situation in the Middle East: interaction between regional and global trends. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*, 3, 14–21. (In Russian).
- Shamin, I.V. (2013). Expansion as a factor of securing sovereignty and development of state in a globalizing world. *Problem analysis and state management design*, 4(6), 19–30. (In Russian).

Сведения об авторах:

Аватков Владимир Алексеевич — доктор политических наук, доцент, заведующий Отделом Ближнего и Постсоветского Востока, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (e-mail: v.avatkov@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-6345-3782)

Крылов Данила Сергеевич — научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока, Институт научной информации по общественным наукам РАН (e-mail: danila-krylov@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-1982-4678)

About the authors:

Vladimir A. Avatkov — PhD in Political Science, Head of the Department of Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (e-mail: v.avatkov@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-6345-3782)

Danila S. Krylov — Research Fellow Department of Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (e-mail: danila-krylov@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-1982-4678)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-175-188

Научная статья / Research article

Состояние и перспективы отношений России и стран Запада на фоне украинского кризиса в фокусе китайской общественно-политической экспертизы

С.С. Маккавеева , Д. Хуан *Шаньдунский университет, Циндао, Шаньдун, КНР* dengxue@sdu.edu.cn

Аннотация. Российско-украинский конфликт является самым серьезным кризисом в международных отношениях после холодной войны. Это не только переломный момент в российско-украинских отношениях, но и глубокий кризис в российско-западных отношениях, который ознаменовал собой изменение подхода Москвы к отношениям с Западом и переход от прошлого диалога к сегодняшней борьбе. Китай, как третья сторона в российско-украинском конфликте, с самого начала занял независимую позицию, и игнорировал любые просьбы Запада хоть как-то повлиять на Россию. Принимая во внимание отношения России и Китая, которые с каждым днем становятся только крепче, позиция Китая все больше стала привлекать внимание западных СМИ, и Пекин столкнулся с обвинениями со стороны Запада в поддержке специальной военной операции России на Украине. Исследование представляет собой дискурс-анализ публикаций китайских академических экспертов в СМИ и контент-анализ популярных сайтов СМИ КНР, таких как CCTV News, The Paper, Guanchazhe за период 1 апреля 2022 г. до 1 октября 2022 г. В ходе исследования авторы приходят к выводу, что китайские СМИ преимущественно нейтрально освещают события на Украине, стараются балансировать и не критиковать Москву, когда речь заходит об отношениях России и Запада. А китайские эксперты, рассуждая о российско-украинском конфликте и отношениях между Москвой и Западом, имеют разные взгляды и размышления. Некоторые китайские аналитики рассуждают о победе России над Западом, а другие говорят о том, что Россия вполне может оказаться ни с чем. В заключении авторами делается вывод, что Запад и Россия могут погрузиться в новую холодную войну, и эта холодная война может оказаться еще более жестокой, чем прошлая по трем основным причинам: из-за всеобъемлющего военного противостояния, экономической изоляции и разрыва гуманитарных связей.

Ключевые слова: Россия, Запад, Китай, Украина, отношения, российско-украинский конфликт

© Маккавеева С.С., Хуан Д., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Маккавеева С.С., Хуан Д. Состояние и перспективы отношений России и стран Запада на фоне украинского кризиса в фокусе китайской общественно-политической экспертизы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 175–188. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-175-188>

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта государственного фонда общественных наук КНР (22AGJ002) в рамках научного проекта «Исследование тенденций развития треугольника „Китай–Россия–США“ в контексте Российско-украинского конфликта» в статье.

The State and Prospects of the Relations Between Russia and Western Countries Against the Background of the Ukrainian Crisis in the Focus of Chinese Socio-Political Expertise

Svetlana S. Makkaveeva , Dengxue Huang

Shandong University, Qingdao, China

 dengxue@sdu.edu.cn

Abstract. The Russian-Ukrainian conflict is the most serious crisis in international relations since the Cold War. This is not only a turning point in Russian-Ukrainian relations, but also a deep crisis in Russian-Western relations, which marked a change in Moscow’s approach to relations with the West, and the transition from past dialogue to today’s struggle. China, as a third party in the Russian-Ukrainian conflict, took a neutral position from the very beginning, and ignored any requests from the United States and the West to somehow influence Russia. China’s position has increasingly attracted the attention of the Western media, and Beijing has begun to receive accusations from the West of supporting Russia’s special military operation in Ukraine. This paper analyzes the articles published by Chinese academic experts on the media, and analyzes the content of Chinese popular media websites, such as CCTV News, The Paper, Guanchazhe for the period from April 1, 2022 to December 1, 2022. In the course of the study, the authors come to the conclusion that the Chinese media mostly cover the events in Ukraine in a neutral way, they try to balance and not criticize Moscow when it comes to Russian-Western relations. Chinese experts have different views and thoughts when talking about the Russian-Ukrainian conflict and Russian-Western relations. Some Chinese analysts talked about Russia’s victory over the West, while others believe that Russia may end up with nothing. The authors concludes that the West and Russia may fall into a new Cold War, and this Cold War may turn out to be even more brutal than the last one for three main reasons: because of the all-encompassing military confrontation, because of economic isolation, and because of breakdown of humanitarian ties.

Keywords: Russia, West, China, Ukraine, relations, Russian-Ukrainian conflict

For citation: Makkaveeva, S.S., & Huang, D. (2023). The state and prospects of the relations between Russia and Western countries against the background of the Ukrainian crisis in the focus of Chinese socio-political expertise. *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 175–188. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-175-188>

Acknowledgements: The reported study was funded by a grant from the State Social Science Foundation of China (22AGJ002), within the framework of the research project “Studying the Development Trends of the China-Russia-USA Triangle in the Context of the Russian-Ukrainian Conflict”.

Введение

Тридцать лет назад, после распада СССР, Россия активно пыталась вступить в НАТО¹, а администрация президента США Дж. Буша сделала обещание, что НАТО не будет расширяться на Восток ни на дюйм. Тридцать лет спустя, в российско-украинском конфликте Россия и Запад хотя и не входят в прямое столкновение, но уже были глубоко вовлечены в горячую войну. За последние 30 лет отношения между Россией и Западом прошли непростой путь от деэскалации до открытого конфликта, от новой холодной войны до сегодняшней «прокси-войны».

Российско-украинский конфликт является самым серьезным международным кризисом со времен окончания холодной войны. Он затрагивает стратегическое окружение Китая и влияет на развитие международной ситуации. С момента начала конфликта между Россией и Украиной Китай занял независимую позицию, пытаясь сохранять баланс в отношениях с двумя странами. Пекин делал нейтральные заявления^{2,3,4} о необходимости проведения дипломатических переговоров и разрешения проблемы мирным путем. Принимая во внимание тесные отношения России и Китая, а в частности принятое двумя странами «Совместное заявление РФ и КНР о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии»⁵ как раз накануне «специальной военной операции», позиция КНР стала привлекать большое внимание зарубежных СМИ и Пекин столкнулся с обвинениями от западных стран в поддержке России. Официальная позиция КНР многогранна, и Пекин стремится принимать во внимание интересы своей страны в различных обла-

¹ Ашуров И. Политика закрытых дверей: четыре истории о том, как Россия могла вступить в НАТО. URL: <https://vm.ru/politics/999584-politika-zakrytyh-dverej-chetyre-istorii-o-tom-kak-rossiya-mogla-vstupit-v-nato?ysclid=ldk708riis599883604> (дата обращения: 29.09.2022).

² Си Цзиньпин призвал к совместной поддержке мирных переговоров между Россией и Украиной // Информационный сайт Синьхуа Новости. 9 марта 2022. URL: http://russian.news.cn/2022-03/09/c_1310506242.htm (дата обращения: 16.09.2022).

³ КНР призвала создать условия для мирного урегулирования украинского конфликта // Информационный сайт Интерфакс. 6 апреля 2022. URL: <https://www.interfax.ru/world/833371> (дата обращения: 16.09.2022).

⁴ Китай выступил за переговоры Москвы и Киева без предварительных условий // Информационный сайт РБК. 22 сентября 2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/09/2022/632c81a79a79472604a89b94> (дата обращения: 25.09.2022).

⁵ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии // Сайт Президента России. 4 февраля 2022. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5770?fbclid=IwAR3aNfLQ8Veb0oJ3qjIXQhUUnPhAPYysq5PvqhS-rpCtoyAmFzGKMn6LgIw> (дата обращения: 25.09.2022).

стях. Но несмотря на представляющееся единым мнение китайского общества относительно российско-украинского конфликта, а также отношений России и Запада, в действительности в Китае существуют разные взгляды и размышления по данной проблеме.

Данная работа посвящена исследованию отношений России и Запада с точки зрения Китая. К используемым методам исследования относятся дискурс-анализ публикаций китайских академических экспертов в СМИ и контент-анализ популярных сайтов СМИ КНР, таких как CCTV News (中央网), The Paper (澎湃新闻), Guanchazhe (观察者) за период с 1 апреля 2022 г. до 1 октября 2022 г. Для российской науки изучение китайского взгляда на проблему весьма актуально и имеет практическую значимость. При написании данной статьи были использованы труды российских исследователей [Блохин 2022; Лукьянов 2022; Подберезкин 2022], а также работы зарубежных ученых [Chen 2017; Zhang 2022; Yan 2022].

Российско-украинский конфликт: не нейтральная позиция Китая

25 февраля 2022 г., после начала специальной военной операции член Госсовета и министр иностранных дел КНР Ван И провел переговоры на высоком уровне с лидерами Великобритании, ЕС и Франции и выразил позицию Китая, которую можно резюмировать в пяти пунктах:

- 1) Китай твердо выступает за уважение суверенитета всех стран, в том числе и Украины, и полностью соблюдает цели и принципы Устава ООН;
- 2) КНР считает, что безопасность одной страны не может быть обеспечена за счет угрозы безопасности других государств и что региональная безопасность не может быть обеспечена за счет укрепления или расширения военных группировок. Не следует допускать возрождения эпохи холодной войны и следует уважать законные интересы безопасности государств. При пяти раундах расширения НАТО на восток законные требования России в области безопасности заслуживают внимания и требуют надлежащего урегулирования;
- 3) китайская сторона следит за развитием украинского вопроса и выражает неудовлетворенность текущей ситуацией. Необходимо, чтобы все стороны проявляли сдержанность, с тем чтобы не допустить дальнейшего ухудшения или даже выхода из-под контроля нынешней ситуации на Украине. Необходимо обеспечить эффективную защиту жизни и имущества гражданского населения, в частности в целях предотвращения масштабных гуманитарных кризисов;
- 4) Китай поощряет все дипломатические усилия, способствующие мирному урегулированию российско-украинского кризиса. Китай приветствует скорейшее проведение прямых переговоров между Россией и Украиной. Украина должна стать мостом между Востоком и Западом, а не границей противостояния великих держав. Китай поддерживает равноправный диалог

между Европой и Россией по вопросам европейской безопасности, который приведет к созданию сбалансированного и эффективного устойчивого механизма европейской безопасности;

- 5) Китай считает, что Совет Безопасности Организации Объединенных Наций должен играть конструктивную роль в решении украинской проблемы. Действия СБ ООН должны способствовать ослаблению напряженности, а не ее эскалации. Тем самым Китай всегда выступал против того, чтобы в резолюциях Совета Безопасности часто ссылались на главу VII, разрешающую применение силы и санкций⁶.

В этих пунктах четко выражена официальная позиция Китая, которой до сих пор придерживается Пекин.

Зарубежные СМИ называют позицию Китая в российско-украинском конфликте нейтральной⁷. Это общепринятое понимание и толкование, но, строго говоря, это неточно и даже неверно. Китай не является страной с нейтральным статусом, Китай также не принимал никаких международных и внутрисубъективных законов об объявлении себя нейтральным государством. Не было никаких заявлений о нейтралитете в отношении российско-украинского конфликта, поэтому Китай не имеет нейтрального статуса и не занимает нейтральную позицию в российско-украинском конфликте по смыслу международного права. Позиция Китая относительно российско-украинского конфликта разделена на две части: первая часть сосредоточена на том, что Китай выступает за уважение суверенитета и территориальной целостности государств, и Пекин уточнил, что это относится и к Украине, что означает поддержку Украины; другая часть гласит, что законные требования России в области безопасности заслуживают внимания и надлежащего урегулирования в условиях пяти последовательных раундов расширения НАТО на восток, что, несомненно, является поддержкой России. Это означает, что Китай поддерживает не только Россию, но одновременно и Украину, только в разных аспектах. Китай стремится к объективности и справедливости, а также к равновесию между двумя сторонами, но это явно не является нейтралитетом, потому что нейтралитет означает, что страна не поддерживает ни одну из сторон. Китай поддерживает обе стороны, но важно отметить, что в военном плане Пекин все-таки соблюдает нейтралитет, так как не оказывает военно-технической помощи ни одной из сторон.

Профессор Фуданьского университета КНР, почетный член научно-исследовательского центра Шанхайской организации сотрудничества Чжао Хуашэн, называет позицию Китая в российско-украинском конфликте «конструктивным

⁶ Ван И чаншу чжун фан дуй данциэн укедан венте дэ у диен личан [Ван И изложил официальную позицию Китая из пяти пунктов по текущему украинскому вопросу] // Website of The Central People's Government of the People's Republic of China. February 2, 2022. URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2022-02/26/content_5675705.htm (accessed: 25.9.2022). (На кит.)

⁷ China maintains “neutral stance” on Russian-Ukraine crisis as it slams western countries for “deliberately taking sides” // Sky News. February 28, 2022. URL: <https://www.skynews.com.au/world-news/china/china-maintains-neutral-stance-on-russianukraine-crisis-as-it-slams-western-countries-for-deliberately-taking-sides/news-story/5501365cbc135069b51333b54cfdafc7> (accessed: 25.9.2022).

вмешательством⁸). Это означает, что Китай участвует и влияет на развитие ситуации с конструктивной целью, а также активно содействует урегулированию проблем. В теории и на практике конструктивное участие — это концепция, которая более актуальна и предпочтительна, чем нейтралитет. В принятой на шестом пленуме ЦК КПК девятнадцатого созыва «Резолюции ЦК КПК об основных достижениях и историческом опыте столетней борьбы партии» подчеркивается, что Китай должен конструктивно участвовать в политическом урегулировании, принимать участие в международных и региональных проблемах, играть активную роль в таких областях, как борьба с терроризмом, кибербезопасность и поддержание региональной безопасности⁹. «Конструктивность» стала ключевым понятием в дипломатической практике Китая. 9 декабря 2017 г. министр иностранных дел Ван И впервые заявил в своем выступлении на церемонии открытия «Симпозиума по международной ситуации и китайской дипломатии», что «Китай готов участвовать в мирном урегулировании острых вопросов и активно изучать пути конструктивного вмешательства с китайской спецификой»¹⁰. С политической точки зрения «конструктивное вмешательство» имеет следующие характеристики. Во-первых, оно принимает за основу принцип невмешательства во внутренние дела других стран. Принцип невмешательства во внутренние дела других стран, которого придерживается Китай, вытекает из принципа суверенного равенства государств в международном праве [Chen 2017]. Во-вторых, «конструктивное вмешательство» выходит за рамки традиционных западных теорий вмешательства. Традиционные западные формы интервенции чаще всего используют односторонние средства, которые часто ущемляют законные права заинтересованных стран [Di Meglio 2005]. В-третьих, «конструктивное вмешательство» направлено на защиту интересов страны за рубежом и формирование имиджа Китая как крупной державы.

Таким образом, нейтралитет несовместим с позицией Китая и его дипломатическими идеями. Китайская дипломатия переживает переходный период, она позиционирует себя как ответственную державу, предлагает глобальный ценностно-политический проект «Единой судьбы человечества» и стремится играть важную роль в международных делах. «В международных событиях и спорах с другими странами Китай перешел от привычного „нахождения в тени“ (завет

⁸ Чжао Хуашэн: Чжунгуо цай ызу чонту чжун дэ личан шивэй «циеншесин циеру» [Чжао Хуашэн: позиция Китая в российско-украинском конфликте является «конструктивным вмешательством»] // CGE WeChat official account. June 28, 2022. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzUzMjYxNzQ5OQ==&mid=2247494549&idx=1&sn=2d34e84b8cfc24cc8d9154f5411e2e77&chksm=fab22belcdc5a2f71aec3fe26e02ebb3de201cec7e25cbb057c53b6b65e35-7511cac5c6d176e&scene=27 (accessed: 25.09.2022). (На кит.)

⁹ «Чжунгон чжонян гуанюй дан дэ байниен фэндоу чжунда ченцзю хэ лиши цзиньниен дэ цзюэи» [«Постановление ЦК КПК об основных достижениях и историческом опыте столетней борьбы партии»] // People's Daily. November 17, 2021 (accessed: 28.09.2022). (На кит.)

¹⁰ Ван И: «Цай 2017 ниен гуоци синши юй чжунгуо вайцзю янтаохуэй кайму ши шан дэ янцзян» [Ван И: «Выступление на церемонии открытия симпозиума по международной ситуации и китайской дипломатии в 2017 г.»] // People's Daily. December 9, 2017. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2017/1209/c1002-29696377.html> (accessed: 28.09.2022). (На кит.)

Дэн Сяопина) к активному вмешательству от привычного пассивного принятия любых изменений ситуации к активному формированию ситуации, что отличается от нейтрального мышления. Нейтралитет означает не только невмешательство и отстраненность, но и нежелание брать на себя какую-либо ответственность в определенном смысле, и это не тот международный имидж, к которому стремится Китай»¹¹.

Отношения между Россией и Западом на фоне украинского кризиса. Мнения китайских академических экспертов

Оценки китайских экспертов относительно отношений между Россией и Западом представляют собой различные взгляды и размышления. У Дахуэй, профессор, заместитель директора института по исследованию России университета Цинхуа, в интервью телеканалу CCTV-Chinese International 11 июля 2022 г. отметил¹², что из-за зависимости Запада от российских энергопоставок возможно сокращение помощи западных стран Украине. Он подчеркнул, что энергетическая зависимость является политическим оружием. С наступлением зимы отношения России с Западом, а в частности с Германией и другими европейскими странами, будут постепенно изменяться. Однако прогноз профессора У Дахуэя не сбывся. Европейские страны значительно снизили свою зависимость от России, особенно от природного газа, тем самым Европа все так же продолжила оказывать помощь Украине, несмотря на прогнозы о том, что зима поставит ее в тупик.

Цзинь Цаньжун, профессор, заместитель директора Института международных отношений Народного университета Китая, отмечает, что, хотя и России это будет дорого стоить, посредством российско-украинского конфликта Москва успешно ударит по мировой системе, контролируемой США. Принимая во внимание стратегию США, можно с точностью сказать, что Вашингтон не планирует сдаваться, а Россия, обладающая сильной способностью противостоять санкциям, в конечном итоге победит. Откуда же такая уверенность в победе России в этой опосредованной войне? Ученый полагает, что, во-первых, Россия самодостаточна в продовольствии, а также обладает наибольшими запасами

¹¹ Чжао Хуашэн: Чжунгуо цай ёзу чонту чжун дэ личан шивэй «циеншесин циеру» [Чжао Хуашэн: позиция Китая в российско-украинском конфликте является «конструктивным вмешательством»] // CGE WeChat official account. June 28, 2022. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzUzMjYxNzQ5OQ==&mid=2247494549&idx=1&sn=2d34e84b8cfc24cc8d9154f5411e2e77&chksm=fab22belcdc5a2f71aec3fe26e02ebb3de201cec7e25cbb057c53b6b65e35-7511cac5c6d176e&scene=27 (accessed: 28.9.2022). (На кит.)

¹² У Дахуэй: Сифан дуй э нююан илай хуо циан чжуциен циенхуан дуй у юанчжу [У Дахуэй: из-за зависимости Запада от российских энергопоставок возможно сокращение помощи западных стран Украине] // CCTV Today WeChat official account. July 12, 2022. URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MjM5OTE3OTgwMQ==&mid=2651420401&idx=3&sn=767911e624bbc6131d3c2c3c484e8833&chksm=bcc2b5878bb53c91c89da124154919728212d0476c43bb80a114ac0c2f0499fea3a10f08826a&scene=27 (accessed: 28.9.2022). (На кит.)

нефти и природного газа. Во-вторых, среди двух основных сил, налагающих санкции на Россию (США и ЕС), Европейский Союз находится в самом слабом положении: «Если санкции и будут продолжаться, то в проигрыше останется не Россия, а ЕС.» В-третьих, автор указывает на фактор поддержки Китая: «Я думаю, что китайско-российское сотрудничество в будущем обязательно будет укрепляться. Позиция Китая в отношении российско-украинского конфликта не совсем совпадает с российской, но пока мы поддерживаем нормальные торговые отношения, и китайский рынок может обеспечить все, что нужно России»¹³.

Ян Чэн, профессор Шанхайского университета иностранных языков, полагает, что различные конфликты, которые сегодня происходят между Россией и Западом, можно рассматривать как новый способ оказания Россией максимального давления на США и их союзников. Он отмечает, что от исхода сложной игры между Россией и Западом будет зависеть, распадется ли Украина или, потеряв Донбасс, сохранит свое существование. Китайский аналитик пишет, что Германия и Франция — старые европейские державы, имеющие традиционные дружеские отношения с Россией, глубоко усвоившие исторические уроки Первой и Второй мировых войн, проявляют особую осторожность в вопросах европейской безопасности. В отличие от Соединенных Штатов Германия и Франция в целом склонны понимать некоторые опасения России по поводу европейской безопасности и не желают возобновления войны в Европе¹⁴.

Чжан Хун, научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, считает, что ухудшение отношений между Россией и Западом является результатом совокупности как субъективных, так и объективных факторов. Субъективными факторами выступают в основном противоречия между ценностями, безопасностью и мировоззрением России и Запада, а объективными факторами — изменения в международной структуре после холодной войны [Zhang 2022].

Чжан Вэйвэй, профессор, декан исследовательского института Китая Университета Фудань, рассуждая о влиянии российско-украинского конфликта на изменение международного порядка, полагает, что именно сейчас создается более равноправный многополярный международный порядок. По его мнению, «незападный мир» начал расти быстрыми темпами. После начала конфликта за санкциями США против России последовали в основном только традиционные союзники США, в то время как державы «незападного мира», такие как Китай, Индия, Бразилия, ЮАР, Индонезия, Египет, Нигерия, Пакистан, Мексика и др., были против, включая исламские страны. Китайский аналитик приво-

¹³ Цзин Цаньжун: Мейгуо ру бу «цинцзы сячан» элуосы хуэй индэ дайлирен чжанчжен [Цзинь Цаньжун: Россия выиграет опосредованную войну, если США не прекратят ее «лично»] // Beijing Daily. June 2. 2022. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=173450003918945194&wfr=spider&for=pc> (accessed: 28.9.2022). (На кит.)

¹⁴ Ян Чэн цзяошоу цзю ызу цзюши циешоу хонсин синвен цайфан [Профессор Ян Чэн дал интервью Red Star News о ситуации в России и Украине] // WeChat official account of Shanghai Institute of Global Governance and Regional Studies. February 25, 2022. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/InvUVnOyrPvSaqYd7XQsdw> (accessed: 28.9.2022). (На кит.)

дит в пример слова бывшего премьер-министра Италии Сильвио Берлускони, «Россия изолирована от Запада, но Запад изолирован от всего остального мира»¹⁵. И за этим, по мнению профессора, стоит простая истина: что основная цель российских действий состоит в том, чтобы свергнуть однополярный гегемонистский порядок, возглавляемый Соединенными Штатами, с помощью революции. С его точки зрения, общая тенденция подъема Востока и падение Запада уже неизбежны¹⁶.

Фэн Юйцзюнь, профессор Исследовательского института международных проблем Фуданьского университета, говоря, о российско-украинском конфликте, подчеркивает, что Россия вновь вступила в исторический поворотный момент, стремясь восстановить свою империю на всем постсоветском пространстве. Однако шансов на то, что это получится, совсем немного¹⁷. Он считает, что причина этого «несоответствие между амбициями крупных держав и их недостаточной мощью является ключевым фактором, определяющим траекторию развития России». Россия может стать не империей, а «изолированным островом»¹⁸. Китайский аналитик, говоря об отношениях России и Европы, полагает, что США и Европа точно не хотят прямого военного конфликта с Россией. Если война действительно разразится, это дорого обойдется не только США и Европе, но и России, и всему миру. По мнению ученого, хотя санкции и не могут напрямую повлиять на применение Россией силы на Украине, они окажут прямое влияние на экономику России в будущем и ослабят всестороннюю национальную мощь России. Цель Соединенных Штатов и Европы состоит в том, чтобы стимулировать внутренние изменения во внешней политике России путем ослабления ее внешнеполитического потенциала.

Декан Института международных отношений Университета Цинхуа Янь Сюэтун пишет, что Китай не видит выгоды в том, чтобы присоединиться к всеобщему осуждению Москвы [Yan 2022]. Конечно, Пекин выражает неудовлетворенность текущей ситуацией, но профессор Янь Сюэтун более склонен к тому, что Пекин вряд ли прекратит торговые отношения с Москвой.

¹⁵ “La Russia ha già perso di fronte a un Occidente più unito e determinato. Ma ora il mondo libero si trova isolato per la mancanza di leader” // *ilGiornale.it*. 2 Giugno 2022. URL: <https://www.ilgiornale.it/news/politica/russia-ha-gi-perso-fronte-occidente-pi-unito-e-determinato-2039219.html> (accessed: 28.09.2022) (In Italian)

¹⁶ Чжан Вэйвэй «Чжэ цзю ши Чжунгуо» ди 151 ци: Бэу чонту ю гуоци чжисю биенгэ [Чжан Вэйвэй «Это Китай», выпуск 151: Российско-украинский конфликт и изменения в международном порядке] // *Guanchazhe*. July 17, 2022. URL: <https://baijiaohao.baidu.com/s?id=1738557475468136236&wfr=spider&for=pc> (accessed: 29.9.2022). (На кит.)

¹⁷ Евгений Верлин. Китайский «тыл» Путина, ч. 3. Фэн Юйцзюнь: «Россия может стать не империей, а изолированным островом» // *Republic*. 3 марта 2022. URL: <https://republic.ru/posts/103290> (дата обращения: 29.9.2022)

¹⁸ Фэн Юйцзюнь: Чонцзиен дигуо хайши лунвей гудао? Цзиеси паохуо чжун дэ элуосы цзоусян [Фэн Юйцзюнь: Восстановление империи или превращение в “изолированный остров”? Анализ тенденции развития России] // *The Pangoal Institution WeChat official account*. March 1, 2022. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/4ocYxwsL0fi-sKYENi78A> (accessed: 29.9.2022). (На кит.)

Изучив мнения китайских академических экспертов, можно заметить, что китайские аналитики, рассуждая о российско-украинском конфликте и отношениях России и Запада, в основном исследуют конфликт с точки зрения третьей стороны. Они делают прогнозы относительно тенденции развития конфликта, исследуют факторы ухудшения отношений России и Запада, анализируют влияние конфликта на международный порядок и т.д., но в своих оценках китайские авторы не критикуют ни Россию, ни Запад. Но все же можно сказать, что они больше следуют за российской официальной позицией.

Освещение российско-западных отношений китайскими СМИ

В китайской медийной среде действуют наиболее строгие ограничения со стороны правительства КНР. Она состоит в основном из поддерживаемых государством СМИ. Интернет-платформы и социальные сети контролируются обширным аппаратом цензуры, удаляющим любую информацию, которую он посчитает уязвимой. Жестко контролируемые СМИ Китая для обозначения конфликта используют официальный российский термин «специальная военная операция», а не распространенный на Западе термин «вторжение». Китайские государственные СМИ постоянно получают конкретные указания относительно того, как описывать конфликт, и им также запрещено публиковать неблагоприятные для России новости. В основном китайские государственные телеканалы, как, например, CCTV (中央电视台), CCTV International (中文国际), CCTV Military (国防军事), официальные китайские газеты, в частности Renmin Ribao (人民日报), China Daily (中国日报), Global Times (环球时报), в частности публикуя новости о российско-украинском конфликте, избегают критики действий Москвы.

Говоря об отношениях России и Запада, китайские СМИ повторяют российские тезисы о причинах конфликта, при этом игнорируя позицию Киева. Наряду с этим критика в адрес украинского лидера была и остается минимальной. Китай с самого начала конфликта придерживался единой точки зрения, согласно которой НАТО, а в частности США, виноваты в том, что спровоцировали Россию, тем самым ухудшив и без того сложные отношения Москвы с Западом. Китайские СМИ, публикуя новости и статьи об отношениях России и Запада, в основном ссылаются и цитируют заявления публичных лиц со стороны Москвы, Вашингтона и Киева.

Так, на новостном сайте The Paper (澎湃新闻) (один из популярных сайтов СМИ КНР) за период с 1 апреля 2022 г. до 1 октября 2022 г. публикации носят нейтральный характер, в материалах не присутствует глубокого анализа, сухо передаются позиции России и Запада¹⁹.

¹⁹ The Paper. URL: https://www.thepaper.cn/channel_-23 (accessed: 25.09.2022).

Проанализировав популярные сайты СМИ КНР, такие как CCTV News (中央网)²⁰ (сайт китайской государственной телекомпании), а также новостного сайта Guanchazhe (观察者)²¹ (сайт со статьями китайских ученых и исследователей) за период с 1 апреля 2022 г. до 1 октября 2022 г., можно заметить, что у китайских СМИ есть одна общая черта: они преимущественно нейтрально освещают события на Украине, стараются балансировать и не критиковать Москву, когда речь заходит об отношениях России и Запада.

Перспективы развития отношений России и Запада

Проанализировав вышеперечисленные мнения и размышления китайских аналитиков, а также рассмотрев освещение отношений между Россией и странами Запада в китайских СМИ, можно сделать вывод, что в обозримом будущем вероятность улучшения отношений между Россией и Западом очень мала. Авторы статьи предполагают, что хотя санкции, введенные Западом в отношении России, на данный момент не могут никак повлиять на продолжение Россией специальной военной операции на Украине, однако в долгосрочной перспективе последствия санкций для Москвы могут оказаться куда более значительными. На данный момент нет никаких надежд на восстановление отношений между Россией и Западом. Мы делаем вывод, что Запад и Россия вполне могут погрузиться в новую холодную войну, и эта холодная война может оказаться еще более жестокой, чем прошлая, по ряду причин:

- во-первых, из-за всеобъемлющего военного противостояния. Российско-украинский конфликт когда-нибудь закончится, но спровоцированное им военное противостояние не прекратится. Западные страны и НАТО значительно увеличили свои военные гарнизоны в Польше, Румынии и других странах Центральной и Восточной Европы и могут даже сформировать постоянные войска, тем самым нарушив прежнее табу. НАТО также будет проводить сдерживающие действия против России в различных формах, включая военные учения, что, естественно, приведет к ответному ходу со стороны России;
- во-вторых, из-за экономической изоляции. Даже во время холодной войны Запад и Россия поддерживали экономические и торговые обмены, у обеих сторон были тесные экономические отношения взаимодополняемости и взаимной выгоды. Однако после конфликта между Россией и Украиной европейские страны значительно снизили свою зависимость от России, особенно от природного газа, а экономические и торговые отношения двух сторон претерпевают структурные и коренные изменения;
- в-третьих — из-за разрыва гуманитарных связей. На Западе и в России действует взаимное запрещение полетов над своей территорией, а запад-

²⁰ CCTV News. URL: <https://news.cctv.com/world/?spm=C96370.PPDB2vhvSivD.Exl4QoSTg8Os.6> (accessed: 25.09.2022).

²¹ Guanchazhe. URL: <https://www.guancha.cn/internation?s=dhguoji> (accessed: 25.09.2022).

ные страны запрещают любую деятельность, связанную с Россией, включая запрет российским спортсменам участвовать в соревнованиях, что, соответственно, будет усугублять взаимную неприязнь и увеличивать недопонимание.

Противостояние между Западом и Россией фактически зашло в тупик и разрешить его весьма трудно, это не идет на пользу России и не способствует развитию самого Запада. Сегодня Европа вынуждена направить больше своих ограниченных ресурсов на противодействие так называемой «российской угрозе», и в этом процессе ей также придется полагаться на военную защиту США. Слабая Россия и подчиненная Европа лучше всего отвечают стратегическим интересам Америки, а Европе, которая служит стратегическим интересам Америки, суждено пострадать больше всех.

Важно отметить, что бенефициаром российско-украинского конфликта является также и Китай. С российско-украинским конфликтом Пекин приобретает новые возможности в экономике, например в интернационализации юаня и в Центральной Азии. С попытками Запада изолировать Россию Москва начала смещать фокус экономического развития на Восток и сейчас сосредоточивается на развитии отношений с Китаем. Это имеет большое положительное значение для реструктуризации производственной цепочки Китая. Во-первых, Китай получит стабильный и надежный источник энергоснабжения, а во-вторых, Пекин — потребительский рынок со 100-миллионным населением. Предприятия, финансируемые Китаем, могут относительно легко прийти в Россию, чтобы заполнить на рынке пробел, оставленный США и Европой.

Также конфликт России и Украины открывает новые возможности для интернационализации юаня в более широком масштабе. Исходя из нынешней ситуации, Китай, скорее всего, будет полагаться на свой огромный потребительский рынок и масштабы торговли, чтобы сделать юань одной из самых важных международных валют в мире.

В настоящее время сотрудничество между Китаем и Центральной Азией открывает период стратегических возможностей. Российско-украинский конфликт резко повысил значение стран Центральной Азии в развитии инициативы «Пояса и пути», объем торговли между Китаем и Центральной Азией продолжает расти, крупные проекты продвигаются вперед, а региональное сообщество продолжает делать новые успехи. Сегодня влияние Китая в Центральной Азии становится все заметнее, а китайский рынок также становится все более привлекательным для стран Центральной Азии.

Заключение

В последние десятилетия мир претерпевает большие изменения. Российско-украинский конфликт является важным поворотным моментом в отношениях между Россией и Западом. Разногласия между Россией и Западом в концепции безопасности, ценностях и мировоззрениях переросли в огромные непримиримые «противоречия». Из-за больших разногласий между двумя сторонами

общение между Москвой и Западом стало затрудненным, что привело к перерастанию разногласий в противоречия, а противоречий в новую холодную войну. Российско-украинский конфликт — это не только кризис отношений России и Запада, но и кризис глобального управления. Китайские аналитики и эксперты, размышляя о российско-украинском конфликте, а также об отношениях России и Запада, стараются не подвергать критике Россию. Некоторые эксперты говорят о победе России в этой войне, а другие о проигрыше Москвы. Китай в данной ситуации является полностью третьей стороной, и, публикуя новости об отношениях между Россией и Западом, Пекин старается придерживаться сбалансированной позиции. Конфликт России и Украины является уникальным случаем, когда Китаю необходимо проявить дипломатическое мастерство из-за того, что ее самый близкий стратегический партнер ввязался в новую холодную войну с Западом, с которым у Китая также существуют торговые и экономические партнерские отношения.

Поступила в редакцию / Received: 06.07.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 17.09.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.12.2022

Библиографический список

- Блохин К.В. Россия и Запад. Военно-политический конфликт 2022 года. Меняя правила игры // Свободная мысль. 2022. № 2 (1692). С. 25–34.
- Лукьянов В.Ю. Постсоветское пространство в контексте отношений Россия-Запад: проблемы и перспективы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 22, № 2. С. 59–69. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V164>
- Подберезкин А.И. НАТО — основа проамериканской военно-политической коалиции Запада // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2022. № 3–4. С. 5–21. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2022_3-4_5
- Chen G. Properly handle the principle of non-interference in internal affairs and constructive // *China and the World in 2016*. Beijing: Social Science Literature Publishing House, 2017. P. 116–122. (In Chinese)
- Di Meglio R. The Evolution of the Just War Tradition: Defining Just Post Bellum // *Military Law Review*. 2005. Vol. 186. P. 116–163.
- Yan X. China's Ukraine Conundrum — Why the War Necessitates a Balancing Act // *Foreign Affairs Journal*. 2022. 101 (3). P. 1–8.
- Zhang H. Russia and the West: from dialogue to confrontation // *Contemporary world*. 2022. № 3. P. 72–73. (In Chinese).

References

- Blokhin, K.V. (2022). Russia and the West. Military-political conflict in 2022. Changing the rules of the game. *Free Thought*, (2), 25–34. (In Russian).
- Chen, G. (2017). Properly handle the principle of non-interference in internal affairs and constructive. *China and the World in 2016*. Beijing: Social Science Literature Publishing House, 116–122. (In Chinese).

- Di, Meglio, R. (2005). The evolution of the Just War tradition: Defining Just Post Bellum. *Military Law Review*, 186, 116–163.
- Lukyanov, V.Y. (2022). Post-Soviet Space in the Context of Russia-West Relations: Problems and Prospects. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social sciences*, 22(2), 59–69. (In Russian). <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V164>
- Podberezkin, A.I. (2022). NATO is the basis of the pro-American military-political coalition of the West. *Observer*, 3–4, 5–21. (In Russian). https://doi.org/10.48137/2074-2975_2022_3-4_5
- Yan, X. (2022). China's Ukraine Conundrum — Why the War Necessitates a Balancing Act. *Foreign Affairs Journal*, 101(3), 1–8.
- Zhang, H. (2022). Russia and the West: from dialogue to confrontation. *Contemporary world*, 3, 72–73. (In Chinese).

Сведения об авторах:

Маккавеева Светлана Сергеевна — аспирант Института политологии и государственного управления, Шаньдунский университет, Циндао, КНР (e-mail: sveta_grase@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-9846-8397)

Хуан Дэнсюэ — профессор Института политологии и государственного управления Шаньдунского университета, заместитель директора Центра исследований России и Центральной Азии, Шаньдунский университет, Циндао, КНР (e-mail: dengxue@sdu.edu.cn) (ORCID: 0000-0003-1306-3038)

About the authors:

Svetlana S. Makkaveeva — PhD student of Institute of Political Science and Public Administration, Shandong University, Qingdao, China (e-mail: sveta_grase@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-9846-8397)

Huang Dengxue — Professor of Institute of Political Science and Public Administration, Shandong University, Deputy Director of Center of Russian and Central Asian Studies, Shandong University (e-mail: dengxue@sdu.edu.cn) (ORCID: 0000-0003-1306-3038)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-189-203

Научная статья / Research article

Идея «Великое возрождение китайской нации — Китайская мечта» Си Цзиньпина как идеологическая основа национальной безопасности Китая

Л.Г. Абдрахимов

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 van.leonid@mail.ru

Аннотация. Поворот внешнеполитического вектора России на Восток повлек за собой необходимость осмысления политических процессов и явлений в КНР, которые еще недостаточно рассмотрены в российских научных и политических кругах. Прежде всего это связано с тем, что на контрасте с отсутствием в России ясной ценностно-идеологической основы системы национальной безопасности в Китае эта проблема решена путем включения в систему обеспечения национальной безопасности концепции «Великое возрождение китайской нации — Китайская мечта». Эта концепция, разработанная Си Цзиньпином, предполагает обновление идеологических основ Китая, в особенности Компартии, как несущего стержня всего государства. Данная концепция, как и принято в китайской культуре, не отрицает, а лишь расширяет и дополняет все предыдущие концепции, сформулированные прошлыми лидерами страны: «Большой скачок», «Реформы и открытость» и т.д. Цель исследования — раскрытие концепции «Великое возрождение китайской нации *Чжунхуа миньцзу вэйда фусин*) — Китайская мечта (*Чжунго мэн*)» как идеологической основы национальной безопасности КНР. В ходе работы были применены методы анализа нормативных документов и дискурс-анализ выступлений лидера Китая. В результате исследования определено, что в центре идеи «Великое возрождение китайской нации — Китайская мечта» находятся традиционные культурные ценности китайской цивилизации с конфуцианским и легистским уклоном. Автором рассмотрена концепция сквозь призму теории национальной безопасности. В результате предлагается обновленная структура, состоящая из уровней: концептуального, отраслевого (сфер), институционального (сил) и ресурсного (средств). Сделан вывод о распространении данной концепции на все сферы системы обеспечения национальной безопасности Китая в качестве идеологической основы этой системы, предопределяющей парадигму развития КНР.

© Абдрахимов Л.Г., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: КНР, Китай, Си Цзиньпин, китайская нация, Китайская мечта, идея Великого возрождения китайской нации, национальная безопасность, система национальной безопасности, система обеспечения национальной безопасности

Для цитирования: *Абдрахимов Л.Г.* Идея «Великое возрождение китайской нации — Китайская мечта» Си Цзиньпина как идеологическая основа национальной безопасности Китая // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология.* 2023. Т. 25. № 1. С. 189–203. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-189-203>

Xi Jinping’s “The Great Rejuvenation of the Chinese Nation — Chinese Dream” as an Ideological Basis for the National Security of China

Leonid G. Abdrakhimov

People’s Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

 van.leonid@mail.ru

Abstract. The turn of Russia’s foreign policy vector to the East stimulates the better understanding of political processes and phenomena in China, which have not yet been sufficiently considered in Russian academia and political elites. Unlike the lack of a clear value-ideological basis of the national security system in Russia, China has solved this problem by including a conceptual level in the system of national security, with the concept of “The Great Rejuvenation of the Chinese Nation — Chinese Dream” at its center. This concept, developed by Xi Jinping, involves renewing the ideological foundations of China, especially the Communist Party, as the backbone of the entire state. This concept, as is customary in Chinese culture, does not negate the previous ones, but only expands and complements all the previous concepts formulated by the country’s past leaders: “Great Leap Forward”, “Reforms and Openness”, etc. The purpose of the study is to reveal the concept of “The Great Rejuvenation of the Chinese Nation — Chinese Dream” as the ideological basis of China’s national security. The methods of analysis of normative documents and discourse analysis of the Chinese leader’s speeches were applied to reveal the traditional cultural values of Chinese civilization with Confucian and Legist bias are in the center of the idea of the “Great Rejuvenation of the Chinese Nation — Chinese Dream”. This concept was examined in our study through the prism of national security theory, which acquired an updated structure consisting of levels: conceptual, sectoral (spheres), institutional (forces) and resource (means). We conclude that this concept applies to all spheres of China’s national security system and is the ideological basis of this system, predetermining the paradigm of China’s development.

Keywords: PRC, China, Xi Jinping, Chinese nation, Chinese Dream, idea of Great Rejuvenation of the Chinese Nation, national security, national security system, national security support system

For citation: Abdrakhimov, L.G. (2023). Xi Jinping’s “The Great Rejuvenation of the Chinese Nation — Chinese Dream” as an ideological basis for the national security of China. *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 189–203. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-189-203>

Введение

Основа существования любого государства — это способность обеспечить свою национальную безопасность как «состояние защищенности национальных интересов от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны»¹. В Китае это понятие (в прямом переводе 国家安全 Гоцзя аньцюань с китайского языка — государственная безопасность) трактуется как «относительное отсутствие опасности и свобода от внутренних и внешних угроз государственной власти, суверенитет, единство и территориальная целостность государства, благополучие народа, устойчивое экономическое, социальное развитие, обеспечение других жизненно важных интересов, а также способность обеспечения гарантий постоянной безопасности государства»². Совпадение в понимании этого понятия в обеих странах очевидно, однако существует одно существенное различие, которое не учитывается в теории по системам национальной безопасности в российской научной традиции — это наличие в Китае наряду с силами и средствами обеспечения национальной безопасности ценностно-идеологического уровня, в центре которого находится концепция «Великое возрождение китайской нации — Китайская мечта».

Этой проблематикой ценностно-политического измерения китайской политики в целом и «Китайской мечтой» в частности в российской науке занимается ряд видных китаистов [Лукин 2010, Ломанов 2014, Кондрашова 2014, Скрипкарь 2015, Крушинский, Ломанов, Переломов 2015, Новосельцев 2016]. Среди западных ученых можно выделить W. Callahan [Callahan 2015].

Система обеспечения национальной безопасности: вариативность принципов

Любая система национальной безопасности требует создания механизма обеспечения или системы обеспечения национальной безопасности (СОНБ), которая представляет собой «совокупность органов, сил и средств обеспечения национальной безопасности, осуществляющих в соответствии с Конституцией и законодательством РФ меры политического, правового, организационного, экономического, военного и иного характера, направленные на обеспечение

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 15.11.2022).

² Гоцзя аньцюаньдэ фалюбаочжан — сюэсигуаньчэ «Чжунхуажэньминьгунхэго гоцзя аньцюаньфа» [Правовое обеспечение национальной безопасности — изучение и применение Закона «О национальной безопасности Китайской Народной Республики»]. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/rdlt/fzjs/2016-02/19/content_1963397.htm (accessed: 16.11.2022) (На кит.).

безопасности личности, общества и государства»³. Это определение подходит и для КНР, без привязки к стране. Так, заместитель директора института стратегических международных исследований Центральной партийной школы профессор Чжао Лэй пишет, что «система национальной безопасности — это системное явление, включающее в себя систему обеспечения правопорядка, систему выработки стратегий, политическую систему, систему мониторинга рисков и раннего предупреждения, систему управления чрезвычайными ситуациями, а также систему гарантий безопасности в ключевых областях и систему координации и управления»⁴.

СОНБ в Китае выстраивается вокруг коммунистической партии Китая (КПК) — стержня и основы существования КНР. Процесс построения СОНБ в Китае и вообще внимание к национальной безопасности как системному явлению в Китае стало особенно динамично проявляться после прихода к власти Си Цзиньпина в 2013 г. Примечательно, что на недавно прошедшем XX съезде КПК в октябре 2022 г. он посвятил проблеме национальной безопасности одну из частей своего доклада.

Так, Си Цзиньпин заявил, что «национальная безопасность является основой национального возрождения, а социальная стабильность — предпосылкой национальной силы. Мы должны неуклонно проводить в жизнь общую концепцию национальной безопасности, поддерживать национальную безопасность во всех аспектах деятельности партии и государства для обеспечения национальной безопасности и социальной стабильности. Мы должны придерживаться принципа народной безопасности, политической безопасности как фундамента, экономической безопасности как основы, военной, научно-технической, культурной и социальной безопасности как гарантии. Необходимо продвигать международную безопасность, интегрировать внешнюю и внутреннюю безопасность, традиционную и нетрадиционную безопасность»⁵.

Следуя логике последовательности тезисов в докладе и вообще китайского языка, для которого характерна четкая последовательность в изложении событий, на первом месте прозвучала формулировка «Великое возрождение китайской нации — Китайская мечта» — концептуальный уровень СОНБ, на втором месте — социальная стабильность, что также характерно для Стратегии НБ России: «...гармоничное сочетание сильной

³ Система обеспечения национальной безопасности // Большая российская энциклопедия 2004–2017 URL: <https://bigenc.ru/text/5033714> (дата обращения: 15.11.2022).

⁴ Чжашитуйцзиньгоцзяньцюаньтиси хэ нэнлисяньдайхуа // Чжао Лэй [Твердое продвижение модернизации системы и возможностей национальной безопасности // Чжао Лэй] URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2022/1107/c40531-32560179.html> (accessed: 02.12.2022). (На кит.)

⁵ Сицзиньпинцяндяо, туйцзиньгоцзяньцюаньтиси хэ нэнлисяньдайхуа, цзяньцзюэ-вэйхугоцзяньцюань хэ шэхуэйвэньдин [Си Цзиньпин подчеркнул важность продвижения модернизации системы и возможностей национальной безопасности и решительного поддержания национальной безопасности и социальной стабильности] URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022-10/16/content_5718828.htm (accessed: 16.10.2022). (На кит.)

державы и благополучия человека обеспечит формирование справедливого общества и процветание России»⁶. Далее на третьем месте идет формулировка об «Общей концепции национальной безопасности» (总体国家安全观 *Цзунти гоцзя аньцюань гуань*), которая является подконцепцией идеи «Великое возрождение китайской нации — Китайская мечта», находящейся на концептуальном уровне СОНБ. Далее идет отсылка на уровень сил (институты) обеспечения СОНБ — партия и государство, сфер (отрасли) и средств (ресурсы) обеспечения — безопасность народа, политическая, экономическая, военная и т.д.

Итак, СОНБ Китая, по данным сайта «Единого дня просвещения в области национальной безопасности» (全民国家安全教育日 *Цюаньминь гоцзя аньцюань цзяоюй жи*), представляет собой систему, которая схематично представлена на рис. 1.

Рис. 1. Система обеспечения национальной безопасности КНР

Источник: СОНБ Китая по данным сайта «Единого дня просвещения в области национальной безопасности». URL: https://baike.baidu.com/pic/%E6%80%BB%E4%BD%93%E5%9B%BD%E5%AE%B6%E5%AE%89%E5%85%A8%E8%A7%82/13777610/4346000950/b7003af33a87e950352a794e966d4443fbf2b211ec1?fr=lemma&fromModule=lemma_content-image&ct=cover#aid=4346000950&pic=342ac65c10385343bf271031546a77eca80653822c1 (дата обращения: 15.11.2022).

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 15.11.2022).

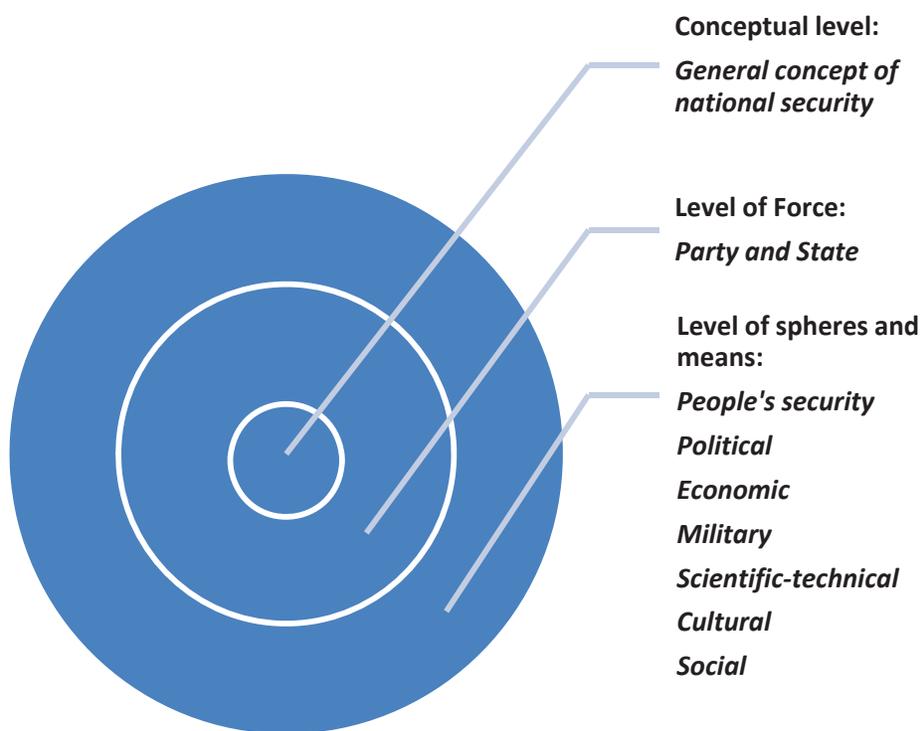

Figure 1. PRC National Security System

Source: System of National Security of China according to the website of the “Unified Day of Education in the field of national Security”. Retrieved November 15, 2022, from https://baike.baidu.com/pic/%E6%80%BB%E4%BD%93%E5%9B%BD%E5%AE%B6%E5%AE%89%E5%85%A8%E8%A7%82/13777610/4346000950/b7003af33a87e950352a794e966d4443fbf2b2111ec1?fr=lemma&fromModule=lemma_content-image&ct=cover#aid=4346000950&pic=342ac65c10385343fbf271031546a77eca80653822c1

Таким образом, ядром СОНБ КНР является «Общая концепция национальной безопасности», входящей в «большую» концепцию «Великое возрождение китайской нации — Китайская мечта». Так, в «Общей концепции национальной безопасности» сказано, что «обеспечение национальной безопасности является гарантией планомерного продвижения дела построения социализма с китайской спецификой и необходимым условием долгосрочной стабильности страны, а также великого возрождения китайской нации»⁷. То есть ценностно-идеологический элемент является основой национальной безопасности Китая, несмотря на то, что в данной концепции произошло смешение «марксистской теории национальной безопасности с современной китайской практикой безопасности, традиционной китайской культурой и теорией развития социализма с китайской спецификой в новую эпоху»⁸, т.е. соединения всех предыдущих концепций, выдвинутых прежними лидерами Китая.

⁷ Цзяньчи цзунти гоцзя аньцюаньгуань // Цао Шицюань [Приверженность общей концепции национальной безопасности // Цао Шицюань]. URL: <http://dangjian.people.com.cn/n1/2022/0805/c117092-32494968.html> (accessed: 15.11.2022). (На кит.)

⁸ Там же.

«Китайская мечта» и безопасность

Концепция «Великого возрождения китайской нации» впервые была принята на XV съезде КПК в 1997 г., заменив концепцию «Возрождение Китая» (振兴中国 Чжэньсин Чжунго). В 2012 г. на XVIII съезде КПК во время своего избрания на первый срок в качестве генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпин на основе концепции «Великого возрождения китайской нации» выдвинул концепцию «Китайской мечты» (中国梦 Чжунго мэн).

Это напоминает то, как в истории Китая при восхождении на престол новый император, а в последующем генеральные секретари ЦК КПК провозглашали «девиз» на предстоящий срок правления: Мао Цзэдун («Новодемократическая революция», «Большой скачок», «Культурная революция»), Дэн Сяопин («Социализм с китайской спецификой»), «Реформы и открытость»), Цзян Цзэминь («Теория трех представительств»), Ху Цзиньтао («Теория научного развития»), Си Цзиньпин («Китайская мечта» — в рамках концепции «Великого возрождения китайской нации»). Таким образом, смена концепции — это не столько требование новой эпохи и новых исторических условий, сколько дань политической и исторической традиции.

Итак, Си Цзиньпин обрисовал свою концепцию как «достижение великого возрождения китайской нации — это самая большая мечта китайской нации с давних времен. Это мечта, объединившая давние чаяния нескольких поколений китайского народа. Она воплощает общие интересы китайской нации и китайского народа и является общим стремлением каждого китайского сына и дочери. Только когда в стране все будет хорошо, а в стране все будет хорошо, — тогда и всем будет хорошо. Достижение великого возрождения китайской нации — это славное и трудное дело, требующее совместной работы многих поколений китайского народа»⁹. Си Цзиньпин таким образом провозгласил «девиз предстоящего правления», соединив в явной конфуцианской традиции две глобальные концепции: «Великое возрождение китайской нации» и «Китайская мечта», создав единую идею «Великое возрождение китайской нации — Китайская мечта».

Здесь мы видим следующие положения конфуцианства, прозвучавшие в докладе Си Цзиньпина: «Человек расширяет Путь, а не Путь расширяет человека» (в докладе: *Достижение великого возрождения китайской нации — это славное и трудное дело, требующее совместной работы многих поколений китайского народа*); «Когда богатства распределяются равномерно, то не будет бедности» (в докладе: *Только когда в стране все будет хорошо, а в стране все будет хорошо, — тогда и всем будет хорошо*); «Секрет доброго правления: правитель да будет правителем, подданный — подданным, отец — отцом, а сын — сыном» (В докладе: *Она [китайская мечта] воплощает общие интересы китайской на-*

⁹ Шисянь Чжунхуаминаньцзувэйдафусиндэ Чжунгомэн [Осуществление Китайской мечты о великом возрождении китайской нации] URL: http://xitheory.china.com.cn/2020-05/21/content_75980944.htm (accessed: 16.11.2022). (На кит.)

ции и китайского народа и является общим стремлением каждого китайского сына и дочери) [Ирхин 2013].

Итак, рассмотрим подробнее концепцию «Китайская мечта». Концепция охватывает по времени на два больших полупериода: 100-летие основания Коммунистической партии Китая в 2021 г. и 100-летие основания Китайской Народной Республики в 2049 г. К этому времени предполагается, что будет достигнуто «Великое возрождение китайской нации» с конкретным проявлением в возросшей совокупной национальной мощи. Средствами достижения этого являются следование по социалистическому пути строительства с китайской спецификой с объединением всех сил вокруг политической, экономической, культурной, социальной и экологической сфер.

Принимая во внимание существование подобных «лозунгов на правление» или концепций в Китае, необходимо ввести элемент СОНБ — концептуальный или идеологический.

Таким образом, СОНБ Китая включает:

- *концептуальный уровень*: «Великое возрождение китайской нации» — «Всеобщая концепция национальной безопасности» — «Китайская мечта»;
- *уровень сфер (отраслевой)*: политическая, территориальная, военная, экономическая, ресурсная, культурная, социальная, научно-техническая, сетевая, экологическая, ядерная, безопасность интересов за рубежом, космическая, безопасность глубоководных морей, безопасность полюсов Земли, биологическая;
- *уровень сил (институциональный)*: Постоянный комитет политбюро ЦК КПК, Совет (Комитет) национальной безопасности ЦК КПК, Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП) и Постоянный комитет ВСНП (ПК ВСНП), Председатель КНР, Госсовет, Центральный военный совет, Центральные органы государственного управления, местные комитеты ВСНП и местные ПК ВСНП от уровня уезда и выше, местные органы народного правительства, правительства особых административных районов Гонконга и Макао, народный суд и народная прокуратура, органы государственной безопасности;
- *уровень средств (ресурсный)*: нормативно-правовые акты, человеческие, материальные и временные ресурсы.

Итак, на **концептуальном уровне** толчком к возникновению китайской национальной идеи послужила особенность современного этапа развития Китая: значительное экономическое и социальное развитие, усиление ее влияния на мировой арене, отказ от политики «узкого регионализма» [Грачиков 2019] и появление ресурсов и амбиций к занятию статуса мировой державы.

Си Цзиньпин в ответ на эти вызовы трансформировал идеи своих предшественников и привнес некоторые элементы, соответствующие современным реалиям глобального развития. Так, по мнению профессора университета им. Сунь Ятсена Цинь Пан, «призывая к великому возрождению нации и используя националистические настроения в Китае, Си Цзиньпин продвигает свою идеоло-

гию и тем самым показывает, что осознал проблемы официальной идеологии и решил изменить ее с целью повышения ценности и укрепления легитимности КПК» [Гуров 2019].

Национализм с китайской спецификой

В политической сфере, учитывая опыт СССР и события на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., КПК под руководством Цзян Цзэминя возродила китайский национализм как идеологию, альтернативную коммунизму [Ломанов 2017], где сохранилась главная роль компартии с широкой опорой на поддержку народа.

Так, в 1991 г. правительство запустило программу патриотического воспитания, главной целью которой было информирование граждан об истории Китая, в том числе о периоде, когда он утратил свой статус великой державы из-за западного и японского империализма — так называемого «столетия унижений». В период правления Ху Цзиньтао углубляющееся влияние глобализации повлекло за собой проблемы, связанные с увеличением разрыва между сельскими и городскими районами, между прибрежными и внутренними районами, ухудшением состояния окружающей среды и ростом безработицы [Чжоу 2021].

Все это угрожало подорвать социальную базу компартии, однако Си Цзиньпин вовремя осознал, что неравномерное экономическое развитие, несмотря на процветание отдельных регионов и отраслей страны, больше не могло являться гарантией легитимности партии. Прежде всего он видел угрозы вторжения, срыв реформ и раскол социалистической системы Китая в качестве основных опасностей для государства [Ломанов 2017]. Поэтому концепция безопасности этого времени была переориентирована на укрепление компартии и борьбу с коррупцией.

Первым его решением после прихода к власти стал курс на укрепление законности в компартии, которая выразилась в запуске кампании борьбы с так называемыми «тиграми и мухами» (打虎拍蝇 *Да ху пай ин*)¹⁰, которая стала самой широкомасштабной антикоррупционной кампанией в истории Китая. В результате в 2020 г. было возбуждено 618 000 уголовных дел и наказано — 604 000 человек; в 2021 г. — 631 000 дел и наказано — 627 000 человек; в первой половине 2022 г. возбуждено 322 000 дел и наказано — 273 000 человек¹¹. Здесь мы видим, что Си Цзиньпин прибегает к использованию очередного конфуцианского положения об «исправлении имен» (正名 *чжэнмин*), по которому новый император должен при восхождении на престол после провозглашения «девиза правления» провести «чистки» или «исправить имена», которые «искажаются» в ходе правления предыдущих правителей. В наших российских реалиях по-

¹⁰ Охота на мух и тигров. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/okhota-na-mukh-i-tigrov/?ysclid=ld1yhx8uw5109916196> (дата обращения: 17.11.2022).

¹¹ Чжунгогунчаньдандиэршицзечжуньянцзилюэцзяньчавэйюаньхуэйдицицюаньтихуэйигунбао [Коммюнике первого пленарного заседания Центрального дисциплинарного комитета двадцатого созыва Коммунистической партии Китая]. URL: https://www.ccdi.gov.cn/toutiaon/202210/t20221023_226439.html (accessed: 01.12.2022) (На кит.)

добное мы также наблюдаем повсеместно на практически любой работе, это касается также смены лидера страны, когда при смене руководителя организации происходит «исправление имен» или «зачистка» команды и порядков предыдущего начальника.

«Китайская мечта» о внешнеполитической безопасности

В *сфере территориальной безопасности* центральной идеей «Китайской мечты» является расширение стратегических границ страны путем возвращения под свой контроль Тайваня, Южно-Китайского моря, а также решение пограничных споров с Индией, при этом избегая прямой конфронтации со своими соседями и пытаясь создавать взаимовыгодные варианты решений территориальных споров. Касаясь внутренней территории, Китай стремится устранить сепаратистские настроения в Синьцзяне, Тибете и Гонконге [Мэн 2021].

В частности, в Гонконге руководство Китая в 2020 г. приняло Закон КНР «О защите национальной безопасности в Гонконге»¹², по которому китайские власти получили возможность преследовать по закону преступников, замешанных в терроризме, экстремизме и других преступлениях против суверенитета страны. Ранее таких полномочий у правоохранительных органов (континентального Китая) не было.

Во *внешнеполитической сфере* КНР в рамках концепции делает упор прежде всего на экономическое взаимодействие и стремится проводить позитивное сотрудничество в многосторонних и двусторонних форматах, на площадках ООН, АСЕАН, БРИКС, ШОС, РИК и др. При этом Китай избегает вхождения в какой-либо из военно-политических блоков, стараясь не связывать себя ненужными обязательствами.

В *военной сфере* концепция выстраивается вокруг военного строительства, выдвинутого в качестве приоритета в 2017 г. Си Цзиньпином на XIX съезде компартии, которая включает две цели модернизации НОАК: первая — это в основном завершить модернизацию НОАК к 2035 г. и вторая — превратить НОАК в вооруженные силы мирового уровня к 2049 г.¹³ Это выражается в проведении последовательной реформы НОАК, в том числе органов военно-политического управления (Центральный военный совет), принятии новых программ перевооружения и концепций ведения войн, с попытками перехода к способности вести войны так называемого «четвертого поколения».

¹² Чжунхуажэньминьгунхэго Сянгантэбесинчжэнцуйвэйхугоцзяньцюаньфа [Закон Китайской Народной Республики о поддержании национальной безопасности специального административного района Гонконг]. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202007/3ae94fae8aec4468868b32f8cf8e02ad.shtml> (accessed: 16.11.2022). (На кит.)

¹³ 2022 Report on Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3230516/2022-report-on-military-and-security-developments-involving-the-peoples-republi/> (accessed: 18.11.2022).

Ресурсная и логистическая безопасность

В *сфере экономики* основным направлением стало достижение цели к 2021 г. создания так называемого «Общества малого достатка» (小康 *Сяокан*) [Чжан 2020], которое предполагает сохранение средних темпов экономического роста, а также продвижение глобального проекта «Один пояс и один путь»¹⁴. Ключевым для Китая в настоящее время является продвижение концепции «Сделано в Китае 2025» и «Китайские стандарты 2035», а также стремление создать независимые от США и его партнеров высокотехнологические отрасли промышленности.

В *сфере безопасности ресурсов* Китай испытывает постоянно возрастающую потребность в энергетических и минеральных ресурсах, при этом пытаясь избегать монопольного положения какого-либо из импортеров. Китай старается создать морскую и континентальные схемы поставок, которые позволяли бы избежать одновременного их уничтожения или перебоя в поставках в случаях каких-либо вероятных конфликтов.

В *сфере культурной безопасности* Китай стремится придерживаться сочетания современных мировых трендов с традиционно китайскими и социалистическими ценностями. Уделяется серьезное внимание форматированию культурного самосознания. Так, например, после прихода Си Цзиньпина наметилась тенденция цензурирования всего медиаконтента, в том числе с использованием системы «Золотой щит» [Подшибякина 2020], которая защищает Китай от негативного информационного контента извне. Также проводится работа по сохранению контроля над религиозной жизнью.

В *социальной сфере* отмечается стремление руководства КНР к построению гражданского общества с развитой системой социального обеспечения, образования, медицины, труда и т.д. (создание комфортной инфраструктуры, внимание институту семьи, ослабление политики ограничения рождаемости и т.д.). Это, однако, не уберегло Китай от возникших в конце 2022 г. массовых акций протеста из-за политики так называемой «нулевой терпимости» в период пандемии COVID-2019.

Нетрадиционная безопасность и цифровой суверенитет

В *научно-технической сфере* Китай стремится создать свои высокотехнологические отрасли, однако встречает большое сопротивление со стороны своего главного оппонента — США. В ответ на это в ходе осуществления 14-го пятилетнего плана КНР (2021–2025 гг.), было объявлено о переходе к новой модели экономического развития — «двойной циркуляции (双循环 *шунь хуань*)», которая предполагает ускорение внутреннего потребле-

¹⁴ Китайская мечта: готова ли КНР к более активным действиям в противостоянии США? URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kitayskaya-mechta/> (дата обращения: 17.11.2022).

ния как движущей силы экономического роста, переход к производству более высокого уровня и создание прорывных технологий в критически важных глобальных цепочках поставок, при этом особое внимание уделяется иностранным инвестициям, необходимым для продвижения внутренних технологических инноваций.

В *сфере сетевой безопасности* концепция позволила, с одной стороны, вывести ряд китайских компаний (Huawei, Xiaomi, Baidu, Alibaba, Tencent, Didi и др.) в глобальные лидеры перспективных технологий (5G, AI, квантовые технологии и т.д.), но, с другой стороны, появились необходимость найти ответные меры на возникшие киберугрозы: нарушение неприкосновенности частной жизни, нарушение прав интеллектуальной собственности, кибератаки и террористическая деятельность в киберпространстве и т.д.

В *сфере экологической безопасности* Китай пропагандирует идеи «зеленой экономики» и неразрывности благосостояния людей и состояния окружающей среды.

В *сфере безопасности космической, глубоководных морей, полюсов Земли (Арктики и Антарктики) и биологической* Китай имеет большие национальные интересы. В частности, он рассматривает их как новые стратегические границы. Основной проблемой в этой сфере Китаю видится предоставление безопасного и свободного доступа для научных исследований и мирной эксплуатации.

Заключение

Таким образом, концепция «Великое возрождение китайской нации — Китайская мечта» Си Цзиньпина нацелена на создание Китая в качестве мировой державы первого порядка. Центральное место в «Китайской мечте» занимает идея об исключительной роли КНР как страны, продвигающей концепции мирного развития и международного сотрудничества, гармоничного мира, китайских традиционных идеалов и ценностей. Благодаря этой концепции в настоящее время Китай уже стал крупным игроком на мировой арене, отойдя от идеи Дэн Сяопина: «скрывать свои способности, затаиться и ждать благоприятного момента» (掩盖自己的能力, 等待时机东山再起 *Яньгай цзыцзи дэ нэнли, дэндай шицзи дуншаньцзайци*)¹⁵, превратившись в страну, которая уже открыто стремится реализовывать свои национальные интересы во внешней политике, экономике, военном строительстве и других сферах.

Концепция является не просто воплощением традиционных конфуцианских идей, интегрированных с коммунистической идеологией, но и имеет конкретное воплощение на концептуальном уровне системы обеспечения национальной безопасности. В результате автором был определен дополнительный элемент (уровень) системы обеспечения национальной безопасности — идеологический, или концептуальный, который в китайском по-

¹⁵ URL: <http://mil.news.sina.com.cn/2010-06-17/1122597119.html>

нимании является центральным и главным по отношению к отраслевому, институциональному и ресурсному уровням. Это, по мнению автора, является недостающей частью СОНБ РФ и создает перманентные сложности в отношениях между РФ и КНР.

Поступила в редакцию / Received: 15.09.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 23.11.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.12.2022

Библиографический список

- Грачиков Е.Н.* Становление китайской школы международных отношений: аналитические подходы и методы исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 187–200. <http://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-2-187-200>.
- Гуров Д.В.* «Китайская мечта» Си Цзиньпина: теория и практика // Молодой ученый. 2019. № 25(263). С. 386–389.
- Ирхин Ю.В.* Конфуцианские ценности, генезис, управление и потенциал Китая в XXI веке // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 2. С. 116–134.
- Кондрашова Л.И.* Китайская мечта о национальном возрождении. М.: Институт экономики Российской академии наук, 2014. 36 с.
- Крушинский А.А., Ломанов А.В., Переломов Л.С.* «Китайская мечта» и категории традиционной китайской мысли // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 5. С. 135–148.
- Ломанов А.В.* «Китайская мечта» как идеологический символ руководства Си Цзиньпина // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура: К 65-летию КНР. Москва: Форум, 2014. С. 40–56.
- Ломанов А.В.* Новые концепции китайской внешней политики // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12 (725). С. 8–18.
- Лукин А.* «Китайская мечта» и будущее России // Россия в глобальной политике. 2010. Т. 8. № 2. С. 90–101.
- Мэн Ю.* «Социализм с китайской спецификой» в эпоху си Цзиньпина: о концептуальных новациях в официальном политическом дискурсе КНР // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 2. С. 270–277. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-2-270-277>
- Новосельцев С.В.* Концепция «Китайской мечты» и ее практическое применение // Сравнительная политика. 2016. Т. 7. № 1. С. 5–21. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-1\(22\)-5-21](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-1(22)-5-21)
- Подшибякина Т.А.* «Золотой щит» Китая: политика управления мнемоническими интернет-практиками // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 2. С. 194–204. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-2-194-204>
- Скрипкарь М.В.* Формирование концепции «Китайская мечта»: от Сунь Ятсена до Си Цзиньпина // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 8–2. С. 394–397.
- Чжан Ш., Го Ц., Гаоянь Ц.* Развитие национальной школы политологии в Китае // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 11. С. 84–95. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-11-84-95>

- Чжоу С. «Сетевая» образность в китайском политическом дискурсе (на материале выступлений Председателя КНР Си Цзиньпина) // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 1 (7). С. 5–16. <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2021-1-7-5-16>
- Callahan W.A. Identity and Security in China: The Negative Soft Power of the China Dream. *Politics*. 2015. 35(3–4). P. 216–229. <https://doi.org/10.1111/1467-9256.12088>
- Michael A.P. The Chinese Dream: Xi Jinping thought on Socialism with Chinese characteristics for a new era. // *Educational Philosophy and Theory*. 2017. Vol. 49. Issue 14. P. 1299–1304 <https://doi.org/10.1080/00131857.2017.1407578>
- Peter F. Westward ho—the China dream and ‘one belt, one road’: Chinese foreign policy under Xi Jinping. // *International Affairs*. 2016. Vol. 92. Issue 4. P. 941–957. <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12660>

References

- Callahan, W.A. (2015). Identity and Security in China: The Negative Soft Power of the China Dream. *Politics*, 35(3–4), 216–229. <https://doi.org/10.1111/1467-9256.12088>
- Grachikov, E.N. (2019). Formation of the Chinese School of International Relations: Analytical Approaches and Research Methods. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19(2), 187–200. (In Russian) <http://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-2-187-200>.
- Gurov, D.V. (2019). “Chinese Dream” of Xi Jinping: theory and practice. *Young Scientist*, (25), 386–389. (In Russian)
- Irkhin, Yu.V. (2013). Confucian values, genesis, management and potential of China in the 21st century. *Socio-humanitarian knowledge*, (2), 116–134. (In Russian)
- Kondrashova, L.I. (2014). *Chinese dream of national revival*. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. (In Russian)
- Krushinsky, A.A. (2015). “Chinese Dream” and categories of traditional Chinese thought. *Problems of the Far East*, (5), 135–148. (In Russian)
- Lomanov, A.V. (2017). New concepts of Chinese foreign policy. *Asia and Africa Today*, (12), 8–18. (In Russian)
- Lomanov, A.B. (2014). “The Chinese Dream as an ideological symbol of the leadership of Xi Jinping. *People’s Republic of China: Politics, Economics, Culture: To the 65th Anniversary of China*. Moscow: Publishing house “Forum”, 40–56. (In Russian)
- Lukin, A. (2010). “The Chinese Dream and the Future of Russia. *Russia in Global Politics*, 8, (2), 90–101. (In Russian)
- Meng, Yu. (2021). “Socialism with Chinese specificity” in the era of Xi Jinping: on conceptual innovations in China’s official political discourse. *State and Municipal Administration. Scientific Notes*, (2), 270–277. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-270-277>
- Michael, A.P. (2017). The Chinese Dream: Xi Jinping thought on Socialism with Chinese characteristics for a new era. *Educational Philosophy and Theory*, 49(14), 1299–1304 <https://doi.org/10.1080/00131857.2017.1407578>
- Novoseltsev, S.V. (2016). The concept of “Chinese Dream” and its practical application. *Comparative Politics*, 7(1), 5–21. (In Russian). [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-1\(22\)-5-21](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-1(22)-5-21)
- Peter, F. (2016). Westward ho — the China dream and ‘one belt, one road’: Chinese foreign policy under Xi Jinping. *International Affairs*, 92(4), 941–957. <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12660>
- Podshibyakina, T.A. (2020). “Golden Shield” of China: policy of managing mnemonic Internet practices. *RUDN Journal of Political Science*, 22(2), 194–204. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-2-194-204>
- Skripkar, M.V. (2015). Formation of the “Chinese Dream” concept: from Sun Yatsen to Xi Jinping. *International Journal of Applied and Fundamental Research*, (8–2), 394–397. (In Russian)

Zhang, S., Guo, J., & Gaoyan Q. (2020). Development of National School of Political Science in China. *World Economy and International Relations*, 64(11), 84–95. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-11-84-95>

Zhou, S. (2021). “Network” imagery in Chinese political discourse (on the material of speeches of President of China Xi Jinping). *The world of Russian-speaking countries*, 1(7), 5–16. (In Russian). <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2021-1-7-5-16>

Сведения об авторе:

Абрахимов Леонид Гимадитдинович — соискатель кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (e-mail: van.leonid@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7703-5218)

About the author:

Leonid G. Abdrakhimov — Postgraduate of the Comparative Political Science Department, Peoples' Friendship University of Russia (e-mail: van.leonid@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7703-5218)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-204-217

Научная статья / Research article

Идея политической корректности в политическом дискурсе современной Великобритании

М.С. Головин

*Челябинский государственный университет,
Челябинск, Российская Федерация*

 golovin.mihail@mail.ru

Аннотация. Для современного западного политического процесса важнейшим является концепт политической корректности. Цель исследования — разобраться в его сущности, роли и месте в политическом дискурсе современных праворадикальных политических организаций. В качестве исследуемого кейса был выбран случай британской праворадикальной политической партии «Британия — прежде всего», что можно объяснить, во-первых, популярностью идей политкорректности в Великобритании, а также, во-вторых, значимостью критики смыслового наполнения и символического характера политической корректности для идеологов британских крайне правых. По результатам исследования удалось установить, что критика идей политической корректности занимает одно из центральных мест в идеологическом дискурсе праворадикальной партии Британии, а также как в риторике крупнейших британских политиков, так и в общественном восприятии. В целом следует отметить, что современные праворадикальные политические партии, ярким примером которых по праву может считаться партия «Британия — прежде всего», активно, инструментально и грамотно расставляют акценты в своем дискурсе и, конечно же, понимают значимость трансформации своей идеологии, дополняя ее националистическое ядро повесткой, которая, так или иначе, влияет на социальные, культурные и политические процессы в современных европейских государствах.

Ключевые слова: политическая корректность, праворадикальная партия, Великобритания, политический дискурс, Британия — прежде всего

Для цитирования: Головин М.С. Идея политической корректности в политическом дискурсе современной Великобритании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 204–217. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-204-217>

© Головин М.С., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Concept of Political Correctness in Political Process of the Modern United Kingdom

Mikhail S. Golovin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

 golovin.mihail@mail.ru

Abstract. The concept of political correctness is essential for the modern Western political process. The aim of the article is to find out its role and place in the political discourse of modern right-wing political organizations. The case of the British right-wing radical political party «Britain First» can be explained, firstly, by the popularity of the ideas of political correctness in UK, and, secondly, by the importance of criticism of the semantic content and symbolic nature of political correctness for ideologists the British far-right. The results of the study show that criticism of the ideas of political correctness occupies one of the central places in the ideological discourse of the right-wing radical party in UK, as well as in the rhetoric of both major British politicians and public perception. To sum up, it is worth noting that modern right-wing radical political parties, of which «Britain First» can rightfully be considered a vivid example, which actively, instrumentally and competently highlights this issues in their discourse. They realize the importance of transformation of their ideology and complementing its nationalistic the core of the agenda, which, in one way or another, affects the social, cultural and political processes in modern European states.

Keywords: political correctness, right-wing radical party, UK, political discourse, Britain first

For citation: Golovin, M.S. (2023). The concept of political correctness in political process of the modern United Kingdom. *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 204–217. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-204-217>

Введение

Феномен политической корректности стал привлекать к себе внимание исследователей — преимущественно, конечно, американских и европейских — еще несколько десятилетий назад. Важно и то, что в отечественной науке исследование феномена политической корректности занимаются преимущественно филологи и лингвисты, тогда как политологических исследований этой идеи и практики существует в достаточно небольшом количестве, что, вероятно, свидетельствует о некоторой лакуне в этой области научного знания и необходимости ее восполнить.

Для того чтобы достигнуть поставленной цели, а именно исследовать роль идей политкорректности, их трактовку и место, в частности, в идеологии современных праворадикальных партий, необходимо решить ряд исследовательских задач: во-первых, сформулировать рабочее понятие политической корректности; во-вторых, обозначить концептуальные рамки понятия «праворадикальная партия» — чем данная организация отличается от партии правоэкстремистской;

в-третьих, выявить место и роль политической корректности как в дискурсе праворадикальных партий, так и в общественном мнении такого европейского государства, как Великобритания. В начале работы стоит отметить, что выбор этого государства обусловлен, во-первых, спецификой распространения феномена политкорректности — параллели между США, в которых зародился феномен, и Великобританией¹ — а во-вторых, тем, что это государство выделяется на фоне остальных европейских государств спецификой политики в области культурного плюрализма [Веретевская 2018: 103–120], а также фактом успешного завершения процесса по выходу из политического союза европейских государств, который был назван Брекзит. Эти, а также ряд других факторов, о которых будет сказано в основной части статьи, позволяют исследовать британский случай как отдельный кейс, но, конечно же, в контексте общеевропейского политического процесса.

Признавая очевидность множественности подходов к определению понятия политкорректности, в качестве рабочего в настоящей статье будет использован подход отечественного исследователя С.П. Поцелуева и его коллег, основывающих свою трактовку политической корректности на концептах «невидимой цензуры» П. Бурдые [Бурдые 2002] и «символической власти» Т. Ван Дейка [Ван Дейк 2015: 32]. В рамках своего исследования С.П. Поцелуев с коллегами обозначают политическую корректность как символическую цензуру, которая, в свою очередь, означает «совокупность главным образом неофициальных, но также полуофициальных и реже официальных запретов, общим отличительным признаком которых является табуирование символических значений, рассматриваемых теми или иными коллективными социально-политическими акторами в качестве этически недопустимых и политически провокационных» [Поцелуев, Курбатов, Маник 2021: 222]. Вероятно, именно такой акцент в трактовке и понимании феномена политической корректности — акцент на дискурсивной природе и символической, цензурной роли политкорректности — сможет стать методологическим инструментом для ее всестороннего анализа в контексте современных политических процессов в мире и, в частности, в Великобритании.

Также в плане разработанности вопроса теоретического анализа политической корректности стоит упомянуть работу О.А. Леонтович [Леонтович 2021: 196–198], в которой автор, помимо всего прочего, указывает на ключевые исследования, существующие в зарубежной и отечественной науке. В частности, из обозначенных отечественным исследователем работ можно выделить книги Д. Мюррея «Безумие толпы: пол, раса и идентичность» и Х. Шварца «Политическая корректность и разрушение социального порядка». На наш взгляд, эти работы являются примерами двух разных подходов к явлению политической корректности непосредственно в современной общественно-политической и культурной реальности. В работе Д. Мюррея [Murray 2019] акцент

¹ *Page B*. Britons most against political correctness globally, while country still seen as less divided than US — Ipsos MORI. URL: <https://www.ipsos.com/ipsos-mori/en-uk/britons-most-against-political-correctness-globally-while-country-still-seen-less-divided-us> (accessed: 10.10.2022).

делается на так называемые «культурные войны», вопросах идентичности и постмодернистской критике идеологии и религии. В целом подход Д. Мюррея достаточно традиционен для авторов, критикующих феномен политической корректности. Интересный подход, психологический в своем основании, использует автор Х. Шварц [Schwartz 2016]. По мнению ученого, акцент идей политкорректности на психологии индивида может повлечь за собой серьезные социальные трансформации.

Отдельно хотелось бы упомянуть работу классика критического дискурса-анализа Н. Фэркло [Fairclough 2003], вышедшую в 2003 г., но, безусловно, не потерявшую свою актуальность и поныне. В статье автор рассматривает те изменения в сферах языка и культуры, которые повлияли на политический процесс. Помимо этого, Н. Фэркло разбирает аргументы сторонников и противников идеи политической корректности, делая вывод о том, что «левым» политическим силам необходимо серьезно заняться вопросами политической корректности, в том числе вопросами теоретического плана, поскольку, по мнению ученого, политическая корректность до сих пор остается «эффективной и разрушительной стратегией» [Fairclough 2003: 27]. В этой связи можно отметить работу А. Скалчоу [Scalcau 2020], в которой автор разбирает конфликтный потенциал политической корректности, приходя к следующему выводу: чем больше политическая корректность старается сгладить возникающие в обществе конфликты, тем еще большее их число она порождает.

Также отдельно хотелось бы отметить дебаты британских и американских интеллектуалов по проблеме политической корректности, которые, безусловно, вносят свой вклад в публичное освещение и обсуждение данного актуального для современной политики вопроса [Peterson, Fry, Dyson, Goldberg 2018].

Таким образом, политическую корректность в контексте настоящего исследования автор понимает как идеи, включенные в дискурс определенных политических акторов, а также как политическую практику, направленные на установление в обществе «символической цензуры» посредством регулирования сфер общественно-политической жизни, затрагивающих потенциально конфликтные вопросы идентичности, культуры и языка.

Политкорректность в современной Великобритании

Переходя непосредственно к британскому случаю, необходимо сказать, что в 2021 г. в этой стране были опубликованы результаты нескольких исследований, касающихся темы так называемых «культурных войн», напрямую связанных с проблематикой политической корректности. В частности, Королевский колледж Лондона на своем сайте обнародовал результаты социологических исследований, согласно которым Британия становится таким же очагом межкультурной напряженности, каким являются США². Согласно исследованию

² Cultural wars in UK. URL: <https://www.kcl.ac.uk/policy-institute/research-analysis/culture-wars-in-the-uk/>. (accessed: 10.10.2022).

Королевского колледжа, лишь 23 % британцев являются сторонниками «прогрессивных» (progressives) убеждений по этому вопросу и считают, что:

- 1) расширение прав таких групп, как женщины, этнические меньшинства и трансгендеры, не «зашло слишком далеко» (has not gone far enough);
- 2) не стоит испытывать ностальгию по имперскому прошлому Британии;
- 3) человек должен следить за тем, что он говорит, и быть более корректен в своих высказываниях, в частности в отношении этнических меньшинств³.

Исследователи приходят к выводу, что, несмотря на усиливающиеся противоречия среди британцев по этому вопросу, большинство людей все же придерживаются умеренных позиций. Вместе с тем крайние позиции часто привлекают к себе внимание — часто посредством в том числе агитации праворадикальных политических сил — и достичь национального согласия по этой проблеме пока представляется затруднительным.

Очевидно, что подобные скептические идеи в отношении политкорректности не появляются из ниоткуда и, с другой стороны, данная повестка активно актуализируется различными политическими силами. Отметим, что на самом высоком уровне — на уровне премьер-министра — отношение к политической корректности в некоторых ее проявлениях осуждается. К примеру, в 2020 г. Борис Джонсон осудил акции движения Black Lives Matter в Британии, в рамках которых предлагалось сносить памятники великим деятелям прошлого: «Мы гордимся культурой, историей и традициями Британии. Протестующие буквально хотят снести статуи, переписать историю нашей страны... чтобы все выглядело политически корректным»⁴. Также британский лидер однозначно высказался за то, что человек не должен стесняться исполнять такие композиции, как Rule Britannia, повествующие о великом прошлом этой страны. Эти, а также иные мысли бывшего британского премьер-министра о проблематике политической корректности и, кроме того, миграционной политике свидетельствуют о желании перехватить повестку, которую в такой радикальной форме обычно высказывают крайне правые политические партии. Любопытно, что возмущение идеями и политической практикой политической корректности свойственно не только харизматичному лидеру Консервативной партии Великобритании, но и рядовым ее членам. Например, в начале 2021 г. член британского парламента от консерваторов доктор Лиам Фокс подверг критике процедуру, в рамках которой вакцинирующиеся от COVID-19 должны заполнять документы по теме отношения к культурному разнообразию, равенству и другим вопросам, которые доктор Фокс обозначил как проблематику полит-

³ UK 'culture war' debate: public divide into four groups, not two warring tribes. 18 June 2021. URL: <https://www.kcl.ac.uk/news/uk-culture-war-debate-public-divide-into-four-groups-not-two-warring-tribes> (accessed: 10.10.2022).

⁴ Sullivan S. Boris Johnson blasts 'politically correct' warriors who want to 'pull statues down' & rewrite nation's history // The Sun 6 October 2020. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/12859471/boris-blasts-politically-correct-rewrite-history/> (accessed: 10.10.2022).

корректности⁵. Любопытно, что Борис Джонсон сразу отреагировал на слова своего идейного соратника и сказал, что подобные препятствия — «бесмысленная мелочь» (all such pointless pettifoggery) — устранены и больше такого не повторится. Таким образом, Б. Джонсон не стал искать срединный вариант ответа и предельно ясно обозначил свою позицию на этот счет, воспроизведя соответствующий дискурс.

Идеи политкорректности в дискурсе британских крайне правых: случай партии «Британия — прежде всего»

В контексте общественного мнения, существующего в Британии по поводу политической корректности, а также позиции членов Консервативной партии по этому вопросу, необходимо более подробно остановиться на дискурсе праворадикальных политических организаций, которые, в силу сущности своей идеологии, являются главными критиками политической корректности в общественно-политическом пространстве европейских государств. Крайне любопытным представляется изучение позиции по вопросу политической корректности самой «молодой» из зарегистрированных крайне правых политических партий Британии, которая осенью 2021 г. была официально зарегистрирована в качестве политической партии — «Британия — прежде всего».

Согласно исследованию Центра анализа правого радикализма, Britain First («Британия — прежде всего», BF) обладает определенным набором характеристик, позволяющим считать ее именно праворадикальной, а не правоэкстремистской организацией⁶, что, по сути, и было подтверждено в сентябре 2021 г. регистрацией организации в качестве официальной политической партии⁷. Следует также отметить, что в своих исследованиях автор настоящей статьи придерживается позиции, согласно которой правый радикализм и правый экстремизм разделяются маркером участия или неучастия в легальном политическом пространстве: занятие радикальной позиции по ряду актуальных для страны вопросов, но не отрицание всей политической системы и отсутствие призывов к нелегальным методам борьбы [Головин 2020: 29–40].

В рамках данной статьи будет исследована актуальная идеологическая повестка партии «Британия — прежде всего», а также выявлены место и роль дискурса о политической корректности в идеологии рассматриваемой политической организации.

⁵ Dr Liam Fox tells Boris Johnson to 'drop the political correctness' for Covid vaccine volunteers — URL: <https://www.standard.co.uk/news/politics/dr-liam-fox-coronavirus-vaccine-forms-political-correctness-b719323.html> (accessed: 10.10.2022).

⁶ «Faces» of Radical Right // Centre for analysis of the radical right. URL: <https://www.radicalrightanalysis.com/wp-content/uploads/2020/08/CARR-report-oD.pdf> (accessed: 10.10.2022).

⁷ Far-right group Britain First registers as a political party // BBC News 27 September 2021. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-58713102> (accessed: 10.10.2022).

Для анализа идеологии партии «Британия — прежде всего» были использованы данные с официального сайта организации⁸, содержащиеся в разделах «Идеология», «Партийные принципы» и «Партийная политика»⁹. Информация во всех разделах так или иначе пересекается, но имеет разную структуру: в разделе «Идеология» идет сплошное повествование, разделенное на следующие подпункты:

1. Крайне правые или крайне левые?
2. Глобализм или национализм?
3. Семейные ценности и мораль.
4. Раса, иммиграция и демография.
5. Христианство как основа.

Таким образом, можно отметить, что в данном разделе идеологи партии «Британия — прежде всего» делают акцент на идейно-политическом, националистическом, традиционалистском, иммиграционном и религиозном дискурсах. Отметим, что в той или иной степени все эти дискурсы являются составляющими современной праворадикальной идеологии и в этом отношении британская организация следует традициям своих континентальных коллег. Интересно, что в качестве значимого Другого в программе исследуемой партии выступают не только наднациональные политические силы и иммигранты, но и СМИ, которые, по мнению идеологов партии, «продвигают фальшивые и вводящие в заблуждение нарративы». Собственно, это стало лейтмотивом главы под названием «Идеология», в которой говорится о том, что именно СМИ изобрели «центр» партийно-политического спектра и никакого деления на крайне правых и крайне левых не существует. Есть только противостояние (в том числе идеологическое), с одной стороны, между патриотическими и националистическими силами, к коим себя и относят представители партии, и, с другой стороны, либералами и социалистами. «Британия — прежде всего» не является ни «крайне правой», ни «крайне левой», но патриотами, националистами, консерваторами и традиционалистами. Тут стоит сказать, что если к ярлыку «популисты» праворадикальные силы стали со временем относиться спокойно, обращая негативные коннотации в позитивные, то когда их обозначают (оппоненты ли, или ученые) как радикальные или экстремистские, это вызывает бурную негативную реакцию. В этой же части программы можно отметить ставшую уже традиционной критику такого феномена, как политкорректность. Для наглядности приведем цитату из программы: «Мы решительно выступаем против вторжения полицейского государства, где обычные граждане, патриотические активисты и политические лидеры преследуются полицейскими фашистами и хулиганами, где неполиткорректные мнения и комментарии запрещены и цензурируются в социальных сетях и где гражданские свободы постепенно

⁸ Britain First Party. URL: <https://www.britainfirst.org/> (accessed: 10.10.2022).

⁹ Britain First Ideology. URL: <https://www.britainfirst.org/ideology>; Principles of the Britain First Party — URL: <https://www.britainfirst.org/principles>; Britain First Official Policies — URL: <https://www.britainfirst.org/policies> (accessed: 10.10.2022).

разрушаются». Интересно, что сами идеологи праворадикальной партии говорят о том, что было обозначено в начале настоящей статьи как «символическая цензура», то есть критикуют государство и корпорации (в данном случае — социальные сети) за табуирование ряда вопросов.

Критики политической корректности среди идеологов партии «Британия — прежде всего» приходят к выводу, что в современном мире есть только одна реальная дихотомия, одно масштабное политическое и идейное противостояние: глобализм против национализма. Рассмотрев раздел, посвященный противопоставлению «хорошего» национализма и «плохого» глобализма, можно сказать, что британские правые радикалы отстаивают ценности, которые считают «традиционными» для своей культуры и общества. Это, кстати, важный момент, поскольку становится очевидным, что специфика правого радикализма очень сильно зависит от региона или страны, в которой данная идеология набирает популярность, поскольку национальная и политическая культуры в разных странах отличны. Демократия, свобода, патриотизм, суверенитет и поддержание местных традиций — все это праворадикальные идеологи из партии «Британия — прежде всего» вкладывают в понятие национализма, который, по их мнению, подвергается сейчас «полицейскому» преследованию со стороны государства. «Большинству людей нравится чувствовать себя частью местного национального сообщества, в котором четко определены границы, где они могут идентифицировать себя со своими собственными традициями, обычаями, историей, наследством и культурой, а глобализм противостоит этому, демонизируя этих людей как «расистов», — резюмируют британские крайне правые. Таким образом, контуры дискурсивного противопоставления национализма и глобализма вычерчены довольно точно, что свидетельствует о способности крайне правых делать акценты на наиболее значимых проблемах современного общества, в частности британского.

Некоторые исследователи правого радикализма — например, М. Кайяни [Caiani 2017], К. Мюдде [Mudde 2007], Е. Ральф-Морроу [Ralph-Morrow 2020]) — в своих научных работах подчеркивают, что важнейшей чертой идеологии и дискурса праворадикальных партий являются идеи порядка, приоритета семейных ценностей, а также рассуждения о негативных моментах современных гендерных исследований. Поэтому неудивительно, что и в программе партии «Британия — прежде всего» есть раздел, который носит название «Семейные ценности и мораль». В рамках этой части своей программы идеологи партии пишут о том, что их партия является оплотом духовного и нравственного возрождения, что идет вразрез с тем курсом на поощрение гедонизма и эгоизма в обществе, который, по мнению авторов программы, взяли нынешние национальные и наднациональные элиты. Также необходимо подчеркнуть, что традиционные семейные ценности в программе британских крайне правых четко увязываются с христианством и делается весьма любопытный вывод о том, что эти самые ценности привели к возникновению «самой развитой и сострадательной цивилизации, известной человечеству» (the most advanced and compassionate civilization known to mankind).

Одной из центральных тем в дискурсе любой праворадикальной партии является тема иммиграции. Для Великобритании эта тема особенно болезненна, ибо одной из центральных причин, сделавших возможным выход государства из ЕС, стал именно иммиграционный вопрос [Hu 2021]. «Британия — прежде всего» в своей программе делает акцент на отсутствии суверенитета в вопросах миграционной политики современных европейских государств и, в частности Британии: «В глобализованном обществе с открытыми границами любой сможет поселиться где угодно и когда угодно, не задумываясь о последствиях для инфраструктуры, транспорта, жилья, здравоохранения и образования, не говоря уже о желании самого населения. Эта та повестка, которая навязывалась народу Британии на протяжении последних пятидесяти лет с момента образования ЕС». Интересно, что в рамках рассуждений британских крайне правых из партии «Британия — прежде всего» явственно прослеживается такая черта дискурса подобных организаций, как «вэлфер-шовинизм», то есть стратегия, в рамках которой принимается на вооружение традиционная риторика социал-демократов о социальных гарантиях, но с выгодой только для «коренного населения» [Бышок 2020: 445]. Однако в случае с рассматриваемой партией «шовинизм благосостояния» проявляется довольно необычно: «Мы также должны принимать во внимание, при обсуждении необходимости массовой иммиграции — фактор наличия миллионов незанятых британских рабочих. Зачем ввозить иностранных рабочих, если у нас есть миллионы наших людей, томящихся на социальном обеспечении и живущих в зависимости от него?».

По классической схеме крайне правые выступают за социальные льготы для собственного населения в ущерб мигрантам, но здесь мы видим скорректированный вариант подобной логики: само существование за счет социальных пособий признается проблемой и излишняя иммиграция лишь усугубляет ее. Кроме того, стараясь отвести все подозрения в расизме, авторы программы делают весьма неожиданное умозаключение: «Британия — прежде всего» оставит всю дальнейшую иммиграцию в нашу страну. Это вопрос пространства, а не расы». Снова необходимо отметить, что, в отличие от многих «коллег» по праворадикальному лагерю, британцы делают акцент на пространственном, можно даже сказать, геополитическом факторе, что, наверное, имеет свою логику, если мы вспомним что именно британские мыслители стояли у истоков геополитической идеи в свое время.

В целом антииммиграционная риторика рассматриваемой партии весьма схожа со своими континентальными аналогами. Кроме того, следует отметить, что отдельное внимание в программе партии уделяется религиозному, христианскому вопросу: пестуются традиционные британские праздники, связанные с христианством, акцентируется жесткое противопоставление ислама и христианства (демографический аспект в особенности — «христиане станут меньшинством в Великобритании на нынешней демографической траектории»), и, конечно же, звучат призывы к увеличению роли государства в поддержке и продвижению традиционных христианских ценностей (к примеру: «больше внимания следует уделять важности традиционного воспитания детей во всей нашей

образовательной системе; если мы не возродим христианство как центральную основу нашей национальной жизни, мы продолжим тонуть и деградировать как общество и рано или поздно упадок станет необратимым»).

Раздел «Партийные принципы» затронут в нашей работе весьма кратко, так как там в сжатом виде обозначено то, что более подробно было расписано в разделе «Идеология». Можно выделить в формате перечисления те «принципы», на которых строится дискурс партии, исходя из содержания данного раздела:

- 1) британский национальный суверенитет как залог успешной реализации воли народа;
- 2) партия выступает с позиций британского юнионизма;
- 3) христианство как фундамент культуры британского общества;
- 4) необходимость в национально ориентированной экономической системе;
- 5) приверженность свободе слова и свободе выражения мнений;
- 6) противодействие цензуре в СМИ;
- 7) ужесточение правопорядка в государстве;
- 8) критика культуры политкорректности и приоритет традиционных британских ценностей.

В целом та повестка, которую актуализирует партия «Британия — прежде всего», является акцентированным противопоставлением «национального/суверенного/традиционного» — «глобальному/мультикультурному/политкорректному», которое в контексте политических процессов, как в Британии, так и во всей Европе, видится центральным и, по сути, определяющим вектор формирования дискурсов самых различных политических сил.

Самым свежим партийным документом партии является партийная политическая программа, которая была разработана в октябре 2020 года. Анализ актуального программного документа партии выполнялся в той логике, которая сопровождает настоящее исследование в его практической части. Конкретно, акцент делался на националистической составляющей дискурса праворадикальной партии, а также в вопросах, связанных с проблематикой политкорректности.

Отличительной особенностью данного партийного документа является радикальность тех предложений, которые там озвучены. Иными словами, кризисный период, связанный с COVID-19, способствовал ужесточению дискурса праворадикальных партий и даже привнес свежую струю и новое пространство для маневра. В этой связи хотелось бы привести примеры из самой программы, чтобы продемонстрировать вышесказанное:

- «депортировать всех нелегальных мигрантов» / deport all illegal immigrants;
- «депортировать всех иностранных преступников» / deport all foreign criminals;
- «полностью прекратить любую дальнейшую иммиграцию» / completely halt any further immigration;
- «отклонить прошения и депортировать всех тех, кто просит убежище» / reject and deport all asylum seekers.

Данные, безусловно, радикальные предложения, касающиеся мигрантов, со стороны Britain First рассчитаны на то, что в кризисных условиях британцы

все более критично настроены к той политике, которая проводится правительством в этом направлении. Подобные идеи декларируются партией, конечно, не только в рамках партийных документов, но и в условиях реального политического процесса. В частности, в декабре 2021 г. «Британия — прежде всего» призвала государственные структуры не пускать переплывающих через Ла-Манш «диких людей», не спасать их, а сосредоточиться на спасении жизней британцев¹⁰.

Кроме того, партийные идеологи предлагают отменить ненавистный «Закон о правах человека» («the hated Human Rights Act») и в то же самое время внедрить в правовую структуру Соединенного Королевства «Билль о правах» по американскому образцу, который бы «гарантировал свободу слова, собраний и выражения мнений для всех, без исключений». Подобные утверждения, еще и соседствующие рядом в партийной программе, лишь на первый взгляд могут показаться странными: в логике современных крайне правых Европы — в том числе и праворадикалов Британии — государство отнимает у народа свободу на самовыражение и одновременно наделяет привилегиями отдельные группы лиц в рамках различных практик политики культурного плюрализма. Таким образом, обычным местом, как отмечают исследователи, для британских крайне правых стало соседство призывов к «запрету» и «отмене» и в то же время призывов к обеспечению гарантий соблюдения права на свободу слова.

Одним из любопытных мест в рассматриваемой программе ВФ является раздел «Образование» / Education. Очевидно, что именно сфера образования и культуры становится сегодня местом наиболее интенсивных дискуссий в Европе. И в этой части британские правые радикалы из ВФ используют максимально радикальный дискурс, при этом, однако, не переходя черту, которая разделяет радикальную, но легальную идеологию и политический экстремизм. В частности, в области образования у ВФ следующие предложения, любопытные с точки зрения критики идей политкорректности:

- внедрить схему «возврата к корням» в образовании с упором на дисциплину и традиционные методы обучения (к примеру, математика, английский язык и развитие технических навыков);
- возродить христианские собрания;
- возобновить преподавание британской истории на всех уровнях образования;
- обратить особое внимание на реальные профессии и навыки в соответствии с требованиями современной экономики и устранить лояльность государства к фальшивым «социальным» образовательным дисциплинам;
- заменить сегодняшнюю «поликонфессиональную» учебную программу религиозного образования новым подходом, который был бы ориентирован преимущественно на христианство.

¹⁰ ‘Despicable’: Campaigners rally around RNLI after Britain First complaints — URL: <https://www.itv.com/news/2021-12-03/campaigners-rally-around-rnli-after-britain-first-complaints> (accessed: 10.10.2022).

Необходимо отметить, что в этой части программы у партии «Британия — прежде всего» идет открытая критика современных мультикультурных практик и идей политкорректности, а также агитация за привнесение в систему образования существенной религиозной (именно христианской) компоненты. Также мы видим призыв к отказу от «фальшивых „социальных“ дисциплин», под которыми, вероятно, подразумеваются гендерные исследования и подобные учебные курсы, в рамках которых проводится критика консервативных, «патриархальных» устоев общества.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что явление политической корректности весьма значимо для британского политического процесса, причем не только на уровне партийной борьбы. Однако необходимо сказать, что анализ программных документов партии «Британия — прежде всего» приводит к выводу, что данный комплекс идей, которые обозначаются понятием «политическая корректность», является одним из фундаментов идеологии и дискурса именно современной праворадикальной организации. Идеино-политические приоритеты, подобные тем, которые формулирует и актуализирует партия «Британия — прежде всего», конечно, являются сегодня одними из центральных составляющих дискурса праворадикальных партий во многих государствах Европы. Наверное, все это нельзя назвать беспочвенным, учитывая тот факт, что в различных странах Европы много лет идет борьба за внедрение новых норм и за то, чтобы образование способствовало именно предупреждению крайне правых настроений. Таким образом, стоит в очередной раз отметить, что идеология праворадикальных групп формируется исходя из соответствующих мировых трендов, или, что точнее, в противовес им. Способность использовать актуальные идеи и реагировать оперативно на вызовы современности — одним из которых, безусловно, являются идеи политической корректности — одно из условий того, что политическая организация будет внутри легального поля политики и в конечном итоге оказывать влияние на политическое сознание населения. Также важно отметить и то обстоятельство, что от того, какая политическая сила в стране будет конструировать и контролировать повестку относительно вопросов политкорректности, зависит и формирование партийно-политического ландшафта страны в ближайшие годы.

Поступила в редакцию / Received: 10.06.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 05.12.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.12.2022

Библиографический список

- Бурдьё П. О телевидении и журналистике. М.: Институт экспериментальной социологии, 2002. [Bourdieu P. *Sur la télévision: suivi de L'emprise du journalisme*. Paris: Liber-Raisons d'agir, 1996].
- Бышок С.О. Миграция и новые аспекты правопопулистского дискурса в Европе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 3. С. 443–457. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-3-443-457>
- Ван Дейк Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2015 [van Dijk T.A. *Discourse and power*. Palgrave, 2008].
- Веретевская А.В. Мультикультурализм, которого не было: Анализ европейских практик политической интеграции этнокультурных меньшинств. М.: МГИМО-Университет, 2018.
- Головин М.С. Теоретические аспекты и дискурсивная практика праворадикальной идеологии в политических процессах современной Европы // Социум и власть. 2020. № 2 (82). С. 29–40.
- Леонтович О.А. Политическая корректность, инклюзивный язык и свобода слова: динамика понятий // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25. № 1. С. 196–198.
- Поцелуев С.П., Курбатов А.В., Маник А.С. Политическая корректность как политическая цензура: к иронии одного концепта // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 1. С. 214–223. <http://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-1-214-223>
- Caiani M. Radical right-wing movements: Who, when, how and why? // Sociopedia. 2017.
- Fairclough N. Political correctness: the politics of culture and language // *Discourse and Society*. 2003. Vol. 14, no. 1. P. 17–28.
- Hu L. Playing the Race Card: Did Racism Cause Anti-Immigrant Sentiment in Brexit? // Dartmouth Undergraduate Journal of Politics, Economics and World Affairs. 2021. Vol. 1, no. 2. Article 5.
- Mudde C. *Populist radical right parties in Europe*. N.Y.: Cambridge University Press, 2007.
- Murray D. *The madness of crowds: gender, race and identity*. London: Bloomsbury Continuum, 2019.
- Peterson J., Fry S., Dyson M.E., Goldberg M. *Political correctness gone mad?* Oneworld Publications, 2018.
- Ralph-Morrow E. The Right Men: How Masculinity Explains the Radical Right Gender Gap // *Political Studies*. 2022. 70 (1). P. 26–44.
- Scalcau A. The paradoxes of political correctness // *Theoretical and Empirical Researches in Urban Management*. 2020. 15 (4). P. 53–59.
- Schwartz H.S. *Political correctness and the destruction of social order*. London: Palgrave Macmillan, 2016.

References

- Bourdieu, P. (2002). On television and journalism. Moscow: Institute of Experimental Sociology. *Electronic publication: Center for Humanitarian Technologies*. (In Russian). [Bourdieu, P. (1996). *Sur la télévision: suivi de L'emprise du journalisme*. Paris: Liber-Raisons d'agir].
- Byshok, S.O. (2020). Migration and Recent Aspects of Right-Wing Populist Discourse in Europe. *RUDN Journal of Political Science*, 22(3), 443–457. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-3-443-457> (In Russian).
- Caiani, M. (2017). *Radical right-wing movements: Who, when, how and why?* Sociopedia.
- Fairclough, N. (2003). Political correctness: the politics of culture and language. *Discourse and Society*, 14(1), 17–28.

- Golovin, M.S. (2020). Theoretical aspects and discursive practice of right-wing ideology in the political processes of modern Europe. *Socium and power*, 2(82), 29–40. (In Russian).
- Hu, L. (2021). Playing the Race Card: Did Racism Cause Anti-Immigrant Sentiment in Brexit? *Dartmouth Undergraduate Journal of Politics, Economics and World Affairs*, 1(2), Article 5.
- Leontovich, O.A. (2021). Political correctness, inclusive language and freedom of speech: the dynamics of concepts. *Russian Journal of Linguistics*, 25(1), 196–198. (In Russian).
- Mudde, C. (2007). *Populist radical right parties in Europe*. N.Y.: Cambridge University Press.
- Murray, D. (2019). *The madness of crowds: gender, race and identity*. Bloomsbury Continuum, London.
- Peterson, J., Fry, S., Dyson, M.E., & Goldberg, M. (2018). *Political correctness gone mad?* Oneworld Publications.
- Potseluev, S.P., Kurbatov, A.V., & Manik, A.S. (2021). Political correctness as political censorship: towards the irony of one concept. *State and Municipal Management Scholar Notes*, 1, 214–223. (In Russian).
- Ralph-Morrow, E. (2020). The right men: How masculinity explains the radical right gender gap. *Political Studies*, 70(1), 26–44.
- Scalcau, A. (2020) The paradoxes of political correctness. *Theoretical and Empirical Researches in Urban Management*, 15(4), 53–59.
- Schwartz, H.S. (2016). *Political correctness and the destruction of social order*. London: Palgrave Macmillan.
- Van Dijk, T.A. (2015). *Discourse and power. Representation of dominance in language and communication*. M.: Librikom. (In Russian). [Van Dijk, T.A. *Discourse and power*. Palgrave, 2008].
- Veretevskaya, A.V. (2018). *Multiculturalism that was not: An analysis of European practices of political integration of ethno-cultural minorities*. Moscow: MGIMO-University. (In Russian).

Сведения об авторе:

Головин Михаил Сергеевич — старший преподаватель кафедры политических наук и международных отношений, Челябинский государственный университет (e-mail: golovin.mihail@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-4339-4842)

About the author:

Mikhail S. Golovin — Senior Lecturer at the Department of Political Science and International Relations, Chelyabinsk State University (e-mail: golovin.mihail@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-4339-4842)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-218-232

Научная статья / Research article

«Достояние нации», или Станет ли ресурсный национализм политической доктриной современной Монголии?

А.В. Михалев

*Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
Улан-Удэ, Российская Федерация*
 e-mail: mihalew80@mail.ru

Аннотация. В эпоху постсоциализма в Монголии получила распространение идеология ресурсного национализма, которая имеет все шансы стать общегосударственной. Под ресурсным национализмом в данной работе понимается широкий спектр стратегий, которые местные элиты используют для увеличения своего контроля над природными ресурсами, — определение Пола Домжана и Мэтта Стоуна. Автор на основе анализа юридических документов, материалов региональных массмедиа и политических риторик пришел к выводу о том, что истоки ресурсного национализма следует искать в текстах эпохи строительства социализма, а также в понимании справедливости в то время. Представления о природных ресурсах как о народном достоянии оказались прочно закреплены в массовом сознании, а современные националисты обосновали их с позиций «крови и почвы». Это создает серьезные проблемы для Монголии, поскольку она является страной с сырьевой экономикой. Дело в том, что экономический рост, обусловленный иностранными инвестициями, вызвал глубочайшее социальное расслоение. В свою очередь это породило запрос на справедливое распределение прибыли, получаемой от добычи природных ресурсов, являющихся национальным достоянием. В политической сфере достаточно быстро сформировался ответ на этот запрос в виде риторики ресурсного национализма. В статье отмечается, что ресурсный национализм в Монголии по сей день так и не оформился в четкую правовую или политическую доктрину. Сегодня он представляет собой набор актуальных популистских риторик, которые используются как для продвижения будущих политических решений в добывающей отрасли, так и для легитимизации уже принятых.

Ключевые слова: ресурсный национализм, постсоциализм, риторики, природные ресурсы, нация, право

© Михалев А.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Михалев А.В. «Достояние нации», или Станет ли ресурсный национализм политической доктриной современной Монголии? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 218–232. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-218-232>

‘Property of the Nation’ — Resource Nationalism to Become a Political Doctrine in Contemporary Mongolia?

Alexey V. Mikhalev

Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation

 e-mail: mihalew80@mail.ru

Abstract. The proposed paper is a study of resource nationalism. Resource nationalism appeared in Mongolia in the post-Socialist period. In this paper, we understand resource nationalism as a wide spectrum of strategies domestic elites employ in order to increase their control of natural resources — definition by Paul Domjan and Matt Stone. After an analysis of legal materials, mass media articles and political rhetoric, the author of this paper concludes that the sources of resource nationalism should be searched in the texts that date back to the Socialist era. Also, the sources of resource nationalism can be found in the ideas about justice of those times. The idea that natural resources belong to the people has been fixed in mass opinion, while contemporary nationalists justify this idea from the standpoint of “blood and soil”. That creates serious problems for Mongolia, a country with resource economy. The matter is that economic growth driven with foreign investments has caused a deep social stratification. In its turn, social stratification gave birth to a social demand for fair profit distribution from natural resource extraction. In the political sphere, this social demand quickly received a reaction — in the form of resource nationalism rhetoric. In the paper, we notice that resource nationalism in Mongolia has not been formed as a vivid legal or political doctrine. Today, it is a set of populist rhetoric of current interest which are used both for lobbying future political decisions in mining and for legitimizing the decisions already made.

Keywords: resource nationalism, post socialism, rhetoric, natural resources, nation, law

For citation: Mikhalev, A.V. (2023). ‘Property of the nation’ — resource nationalism to become a political doctrine in contemporary Mongolia? *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 218–232. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-218-232>

Введение

Постсоциалистическая Монголия за тридцать лет развития по пути демократических реформ стала одной из ведущих стран — экспортеров природных ресурсов в Северо-Восточной Азии. К 2011 г. эта страна показала один из самых высоких в регионе темпов увеличения ВВП — 17,3 % [Ganbold, Ali 2017: 4]. Причины такого быстрого роста принято видеть как в расширении горнодобывающей отрасли, так и в привлечении иностранных инвестиций. В этих условиях трансформировался и монгольский национализм, преодолевший антисовет-

ский пафос начала 1990-х гг. и оформившийся в идею нации-рантье, живущей за счет «природной ренты» [Jackson 2015]. Подобные представления достаточно прочно укоренились в обществе и начали влиять на политику. На фоне этого знаковым событием стало достижение консенсуса в январе-феврале 2022 г. между правительством этой страны и транснациональной корпорацией Rio Tinto относительно прибыли (роялти) с месторождения цветных металлов Оюу Толгой.

Эволюция ресурсного национализма в Монголии

Летом 2017 г. в Монголии прошли президентские выборы. Тональность политической риторике тогда задавали популистские лозунги об экономической независимости страны и «обвинения» друг друга в наличии китайских корней, но едва ли не главной темой политической повестки стал вопрос об иностранных предприятиях, работающих в добывающей отрасли. Претензии к этим корпорациям свелись к двум основным вопросам:

1. Допустимо ли разрешать иностранцам разрабатывать национальные месторождения?
2. Справедливо ли распределяется прибыль, полученная иностранными инвесторами от добычи природных ресурсов?

Эти идеи принято называть «ресурсным национализмом», под которым, согласно предложенному Полом Домжаном и Маттом Стоуном определению, понимается широкий спектр стратегий, используемых местными элитами для увеличения своего контроля над природными ресурсами. Домжан и Стоун объясняют ресурсный национализм с практической точки зрения и утверждают, что он включает в себя установление государственного контроля над природными ресурсами после того, как в горнодобывающие проекты была вложена большая часть инвестиций с последующим полным исключением иностранного участия [Domjan, Stone 2010: 38]. Тем не менее определений ресурсного национализма существует множество. Каждая из этих дефиниций акцентирует внимание на какой-либо одной его значимой черте, будь то увеличение размера государственной доли в добывающей отрасли, или на специфике локальной политической культуры. Тем не менее в данной работе мы опираемся на дефиницию П. Домжана и М. Стоуна [Domjan, Stone 2010: 38].

В представленной статье мы предпринимаем попытку проанализировать особенности «ресурсного национализма» в Монголии как политической риторики. Акцент в исследовании делается именно на многообразии политических смыслов, так как в качестве доктрины этот комплекс идей пока еще не оформлен. Эмпирическими материалами для исследования послужили политические высказывания, воспроизводящиеся в публичном пространстве Монголии, и связанные с ними события, которые оцениваются в региональных массмедиа в целом как проявления ресурсного национализма. В основу этой статьи также легли материалы нескольких проектов, проведенных автором по тематике нелегальной добычи золота в Монголии (в 2014 г.), а также по анализу борьбы за энергетический суверенитет этой страны (в 2019 г.). Это позволило автору

сформировать определенное фоновое представление о политических трендах в Монголии 2010–2020-х гг. Именно в ходе разработки вышеуказанных тем возникла идея проанализировать сущность феномена ресурсного национализма на примере отдельно взятой страны. Кроме того, в рамках данного исследования были проанализированы юридические документы, регулирующие отношения в ресурсодобывающей отрасли, а также материалы личных наблюдений автора, участвовавшего в качестве наблюдателя в целом ряде общественных слушаний по вопросам природной ренты (в 2014 и 2017 гг.).

Рабочей гипотезой данного исследования стало предположение о взаимосвязи между идеями «ресурсного национализма» и наследием социалистической идеологии о природных ресурсах как «достояния нации». Схожие тенденции на постсоветском пространстве анализировались нами на примере Кыргызстана и Таджикистана [Михалев, Рахимов 2023]. Это утверждение позволяет рассматривать современные монгольские реалии все еще в контексте исследований постсоциализма.

Здесь же нужно сказать о том, что монгольский ресурсный национализм все еще требует подробного изучения. Есть статьи о ресурсной политике Д. Бумочира [Bumochir 2020], М. Ганболда [Ganbold, Ali 2017], С. Джексона и О. Майдар [Mydar, Jackson 2019]. Это прежде всего политические, географические и экономические работы, анализирующие разные аспекты современного развития страны и обращающие внимание на растущее влияние ресурсного национализма. Однако специальной работы, описывающей истоки и природу данного явления в условиях Монголии, на сегодняшний день нет.

Говоря о хронологии развития идеи, мы ограничиваем рамку последними десятью годами, так как именно на них приходится не столько экономический рост, сколько бурные политические дискуссии вокруг него и законодательная активность в этой области. Впервые об изучаемом нами феномене, назвав его экономическим национализмом, написал в 2008 г. Ариэль Коэн¹, который провел компаративный анализ экономической политики в Центральной Азии, включая Монголию. С того времени наименование монгольской политики в добывающей отрасли в трудах исследователей неоднократно менялось, и к 2017 г. устоялось понятие ресурсного национализма. При этом дефиниции этого термина, на которые опираются ученые, используются самые разные.

Этот плюрализм открывает широкие возможности для рефлексии, поскольку сам феномен постоянно меняется. Еще недавно ресурсный национализм на уровне популистских риторик в Монголии сводился к идее нации-рантье, живущей за счет природной ренты, или минеральной нации, согласно терминологии Сары Джексона [Jackson, 2015: 437–456]. Однако сегодня это уже целый комплекс идей, зачастую взаимоисключающих друг друга, сконцентрированных вокруг права распоряжаться главным достоянием нации — недрами стра-

¹ Коэн А. В Монголии нарастает экономический национализм, способный негативно сказаться на западных инвесторах. URL: <https://russian.eurasianet.org/node/57069> (accessed: 15.09.2022)

ны. Не исключено, что в обозримом будущем содержание политических заявлений вновь изменится, что при многообразии академических дефиниций еще больше запутает и без того сложный предмет исследования.

Ситуация постсоциализма: от дотационного хозяйства к сырьевой экономике

В кочевом обществе на окраине бывшей империи Цин на протяжении 70 лет предпринимались попытки построения социализма, и едва ли не основной их задачей было формирование индустрии и промышленного пролетариата. Коллективизация кочевых хозяйств, форсированная урбанизация и индустриализация стали основой колоссального социального эксперимента по преобразованию монгольского общества [Sanders 1968]. Следует отметить, что исторически Монголия была второй в мире страной «победившего социализма» и шла по этому пути дольше других стран Восточного блока (кроме СССР). Монголия не просто не была сырьевым придатком СССР, скорее, напротив, являлась одним из крупнейших бенефициаров в СЭВ. Масштабы оказанной ей безвозмездной помощи (в военно-политических целях) по сей день остаются самыми крупными в истории всего Восточного блока [Михалев 2014: 177–179].

За это время советские ученые и геологи совместно с монгольскими коллегами разведали большую часть месторождений природных ресурсов этой страны. Были найдены месторождения нефти, золота, серебра, меди, молибдена, вольфрама, угля, урановой руды. Во многом данная активность в области геологоразведки была продиктована идеологическими задачами по трансформации общественно-экономического уклада страны и по укреплению экономики приграничных с КНР регионов. В период строительства социализма СССР инициировал разработку медно-молибденового месторождения в междуречье рек Селенга и Орхон, где в 1972 г. был основан город Эрдэнэт. В 1981 г. Советский Союз начал секретную разработку уранового месторождения Эрдэс, в районе которого был построен закрытый населенный пункт Мардай [Delaplace 2012]. Эти два горно-обогачительных комбината заложили основу добывающей индустрии в Монголии.

После демократической революции зимы 1989–1990-х гг. начался процесс десоветизации и построения рыночной экономики. Монголия по образцу стран Восточной Европы провела приватизацию (в том числе скота) и «шоковую терапию». Выбрав основой либеральную экономическую политику, страна вступила в XXI век открытой для иностранных инвесторов, имея эффективно работающую так называемую промышленность группы Б — производство кашемира, мясомолочных продуктов, дубленок и изделий из натуральной кожи. Однако бурный экономический рост в соседнем Китае сформировал спрос на природные ресурсы. Это породило рост иностранных инвестиций в эту отрасль, начавшийся в 2005 г. [Vumochir 2020: 21–24]. На раннем этапе флагманом развития стала золотодобыча. Легальная, полуполюгальная и индивидуальная добыча золота породила новые виды занятости, особый теневой сегмент рынка. Характеризуя сло-

жившуюся ситуацию, лидер «Зеленой партии» М. Чулуундорж в одном из интервью отметил: «Вроде бы прошла в 1990 году демократическая революция, но не было демократических преобразований. Ни в одной стране не было такого, кроме Монголии, что после демократической революции, после свободных выборов, продолжала править прежняя партия, как ни в чем не бывало. Лидеры революции, а скорее переворота, говорили об истинном марксизме-ленинизме и о социализме Дэна Сяопина. И началось уничтожение всего, что называлось завоеваниями социализма. Власти призвали всех стать челночниками, распродать все ценное за гроши и раздавали дипломатические паспорта. Не осталось ни социализма, ни капитализма»².

Вторым сектором стала добыча угля (легальная и нелегальная), также охватившая значительную часть населения Монголии. Продажа в Китай угля и золота обеспечила сотни домохозяйств (гэр) страны относительно стабильным источником дохода [Михалев 2014]. На уровне международных СМИ название страны зачастую иронично трансформировалось в *Minegolia* [Bulag 2009]. Нелегальная добыча природных ресурсов и их скупка за бесценок иностранными фирмами для перепродажи усилили ксенофобию и общественный скепсис относительно сотрудничества с иностранными корпорациями. Расширение площади разработки месторождений ресурсов, помимо расширения теневого сектора, привело к сокращению пастбищ. В сущности, весь постсоциалистический период в истории этой страны можно охарактеризовать как вытеснение кочевого скотоводства добычей природных ресурсов. Этот процесс К. Хамфри патетически охарактеризовала «концом номадизма» [Humphrey, Sneath 1999]. В 2011 г. это привело к акции протеста скотоводов, блокировавших центр города. Этот протест в защиту традиционных способов хозяйствования получил поддержку экологических группировок, таких как «Гал үндэстэн» (лидер Ц. Мунхбаяр). Основным требованием к руководству страны стало выполнение закона «О запрещении разведки и добычи полезных ископаемых в истоках рек, в водоохраных зонах и на лесных землях» (неофициальное название «Закон с длинным именем»)³.

В 2013 г. активисты «Гал үндэстэн» и несколько сочувствующих, требуя исполнения законодательных норм, попытались с оружием ворваться в здание Великого Государственного Хурала. Во время потасовки с полицией был произведен одиночный выстрел. Впоследствии арестовали девять лидеров оппозиции. Полиция заявила, что изъяла у демонстрантов три огневых оружия, включая пистолет Макарова и автомат Калашникова, 36 пуль и 9 гранат. На следующий день правоохранители вынули из мусорных баков в центре столицы тротилловые шашки. Данные действия были квалифицированы по статье терроризм, а участников противоправных действий осудили на длительные сроки лишения

² Чулуундорж М. Власти призвали всех стать челночниками. URL: <http://asiarussia.ru/persons/1941/> (дата обращения: 15.09.2021)

³ Гол, мөрний урсац бүрэлдэх эх, усны сан бүхий газрын хамгаалалтын бүс, ойн сан бүхий газарт ашигт малтмал хайх, ашиглахыг хориглох тухай [О запрещении разведки и добычи полезных ископаемых в истоках рек, в водоохраных зонах и на лесных землях]. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/223> (accessed: 15.09.2022).

свободы. Однако в 2015 г. лидер «Гал үндэстэн» был освобожден по амнистии. Данное решение было связано с тем, что население Монголии симпатизировало Мунхбаяру, одному из наиболее харизматичных лидеров экологической оппозиции, а само уголовное дело получило масштабный резонанс.

В интервью российскому portalу APД лидер монгольской «Зеленой партии» М. Чулуундорж в 2014 г. дал оценку описанным выше протестам: «В сентябре прошлого года активисты — экологи во главе с Цэцэгийн Мунхбаяром — организовали акцию, где символично демонстрировали ружья, они были осуждены на 21 с половиной год каждому за терроризм, что вызвало бурю негодования. А правители непримиримо проводят антинародную политику, на днях они предложили меры против многопартийной системы, замену местных администраций на неправительственные организации, намереваясь аннулировать государственные власти за чертой столицы, создать город-государство Улан-Батор, где сконцентрирована половина населения Монголии. А город задыхается от дыма юрточных трущоб и ожидает сильнейших сейсмических ударов, причинами которых, возможно, является чрезмерная активность геологоразведки и добычи полезных ископаемых»⁴.

Несмотря на протесты экологов, в итоге в стране все же была создана так называемая сырьевая экономика. По итогам 2020 г. на горнодобывающий сектор пришлось 22 % ВВП при том, что уровень жизни в Монголии существенно не вырос [Ganbold, Ali 2017: 4–5]. К 2021 г., после целого ряда политических решений, единственным предприятием, напоминающем об эпохе социализма, остается Улан-Баторская железная дорога. Являясь совместным предприятием, она символизирует российское присутствие и определенную историческую преемственность, в то время как повторная разработка Мардая «Росатомом» началась в XXI в. практически заново. Эти два новых примера на фоне масштабных проектов по разработке угля в месторождении Таван-Толгой и цветных металлов в Оюу Толгой лишь демонстрируют полный разрыв с экономикой прошлого. Новая эпоха ознаменовала относительную либерализацию экономики и масштабное привлечение иностранных инвестиций [Ganbold, Ali 2017]. Одним из лидеров в этой сфере стал Китай, что привело к масштабным антикитайским настроениям, ярко проявившимся в ходе президентских выборов 2017 г. [Бураев, Родинов 2017].

Изменение нормативного поля или path dependence?

Идеи ресурсного национализма, на наш взгляд, берут свое начало как в социалистическом праве, так и в представлениях о справедливости того времени. Сформированные в тот период стереотипные суждения о нации и национальных правах, претерпев определенные изменения, актуальны и по сей день. На уровне формулировок в монгольском языке, так же как и в русском, термины

⁴ Чулуундорж М. Власти призвали всех стать челночниками. URL: <http://asiarussia.ru/persons/1941/> (accessed: 15.09.2022).

народ (ард) и нация (үндэстэн) различаются [Szmyt 2012]. В статьях конституции 1992 г. прослеживается значительная рецепция категорий эпохи социализма — народ Монголии, власть народа и т. д.

Что же касается конституционно закрепленных норм, касающихся природных ресурсов, то интересно сравнить соответствующие статьи основного закона 1960 и 1992 гг. Так, в последней конституции времен строительства социализма 1960 г. в статье 10 написано: «Земля и ее недра, леса, воды и их богатства, государственные фабрики, заводы, шахты, рудники, электростанции... являются собственностью государства, то есть всенародным достоянием» [Amarsanaa 2009]. Учитывая, что Монголия в тот момент находилась в зоне влияния СССР, ее правовое поле также копировало конституции союзных республик. Аналогичные формулировки можно встретить в одиннадцатых статьях конституций Киргизской ССР, Узбекской ССР, Казахской ССР, Туркменской ССР, Таджикской ССР [Михалев, Рахимов 2023: 158].

В конституции 1992 г. в статье 6 закреплена следующая норма: «Земля, ее недра, леса, воды, животные, растительные и другие богатства природы Монголии принадлежат только народу и находятся под защитой государства. Вся земля, не переданная в частную собственность гражданам Монголии, недра земли, их богатства, леса, воды, животный и растительный мир являются государственной собственностью. Земля, за исключением пастбищ, земельных наделов общественного и специального государственного пользования, может быть передана в частную собственность только гражданам Монголии. Это не относится к недрам Земли. Гражданам Монголии продажа, обмен, дарение, закладывание под залог земель, находящихся в их частной собственности, иностранцам и лицам без гражданства запрещается. Запрещается также передача земли во временное пользование другим лицам без разрешения соответствующих органов государственной власти» [Amarsanaa 2009].

Говоря о правовых нормах, хотелось бы отметить постоянную изменчивость монгольского законодательства, особенно на уровне соглашений с крупными корпорациями в области увеличения доли государства в прибыли. С одной стороны, это связано с давлением лобби транснациональных корпораций, а с другой — со все больше набирающим силу популизмом. В итоге в правовом поле получается почти «маятниковая ситуация». Так, разразившийся в феврале 2021 г. правительственный кризис, повлекший отставку кабинета министров, был вызван тем, что правительство инициировало отмену и пересмотр соглашения с австралийско-британской добывающей компанией Rio Tinto.⁵ Поскольку государство не получало никаких иных доходов с разработки месторождения

⁵ Rio Tinto — одна из старейших в мире добывающих транснациональных корпораций, основана в 1873 г. В конце 1880-х гг. контроль над фирмой перешел к семье Ротшильдов, которые увеличили масштабы добычи полезных ископаемых. В процессе своего существования пережила несколько слияний и поглощений. В 2020 г. Rio Tinto заняла 114-е место среди крупнейших публичных компаний мира.

цветных металлов, кроме налогов и роялти, политики выдвинули идею перезаключить контракт. Решения о пересмотре контрактов неоднократно предпринимались начиная уже с 2013 г. При этом в 2015 г. Rio Tinto добилась заключения для себя крайне выгодного контракта, по условиям которого часть ее долгов перекладывается на государство, а налог на прибыль не будет взиматься до 2047 г. [Lander 2013].

Пример Rio Tinto является примером несовершенства нормативной базы, регулирующей права на разработку полезных ископаемых. Опираясь то на конституцию, то на законы, то на договоры, институциональная рамка постоянно меняется. При этом в пункте 4 статьи 10 Конституции страны декларируется следующее: «Монголия не будет следовать международным актам и договорам, противоречащим Конституции Монголии» [Amarsanaa 2009]. Постоянная изменчивость нормативных рамок обосновывается национальными интересами страны, которые ущемляются иностранными корпорациями. В ряде случаев это приводило к репутационным проблемам на международном уровне, однако в целом не оказало почти никакого влияния на ситуацию [Бураев, Родионов 2017: 29].

В данном разделе статьи мы постулируем тезис об отсутствии в монгольской политике и праве какой-либо четкой доктрины, регулирующей отношения с иностранными игроками в горнодобывающем секторе. Более того, мы подчеркиваем изменчивость норм и их конъюнктурность. Черты ресурсного национализма прослеживаются лишь на уровне отдельных законов, которые могут быть двояко интерпретированы. Однако возникает вопрос, что же позволяет говорить о ресурсном национализме как о некоем наборе политических идей? Ответ на него мы попытаемся сформулировать в следующем разделе.

Ресурсный национализм: политическая риторика и инструмент легитимизации

Политические высказывания, призывающие правительство принять меры по повышению отдачи в ресурсодобывающей отрасли, носящие откровенно националистический характер, в 2021 г. стали не так популярны, как в начале 2010-х гг. Однако лишь несколько лет назад ситуация выглядела совершенно иначе. Политики самого разного уровня обсуждали перспективы близящейся «эпохи благоденствия» по образцу экспортирующих нефть ближневосточных монархий. Идею победы коммунизма сменила мечта о нации-рантье, а также об энергетическом суверенитете. Последний предполагает создание посредством строительства каскада ГЭС и нефтеперерабатывающих заводов абсолютно автономной топливно-энергетической системы. Важно отметить и то, что наиболее влиятельная политическая сила страны — Монгольская Народная Партия, отметившая в 2021 г. свое столетие, является непосредственной преемницей Монгольской народно-революционной партии, осуществлявшей управление страной на протяжении 70 лет социалистического строительства [Smith 2020: 107–116].

В сентябре 2008 г. две ключевые партии: МНП и Демократическая партия — заключили соглашение, в котором отмечалось: «Каждый монгол будет ежегодно получать не менее 1,5 млн тугриков природной ренты⁶. Правительство Монголии будет выделять эту сумму каждому гражданину страны из доходов от добычи и переработки полезных ископаемых» [Vumochir 2020]. Создав коалиционное правительство, ключевые партии лишь частично выполнили свои предвыборные обещания. С 2011 г. выплаты природной ренты решением правительства Монголии были повышены. Разовая выплата 2011 г. составила 55 USD, в то же время в стране была введена и более регулярная рента, но более скромного масштаба (16 USD) [Башкуев 2012:52]. Значительную часть этих выплат планировали выплачивать детям. Это позволило на какое-то время консолидировать население страны вокруг новой национальной идеи — нации-рантье.

Впоследствии правительство Монголии учредило еще один фонд для сбора доходов от добычи полезных ископаемых. Созданному в 2010 г. Фонду развития человеческого потенциала было поручено запустить новые программы денежных переводов, чтобы заменить выплаты, ориентированные на детей, в гораздо большем масштабе. Новая программа заменила ежегодные платежи в размере 120 000 тугриков на ежемесячные платежи в размере 21 000 тугриков на человека в период с 2010 по 2012 г. Соответственно, переводы были названы «подарками и акциями», чтобы имитировать предвыборные обещания обеих сторон. В 2012 г. пожилые люди получили дополнительную единовременную выплату в размере 1 млн тугриков⁷ [Vumochir 2020].

В 2012 г. правительство Монголии ужесточило условия для работы иностранных компаний в стратегических отраслях экономики, в том числе в добывающей отрасли. Это ужесточение норм на уровне СМИ было интерпретировано как проявление ресурсного национализма. Разные точки зрения сошлись на том, что стремление упорядочить правила для иностранных инвесторов связано с победой национально ориентированных политиков над транснациональными корпорациями. В результате некоторые компании свернули деятельность в Монголии. На тот момент риторика о «национальном достоянии» и «справедливой прибыли» послужила инструментом легитимизации целого ряда экономических решений.

Однако к выборам 2017 г. недовольство размерами выплат возросло настолько, что подобные обещания запретили законом. В частности, в закон «О выборах Президента» в статью 33 был внесен пункт 33.2.2, который гласит: «Запрещается включать в предвыборную платформу пункты о предоставлении гражданам любых пожертвований, процентов и иных эквивалентов от доходов

⁶ Около 33 тыс. рублей по курсу 2008 г.

⁷ Namkhajantsan D., Mihalyi D. Mining Lessons From Mongolia's Many Revenue-Sharing Experiments. URL: <https://resourcegovernance.org/blog/mining-lessons-mongolia-revenue-sharing-experiments> (accessed: 15.09.2022).

горнодобывающей, нефтяной, минерально-сырьевой и других отраслей, а также из государственного и местных бюджетов»⁸. Аналогичные поправки были внесены в «Закон о выборах», и с этого момента на всех уровнях монгольского электорального цикла обещания «природной ренты» категорически запрещены (пункт 37.3.2)⁹.

Это произошло в результате того, что низкий уровень жизни в стране привел к трансформации национальной идеи в новую форму электоральной коррупции. Выборы начали превращаться в аукцион обещаний по увеличению выплат ренты с прибылей ресурсодобывающих предприятий. Груз невыполненных обещаний, связанных с увеличением ренты, со стороны различных политических сил увеличился до таких объемов, что возник кризис доверия к действующей власти, которая в итоге запретила политическим партиям использовать данную риторику. Миф о «минеральной нации» перестал быть действенным инструментом политической мобилизации.

Однако дискурс ресурсного национализма остался тесно связанным с представлениями о национальной безопасности. Так, в 2017 г. монгольский аналитик Д. Ганхуяг в интервью российскому медиапорталу АРД заявил: «На самом деле в Монголии очень мало людей, которые не могут без иностранных инвестиций. Большинство монголов требуют только самые простые вещи, имеющие хотя бы „запах“ справедливости. В резолюции № 1803 от 1962 г. Генеральной Ассамблеи ООН сказано: „Право народов и наций на неотъемлемый суверенитет над их естественными богатствами и ресурсами должно осуществляться в интересах их национального развития и благосостояния населения соответствующих государств“¹⁰. Многие иностранцы и определенная группа монголов, предавшая свои национальные интересы, совместно пренебрегают нашими национальными интересами. И это поддерживает и пропагандирует вполне определенная группа монголов»¹¹. Приведя целый ряд примеров, Ганхуяг выступил за экономическую автаркию банковской, энергетической и ресурсодобывающей отраслей экономики страны. На данный момент это едва ли не единственная попытка обосновать политику ресурсного национализма в Монголии, которая опирается на примеры из современной истории и представляет его как позитивное явление мирового масштаба.

На наш взгляд, отсутствие в Монголии четкой политической доктрины, которую можно было бы охарактеризовать как противостоящую ресурсному

⁸ Монгол Улсын Хууль «Монгол улсын ерөнхийлөгчийн сонгуулийн тухай» [Государственный закон Монголии «Выборах Президента»]. URL: <https://old.legalinfo.mn/law/details/15826> (accessed: 15.09.2022).

⁹ Монгол Улсын Хууль «Аймаг, нийслэл, сум, дүүргийн иргэдийн төлөөлөгчдийн хурлын сонгуулийн тухай» [Государственный закон «О выборах граждан в представительные органы аймаков, районов, поселений и столицы»]. URL: <https://old.legalinfo.mn/law/details/15125?lawid=15125> (дата обращения: 15.09.2022).

¹⁰ Резолюция № 1803 от 1962 г. Генеральной Ассамблеи ООН. URL: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/ga_1803/ga_1803_ph_r.pdf (дата обращения: 15.09.2022)

¹¹ Ганхуяг Д. Ресурсное проклятие. Почему Монголией до сих пор правят дураки и мошенники. URL: <http://asiarussia.ru/articles/18049/> (дата обращения: 15.09.2022).

национализму, открывает возможность для масштабных популистских заявлений. Многие из них публикуются в ведущих международных изданиях и влияют на фондовые рынки, поскольку угроза полной национализации той или иной отрасли экономики или предприятия видится слишком реалистичной. Вслед за этим биржевые игроки используют фактор этой весьма несистемной угрозы для спекуляций на биржевых активах горнодобывающих предприятий Монголии.

Заключение

Ресурсный национализм в Монголии представляет собой набор риторик, используемых политиками самой разной ориентации для достижения своих целей. Популярность принципов этого вида национализма обусловлена унаследованной со времен строительства социализма преемственностью в понимании права на землю и ресурсы. При описании проблем бедности и неравного распределения доходов его сторонники в основном опираются на вульгаризированные категории исторического материализма. Важно сказать, что ресурсный национализм менее всего связан с попытками постколониального осмысления развития Монголии и в большинстве случаев идет с ними в разрез. Хотя все же не исключено, что в ближайшем будущем постколониальные риторики станут востребованы и в дискуссиях о природных ресурсах.

Ресурсный национализм в изучаемой нами стране на протяжении последнего десятилетия постоянно менялся. Идеи национализации совместных предприятий сменяли проекты нации-рантье, а впоследствии и законодательные ограничения деятельности иностранных инвесторов. В сущности, подобные заявления отвечают общественному запросу на популизм, который в условиях господства «сырьевой экономики» приобретает соответствующие формы. В то же время отсутствие какой-либо согласованной позиции в отношении статуса иностранных корпораций обусловлено тем, что ксенофобские суждения не принадлежат какой-либо определенной политической силе, а используются самыми разными группам влияния в зависимости от конъюнктуры.

Как ранее уже отмечалось, идея связывать добычу природных ископаемых и национальные интересы существует не только в Монголии, но и в республиках постсоветской Центральной Азии. В Улан-Баторе же принято апеллировать к примеру этих стран, хотя наиболее убежденные адепты ресурсного национализма склонны описывать его как всемирный тренд. Подобный масштаб наводит на мысли об аналогии со всемирно-историческими проектами предыдущей эпохи, которые просто заменили на новые, более соответствующие современному положению вещей. В итоге ресурсный национализм, так и не оформленный в экономическую, правовую или политическую доктрину, остается набором идей, которые используются в популистских целях. Однако невозможно с полной уверенностью сказать,

что в ближайшем будущем какая-либо из политических сил не сформулирует соответствующую доктрину — идеологическую основу претензий на власть или собственность в этой стране.

Поступила в редакцию / Received: 17.06.2021

Доработана после рецензирования / Revised: 21.11.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.12.2022

Библиографический список

- Башкуев В.Ю.* «Ресурсный бум» и современные вызовы стратегиям развития Монголии (по материалам западной научной периодики и СМИ) // *Культурное наследие народов Центральной Азии*. Вып. 3, Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2012. С. 50–60.
- Бураев Д.И., Родионов В.А.* Выборы президента Монголии — 2017: внешнеполитические аспекты // *Проблемы Дальнего Востока*. 2017. № 5. С. 26–31.
- Михалев А.В.* Повседневность экономического национализма, или Кому принадлежит золото Монголии? // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2014. № 5 (17). С. 177–191.
- Михалев А.В., Рахимов К.К.* Центральная Азия и борьба за советское наследие // *Россия в глобальной политике*. 2023. № 1 (119). С. 153–162.
- Энхтувшин Б., Курас Л.В., Цыбенев Б.Д.* Глобализация и традиционное скотоводство монгольских кочевников // *Гуманитарный вектор*. 2013. № 4 (36). С. 235–243.
- Amarsanaa J.* *Constitutionalism and Constitutional review in Mongolia*. Ulaanbaatar: National Legal Institute Press, 2009.
- Bulag U.E.* *Mongolia in 2008: From Mongolia to Mine-golia* // *Asian survey*. 2009. № 49 (1). P. 129–134.
- Bumochir D.* *The State, Popular Mobilisation and Gold Mining in Mongolia. Shaping ‘Neoliberal’ Policies*, London: UCLPress, 2020.
- Delaplace G.* *Neighbors and their Ruins: Remembering Foreign Presences in Mongolia. Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border*, London: Open book publishers, 2012. P. 211–234.
- Domjan P., Stone M.* *A Comparative Study of Resource Nationalism in Russia and Kazakhstan 2004–2008* // *Europe-Asia Studies*. 2010. № 1 (62). P. 35–62.
- Ganbold M., Ali S.H.* *The peril and promise of resource nationalism: A case analysis of Mongolia’s mining development* // *Resources Policy*. 2017. № 1. P. 1–11.
- Humphrey C., Sneath D.A.* *The End of Nomadism? Society, State, and the Environment in Inner Asia*, Durham: Duke University Press, 1999.
- Jackson S.L.* *Imagining the mineral nation: Contested nation-building in Mongolia* // *Nationalities Papers*. 2015. № 43 (3). P. 437–456.
- Lander J.* *A Critical Reflection on Oyu Tolgoi and the Risk of a Resource Trap in Mongolia: Troubling the “Resource Nationalism” Frame* // *The Journal of Law, Social Justice and Global Development*. 2013. № 2. P. 1–14.
- Mydar O., Jackson S.L.* *Contradictions of Populism and Resource Extraction: Examining the Intersection of Resource Nationalism and Accumulation by Dispossession in Mongolia* // *Annals of the American Association of Geographers*. 2019. № 2 (109). 361–370.
- Pedersen M.A.* *Not Quite Shamans: Spirit Worlds and Political Lives in Northern Mongolia (Culture and Society after Socialism)*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2011.

- Pieper M. The new silk road heads north: implications of the China-Mongolia-Russia economic corridor for Mongolian agency within Eurasian power shifts // *Eurasian Geography and Economic*. 2021. Issue 5–6. Vol. 62. P. 745–768.
- Pomfret R. Resource Management and Transition in Central Asia. Azerbaijan and Mongolia // *East-West Center Working Paper. Economics series*. 2011. № 118 (June). P. 3–33.
- Sanders A.J. *The People's Republic of Mongolia: A general reference guide*, New York: Oxford U.P., 1968.
- Smith S. Power of the People's Parties and a post-Soviet Parliament: Regional infrastructural, economic, and ethnic networks of power in contemporary Mongolia // *Journal of Eurasian Studies*. 2020. № 2. P. 107–116.
- Szmyt Z. History of nation and ethnicity in Mongolia // *Sensus Historiae. Studia interdyscyplinarne*. 2012. № 3 (VIII). P. 11–28.
- Waters H. Building Merit: The Moral Economy of Illegal Wildlife Trade in Rural Post-Socialist Eastern Mongolia // *Comparative studies in Society and History*. 2022. Issue 2. Vol. 64. P. 422–445.

References

- Amarsanaa, J. (2009). *Constitutionalism and Constitutional review in Mongolia*. Ulaanbaatar: National Legal Institute Press.
- Bashkuev, V.U. (2012). «Resource Boom» and Modern Challenges to Mongolia's Development Strategies (Based on Western Scientific Periodicals and Mass Media). *Cultural heritage of the peoples of Central Asia* (Issue 3, pp. 50–60). Ulan-Ude: BSC SB RAS Publishing House. (In Russian).
- Bulag, U.E. (2009). Mongolia in 2008: From Mongolia to Mine-golia. *Asian survey*, 49(1), 129–134.
- Bumochir, D. (2020). *The State, Popular Mobilisation and Gold Mining in Mongolia. Shaping 'Neoliberal' Policies*. London: UCLPress.
- Buraev, D.I., & Rodionov, V.A. (2017). Mongolia Presidential Election 2017: Foreign Policy Aspects. *Far Eastern Affair*, (5), 26–31. (In Russian).
- Delaplace, G. (2012). Neighbors and their Ruins: Remembering Foreign Presences in Mongolia. *Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border*, pp. 211–234. London: Open book publishers.
- Domjan, P., & Stone, M. (2010). A Comparative Study of Resource Nationalism in Russia and Kazakhstan 2004–2008. *Europe-Asia Studies*, 1(62), 35–62.
- Ganbold, M., & Ali, S.H. (2017). The peril and promise of resource nationalism: A case analysis of Mongolia's mining development. *Resources Policy*, (1), 1–11.
- Enkhtuvshin, B., Kuras, L.V., & Tsibenov, B.D. (2013). Globalization and Traditional Cattle Breeding of Mongolian Nomads. *Humanitarian Vector*, (4), 235–243. (In Russian).
- Humphrey, C., & Sneath, D.A. (1999). *The End of Nomadism? Society, State, and the Environment in Inner Asia*. Durham: Duke University Press.
- Jackson, S.L. (2015). Imagining the mineral nation: Contested nation-building in Mongolia. *Nationalities Papers*, 43(3), 437–456.
- Lander, J. (2013). A Critical Reflection on Oyu Tolgoi and the Risk of a Resource Trap in Mongolia: Troubling the “Resource Nationalism” Frame. *The Journal of Law, Social Justice and Global Development*, (2), 1–14.
- Mikhalev, A.V. (2014). The daily routine of economic nationalism, or who owns Mongolia's gold? *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 5(17), 177–191. (In Russian).
- Mikhalev, A.V., & Rakhimov, K.K. (2023). Central Asia and the Struggle for the Soviet Legacy // *Russia in Global Affairs*, 1(119), 153–162. (In Russian).

- Mydar, O., & Jackson, S.L. (2019). Contradictions of Populism and Resource Extraction: Examining the Intersection of Resource Nationalism and Accumulation by Dispossession in Mongolia. *Annals of the American Association of Geographers*, (2), 361–370.
- Pedersen, M.A. (2011). *Not Quite Shamans: Spirit Worlds and Political Lives in Northern Mongolia (Culture and Society after Socialism)*. Ithaca and London: Cornell University Press.
- Pieper, M. (2021). The new silk road heads north: implications of the China-Mongolia-Russia economic corridor for Mongolian agency within Eurasian power shifts. *Eurasian Geography and Economic*. 62(5–6), 745–768.
- Pomfret, R. (2011). Resource Management and Transition in Central Asia. *Azerbaijan and Mongolia. East-West Center Working Paper. Economics series*, 118 (June), 3–33.
- Sanders, A.J. (1968). *The People's Republic of Mongolia: A general reference guide*, New York: Oxford U.P.
- Smith, S. (2020). Power of the People's Parties and a post-Soviet Parliament: Regional infrastructural, economic, and ethnic networks of power in contemporary Mongolia. *Journal of Eurasian Studies*, (2), 107–116.
- Szmyt, Z. (2012). History of nation and ethnicity in Mongolia. *Sensus Historiae. Studia interdyscyplinarne*, 3(VIII), 11–28.
- Waters, H. (2022). Building Merit: The Moral Economy of Illegal Wildlife Trade in Rural Post-Socialist Eastern Mongolia. *Comparative studies in Society and History*, 64(2), 422–445.

Сведения об авторе:

Михалев Алексей Викторович — доктор политических наук, директор Центра изучения политических трансформаций, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова (e-mail: mihalew80@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7069-2338)

About the author:

Alexey V. Mikhalev — Doctor of Political Sciences, Director of the Centre for Political Transformations Studies, Buryat State University (e-mail: mihalew80@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7069-2338)

МОЛОДЕЖЬ И СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

YOUTH AND THE MODERN RUSSIAN STATE

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-233-251

Научная статья / Research article

Запрос на патернализм: идея и ценность государства в сознании российской молодежи

Т.В. Евгеньева^{1,3,4} , А.В. Селезнева¹ ,
Н.С. Скипин^{2,3} , Д.Д. Тулегенова¹

¹ *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация*

² *Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук, Москва, Российская Федерация*

³ *Государственный академический университет гуманитарных наук,
Москва, Российская Федерация*

⁴ *Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация*

 etv133@mail.ru

Аннотация. Современная российская молодежь в целом значительно отличается от представителей более старших поколений в своих ценностных представлениях и поведенческих установках, что вместе с внутренней неоднородностью оказывает существенное влияние на стратегию работы с ней. В связи с этим целью представленного исследования стал ценностный и смысловой анализ одного из смыслообразующих концептов системы политических представлений личности — концепта государства на основе политико-психологического подхода. Эмпирической базой исследования стали результаты всероссийского репрезентативного опроса молодежи в возрасте 14–30 лет, проведенного осенью 2022 г. (объем выборки 2500 человек). Был поставлен исследовательский вопрос: какими смыслами наполнены идея и ценность государства в сознании современной молодежи? В качестве гипотез были сформулированы предположения о том, что для современной российской молодежи характерны традиционно свойственные отечественной политической культуре патерналистские ориентации. При этом представления о государстве

© Евгеньева Т.В., Селезнева А.В., Скипин Н.С., Тулегенова Д.Д., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

являются противоречивыми, отражают традиционные, исторически сложившиеся аксиологические трактовки и современные смыслы. Общим результатом исследования стал вывод об амбивалентном и нечетком характере представлений о российском государстве при доминировании позитивных характеристик. Отношение молодежи к государству носит утилитарный характер: его воспринимают в качестве источника благ, ответственного перед гражданами, ожидают от него заботы, защиты и обеспечения порядка. При этом молодые люди самих себя ответственностью перед государством и обществом зачастую не наделяют. В сознании молодежи государство ассоциируется с такими понятиями, как земля, народ и культура. При этом «русская земля» не просто воспринимается в качестве территории, а является самостоятельной ценностью в контексте идентификации личности с народом и его культурой. Такая трактовка имеет глубокие исторические ценностно-смысловые корни. Ее можно оценить как современную актуализацию отмечаемой историками связи понятий «Русская земля» и «Российское государство» в отечественной политической культуре.

Ключевые слова: государство, молодежь, гражданин, патернализм, политические ценности, символы, Русская земля

Для цитирования: *Евгеньева Т.В., Селезнева А.В., Скипин Н.С., Тулегенова Д.Д.* Запрос на патернализм: идея и ценность государства в сознании российской молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 233–251. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-233-251>

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта № 122101000038–6 (FZNF-2022-0004) «Аксиологические основы российской государственности: история и современность», реализованного в ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» по итогам отбора научных проектов, проведенного Министерством науки и высшего образования РФ и АНО ЭИСИ.

Request for Paternalism: The Concept and Value of State in the Minds of Russian Youth

Tatiana V. Evgenyeva^{1,3,4} , Antonina V. Selezneva¹ ,
Nikolay S. Skipin^{2,3} , Dinara D. Tulegenova¹

¹ *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

² *Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

³ *State Academic University of Humanities, Moscow, Russian Federation*

⁴ *Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

 etv133@mail.ru

Abstract. Modern Russian youth as a whole significantly differs from those of older generations in their values and behavioral disposition, which, in conjunction with internal heterogeneity, has a significant impact on the strategy of working with it. In connection therewith, the purpose of the research presented was the value and semantic analysis of one

of the meaning-forming concepts of the person's political representations system — the concept of the state on the basis of the political and psychological approach. The results of an all-Russian representative survey of young people aged 14–30 conducted during the autumn, 2022 served as an empirical basis for the study (sample size: 2,500). A research question was posed: what are the meanings of the idea and value of the state in the minds of modern youth? As hypotheses, the assumptions were formulated that the modern Russian youth is characterized by paternalistic orientations traditionally characteristic of the national political culture. At the same time, ideas about the state are contradictory, reflect traditional, historically established axiological interpretations and modern meanings. The overall result of the study was the conclusion about the ambivalent and unclear nature of ideas about the Russian state, with positive characteristics dominating. The attitude of young people to the state is utilitarian in nature: it is perceived as a source of benefits, responsible to citizens, they are expected to take care, protect and ensure order. At the same time, young people often do not endow themselves with responsibility to the state and society. In the minds of young people, the state is associated with such concepts as land, people and culture. At the same time, the “Russian land” is not simply perceived as a territory, but as an independent value in the context of identifying an individual with people and its culture. This interpretation has deep historical value and semantic roots. It can be judged as a modern actualization of the notions of «Russian Land» and «Russian State» noted by historians in the Russian political culture.

Keywords: state, youth, citizen, paternalism, political values, symbols, Russian land

For citation: Evgenyeva, T.V., Selezneva, A.V., Skipin, N.S., & Tulegenova, D.D. (2023). Request for paternalism: The concept and value of state in the minds of Russian youth. *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 233–251. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-233-251>

Acknowledgements: The research was conducted within the framework of the project «Axiological foundations of the Russian statehood: history and modernity» under the no. 122101000038–6 (FZNF2022-0004), implemented in the Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education (FSFEI HE) «State Academic University of Humanities» on the basis of the selection of scientific projects carried out by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and Autonomous Non-Profit Organization Expert Institute for Social Research (ANO EISR).

Введение

Российская молодежь в последние годы является объектом пристального внимания со стороны научного сообщества. Это обусловлено, во-первых, активным вовлечением молодых людей в программы и проекты молодежной политики, разные практики социальной активности, инициированные «сверху», что вызывает необходимость системного наблюдения за молодежью как субъектом социально-политических процессов и определения ее роли в трансформации российского общества. Как справедливо отмечает В.В. Петухов, «нынешний интерес к молодежи выходит за рамки сугубо академического дискурса, приобретая политическое звучание в контексте формирующегося в обществе запроса на перемены» [Петухов, 2020:

122–123]. Во-вторых, сама молодежь сегодня не только значительно отличается от представителей более старших когорт в структуре российского общества, но и внутри себя весьма неоднородна. И если определенные различия во взглядах на жизнь и поведенческих моделях традиционно свойственны для «отцов и детей», межпоколенческие (и даже внутр поколенческие) различия сегодня пролегают очень глубоко — на ценностно-мировоззренческом уровне [Яницкий и др. 2019]. Умножив это на психологические особенности молодежи, мы получаем очень специфическую картину облика этого поколения [Селезнева 2022], на основе которой должны выстраиваться стратегия и тактика взаимодействия с ним.

В настоящее время в социогуманитарной науке накоплен значительный пласт знаний о смысло-жизненных и политических ценностях и ориентациях, представлениях и установках молодежи¹ [Чуев, Тимохович, Гришаева 2017; Воскресенский, Рабош, Суныгина 2018; Касамара, Максименкова, Сорокина 2020; Зубок, Любутов 2021; Шашкова, Асеев, Казанцев 2021]. Исследования показывают, что особое место в политическом сознании молодежи занимает комплекс патерналистских установок и ориентаций: государство воспринимается молодежью как основной субъект политики [Шашкова, Асеев, Казанцев 2021], ему отводится ключевая роль в реализации политических ценностей молодых граждан [Селезнева 2022] и построении справедливого общества [Касамара, Максименкова, Сорокина 2020], защите прав и свобод человека², «молодежь ярко демонстрирует запрос к государственным институтам на безопасность, заботу, покровительство» [Турков 2021]. Ориентация на государство является характерной чертой отечественной политической культуры [Белинская, Литвина, Муравьева, и др. 2004], и молодежь активно ее воспроизводит [Евгеньева, Селезнева, Антонов 2021]. При этом без ответа пока остается вопрос о том, какие именно исторически сложившиеся идейно-смысловые линии воспроизводятся сегодня в сознании молодежи. Поэтому *цель настоящего исследования* заключается в том, чтобы проследить, какими смыслами наполнены идея и ценность государства в сознании современной молодежи, выявить их традиционные основания и современные аспекты.

Концептуальные основания, материалы и методы исследования

Концептуальную основу исследования составляет политико-психологический подход, который обладает теоретическими и инструментальными возможностями для изучения политических ценностей, представлений и ориентаций

¹ Gudkov L., Zorkaya N., Kochergina E., Pipiya K., Ryseva A. Russia's 'Generation Z': Attitudes and Values // Library of the Friedrich-Ebert-Stiftung. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16134.pdf> (accessed: 01.11.2022).

² Ibid.

в структуре политического сознания граждан. В рамках данного подхода политические ценности определяются как «устойчивые, имплицитно присущие отдельной личности, социальной группе или обществу в целом смысловые доминанты, определяющие идеологические приоритеты и политические принципы социальных отношений» [Селезнева 2019]. Политические представления и ориентации тесно связаны с политическими ценностями, раскрывают смысловое наполнение ценностных понятий в контексте актуальных политических процессов и определяют отношение людей к политическим институтам и иным политическим акторам.

Другим концептуальным базисом нашего исследования являются положения теории политической культуры, касающиеся ценностных ориентаций и установок граждан [Алмонд, Верба 2014; Inglehart, Baker 2000; Welzel, Deutsch 2016], и современные исследования, посвященные идейно-смысловым истокам политической культуры и аксиологическим основаниям российской государственности [Пивоваров, Фурсов 2001; Сергеев 2012; Перевезенцев 2018].

Базовой аксиологической доминантой нашей политической культуры является государство, которое, по мнению Ю.С. Пивоварова, вместе и обществом и церковью составляет смысловую триаду, лежащую в основе «Русской идеи» [Пивоваров 2003]. Именно государство для жителей нашей страны является носителем «вдохновляющих духовных смыслов» [Шабров 2011].

С.В. Перевезенцев и группа его соавторов считают, что в понятии «государство» воплотился духовно-политический аксиологический комплекс понятий «Русская земля», «Российское государство», «Российское царство» [Перевезенцев, Пучнина, Страхов, Шакирова 2021]. Похожий ассоциативный ряд, опирающийся на понятие «Русская земля», и сегодня выявляется в ряде исследований, связанных с образом Российского государства. В них респонденты связывают с образом России такие понятия, как «территория», «природные богатства» и «особенные люди» [Евгеньева, Смулькина, Цымбал 2020].

Эмпирическую базу исследования составили данные всероссийского репрезентативного опроса молодежи в возрасте 14–30 лет, проведенного осенью 2022 г. В исследовании была использована многоступенчатая, пропорциональная, районированная (стратифицированная) выборка общим объемом 2 500 человек. Основными параметрами для построения выборки были выбраны пол, возраст и регион проживания³. При составлении анкеты использовались преимущественно закрытые и полужакрытые вопросы с единичным и множественным выбором, применялись приемы оценочного шкалирования. Психологический компонент исследования был реализован с помощью метода неоконченных предложений. Вопросы анкеты были составлены в соответствии с определенным на этапе концептуализации перечнем индикаторов.

³ На этапе стратифицирования молодежи по федеральным округам дополнительно были включены территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской области, вошедшие в состав РФ в качестве новых регионов в октябре 2022 г.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате проведенного исследования было выявлено, что представления о российском государстве у молодежи амбивалентные и нечеткие, отчего в процентном выражении между оценками характеристик государства нет существенной разницы. Важно заметить, что представители молодой когорты российских граждан преимущественно позитивно характеризуют государство. Более половины респондентов считают, что российское государство в целом организовано и благополучно. 31,3 % опрошенных определяют его как сильное, 30,2 % считают подходящим местом для жизни. Однако представления о проводимой внутренней политике государства являются самыми неоднозначными, и разница в процентном выражении ответов по этому показателю минимальная — 16,5 % респондентов считают, что российское государство успешно во внутренней политике, 14,4 % — придерживаются противоположных позиций. Затруднение у респондентов вызвало положение о направленности развития — 22,5 % считают российское государство ориентированным на будущее, 19,4 % — на прошлое. (табл. 1).

Таблица 1

**Характеристика российского государства
в представлениях молодежи, %**

Характеристика	Шкала оценки						Характеристика	
	3	2	1	0	1	2		3
Сильное	31,3	22,2	13,2	11,2	7,0	8,3	6,8	Слабое
Ответственное	18,7	20,4	14,8	15,5	8,0	9,9	12,7	Безответственное
Организованное	18,8	18,1	20,3	12,9	10,1	10,3	9,6	Неорганизованное
Благополучное	16,1	20,1	19,3	14,4	12,3	9,0	8,7	Неблагополучное
Заботящееся о гражданах	16,7	17,7	20,0	15,3	9,0	8,1	13,0	Не заботящееся о гражданах
Хорошо управляемое	18,3	19,5	18,8	15,2	8,0	9,8	10,3	Плохо управляемое
Проводящее грамотную внешнюю политику	27,9	18,0	9,6	13,3	7,9	10,7	12,6	Принимающее стихийные решения во внешней политике
Уважаемое в мире	27,1	15,9	15,5	10,5	7,4	9,3	14,3	Неуважаемое в мире
Успешное во внутренней политике	16,5	18,3	18,4	12,2	8,8	11,4	14,4	Неуспешное во внутренней политике
Развивающееся	24,0	16,6	14,3	12,5	10,5	9,3	12,8	Деградирующее
Ориентированное на будущее	22,5	16,0	12,2	14,5	7,5	7,9	19,4	Ориентированное на прошлое
Где хочется жить	30,2	18,1	14,3	11,9	7,3	8,1	10,2	Где не хочется жить

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Characteristics of the Russian state in the views of youth, %

Characteristics	Rating scale							Characteristics
	3	2	1	0	1	2	3	
Strong	31.3	22.2	13.2	11.2	7.0	8.3	6.8	Weak
Responsible	18.7	20.4	14.8	15.5	8.0	9.9	12.7	Irresponsible
Organized	18.8	18.1	20.3	12.9	10.1	10.3	9.6	Unorganized
Prosperous	16.1	20.1	19.3	14.4	12.3	9.0	8.7	Unprosperous
Caring about citizens	16.7	17.7	20.0	15.3	9.0	8.1	13.0	Not caring about citizens
Well managed	18.3	19.5	18.8	15.2	8.0	9.8	10.3	Poorly Managed
Pursuing a competent foreign policy	27.9	18.0	9.6	13.3	7.9	10.7	12.6	Spontaneous decision maker in foreign policy
Respected in the world	27.1	15.9	15.5	10.5	7.4	9.3	14.3	Not respected in the world
Successful in domestic politics	16.5	18.3	18.4	12.2	8.8	11.4	14.4	Not successful in domestic politics
Developing state	24.0	16.6	14.3	12.5	10.5	9.3	12.8	Degrading
Oriented to the future	22.5	16.0	12.2	14.5	7.5	7.9	19.4	Oriented to the past
I want to live here	30.2	18.1	14.3	11.9	7.3	8.1	10.2	I don't want to live here

Source: made by authors, data collected in the research.

Респонденты женского пола в целом более позитивно относятся к государству, а в некоторых вопросах мужчины и женщины имеют противоположные точки зрения. 26,7% женщин считают российское государство ориентированным на будущее, а 23,6% мужчин на прошлое. Вопрос об успехе государства во внутренней политике также показывает противоположность во взглядах мужчин и женщин, 17,5% мужчин считают российское государство не успешным во внутренней политике, в отличие от женщин, среди которых 19,7% оценивают внутреннюю политику позитивно.

Если посмотреть на представления о государстве молодых россиян в возрастном разрезе, то заметно выделяются две группы. Респонденты 18–22 лет и 23–26 лет демонстрируют более негативные представления о государстве. В сознании респондентов этого возраста государство предстает преимущественно как не заботящееся о гражданах, неуспешное во внутренней политике, ориентированное на прошлое. По мере взросления наблюдается более позитивное отношение к проводимой внутренней и внешней политике, государство видится как благополучное, организованное, хорошо управляемое.

Понятиями, символизирующими российское государство для большинства опрошенных респондентов, являются Родина (62,4%) и Отечество (47,4%).

Однако мы отмечаем и негативные аспекты восприятия: для немалой части молодых людей (11,4 %) российское государство видится как тоталитарная диктатура, а в рамках открытого вопроса неоднократно встречались следующие ответы: «авторитарное государство», «авторитаризм», авторитарная диктатура» (табл. 2).

Таблица 2

**Понятия, символизирующие для молодежи
российское государство (до двух ответов), %**

Понятие	Все опрошенные	14–17	18–22	23–26	27–30
Родина	62,4	67,6	60,4	50,0	70,1
Отечество	47,4	52,8	45,5	44,1	47,5
Держава	30,4	35,0	33,3	32,6	22,1
Империя	24,8	20,5	20,0	26,2	31,7
Империя зла	7,7	6,9	7,0	9,4	7,9
Мордор	4,8	4,6	5,3	9,1	1,2
Бензоколонка (сырьевой придасток)	9,6	6,0	11,3	5,8	14,0
Тоталитарная диктатура	11,4	11,3	13,8	12,8	8,2
Затрудняюсь ответить	7,8	7,8	7,8	9,4	6,6
Другое	4,3	6,9	4,9	4,9	1,2

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Table 2

Concepts that symbolize the Russian state for young people (up to two answers), %

Concept	All respondents	14–17	18–22	23–26	27–30
Motherland	62.4	67.6	60.4	50.0	70.1
Fatherland	47.4	52.8	45.5	44.1	47.5
Power	30.4	35.0	33.3	32.6	22.1
Empire	24.8	20.5	20.0	26.2	31.7
Empire of Evil	7.7	6.9	7.0	9.4	7.9
Mordor	4.8	4.6	5.3	9.1	1.2
Fuel station (raw material appendage)	9.6	6.0	11.3	5.8	14.0
Totalitarian dictatorship	11.4	11.3	13.8	12.8	8.2
Difficult to answer	7.8	7.8	7.8	9.4	6.6
Other	4.3	6.9	4.9	4.9	1.2

Source: made by authors, data collected in the research.

По данному вопросу мы снова фиксируем более негативное представление о государстве у мужчин, чем у женщин, которое проявляется в выборе понятий, символизирующих российское государство. Понятие «мордор» выбрали 7,8 % мужчин и лишь 1,9 % женщин, «империя зла» — 9,6 % мужчин и 5,9 % женщин, «бензоколонка (сырьевой придаток)» — 14,4 % мужчин и 4,8 % женщин.

С негативными представлениями о российском государстве вновь выделяется возрастная группа 23–26 лет. Из респондентов 27–30 лет понятие «мордор»⁴ выбрали лишь 1,2 %, тогда как для возрастной группы 23–26 лет — этот показатель составил 9,1 % (табл. 2).

Исследование особенностей политических представлений о государстве у молодежи выявило полярность во взглядах респондентов из столичных городов и жителей села. Для молодых людей из поселков российское государство в большей степени предстает как Родина или Отечество, негативное отношение практически не проявляется, тогда как у жителей Москвы или Санкт-Петербурга представления более размыты с наличием негативных символических ассоциаций. Процент респондентов, выделивших понятие «тоталитарная диктатура» применительно к российскому государству, из Москвы составляет 22,3 %, из Санкт-Петербурга 24,8 %, тогда как из села такой вариант выбрали только 6,3 % респондентов.

Отношение к государству у современной российской молодежи соответствует традиционно свойственной нашей политической культуре ориентации на патернализм. В представлениях о взаимоотношениях государства и гражданина отмечается запрос на порядок и свободу. У большинства респондентов государственное регулирование общественной жизни сводится к обеспечению правопорядка (47,3 %), треть опрошенных допускают значительное вмешательство государства во все сферы жизни общества, кроме личной (32,3 %). Среди опрошенных молодых людей есть сторонники крайних позиций — минимального (6,3 %) и максимального вмешательства (6,5 %) соответственно. Принадлежность респондентов к разным возрастным группам не является фактором, определяющим тенденции их восприятия взаимоотношений в системе «государство — гражданин (табл. 3).

В вопросе о взаимоотношениях государства и гражданина нами фиксируется большой запрос на свободу у молодых мужчин: 8,3 % респондентов мужского пола считают, что вмешательство государства во все сферы жизни общества и граждан должны быть минимальны, тогда как среди женщин этой позиции придерживаются лишь 4,8 %.

Представления о Президенте России у молодых людей не характеризуются полярностью: как государя и правителя его видят 41,4 % опрошенных, как высшего государственного чиновника — 33 %. Нами фиксируется запрос молодежи на необходимость восприятия Президента как слуги, а не хозяина народа. Так, в рамках

⁴ В современном молодежном дискурсе слово «мордор» применительно к России ассоциируется с авторитаризмом, подавлением прав человека, коррупцией, низким уровнем безопасности (источник — система образов трилогии «Властелин колец» Дж. Р.Р. Толкина)

открытого вопроса молодые люди утверждали, что на данный момент Президент России является фактически государем, а должен быть высшим государственным чиновником: «президент должен быть менеджером, а сейчас же он является правителем», «сейчас Президент России — это государь/правитель, но должен быть выборным лицом, служащим на благо своего народа». Фактор возраста, как и в предыдущем случае, не определяет существенных различий в восприятии Президента представителями разных когорт в структуре молодежи (табл. 4).

Таблица 3

Представления молодежи о взаимоотношениях государства и гражданина (один ответ), %

Выбранные утверждения	Все опрошенные	14–17	18–22	23–26	27–30
Государство может и должно в полной мере контролировать все сферы жизнедеятельности граждан	6,3	6,9	6,1	5,2	7,1
Государство должно контролировать социальные, экономические и политические отношения в обществе, но не может регулировать сферу личной жизни и мировоззрение граждан	32,3	34,6	31,9	20,7	40,1
Государство обеспечивает нормативное регулирование общественных отношений и правопорядок, граждане имеют значительную степень свободы во всех сферах своей жизнедеятельности	47,3	38,3	52,2	53,1	45,4
Вмешательство государства во все сферы жизни общества и граждан должно быть минимальным	6,5	9,9	5,1	9,1	3,0
Затрудняюсь ответить	5,8	8,9	4,2	7,0	3,7
Другое	1,8	1,5	0,5	5,0	0,7

Источник: составлено авторами по результатам исследования

Table 3

Young people's ideas about the relationship between the state and the citizen (one answer), %

Selected statements	All respondents	14–17	18–22	23–26	27–30
The state can and should fully control all spheres of life of citizens	6.3	6.9	6.1	5.2	7.1
The state must control social, economic and political relations in society, but cannot regulate the sphere of personal life and the worldview of citizens	32.3	34.6	31.9	20.7	40.1
The state ensures the normative regulation of social relations and the rule of law, citizens have a significant degree of freedom in all spheres of their life	47.3	38.3	52.2	53.1	45.4
State intervention in all spheres of society and citizens should be minimal	6.5	9.9	5.1	9.1	3.0
Difficult to answer	5.8	8.9	4.2	7.0	3.7
Other	1.8	1.5	0.5	5.0	0.7

Source: made by authors, data collected in the research.

Президент России в представлениях молодежи (один ответ), %

Выбранные утверждения	Все опрошенные	14–17	18–22	23–26	27–30
Президент России — это государь / правитель	41,4	47,4	39,4	38,9	40,3
Президент России — это высший государственный чиновник, менеджер	33,0	26,4	32,7	30,0	41,4
Затрудняюсь ответить	18,5	19,7	20,5	20,7	14,0
Другое	7,1	6,5	7,4	10,4	4,3

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

The President of Russia as seen by young people (one answer), %

Selected statements	All respondents	14–17	18–22	23–26	27–30
The President of Russia is a sovereign / ruler	41.4	47.4	39.4	38.9	40.3
The President of Russia is the highest state official, manager	33.0	26.4	32.7	30.0	41.4
Difficult to answer	18.5	19.7	20.5	20.7	14.0
Other	7.1	6.5	7.4	10.4	4.3

Source: made by authors, data collected in the research.

Следует отметить особенности в представлениях о Президенте России респондентов разных территориальных образований. Жители села преимущественно считают, что Президент России — это государь или правитель, а представители столичных городов придерживаются другого мнения, для них Президент России в большей степени высший государственный чиновник.

Ответы на вопрос о понятиях, с которыми у респондентов ассоциируется российское государство, можно объединить в три основные группы (табл. 5). Первая, довольно значительная (62,5 %), — это формальные ассоциации «государство—страна». Этот выбор характерен в большей степени для мужчин, чем для женщин. Возраст респондентов здесь не имеет значения. Вторая группа ответов связана с институциональными признаками государства: президент, государственные институты. Третья группа ответов, самая многочисленная, включает ассоциации с землей или людьми (народом, семьей). При этом важно подчеркнуть, что, отвечая как на закрытый, так и на открытый вопросы о символах Русской земли, многие респонденты соотносили смысл понятия «земля» с образами людей, народа или народов, ее населяющих.

**Степень выраженности ассоциаций с понятием «государство»
у российской молодежи, %**

Ассоциация	В полной мере	В средней степени	Слабо	Совсем никак	Затрудняюсь ответить
Страна	62,5	24,2	6,8	3,8	2,6
Территория	48,3	31,5	13,5	3,9	2,8
Президент	50,3	28,3	12,5	6,0	3,0
Политические институты (Государственная Дума, Правительство и др.)	48,8	30,2	11,8	6,2	2,9
Народ, люди, граждане	67,7	16,4	7,3	5,9	2,7
Семья	37,3	24,9	13,7	19,5	4,6

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Table 5

**The degree of expression of associations with the concept
of “state” among Russian youth , %**

Associated notion	To the fullest	To an average degree	Weak	Not at all	Difficult to answer
Country	62.5	24.2	6.8	3.8	2.6
Territory	48.3	31.5	13.5	3.9	2.8
The president	50.3	28.3	12.5	6.0	3.0
Political institutions (State Duma, Government, etc.)	48.8	30.2	11.8	6.2	2.9
People, citizens	67.7	16.4	7.3	5.9	2.7
Family	37.3	24.9	13.7	19.5	4.6

Source: made by authors, data collected in the research.

Похожие тенденции проявились при анализе результатов ответа на вопрос о значении образа Русской земли для респондентов (табл. 6). Часть из них определяют ее как территорию. При этом для женщин имеет значение в большей степени территория современная, мужчины же выбирают территории, исторически входившие в состав России. Возраст или социальная принадлежность респондентов здесь существенного значения не имеют. Для второй группы молодых людей Русская земля — это, в первую очередь, государство. Для третьей группы, самой многочисленной, Русская земля ассоциируется с народом или его культурой. Именно эти и близкие по смыслу ответы выбирали большинство респондентов, независимо от пола и возраста. Как уже упоминалось выше, анализ ответов на открытый вопрос показал тот же результат.

Русская земля в представлениях молодежи (до трех ответов), %

Территория современной России	37,3
Территории, исторически входившие в состав России	26,6
Территория проживания русских	18,0
Природные ресурсы	11,5
Православные земли	10,1
Русский народ	43,8
Российское государство	29,5
Русская культура	44,9
Родина всех русских людей	21,7
Затрудняюсь ответить	6,2
Другое	4,4

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Table 6

Russian land in the minds of young people (up to three answers), %

Territory of modern Russia	37,3
Territories that were historically part of Russia	26.6
Territory of residence of Russians	18.0
Natural resources	11.5
Orthodox lands	10.1
Russian people	43.8
Russian state	29.5
Russian culture	44.9
Motherland of all Russian people	21.7
Difficult to answer	6.2
Other	4.4

Source: made by authors, data collected in the research.

Обобщая результаты анализа данных по отдельным вопросам, можно сделать вывод, что первоначальное утверждение о нечеткости и амбивалентности понимания молодежью концепта «Российское государство» в целом подтвердилось. Однако при всей интерпретационной и оценочной разнонаправленности суждений молодых людей можно выявить в них ряд общих тенденций, которые являются разными формами проявления одной из глубинных характеристик российской политической культуры — запроса на патернализм.

Первая тенденция. В ответах, связанных с представлениями о взаимоотношениях государства и гражданина, отражается одновременное присутствие запроса на свободу и порядок. При этом свобода интерпретируется как «свобода меня как личности», а установление порядка, то есть фактически правовое и организационное обеспечение свободы, ожидается от государства. Можно отметить, что выбор респондентами вариантов ответа, связанных с большей

свободой («минимальное участие государства»), часто не находит выражения на поведенческом уровне. Свобода от вмешательства государства в их понимании не предполагает собственного участия в общественно-политической жизни страны. Среди респондентов, выбравших вариант минимального участия государства во всех сферах жизни граждан, большинство (2/3) заявили о своей неготовности к такому участию или вообще затруднились с ответом. Схожие выводы были получены ранее в рамках исследования, продемонстрировавшего понимание представителями молодежи концепта свободы в качестве «свободы от», а не «свободы для» [Евгеньева 2022].

Вторая тенденция отражает специфику соотношения между собой различных представлений молодежи о государстве. При том, что в большинстве своем респонденты позитивно воспринимают современное российское государство, наличие негативных характеристик позволяет понять, по каким основаниям респонденты оценивают успешность его деятельности. Если проанализировать ответы двух возрастных когорт (18–22 и 23–26) с наибольшим количеством негативных оценок, можно увидеть сопряжение между представлениями об успешности/неуспешности государства («плохо управляемое», «деградирующее», «не уважаемое в мире») с такой его характеристикой, как «забота о гражданах».

Третья тенденция проявилась в ответах на вопрос о роли в российском государстве Президента РФ. Не углубляясь в интерпретационные различия, большая часть (около половины) респондентов выбрала определение «государь/правитель».

Еще одна тенденция, выявленная в результате анализа ответов респондентов на вопросы, определяющие ассоциативные характеристики образа российского государства, — доминирование ассоциаций, базирующихся на понятиях *земля, народ и культура*. При этом для большинства молодых людей земля не означает формальную или даже историческую территорию. Земля имеет неразрывную связь с народом и его культурой.

Заключение

Анализ результатов исследования позволяет заключить, что в сознании молодежи присутствуют противоречивые представления о российском государстве, которые одновременно отражают свойственные современному молодому поколению тенденции политического восприятия в актуальном контексте и опираются на исторически сложившиеся понятийные и аксиологические основания.

Государство в целом представляется молодежи как самостоятельный, часто персонифицированный политический субъект, от которого она ожидает (часто одновременно) не только обеспечения свободы и справедливости, но и установления порядка, заботы о гражданах. Такое отношение, которое условно можно определить как утилитарное, отражает тенденцию восприятия государства в качестве источника благ. Данную тенденцию, традиционно характерную для массового сознания россиян и присутствующую в сознании молодежи,

можно определить формулировкой, вынесенной в заголовок статьи, — запрос на патернализм.

Смысловое ядро представлений о государстве в значительной степени составляют такие понятия, как «земля», «народ» и «культура», отражающие возможно не до конца осознаваемые представления о единстве народа с землей, понимаемой в качестве не простой территории, а самостоятельной ценности, одного из элементов самоидентификации в качестве «мы». Эти представления молодежи о государстве имеют глубокие исторические аксиологические корни. Их можно оценить как современную актуализацию взаимосвязи понятий «Русская земля» и «Российское государство», о которой пишут историки социально-политической мысли. Несмотря на то, что с XVI в. прямая взаимосвязь между ними перестает присутствовать в официальном дискурсе, она сохраняется в массовом сознании и сегодня транслируется в ответах молодых респондентов, принадлежащих к разным возрастным группам.

Что же означают полученные нами данные в контексте актуальных политических процессов и роли молодежи в них?

Осмысление свойственных молодежи патерналистских ориентаций выводит нас на проблему политической субъектности молодежи, а точнее, ее недостаточности или более категорично — отсутствия. Молодежь проявляет установки на автономию, самореализацию и самовыражение, декларирует ценность свободы в формате «свободы от». Но при этом она выступает в качестве пассивного благополучателя, демонстрируя односторонний характер модальности должностования и ответственности — от государства к гражданину. Обратная логика, предусматривающая их долг и ответственность перед государством и обществом, молодыми людьми практически не предполагается.

Эта особенность, при слабом знании молодежью правовых оснований взаимоотношений личности и государства, создает основу для манипулирования ее сознанием и поведением, предлагая под предлогом защиты ценностей свободы и справедливости участвовать или поддерживать политическую активность, направленную против государства и его институтов.

Проецирование выявленных проблем в плоскость практической работы с молодежью актуализирует задачу формирования у подрастающего поколения системных историко-политологических знаний в рамках обязательного образовательного процесса и дополнительных просветительских программ. При этом содержание изучаемых молодежью курсов должно раскрывать аксиологические основы российской государственности, опираться на традиционные, исторически сложившиеся в нашей политической культуре смыслы и ценности.

Поступила в редакцию / Received: 20.10.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 20.11.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.12.2022

Библиографический список

- Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / пер. с англ. Е. Генделя. М.: Мысль, 2014.
- Белинская Е.П., Литвина С.А., Муравьева О.И., Стефаненко Т.Г., Тихомандрицкая О.А. Политическая культура: установка на патернализм в ментальности россиян // Сибирский психологический журнал. 2004. № 20. С. 63–70.
- Воскресенский А.А., Рабош В.А., Сунягина А.Г. Постматериальные ценности поколения Z на пути к обществу знаний — к постановке проблемы // Общество. Среда. Развитие. 2018. № 1. С. 84–87.
- Евгеньева Т.В. Влияние социально-политической идентификации современной молодежи на представления о моральных ценностях и нормах // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 12 (2). С. 84–90. <http://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-2-84-90>
- Евгеньева Т.В., Селезнева А.В., Антонов Д.Е. Политическая культура российской студенческой молодежи: ценностные, образно-символические и поведенческие аспекты // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. № 11(2). С. 63–71. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-2-63-71>
- Евгеньева Т.В., Смутькина Н.В., Цымбал И.А. Место России в мире в восприятии рядовых граждан: идентификационное измерение // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 181–191. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.13>
- Зубок Ю.А., Любутов А.С. Смысловое пространство реальности: структурная таксономия оснований саморегуляции взаимодействий в молодежной среде // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 3. С. 167–181. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.3.75.10>
- Касамара В.А., Максименкова М.С., Сорокина А.А. Справедливость в представлениях российской студенческой молодежи // Общественные науки и современность. 2020. № 4. С. 20–30. <https://doi.org/10.31857/S086904990010748-4>
- Перевезенцев С.В. «По устройению дедню и отню»: к вопросу о значении традиционализма в русской истории // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 243–254. <https://doi.org/10.24030/24092517-2018-0-1-243-254>
- Перевезенцев С.В., Пучнина О.Е., Страхов А.Б., Шакирова А.А. «Государствуем от великаго Рюрика...»: К вопросу о формировании единого духовно-политического аксиологического комплекса «Русская земля — Российское государство — Российское царство» // Тетради по консерватизму. 2021. № 3. С. 245–262. <https://doi.org/10.24030/24092517-2021-0-3-245-262>
- Петухов В.В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 119–138. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621>
- Пивоваров Ю.С. «Русская идея»: культурно-цивилизационные предпосылки // Синтез цивилизации и культуры. Международный альманах / отв. ред. Ю. Пивоваров, Т. Тимофеев, Н. Шмелёв. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН. 2003. С. 62–103.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская Система» как попытка понимания русской истории // Полис. Политические исследования. 2001. № 4. С. 37–48.
- Селезнева А.В. Концептуально-методологические основания политико-психологического анализа политических ценностей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 177–192. <https://doi.org/10.17223/1998863X/49/18>
- Селезнева А.В. Российская молодежь: политико-психологический портрет на фоне эпохи. М.: Аквилон, 2022.

- Сергеев В.М. Исторические истоки русской политической культуры // Полис. Политические исследования. 2012. № 4. С. 8–22.
- Турков Е.А. Патерналистические ориентации российской учащейся молодежи: политико-психологический анализ // Полилог/Polylogos. 2021. Т 5. № 3. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110017317-0-1/> (дата обращения: 1.11.2022). <https://doi.org/10.18254/S258770110017317-0>
- Чуев С.В., Тимохович А.Н., Гришаева С.А. Политические ценности российской молодежи: материалы исследования // Власть. 2017. Т. 25, № 11. С. 54–60.
- Шабров О.Ф. Духовные основы российской политики // Открытое образование. 2011. № 2. С. 155–158.
- Шашкова Я.Ю., Асеев С.Ю., Казанцев Д.А. Ценностные основы восприятия политики учащейся молодежью Сибири и Дальнего Востока // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 2 (67). С. 39–50. <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2021-67-2-039-050>
- Яницкий М.С., Серый А.В., Браун О.А., Пелех Ю.В., Маслова О.В., Сокольская М.В., Санжаева Р.Д., Монсонова А.Р., Дагбаева С.Б., Неякина Ю.Ю., Кадыров Р.В., Капустина Т.В. Система ценностных ориентаций «поколения Z»: социальные, культурные и демографические детерминанты // Сибирский психологический журнал. 2019. № 72. С. 46–67. <https://doi.org/10.17223/17267080/72/3>
- Inglehart R.F., Baker W. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. P. 15–91.
- Welzel C., Deutsch F. The Diffusion of Values among Democracies and Autocracies // *Global Policy*. 2016. Vol. 7, no. 4. P. 563–570. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12388>

References

- Almond, G., & Verba, S. (2014). *The Civic culture. Political attitudes and democracy in five nations*. Moscow : Mysl'. (In Russian). [Almond, G., & Verba, S. (1963). *The civic culture. Political attitudes and democracy in five nations*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press].
- Belinskaya, E.P., Litvina, S.A., Muravyeva, O.I., Stefanenko, T.G., & Tihomandrickaya, O.A. (2004). Political culture: Attitude towards paternalism in the mentality of Russians. *Siberian Journal of Psychology*, (20), 63–70. (In Russian).
- Chuev, S.V., Timohovich, A.N., & Grishaeva, S.A. (2017). Political values of Russian youth: Results of the study. *Vlast*, 25(11), 54–60. (In Russian).
- Evgenyeva, T.V. (2022). The influence of the socio-political identification of modern youth on notions of moral values and norms. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 12(2), 84–90. (In Russian). <http://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-2-84-90>
- Evgenyeva, T.V., Selezneva, A.V., & Antonov, D.E. (2021). Political culture of the Russian students: Value-based, figurative-symbolic and behavioral aspects. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2021, 11(2), 63–71. (In Russian). <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-2-63-71>
- Evgenyeva, T.V., Smulkina, N.V., & Tsybmal, I.A. (2020). Russia's place in the world in the perception of national citizens: Identification dimension. *Polis. Political Studies*, (4), 181–191. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.13>
- Inglehart, R.F., & Baker, W. (2020). Modernization, cultural change and the persistence of traditional values. *American Sociological Review*, 65, 15–91.
- Kasamara, V., Maximenkova, M., & Sorokina, A. (2020). Russian students' perceptions of justice. *Social Sciences and Contemporary World (ONS)*, (4), 20–30. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S086904990010748-4>

- Perevezentsev, S.V. (2018). “Po ustroeniu dedny i otny”: To the question of the significance of traditionalism in Russian. *Essays on Conservatism*, (3), 245–262. (In Russian). <https://doi.org/10.24030/24092517-2018-0-1-243-254>
- Perevezentsev, S.V., Puchnina, O.E., Strakhov, A.B., & Shakirova, A.A. (2021). “We rule from the Great Rurik...”: On the issue of the formation of the common spiritual and political axiological complex “Russian Land — Russian State — Russian Realm”. *Essays on Conservatism*, (3), 245–262. (In Russian). <https://doi.org/10.24030/24092517-2021-0-3-245-262>
- Petukhov, V.V. (2020). Russian youth and its role in society transformation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (3), 119–138. (In Russian).
- Pivovarov, Yu.S. (2003). “Russian Idea”: Cultural and civilizational prerequisites. In Yu. Pivovarov, T. Timofeev & N. Shmelev (Eds.), *Synthesis of Civilization and Culture. International almanac* (pp. 62–103). Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Pivovarov, Yu.S., & Fursov, A.I. (2001). “Russian System” as an attempt to understand Russian history. *Polis. Political Studies*, (4), 37–48. (In Russian).
- Selezneva, A.V. (2019). Conceptual and methodological foundations of political and psychological analysis of political values. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, (49), 177–192. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/1998863X/49/18>
- Selezneva, A.V. (2022). *Russian Youth: Political and Psychological Portrait in the Background of the Epoch*. Moscow: Aquilon. (In Russian).
- Sergeev, V.M. (2012). Historical origins of Russian political culture. *Polis. Political Studies*, (4), 8–22. (In Russian).
- Shabrov, O.F. (2011). Spiritual foundations of Russian politics. *Open Education*, (2), 155–158. (In Russian).
- Shashkova, Ya.Yu., Aseev, S.Yu., & Kazancev, D.A. (2021). The Siberian and Far Eastern Federal districts’ youth and their value-based perceptions of politics. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 2(67), 39–50. (In Russian). <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2021-67-2-039-050>
- Turkov, E.A. (2021). Paternalistic Orientations of Russian Students: Political and Psychological Analysis. *Polylogos*, 5(3). Retrieve November 11, 2022, from <https://polylogos-journal.ru/s258770110017317-0-1/> (In Russian). <https://doi.org/10.18254/S258770110017317-0>
- Voskresenskij, A.A., Rabosh, V.A., & Sunyagina, A.G. (2018). Post-material values of generation Z on the way to the knowledge society — to the formulation of the problem. *Society. Environment. Development (“TERRA HUMANA”)*, (1), 84–87. (In Russian).
- Yanitskij, M.S., Seryj, A.V., Braun, O.A., Pelekh., Y.V., Maslova, O.V., & Sokolskaya, M.V., et al. (2019). The value orientations system of generation Z: Social, cultural and demographic determinants. *Siberian Journal of Psychology*, (72), 46–67. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/17267080/72/3>
- Welzel, C., & Deutsch, F. (2016). The diffusion of values among democracies and autocracies. *Global Policy*, 7(4), 563–570. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12388>

Сведения об авторах:

Евгеньева Татьяна Васильевна — кандидат исторических наук, главный научный сотрудник научно-проектного отдела, Государственный академический университет гуманитарных наук; профессор департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ (e-mail: etv133@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-4711-5476)

Селезнева Антонина Владимировна — доктор политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: ntonina@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-2500-6356)

Скипин Николай Сергеевич — лаборант научно-проектного отдела Государственного академического университета гуманитарных наук, научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (e-mail: skipin@inion.ru) (ORCID: 0000-0003-4267-0099)

Тулегенова Динара Дархановна — аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: tulegenova.dinara1998@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-0566-5688)

About the authors:

Tatiana V. Evgenyeva — PhD in History, Chief Researcher of Scientific and Design Department, State Academic University of Humanities, Professor, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (e-mail: etv133@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-4711-5476)

Antonina V. Selezneva — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Sociology and Psychology, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ntonina@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-2500-6356)

Nikolay S. Skipin — Laboratory Assistant at the Scientific and Design Department, State Academic University of Humanities, Researcher at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (e-mail: skipin@inion.ru) (ORCID: 0000-0003-4267-0099)

Dinara D. Tulegenova — Postgraduate, Department of Political Sociology and Psychology, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: tulegenova.dinara1998@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-0566-5688)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-252-265

Научная статья / Research article

Стратегии изучения политического доверия молодежи в современной политической науке

И.И. Андриив , А.Д. Пузанова

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук, Москва, Российская Федерация
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

 andriiv99@mail.ru

Аннотация. Представлены основные подходы к оценке и измерению политического доверия, используемые отечественными и зарубежными учеными при проведении эмпирических исследований в 2018–2022 гг. Авторы исходят из одного из принятых в настоящее время в общественных науках понимания методологии как совокупности используемых методов анализа. Цель исследования заключается в систематизации методов измерения и оценки политического доверия и определения релевантности их применения в отношении изучения конкретной социально-демографической группы — молодежи. Актуальность исследуемого вопроса связана с тенденцией ряда ученых связывать состояние политического доверия современной молодежи с характером политического режима в конкретном государстве и потенциальной возможностью его трансформации. В ходе анализа научных публикаций выявлено, что основными методами получения информации по теме политического доверия остаются массовые опросы и экспертные интервью. Важнейшим компонентом изысканий ученых в этой области является сравнение механизмов формирования политических установок различных социально-статусных групп в государствах с разными политическими режимами. Обосновывается необходимость разработки узконаправленных методик изучения политического доверия молодежи, поскольку ряд исследований показывает специфичность стратегий формирования и отдельных показателей данной установки политического сознания поколений у и z. В частности, наблюдается значительная дифференциация в уровнях институционального и персонифицированного политического доверия у различных подгрупп молодежи, большая изменчивость этой политической установки, при относительно невысокой осведомленности о реальных политических процессах стремление к артикуляции рациональных оснований формирования доверия и т.д. Системное изучение особенностей политического доверия молодежи требует использования более сложного, сочетающего

© Андриив И.И., Пузанова А.Д., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

в себе элементы количественных и качественных инструментов анализа, чем стандартно применяемый в настоящее время в эмпирических исследованиях. Необходима разработка специальных методик анализа на основе комплексного подхода, сочетающего *mix*-методы исследования. Полученная с помощью обновленной методологии информация о состоянии и особенностях политического доверия молодежи представляется значимым основанием для формирования стратегий взаимодействия институтов власти с данной социально-демографической группой, что имеет принципиальное значение для устойчивого развития современных государств.

Ключевые слова: молодежь, доверие, политическое доверие, политический режим, социальный капитал

Для цитирования: Андреев И.И., Пузанова А.Д. Стратегии изучения политического доверия молодежи в современной политической науке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 252–265. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-252-265>

Благодарности: Исследование выполнено в Институте научной информации по общественным наукам РАН при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований в рамках научного проекта N 122101100043–9 «Политическое доверие российской молодежи: механизмы формирования, состояние, тренды и риски».

Strategies for Studying the Political Trust of Youth in Modern Political Science

Irina I. Andriiv , Anna D. Puzanova

*Institute of Scientific Information on Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
St Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation*

 andriiv99@mail.ru

Abstract. The article examines the main approaches to assessing and measuring political trust used by Russian and foreign scientists in conducting empirical research in 2018–2022. The authors proceed from one of the accepted in the social sciences understanding of methodology as a set of methods of used for analysis. In this regard, the purpose of the paper is to systematize methods for measuring and evaluating political trust and determining the relevance of their application in the study of youth as a specific socio-demographic group. The relevance of the study is related to the tendency of some scientists to associate the youth political trust with the character of political regime in a particular state and the potential for its transformation. The analysis of scientific literature revealed that the main methods of obtaining information on the topic of political trust are mass surveys and expert interviews. The most important component of studying this area is the comparison of the mechanisms for the formation of political attitudes of various social groups in states with different types of political regimes. The article substantiates the need to develop narrowly focused methods for studying the youth political trust, since a number of studies show the specificity of the formation and individual indicators of this setting of the political consciousness of generations Y and Z. In particular,

there is a significant differentiation in the levels of institutional and personalized political trust among different subgroups of young people, a large variability of this political attitude, with a relatively low awareness of real political processes, the desire to articulate rational grounds for the formation of trust. A systematic study of these features of the youth political trust requires the use of a more complex, combining elements of quantitative and qualitative analysis tools than is currently used in empirical studies. It is necessary to develop special methods of analysis based on an integrated approach that combines mix-methods of research. The information obtained with the help of the updated methodology on the state and characteristics of the youth political trust seems to be a significant basis for the formation of strategies for the interaction of government institutions with this socio-demographic group, which is of fundamental importance for the sustainable development of modern states.

Keywords: youth, trust, political trust, political regime, social capital

For citation: Andriiv, I.I., & Puzanova, A.D. (2023). Strategies for studying the political trust of youth in modern political science. *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 252–265. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-252-265>

Acknowledgements: The research was carried out at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research within the framework of the scientific project N 122101100043–9 “Political trust of Russian youth: mechanisms of formation, state, trends and risks”.

Введение. Теоретическая рамка

Исследовательская проблема оценки состояния политического доверия находится в фокусе внимания политологов, политических социологов и психологов достаточно длительное время [Uslaner... 2018; Гришин 2022]. Хотя это направление политологических изысканий вполне можно отнести к достаточно традиционным, однако в общественных науках отсутствует как единое понимание сути этого политического явления, так и единой стратегии и методики анализа данной установки политического сознания.

Цель данной статьи — обобщение опыта отечественных и зарубежных эмпирических исследований политического доверия в последние годы с целью выявления наиболее типичных стратегий исследования этого феномена. Необходимо отметить, что под стратегией исследования в данном случае мы понимаем совокупность используемых методов сбора и обработки информации, частных методик, а также системы индикаторов, прямо и/или косвенно позволяющих зафиксировать основные показатели политического доверия. Специально следует оговориться, что под методологией в данном случае мы понимаем не совокупность принципов тематического анализа конкретной темы, а совокупность используемых методов и методик изучения объекта. Конкретные задачи статьи связаны с попыткой выявления наиболее универсальных методов изучения и измерения политического доверия, в том числе и молодежи. Эмпирической базой исследования выступили опубликованные в 2018–2022 гг. работы российских и зарубежных авторов, описывающие кейсы исследований политического

доверия в разных странах [Никифоров 2018; Chevalier 2019; Desposato, Wang, Wu 2021; Гулевич, Гусева 2022 и др.].

Наиболее часто ученые под доверием понимают некое некритическое ожидание со стороны определенных социальных и политических акторов определенных действий, основанных на желательной для населения мотивации, т.е феномен доверия связывается с верой. Вместе с тем в научной литературе присутствует и точка зрения, акцентирующая ожидания, опирающиеся на наличный опыт определенной модели поведения политиков и действий институтов. Наиболее влиятельная концепция политического доверия отражена в Оксфордском справочнике по социальному и политическому доверию. Она характеризует доверие общества как основу современной демократии через интеграцию неоконсервативного и делиберативного подхода к наиболее «мягкому» политическому режиму с теоретическими представлениями о доверии как о рациональном выборе [Uslaner... 2018]. Другими словами, оксфордская концепция политического доверия основана на представлении о том, что рациональный выбор граждан в условиях демократии предполагает осознание ими рисков и актуальную оценку угроз национальной и международной безопасности. Рациональность политического выбора при этом отражает существование в массовом политическом сознании некоторого универсального представления о доверии, которое в итоге определяет политический выбор граждан, вовлеченных в культуральные и делиберативные демократические практики. Доверие является собирательным показателем, дающим оценку различным процессам в социально-экономической и политической сферах, которая должна опираться на удовлетворенность населения деятельностью властей по выполнению возложенных на управленческие структуры функций.

Представляется необходимым разграничение политического доверия на институциональное и персональное, а также учет отношения не только к собственно управленческим государственным структурам, но и силовым институтам, а также к представляющим гражданское общество организациям и, более широко, к социальным институтам, которые участвуют в реальной политике и выполняют определенные политические функции. Желательно также для оценки политического доверия учитывать и мнение респондентов о корректности/правильности проводимого политического курса в стране. Кроме того, ограниченность получаемой информации в ответах только на прямой вопрос о степени доверия тем или иным политическим институтам и структурам гражданского общества, а также наиболее известным политикам представляется неудовлетворительной с точки зрения параметров необходимой полноты и комплексности требуемых сведений. На сегодняшний день не существует единой универсальной методики измерения/оценки политического доверия. Учитывая многогранность феномена доверия, с нашей точки зрения, некорректно рассматривать его с помощью только одного параметра.

Многочисленные исследования последних лет однозначно показывают значимость влияния доверия и политического поведения молодежных групп на социальный климат и особенности политического режима в любой стране

[Ежов 2018; Авдеева 2019; Chevalier 2019]. По мнению ученых, отсутствие достаточно высоких показателей доверия новых поколений к властным институтам, с одной стороны, провоцирует их отчуждение от политической системы, а с другой — может способствовать усилению авторитарных трендов политического режима конкретного государства. Доминируют представления о том, что правовое государство не может полноценно функционировать без стабильно высокого уровня политического доверия населения. Кроме того, политическое и межличностное доверие, являясь значимым атрибутом взаимодействия между экономическими агентами, может влиять и на экономические процессы [Авдеева 2019].

В целом тренд снижения политического доверия во многих государствах населения в целом [Dalton 2004] и молодежных групп в частности отмечается учеными с начала XXI в. Так, Р. Инглхарт и К. Вельцель отметили критическое отношение молодежи к политике и политикам [Inglehart, Welzel 2005]. В противовес этой точке зрения П. Норрис в исследовании 2011 г. заявила, что наблюдаемое снижение институционального и персонального политического доверия, особенно у молодежи, наряду с ростом «дефицита демократии» нельзя интерпретировать столь однозначно [Norris 2011]. Она выделила пять индикаторов оценки политического доверия, понимаемого как «поддержка демократического правительства»: а) доверие к политическому сообществу (национальному государству); б) доверие к принципам, на которые опирается политический режим государства; в) доверие к действиям режима (к политическому курсу); г) доверие к институтам государства и общества; д) доверие к политическим лидерам [Norris 2011]. По мнению исследовательницы, уровень политического доверия имеет решающее значение для устойчивости и подтверждения легитимности демократического политического режима. Предпринятая Г. Гарсия-Альбасете попытка объяснения снижения показателей политического доверия молодежи опирается на значительное удлинение времени и рост сложности перехода новых поколений к взрослой жизни [Garcia-Albacete 2014].

Результаты исследования

В последние пять лет дискуссии о политическом доверии развиваются в нескольких направлениях; наиболее перспективными, на наш взгляд, являются следующие три. Во-первых, продолжается тестирование показателей уровня этой установки массового политического сознания молодежи [Попова, Лагутин, 2019; Рожкова и др., 2022]. Во-вторых, исследуется сопряженность феноменов политического доверия и консолидации социума перед лицом внутренних и внешних вызовов [Черкашин 2019]. В-третьих, делается ставка на поиск комплексных факторов от макро- до микроуровня, которые способствуют повышению или снижению политического доверия. К факторам макроуровня ученые склонны относить особенности политической системы и характер политического режима государства [Малкина, Овчинников, Холодилин 2020; Кириленко, Алексеев 2021], качество государственного управления экономикой

в рыночных условиях [Демидова, 2011; Реутов, Кравченко, Гиндес 2019], а также социальные эффекты пандемии коронавируса и используемые государством стратегии кризисного менеджмента; к мезоуровню — особенности современной политической коммуникации, особенно в онлайн-пространстве, недостаточная представленность интересов молодежи в парламентах различных государств, игнорирование запросов и потребностей новых поколений в официальном политическом дискурсе; к микроуровню — комплекс таких характеристик сознания поколений у и z, как общая аполитичность, избыточная критичность мышления, приверженность к индивидуалистическим ценностям.

Т. Шевалье, основываясь на проводимом в большинстве европейских государств каждые два года мониторинге, сделал вывод об определяющем влиянии на политическое доверие молодежи таких параметров молодежной политики, как государственные программы в области образования, трудовой занятости, социальные пакеты и целевая поддержка студентов. Кроме того, в качестве значимого фактора им был отмечен стиль взаимодействия органов власти с молодежью [Chevalier 2019]. Согласно его позиции, оценка политического доверия должна включать отношение к пяти властным институциональным структурам: парламенту, судебной системе, полиции, политическим партиям и политикам. Исключительно важна корреляция между уровнями доверия по отношению к этим объектам («однородность оценивания»). Важным выводом исследований Т. Шевалье является обнаруженное им отсутствие устойчивой и статистически подтвержденной связи между показателями доверия к конкретным политическим институтам и отношением к проводимому в государстве политическому курсу. Это наблюдение представляется важным, поскольку оно ставит под сомнение гипотезу о рациональном основании феномена политического доверия и нуждается в дополнительной проверке. На наш взгляд, оценивать данный подход как инновационный на том основании, что предлагаемая Т. Шевалье система индикаторов и факторов политического доверия оценивается применительно к молодежной когорте и, кроме того, осуществляется межстрановое сравнение, все же не вполне оправданно.

Большое значение для современных эмпирических исследований политического доверия имеют, по нашему мнению, попытки реализации проектов на эту тему в недемократических странах. Исключительно интересен кейс, доказывающий сохранение лонгитюдного эффекта репрессивных действий со стороны властей на отношении к органам государственной власти спустя десятилетия на примере памяти китайцев о событиях апреля-июня 1989 г. на площади Тяньаньмэнь в Пекине, когда в ответ на требования протестующих провести демократические реформы и реально бороться с коррупцией против них была применена военная техника [Desposato, Wang, Wu 2021]. Массовый опрос в конце 2019 г., в котором ученые проводили сравнение отношения к властям тех, кто в молодом возрасте в 1989 г. участвовал и не участвовал в протестных акциях и, соответственно, подвергся или не подвергся репрессиям, выявил существенный разрыв уровня политического доверия между этими группами спустя три десятилетия. Результаты исследования однозначно свидетельствуют о том, что

память о репрессиях оказывает влияние на политическое доверие населения в долгосрочной перспективе, что, в свою очередь, определенным образом сказывается на массовых представлениях о легитимности существующего в стране политического режима.

Крупнейшие отечественные исследовательские центры (ФОМ, ВЦИОМ, Левада-Центр¹) на протяжении более четверти века изучают уровень политического доверия россиян преимущественно на основе массовых опросов. Левада-Центр фокусируется на оценке институционального аспекта политического доверия к президенту, армии, органам госбезопасности, правительству, церкви и т.д. и представляет эти сведения в процентах в сравнительной перспективе по отношению к предыдущим замерам. ФОМ учитывает как институциональный, так и персональный аспект политического доверия. ВЦИОМ для оценки уровня политического доверия населения использует как закрытые, так и открытые вопросы об отношении к наиболее статусным и известным представителям политической элиты. При обработке данных используется интегративный показатель — индекс, учитывающий баланс положительных и отрицательных ответов респондентов в отношении каждого конкретного политика. Можно предположить, что для обработки данных эти центры используют и более сложные виды анализа, однако на сайтах в свободном доступе они отсутствуют.

Достаточно типичными в отечественных научных публикациях являются сведения о рейтингах доверия политическим институтам (президенту, правительству, федеральному парламенту, главе региональной исполнительной власти, региональному парламенту, органам власти на местах, политическим партиям и т.д.) и прогнозирование электорального или протестного поведения на основе данных об отношении к этим институтам. Корреляционный анализ позволяет выявить связь социально-демографических характеристик различных слоев общества и уровня политического доверия к конкретным политикам. Наиболее существенными показателями остаются возраст и уровень материального обеспечения людей. Более зрелые люди с большей степенью доверия относятся к политическим лидерам; показатель роста доходов не влечет автоматически более позитивного отношения к органам власти: фиксируются низкие показатели доверия наименее обеспеченных слоев населения. И общероссийские, и региональные исследования однозначно свидетельствуют, что чем выше уровень власти, тем лучше показатели оценки качества работы ее представителя [Никифоров 2018].

Надежной технологией при обработке посвященных политическому доверию данных массовых опросов считается сочетание корреляционного и регрессионного видов анализа. Например, Д.Ф. Терин использует коэффициент альфа Кронбаха для вычисления интегрального показателя доверия к восьми политическим институтам: президенту РФ, главе исполнительной власти региона, Государственной думе, политическим партиям, региональному парламенту, по-

¹ АНО «Левада-Центр» внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

лиции, суду, главе муниципального округа или района. Далее строится регрессионная модель для выявления независимых переменных, влияющих на уровень политического доверия. Исследование 2018 г. Д.Ф. Терина показало, что таковыми являются эффективность политических институтов, определяемая как «обобщенное, опосредованное позитивное мнение, знание людей о работе институтов» [Терин 2018: 94], наличие практики личного взаимодействия с политическими институтами и оценка справедливости сложившихся в российском обществе отношений.

Все это — отработанные и надежные приемы массовых опросов, которые продолжают совершенствоваться как в концептуальном, так и в методическом планах. Совмещение техник эмпирических исследований из области политологии, политической социологии и политической психологии все чаще обнаруживается в посвященных молодежи работах отечественных ученых. Например, предпринимается результативная попытка вслед за Х. Деккером и Ф. Мейеринком [2012] использования наряду с категорией «политическое доверие» термина «политический цинизм», который определяется как приписывание политическим деятелям отрицательных характеристик деятельности и стандартов иерархической модели коммуникации с другими людьми [Гулевич, Гусева 2022]. В авторском опроснике О.А. Гулевич и В.В. Гусева акцентируется ценностно-эмоциональный компонент восприятия образа политиков. Подобный подход при изучении политического доверия молодежи может дать хороший эвристический эффект, поскольку в формировании отношения данной социально-демографической группы к конкретным политическим лидерам исключительно важное значение имеют их стратегии самопозиционирования в публичном пространстве [Комарова 2021: 171].

В.А. Федотова для анализа политического доверия молодежи применяет одновременно шкалу политического доверия и методику измерения индивидуальных ценностных ориентаций (PVQ–R) — расширенную за счет увеличения с 10 до 19 количества типов ценностей модификацию предложенной в начале 1990-х годов Ш. Шварцем техники “Portrait Value Questionnaire” (PVQ) [Schwartz 1992]. Построение регрессионной модели полученных данных показало, что максимальное влияние на формирование высоких показателей доверия российской молодежи к властным институтам оказывает укоренение в сознании таких смысложизненных ценностей, как репутация, универсализм (толерантность) и благожелательность (чувство долга). В то же время доминирование в сознании молодежи ценности материальных благ влияет на формирование доверия к власти отрицательно [Федотова 2022]. Этот вывод представляется нам значимым, поскольку традиционный подход связывает уровень политического доверия прежде всего с характером политических ориентаций той или иной социально-демографической группы. Отметим также, что в общественных науках сложилась традиция изучения сформированности ценностей как, скорее, самодостаточная исследовательская задача [Inglehart 1977].

Безусловно важным новаторским направлением изучения политического доверия молодежи является разработка методики, позволяющей выявить от-

ношение к политическим деятелям на основе реакции на их конкретные сообщения и страницы в социальных сетях. Исследователи предлагают учитывать общий уровень одобрения размещенного на странице политика сообщения (поста), уровень доверия уникальных (не повторяющихся) посетителей, прирост подписчиков страницы в социальной сети. Вычисление этих показателей производится на основе лайков, репостов, комментариев, также оценивается динамика подписчиков страницы [Борисова 2019]. Учитывая высокий потенциал влияния социальных сетей на формирование политического доверия/недоверия, а также высокий уровень активности современной молодежи в интернет-пространстве, изучение этого аспекта представляется очень перспективным [Самсонова, Наумова 2020].

В проведенном в ноябре 2022 г. онлайн-анкетировании российской молодежи² использовались прямые вопросы оценки представителями этой социально-демографической группы доверия к 11 политическим институтам, силовым структурам и связанным с политическими процессами общественным организациям, выявления доли доверяющих политикам (и конкретный список этих персон), косвенные индикаторы оценки актуального политического курса в современной России. Вычисление новой переменной — уровень политического доверия — позволило выявить достаточно сложную ситуацию: политическое доверие практически отсутствует у 26,4 % российской молодежи, у 32,9 % этот показатель низкий, у 24,8 % — средний, у 15,8 % — высокий. Согласно результатам проведенного общероссийского онлайн-исследования молодежи явно нуждаются в корректировке представления этой группы о доверии к политикам и лидерам общественного мнения. Вместе с тем соотношение показателей политического доверия и потенциального репертуара политических практик молодежи не указывает в настоящий момент на высокие риски публичных протестных выступлений. Использованный арсенал статистических видов анализа (наряду с простой и комбинированной группировкой данных и анализом статистически значимых стандартизованных остатков, корреляционным и регрессионным анализом выполнялись также процедуры многомерного шкалирования, кластерного и факторного анализа, вычисления новых переменных) показал хорошие эвристические возможности использования при изучении политического доверия анкеты с так называемой «простой структурой».

На наш взгляд, недостаточное внимание, а подчас и игнорирование качественных методов при изучении политического доверия молодежи в значительной степени ограничивает знание о современном состоянии дел. Например, проведенный в конце октября — начале ноября 2022 г. на основе нестандартизованного интервью экспертный опрос 30 политиков, моло-

² Руководитель этой части исследовательского проекта — доктор полит. наук, проф. О.В. Попова. Некоторые результаты в самое ближайшее время будут опубликованы в периодических научных изданиях. См., например: *Попова О.В., Гришин Н.В.* Политическое доверие российской молодежи: «Туда ли мы идем?» // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. № 2 (в печати).

дежных политических лидеров и ученых-исследователей³ позволил выявить актуальные точки зрения в отношении определения понятия «политическое доверие», уровня, факторов роста и снижения, механизмов формирования офлайн и онлайн политического доверия современной российской молодежи, оценить связь смысловых, идеологических ценностей, а также политической идентичности поколений у и z с политическим доверием. Дополнительно были выявлены значимость политического доверия российской молодежи для развития социума и государства, характер взаимодействия молодежи и власти различных уровней, эффективность направленных на работу с молодежью проектов государственной власти, причины доверия/недоверия молодежи политикам и неполитическим онлайн-лидерам общественного мнения, которые все чаще «перетягивают» на себя функцию формирования политических взглядов подрастающего поколения (блогерам). Сравнительный анализ полученных в ходе массового опроса и экспертных интервью данных о состоянии политического доверия российской молодежи⁴ представляет интерес как для развития данного исследовательского направления, так и принятия стратегических и оперативных решений в области молодежной политики государства.

Заключение

Проведенный анализ используемых стратегий изучения политического доверия молодежи показывает перспективность междисциплинарного подхода, включающего методики эмпирических и прикладных политологических, социологических и психологических исследований, необходимость сочетания количественных и качественных методов сбора и обработки информации.

В эпоху «постправды» ответы на прямые вопросы в массовых опросах о политическом доверии в обязательном порядке должны дополняться использованием непрямых/косвенных вопросов и косвенной (проективной) техники. В настоящее время непозволительно ограничиваться результатами простой группировки данных для представления информации об установках массового сознания молодежи. Необходимо максимально полно задействовать весь спектр существующих методов статистического анализа для получения дополнительной информации, включая вычисление новых переменных или выделение групп на основе латентных данных исследовательской базы. Современная политическая реальность не позволяет ориентироваться на стандарты пятидесятилетней

³ Экспертный опрос был проведен в рамках реализации проекта «Политическое доверие российской молодежи: механизмы формирования, состояние, тренды и риски» докт. полит. наук, проф. О.В. Поповой, аспиранткой факультета политологии СПбГУ С.К. Калашниковой, магистрантками образовательной программы «Политика и современные информационные технологии» СПбГУ И.И. Андреев и А.Д. Пузановой.

⁴ *Попова О.В., Гришин Н.В.* Политическое доверие российской молодежи: самооценка и мнение экспертов // Вестник Пермского университета. Политология. 2023. № 1 (в печати).

давности, когда сами исследователи признавали, что из получаемых массивов данных обычно извлекается примерно пятая часть информации, в которой потенциальная аудитория или вполне реальный заказчик проекта нуждаются непосредственно.

Наряду с традиционными массовыми опросами целесообразно использовать в комплексе экспертные опросы на основе нестандартизованных гайдов, а также анализ социальных сетей. В частности, хорошие результаты могут дать технологии Больших данных, объектами анализа которых выступают ведущиеся от имени политиков от локального до федерального уровня страницы в социальных сетях. Современные методы позволяют выделять аудиторию по различным социально-демографическим показателям, а анализ тематики и «тональности» комментариев к постам и визуальных реакций (лайков, коротких видео или уходящей в прошлое растровой графики GIF) молодежи с помощью алгоритмов «обучения с учителем» позволяет оценивать и степень ее политического доверия.

Поступила в редакцию / Received: 27.10.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 12.12.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.12.2022

Библиографический список

- Авдеева Д.А.* Доверие в России и его связь с уровнем экономического развития // *Общественные науки и современность*. 2019. № 3. С. 79–93. <https://doi.org/10.31857/S086904990005087-7>
- Барановский М.В.* Современные практики социологического изучения феномена доверия // *Власть*. 2019. № 2. С. 183–190. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i2.6349>
- Борисова А.С.* Определение уровня доверия населения к региональным органам власти в веб-пространстве // *Инновации и инвестиции*. 2019. № 9. С. 285–289.
- Гришин Н.В.* Современные подходы к измерению политического доверия: обзор российской и зарубежной научной литературы // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2022. № 4. С. 75–80.
- Гулевич О.А., Гусева В.В.* Как измерить отношение к политикам? Русскоязычные опросники для измерения политического доверия и политического цинизма // *Психологические исследования*. 2022. Т. 15. № 83. С. 1–45. <https://doi.org/10.54359/ps.v15i83.1140>
- Демидова О.А.* Моделирование доверия населения к основным социальным и политическим институтам: сравнительный эконометрический анализ // *Прикладная эконометрика*. 2011. № 1. С. 114–132.
- Ежов Д.А.* К проблеме формирования системы политических ценностей российской молодежи // *Власть*. 2018. № 8. С. 107–110. <https://doi.org/10.31171/vlast.v26i8.6053>
- Кириленко В.П., Алексеев Г.В.* Измерение политического доверия в условиях современной демократии // *Управленческое консультирование*. 2021. № 10. С. 22–34. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-10-22-34>
- Комарова А.А.* Образ идеального политика в сознании российской молодежи // *Вестник университета*. 2021. № 6. С. 166–171.
- Малкина М.Ю., Овчинников В.Н., Холодilin К.А.* Институциональные факторы политического доверия в современной России // *Журнал институциональных исследований*. 2020. Т. 12. № 4. С. 77–93. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.4.077-093>

- Никифоров Я.А. Доверие к власти в региональном контексте: социологическое измерение // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2018. Т. 18. № 2. С. 120–123. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-2-120-123>
- Попова О.В., Лагутин О.В. Политические настроения молодежи: лояльность или протест? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 599–619. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619>
- Реутов В.Е., Кравченко Л.А., Гиндес Е.Г. Доверие как институциональный фактор качества государственного управления экономикой // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. 2019. № 2. С. 191–196.
- Рожкова Л.В., Влазнева С.А., Сальникова О.В., Дубина А.Ш. Отношение молодежи к политическим институтам: уровень доверия и одобрения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 1 (61). С. 5–17. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2022-1-1>
- Самсонова Т.Н., Наумова Е.С. Роль СМИ в политической социализации современной российской молодежи // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. 2020. Т. 26. № 1. С. 166–187. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-1-166-187>
- Терин Д.Ф. Конструкция политического доверия в России: эффективность и справедливость политических институтов // Социологический журнал. 2018. № 2. С. 90–109. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.2.5846>
- Федотова В.А. Влияние ценностей на формирование политического доверия у современной российской молодежи // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 1–3. С. 53–56. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-1-3-53-56>
- Черкашин М.Д. Доверие населения к органам власти как фактор социальной консолидации общества // Коммуникология: электронный научный журнал. 2019. Т. 4. № 3. С. 74–83.
- Chevalier T. Political trust, young people and institutions in Europe // A multilevel analysis International Journal of Social Welfare. 2019. Vol. 28, no. 4. P. 418–430. <https://doi.org/10.1111/ijsw.12380>
- Dalton R.J. Democratic challenges, democratic choices. The erosion of political support in advanced industrial democracies. Oxford, UK: Oxford University Press. 2004. 230 p.
- Dekker H., Meijerink F. Political cynicism: Conceptualization, operationalization and explanation // Politics, Culture and Society. 2012. Vol. 3. P. 33–48.
- Desposato S.W., Wang G., Wu J.Y. The Long-Term Impact of Mobilization and Repression on Political Trust // Comparative Political Studies. 2021. Vol. 54, no. 14. P. 2447–2474. <https://doi.org/10.1177/0010414021997171>
- Garcia-Albacete G.M. Young people's political participation in Western Europe: Continuity or generational change? New York, NY: Palgrave Macmillan. 2014. 335 p. <https://doi.org/10.1057/9781137341310>
- Inglehart R. The silent revolution: Changing values and political styles among western publics. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1977. 496 p.
- Inglehart R., Welzel C. Modernization, cultural change, and democracy: The human development sequence. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 464 p.
- Norris P. Democratic deficit: Critical citizens revisited. New York: Cambridge University Press. 2011.
- Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries // Advances in experimental social psychology / ed. by M. Zanna. Vol. 25. New York: Academic Press, 1992. P. 1–65.
- The Oxford Handbook of Social and Political Trust. Oxford / ed. by E.M. Uslaner. Oxford University Press, 2018. 752 p.

References

- Avdeeva, D.A. (2019). Trust in Russia and its relation to the level of economic development. *Social Sciences and Contemporary World*, 3, 79–93. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S086904990005087-7>
- Baranovskii, M.V. (2019). Modern practices of sociological study of the phenomenon of trust. *Vlast*, 2, 183–190. (In Russian). <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i2.6349>
- Borisova, A.S. (2019). Determining the level of public confidence in regional authorities in the web space. *Innovations and investments*, (9), 285–289. (In Russian).
- Cherkashin, M.D. (2019). Public confidence in authorities as a factor of social consolidation of society. *Communicology: electronic scientific journal*, 4(3), 74–83. (In Russian).
- Chevalier, T. (2019). Political trust, young people and institutions in Europe. *A multilevel analysis International Journal of Social Welfare*, 28(4), 418–430. <https://doi.org/10.1111/ijsw.12380>
- Dalton, R.J. (2004). *Democratic challenges, democratic choices. The erosion of political support in advanced industrial democracies*. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Dekker, H., & Meijerink, F. (2012). Political cynicism: Conceptualization, operationalization and explanation. *Politics. Culture and Society*, 3, 33–48.
- Demidova, O.A. (2011). Modeling of public confidence in the main social and political institutions: comparative econometric analysis. *Applied Econometrics*, 1, 114–132. (In Russian).
- Desposato, S.W., Wang, G., & Wu, J.Y. (2021). The Long-Term Impact of Mobilization and Repression on Political Trust. *Comparative Political Studies*, 54(14), 2447–2474. <https://doi.org/10.1177/0010414021997171>
- Ezhov, D.A. (2018). To the problem of formation of political values system of the Russian youth. *Vlast*, (8), 107–110. (In Russian). <https://doi.org/10.31171/vlast.v26i8.6053>
- Fedotova, V.A. (2022). The influence of values on the formation of political trust among modern Russian youth. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, (1–3), 53–56. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-1-3-53-56>
- Garcia-Albacete, G.G. (2014). *Young people's political participation in Western Europe: Continuity or generational change?* New York, NY: Palgrave Macmillan.
- Grishin, N.V. (2022). Modern approaches to measuring political trust: a review of Russian and foreign scientific literature. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 4, 75–80. (In Russian).
- Gulevich, O.A., & Guseva, V.V. (2022). How to measure the attitude towards politicians? Russian-language questionnaires for measuring political trust and political cynicism. *Psychological Research*, 15(83). <https://doi.org/10.54359/ps.v15i83.1140>. (In Russian).
- Inglehart, R., & Welzel, C. (2005). *Modernization, cultural change, and democracy: The human development sequence*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Inglehart, R. (1977). *The silent revolution: Changing values and political styles among western publics*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Kirilenko, V.P., & Alekseev, G.V. (2021). Measuring political trust in a modern democracy. *Administrative consulting*, 10, 22–34. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-10-22-34>
- Komarova, A.A. (2021). The image of an ideal politician in the minds of Russian youth. *Vestnik Universiteta*, (6), 166–171. (In Russian).
- Malkina, M.Y., Ovchinnikov, V.N., & Kholodilin, K.A. (2020). Institutional factors of political trust in modern Russia. *Journal of Institutional Studies*, 12(4), 77–93. (In Russian). <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2020.12.4.077-093>
- Nikiforov, Y.A. (2018). Trust to the authorities in the regional context: Sociological measurement. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 18(2), 120–123. (In Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-2-120-123>

- Norris, P. (2011). *Democratic deficit: Critical citizens revisited*. New York: Cambridge University Press.
- Popova, O.V., & Lagutin, O.V. (2019). Political sentiments of youth: loyalty or protest? *RUDN Journal of Political Science*, 21(4) 599–619. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619>
- Reutov, V.E., Kravchenko, L.A. & Gindes, E.G. (2019). Trust as an institutional factor of the quality of state management of the economy. *Scientific Notes of the Crimean Engineering Pedagogical University*, 2, 191–196. (In Russian).
- Rozhkova, L.V., Vlazneva, S.A., Salnikova, O.V., & Dubina, A.Sh. (2022). Youth's attitude towards political institutions: level of trust and approval. *University proceedings. Volga region. Social sciences*, 1,5–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2022-1-1>
- Samsonova, T.N., & Naumova, E.S. (2020). The role of mass media in the political socialization of modern Russian youth. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 26(1), 166–187. (In Russian). <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-1-166-187>
- Schwartz, S.H. (1992). Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries. In M. Zanna (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (pp. 1–65). Vol. 25. New York: Academic Press.
- Terin, D.F. (2018). The structure of political trust in Russia: performance and fairness of political institution. *Sociological Journal*, 2, 90–109. (In Russian). <https://doi.org/0.19181/socjour.2018.24.2.5846>
- Uslaner, E.M. (Ed.). (2018). *The Oxford Handbook of Social and Political Trust*. Oxford: Oxford University Press.

Сведения об авторах:

Андреев Ирина Ивановна — редактор Центра междисциплинарных исследований, Институт научной информации по общественным наукам ИНИОН РАН, магистрант факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (e-mail: andriiv99@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-1487-3916)

Пузанова Анна Дмитриевна — редактор Центра междисциплинарных исследований, Институт научной информации по общественным наукам ИНИОН РАН, магистрант факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (e-mail: anna.puzanova.901@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-8027-0235)

About the authors:

Irina I. Andriiv — Editor of the Center for Interdisciplinary Research of the Institute for Scientific Information in Social Sciences INION RAS; Master student of the Faculty of Political Science, St Petersburg State University (e-mail: andriiv99@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-1487-3916)

Anna D. Puzanova — Editor of the Center for Interdisciplinary Research of the Institute for Scientific Information in Social Sciences, INION RAS; Master's Student, Faculty of Political Science, St Petersburg State University (e-mail: anna.puzanova.901@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-8027-0235)

DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-266-278

Научная статья / Research article

Патриотические организации в национальных республиках Сибирского федерального округа: между национальной и этнической идентичностью

Д.А. Казанцев , Т.А. Асеева , Д.А. Качусов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

 dimkazanchev@mail.ru

Аннотация. На фоне усиливающегося в связи с СВО дискурса о «колониальном» характере Российской Федерации и выраженной локальной идентичности среди учащейся молодежи национально-территориальных регионов СФО, таких как Республики Алтай, Хакасия и Тыва, встает вопрос о формировании у молодых людей гражданской идентичности и патриотических чувств как основ легитимации политических институтов и структур. Важным механизмом консолидации и мобилизации патриотически настроенной молодежи выступают патриотические организации. В ходе контент-анализа информационного портала Министерства юстиции РФ, страниц патриотических организаций в социальных сетях ($n = 121$), экспертного опроса руководителей организаций и их членов ($n = 85$) авторами выделено несколько категорий патриотических организаций, осуществляющих свою деятельность в национальных республиках СФО. Было выявлено преобладание во всех исследуемых регионах организаций военно-патриотической и военно-исторической направленности, ориентированных на формирование общенациональной идентичности. Этнический же компонент в деятельности патриотических организаций больше присутствует в Хакасии и Тыве, но в общей доле патриотических объединений представлен незначительно. Связанные с переходом большинства молодежных патриотических организаций под патронаж федерального движения «Юнармия» процессы стандартизации и унификации методов работы, форматов мероприятий и руководящих структур данных объединений, с одной стороны, нивелируют локальную и этническую идентичность, а с другой стороны, способствуют формированию у молодежи этатистской модели патриотизма.

Ключевые слова: патриотические организации, патриотизм, молодежь, социализация, патриотическое воспитание, Тыва, Хакасия, Алтай

© Казанцев Д.А., Асеева Т.А., Качусов Д.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Казанцев Д.А., Асеева Т.А., Качусов Д.А. Патриотические организации в национальных республиках Сибирского федерального округа: между этатизмом и этничностью // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 266–278. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-266-278>

Благодарности: Текст статьи подготовлен в рамках реализации проекта грант РФФИ № 20-011-00346 «Фактор патриотического воспитания в конструировании гражданской идентичности старших школьников регионов Сибирского федерального округа в условиях информационного общества».

Patriotic Organizations in the National Republics of the Siberian Federal District: Between National and Ethnic Identity

Dmitry A. Kazantsev , **Tatyana A. Aseeva** , **Dmitry A. Kachusov**

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

 dimkazanchev@mail.ru

Abstract. As a response to the special military operation, the discourse on the “colonial” nature of the Russian Federation and the prominent local identity among students in the national-territorial regions of the SFD, such as the Republics of Altai, Khakassia and Tuva, have amplified. This poses the question of the formation of a civic identity and patriotic feelings among young people as the basis for legitimizing political institutions and structures. Important mechanisms for the consolidation and mobilization of patriotic-minded youth are patriotic organizations. As a result of content analysis of the Ministry of Justice of the Russian Federation’s information portal, social network pages of patriotic organizations (n = 121) and expert polls of leaders and members of organizations (n = 85), the authors have identified several categories of patriotic activities, which are aimed at the formation of a civic identity and patriotic feelings among young people in the mentioned regions. It was found that in all the regions studied, organizations of a military-patriotic and military-historical orientation, focused on forming a national identity, predominate. The ethnic component in the activity of patriotic organizations is more present in Khakassia and Tuva, however, in general share of patriotic organizations its representation is insignificant. The processes of standardization and unification of methods of work, formats of events and governing structures of these organizations, associated with the majority of youth patriotic organizations coming under the patronage of the federal movement “Yunarmia”, on the one hand, level out local and ethnic identities, and on the other hand, contribute to the formation of a statist model of patriotism among youth.

Keywords: patriotic organizations, patriotism, youth, socialization, patriotic education, Tuva, Khakassia, Altai

For citation: Kazantsev, D.A., Aseeva, T.A., & Kachusov, D.A. (2023). Patriotic organizations in the national republics of the Siberian Federal District: Between national and ethnic identity. *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 266–278. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-266-278>

Acknowledgements: This article was created as a part of a grant project RFBR № 20-011-00346 «The factor of patriotic education in the construction of civic identity of senior students in the Siberian Federal District regions in the context of information society».

Введение

Одним из последствий глобализации современного общества становится кризис национальной и этнической идентичностей, ответом на который со стороны элит государств и этнических сообществ выступает пропаганда идеологий этатизма и национализма. В то же время в массовом сознании и политике многонациональных государств, каковым является Россия, эти ценностные модели являются взаимоисключающими. Национализм, особенно принимающий агрессивные и дискриминационные формы, по мнению исследователей данной проблемы, приводит к «...фрагментации и расслоению, отчуждению и разделению людей по... национальным, этническим, ...признакам... Все это создает значительные трудности в понимании идеи общего блага, подлинного и ложного в патриотизме, определении объективных интересов государства, власти и общества, социальных групп и отдельных элит» [Данакари 2019: 193; Ilisoï, Nagy, Constantinescu, Lesenciuc 2011].

В российской традиции принято разделять понятия национализм и патриотизм, имеющий этатистскую направленность. В то время как в западной политической науке они используются как синонимичные понятия или предпринимаются попытки совместить патриотизм и национализм [Suhay, Calfano, Dawe 2016; Erez, Laborde 2020; Cowan 2021; Ragragio 2022].

Этатистский смысл патриотизма преобладает и в сознании молодых людей, что объясняется большинством авторов особенностями, принципами и механизмами функционирования системы патриотического воспитания в России на федеральном и на региональном уровнях [Зиненко 2019; Подъячев, Халий 2020; Лагунова 2020; Леонова 2021; Volkov, Kolesnikova, Aslanov, Vagina 2021].

Отдельным аспектом изучения процессов формирования патриотических ценностей выступает анализ структуры и деятельности военно-спортивных, военно-патриотических, культурных, краеведческих молодежных патриотических организаций, волонтерских и добровольческих объединений [Паклина 2018; Kukushkina, Yolkin, Ivanov, Alexandrovich 2019; Москаленко, Швецова 2019], оценка их роли в качестве субъектов патриотического воспитания молодых россиян [Резинкина, Акимова 2019; Губенко 2019; Романов 2020].

Кроме того, следует отметить ряд работ, характеризующих формы и методы патриотического воспитания в национальных республиках СФО (в частности в Тыве: [Дапылдай 2017; Карнышев 2017; Монгуш 2018; Рубанова, Смоленова 2019; Хакасия: Шиголакова 2016; Саражакова 2020; Алтай: Борисова 2021; Шашкова, Асеев 2022 и др.]). Однако комплексного анализа специфики функционирования системы патриотических организа-

ций в Республиках Алтай, Тыва и Хакасия в научной литературе в настоящее время не представлено.

Дизайн исследования

Цель данного исследования — оценить состояние действующих молодежных патриотических организаций в национальных республиках Сибирского Федерального округа и их роль в патриотическом воспитании молодежи. Основная гипотеза исследования заключается в том, что, принимая во внимание угрозу доминирования этнической идентичности у представителей данных регионов и, как следствие, существование потенциала конфликтогенности изучаемых субъектов РФ, акторами патриотического воспитания должны усиливаться меры по формированию общегражданской идентичности и основанных на ней патриотических настроений в молодежной среде.

В качестве методов исследования были использованы традиционный анализ документов, контент-анализ, анализ социальных сетей рассматриваемых в статье организаций, экспертный опрос руководителей патриотических организаций и представителей органов государственной и муниципальной власти, анкетирование членов молодежных организаций 9–11 классов средних общеобразовательных учреждений методом квотного, гнездового анкетирования ($n = 2050$).

Исследование проходило в несколько этапов. На первом осуществлялся поиск действующих молодежных патриотических организаций через «Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации». Вторая стадия предполагала отбор объектов в выборочную совокупность: в нее попадали зарегистрированные некоммерческие организации при выполнении следующих условий: а) в названии организации присутствуют слова «патриотический» или «патриот», а также сходные с ними части речи, явно или косвенно указывающие на соответствующий тип деятельности организации; б) в документах организации и (или) в их открытых источниках записаны цели, задачи по патриотическому воспитанию, просвещению, объединению молодежи; в) организация занимается патриотическим активизмом, патриотической волонтерской деятельностью, организует мероприятия патриотической направленности или похожей на нее и т.д. Критерии «б» и «в» требовали дополнительных действий по анализу документов организаций, их информационных ресурсов в интернете, социальных медиа в виде сайтов, групп в социальных сетях или каналов в Telegram. На третьем этапе, в ходе экспертного опроса к начальному списку организаций, добавились неучтенные или пропущенные на первом этапе. Анализ отобранных структур осуществлялся по критериям количества участников (сторонников) патриотической организации, правовому типу, реализуемых ею проектов за последний год, присутствия в информационном поле субъекта РФ, наличия и размера бюджета, грантов или иной финансовой поддержки, иных параметров.

Особенности функционирования молодежных патриотических организаций Республик Тыва, Хакасия и Алтай

В ранее опубликованных работах авторами было установлено, что в структуре идентичности школьников преобладает общероссийский компонент, уступая региональному, космополитическому и этническому, однако «в национально-территориальных субъектах Российской Федерации, в отличие от административно-территориальных, респонденты чаще ощущают себя россиянами и при этом жителями своего региона и представителями своего этноса, но реже гражданами мира, сибиряками или представителями своей конфессии. Нетрудно заметить, что учащиеся, проживающие в государственно-территориальных образованиях России, обладают менее выраженной локальной идентичностью, чем учащиеся из национально-территориальных субъектов страны...» [Казанцев 2021: 96].

Среди молодежи национальных республик можно наблюдать существенный разрыв между общероссийской и этнической идентичностью, при том что как представителя этноса себя идентифицирует каждый пятый школьник старших классов (рис. 1).

Подобное обстоятельство коррелирует с содержанием и спецификой деятельности молодежных патриотических организаций национально-территориальных образований России, отвечающих с одной стороны, на запрос государства и органов публичной власти на конструирование общероссийской идентичности молодых людей, а с другой — за сохранение традиционных и этнических особенностей народов, проживающих на изучаемых территориях.

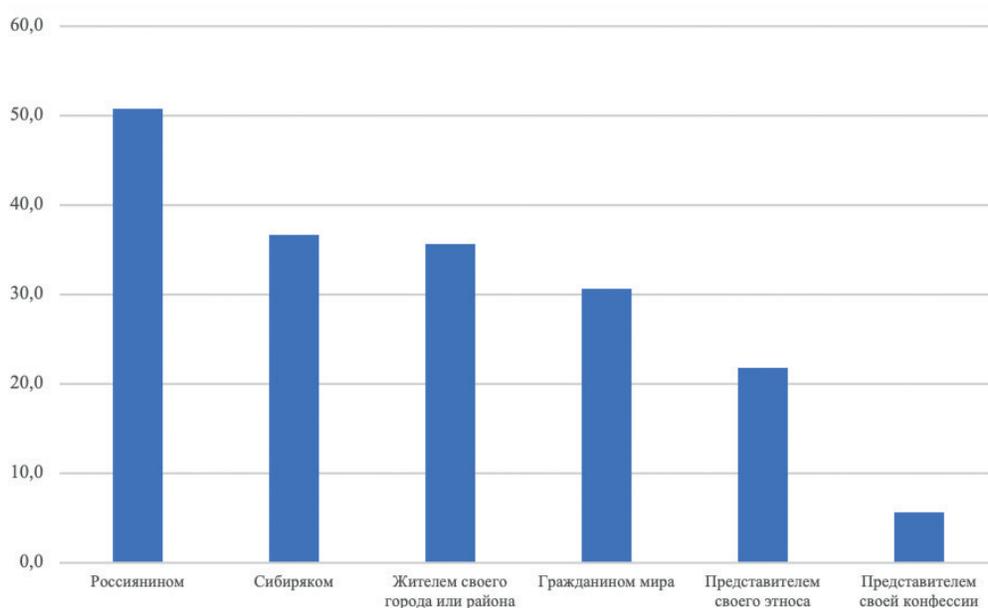

Рис. 1. Структура идентичностей учащейся молодежи национальных республик СФО, 2020, %

Источник: составлено авторами.

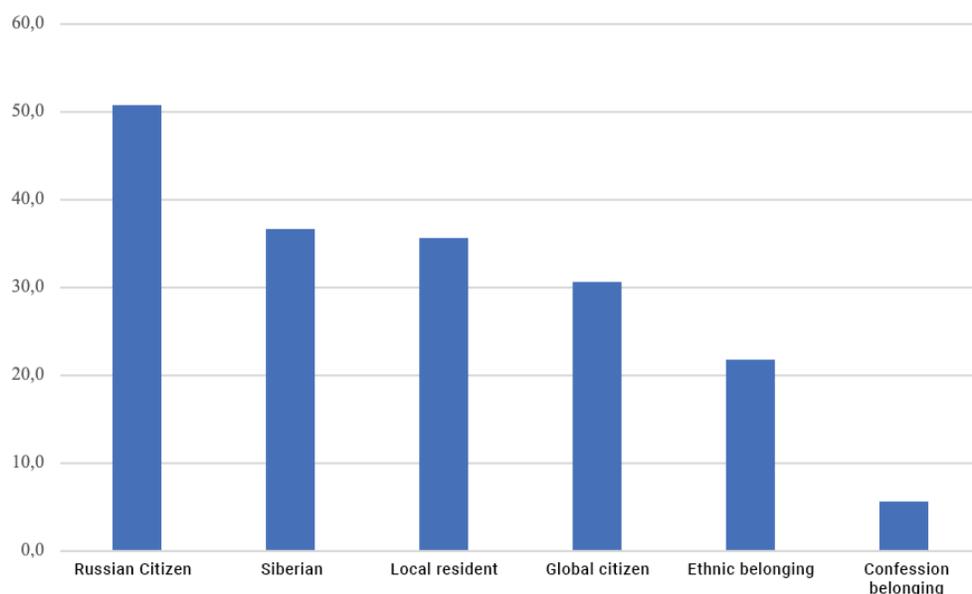

Figure 1. The structure of identities of students in national republics of SFD, 2020, %

Source: compiled by the authors.

С точки зрения целей и форм деятельности можно отметить преобладание в национальных республиках СФО объединений, развивающих военно-спортивные навыки молодых людей и занимающихся их военно-историческим воспитанием (более 60 %).

Общероссийский уровень системы патриотического воспитания представлен Российским движением школьников (далее — РДШ) и Всероссийским детско-юношеским военно-патриотическим общественным движением «ЮНАРМИЯ», реализующими весь комплекс направлений патриотического воспитания.

Несмотря на то, что региональные отделения РДШ во всех исследуемых республиках не зарегистрированы как юридические лица, они ведут активную деятельность офлайн и онлайн-работу. Так, РДШ в Тыве с 2017 г. имело страницу в Instagram¹ с числом подписчиков более 1200 человек. Были реализованы проекты, направленные на развитие детского общественного движения «Юные инспекторы движения» (школьники привлекались к просвещению сверстников по вопросам правил безопасного поведения на улицах и дорогах, «Парад юных инспекторов движения»), проводились военно-патриотические акции «Голубь мира» против войн, «Георгиевская ленточка», «Урок мужества», уроки толерантности, встречи с ветеранами Афганской войны «Наши Герои» и др.²

¹ 21 марта 2022 г. Тверской районный суд г. Москвы удовлетворил иск Генпрокуратуры РФ и признал деятельность соцсети Instagram, принадлежащей Meta, экстремистской, запретив ее работу в России.

² «Союз ветеранов Афганистана стали нашими близкими друзьями...» // РДШ / ТЫВА. URL: https://www.instagram.com/p/Be8Z_mehq3B/ (дата обращения: 24.12.21).

В Хакасии отделением РДШ устраивались благотворительные акции «#Бежимсдобрымсердцем», акция «Незабудка с РДШ», приуроченная ко «Дню матери», «Бессмертный полк», конкурс «Память сердца», семинар «Духовно-нравственное воспитание как приоритетное направление воспитательной деятельности в образовательной организации», которые освещались на его странице в «ВКонтакте» с 2016 г. (3236 участников) и Instagram с 2019 г. (695 подписчиков).

Также соответствует федеральной повестке организации деятельность РДШ в Республике Алтай. Проводимые мероприятия «Свеча памяти», «День России», «Зарница», «Страна мастеров», «Культурный кот» и материалы, размещенные на странице «ВКонтакте» (3948 участников), в основном направлены на формирование общегражданских качеств и национально-государственного патриотизма среди молодежи республики.

Проект «ЮНАРМИЯ» направлен на детей и подростков в возрасте от 8 до 18 лет и занимается военно-патриотическим воспитанием, туризмом, краеведением, развивает навыки начальной военной подготовки, лидерские качества, и т.п. С момента появления движений в республиках юнармейцы организовали и приняли участие в большом количестве мероприятий, однако почти все они носят общефедеральный характер. Лишь в Тыве имидж земляка, действующего министра обороны России, а также идейного вдохновителя движения «ЮНАРМИЯ» С.К. Шойгу придает движению юнармейцев колоритную региональную специфику. Это заметно и на странице Instagram юнармейцев Тывы, которая была наполнена материалами, посвященными жизни и деятельности С. Шойгу, текстами, стихами и видеороликами в его честь. Также большая часть постов содержит информацию о проводимых в регионе акциях, конкурсах, смотрах и проектах с национальной спецификой (акция «Восхождение на горные вершины Тывы», «Береги честь смолоду», «Шагаа-2021», соревнование по национальной борьбе «Хуреш», «Кубок министра обороны Российской Федерации по спортивной борьбе», республиканский фестиваль «Национальное подворье», «Военное ралли») и т.д.

Кроме РДШ и «ЮНАРМИИ» в системе патриотического воспитания во всех республиках широко представлены военно-спортивные клубы, движения и центры различной правовой формы, осуществляющие идентичные виды деятельности — военно-спортивные соревнования, смотры и мероприятия по формированию первичных военно-строевых навыков. Члены и руководство данных объединений, как правило, понимают патриотизм узко, отождествляя его со способностью молодого человека отдать долг Родине, отслужив в армии. Существующие в регионах военно-патриотические НКО часто взаимодействуют с местными отделениями ДОСААФ России, «ЮНАРМИЕЙ», порой входя в их состав или выступая под их эгидой, а также патронируются организациями ветеранов спецподразделений и казачьими обществами.

При этом и здесь следует отметить специфику Республики Тыва на фоне схожести спектра организаций Республик Алтай и Хакасии. В Тыве же основную роль в военно-спортивной работе с молодежью выполняют не НКО, как в Алтае и Хакасии, а региональное отделение ДОСААФ России.

Интересными кейсами вынужденного сочетания национального и этнического патриотизма можно считать деятельность в исследуемых регионах всероссийских общественных движений «Волонтеры Победы», «Бессмертный полк» и «Бессмертный полк России» и отделений «Российского военно-исторического общества». Реализуя общедоверительную повестку и всероссийские акции по популяризации военной истории России, сохранению объектов исторического наследия, поднятию престижа военной службы, они обращаются к краеведческим материалам, биографиям ветеранов и героев победы, историям региональных воинских соединений и т.д., тем самым создавая основу для регионального патриотизма, принимающего в национальных республиках этническую форму.

В целом организации указанных типов имеют относительно устойчивый состав, меняющийся с возрастной динамикой, и занимаются формированием патриотических чувств по большей части через многочисленные события и мероприятия военно-спортивного или военно-исторического характера. Поэтому их можно охарактеризовать как устойчивые и разветвленные сети социальных связей между членами и руководителями, обеспечивающими конструирование российской идентичности подростков.

Несколько иная ситуация с организациями культурно-патриотического или этнопатриотического профилей. Их основной задачей выступает духовное и культурное просвещение молодых людей, интеграция молодежи через ее участие в добровольческих акциях и проектах, формирование идентичности юношей и девушек на основе принадлежности к сообществу единомышленников. Это отражает другую сторону патриотизма — как чувства, возникающего посредством идентификации с социальными группами и общностями.

Общественное и этническое направления воспитания патриотизма наиболее представлены в Республике Хакасия. Его яркий представитель — региональная общественная молодежная организация Республики Хакасия «Эдельвейс» под руководством А.А. Госсман. Хотя организация декларирует содействие сохранению среди молодежи этнической идентичности русских немцев, ее программа «Радуга наций», другие акции и мероприятия носят мультикультурный характер, способствуя росту самосознания различных этнических групп. Вместе с тем деятельность организации, хотя и имеет некоторую национальную специфику, не угрожает формированию ни гражданской идентичности, ни этатистского патриотизма среди молодежи, а также не повышает конфликтность в этническом регионе.

В Республике Тыва подобную нишу историко-патриотического и этнопатриотического воспитания занимает автономная некоммерческая организация «Хранители историко-культурного наследия». На сайте организации указано, что основными направлениями ее деятельности являются «содействие развитию архивного дела, исторической науки, культуры и искусства в Республике Тыва; сохранение и продвижение местного культурного наследия и ценностей; развитие сотрудничества со всеми правительственными и неправительственными организациями Республики Тыва, Российской Федерации, международными организациями во всех областях архивного

дела, исторической науки, культуры и искусства»³. Например, при поддержке Фонда Президентских грантов была организована «Передвижная выставка „Тувинская Народная Республика: факты, события, люди“, посвященная 100-летию со дня образования Тувинской Народной Республики»⁴.

Заключение

Таким образом, в структуре патриотического воспитания молодежи национальных регионов преобладают организации, нацеленные на формирование национально-государственной идентичности. На их фоне менее заметны объединения, занимающиеся сохранением этнических культур и этнопатриотизма, как правило, через приобщение молодых людей к этническим праздникам, местным традициям и обычаям, языковым практикам.

Данное соотношение патриотических организаций позволяет предположить, что в республиках проводится целенаправленная политика по профилактике этнического сепаратизма и межэтнических конфликтов путем смещения акцентов в системе патриотического воспитания в сторону общероссийского компонента идентичности молодежи. Вместе с тем данная ситуация вписывается в текущий федеральный тренд на стандартизацию и унификацию методов работы, форматов мероприятий и руководящих структур молодежных патриотических объединений, особенно усилившуюся в последние годы за счет инкорпорирования многих из них в «ЮНАРМИЮ», а теперь и в «Движение первых».

И хотя на данный момент среди молодежи всех регионов СФО, в том числе национальных, наблюдается рост патриотических настроений и общероссийской идентичности, он обеспечивается не эффективностью и системностью работы патриотических организаций, а ситуативной поддержкой внешней политики страны. Соответственно такая подвижность основ патриотизма, его высокая эмоциональная детерминация могут, в случае ухудшения социально-экономической и геополитической ситуации, обернуться в национальных республиках ростом бытового национализма и этносепаратизма, что неминуемо отразится и в молодежной среде.

Поступила в редакцию / Received: 05.10.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 24.11.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.12.2022

³ Автономная некоммерческая организация «Хранители историко-культурного наследия Тувы». URL: <https://hranitelityva.ru/2021/10/05/описание-деятельности/> (дата обращения: 25.05.22).

⁴ Передвижная выставка «Тувинская Народная Республика: факты, события, люди», посвященная 100-летию со дня образования Тувинской Народной Республики // Фонд Президентских грантов. URL: <https://президентскиегранты.пф/public/application/item?id=9CC0BC95-E552-49B9-8B9F-E1FCAD179FE0> (дата обращения: 26.05.22).

Библиографический список

- Борисова О.В. Гражданская идентификация населения приграничных регионов России // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2021. Т. 2. № 10. С. 291–294.
- Губенко М.С., Ковалев А.С. Место и роль молодежных патриотических организаций в системе военно-политической работы // Вестник адъюнкта. 2019. № 1 (3). С. 4–13.
- Данакари Р.А. Патриотизм и дружба народов как базисные детерминанты российской цивилизации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 5. С. 193–204. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.5.14>.
- Даньлдай А.Б. Формирование патриотизма школьников при преподавании географического краеведения в Туве // Международный журнал экспериментального образования. 2017. № 4 (1). С. 13–15.
- Зиненко В.Е. Патриотическое воспитание российской молодежи: современные реалии // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. 2019. Т. 25, № 1. С. 145–161. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-1-145-161>
- Казанцев Д.А., Качусов Д.А. Региональная идентичность в сознании школьников Сибирского федерального округа // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 1 (66). С. 90–100. <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2021-66-1-090-100>.
- Карнышев А.Д. Особенности отношения к патриотизму и космополитизму в разных странах и регионах России // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. Т. 20. С. 17–25.
- Лагунова И.С. Основные тенденции взаимодействия государства с молодежными общественными организациями // Интернаука. 2020. № 23–2 (152). С. 58–59.
- Леонова О.В., Волкова А.Е. Государственная политика РФ по формированию гражданской ответственности и патриотизма в молодежной среде: социологический и политологический анализ // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. Т. 16. № 1. С. 175–193. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2021-16-1-175-193>
- Монгуш Л.К. Патриотическое воспитание студентов педагогического колледжа через внеурочную деятельность // Научные труды Тувинского государственного университета: сборник материалов ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов ТувГУ. Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2018. С. 240–242.
- Москаленко И.В., Шевцова М.М. Волонтерская деятельность в формировании патриотических качеств личности студента вуза культуры // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 47. С. 237–245.
- Паклина Е.А. Волонтерская деятельность в культурно-образовательном пространстве вуза // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. № 3 (36). С. 101–104. <http://doi.org/10.30725/2619-0303-2018-3-101-104>
- Подъячев К.В., Халий И.А. Государственная молодежная политика в современной России: концептиреалии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 2. С. 263–276. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276>
- Резинкина Л.В., Акимова Т.Н. Воспитательный потенциал детских общественных объединений патриотической направленности в развитии социальной активности школьников // Человек и образование. 2019. № 3 (60). С. 9–13.
- Романов В.А. Военно-патриотическое воспитание молодежи как направление взаимодействия образовательных организаций и органов власти // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 66–2. С. 272–275.
- Рубанова Ю.А., Смоленова А.М. Гражданская идентичность: опыт формирования Российской гражданской идентичности в Кызылском президентском кадетском училище // Вестник военного образования. 2019. № 2 (17). С. 102–106.

- Саражакова Л.М. Гражданско-патриотическое воспитание школьников на примере организации классного часа «путешествие по памятным местам Хакасии, посвященным событиям и героям Великой Отечественной войны» // Научно-методический журнал Поиск. 2020. № 1 (69). С. 42–44.
- Шашкова Я.Ю., Асеев С.Ю. Молодежные патриотические организации «Двух Алтаев»: современное состояние и траектории развития // Социально-политические исследования. 2022. № 1 (14). С. 39–54. <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2022-1-14-39-54>.
- Шиголакова Т.Б. Эффективность государственной молодежной политики в Республике Хакасия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2016. Т. 16, № 1. С. 163–174.
- Cowan J. The Constitutive Rhetoric of Late Nationalism: Imagined Communities after the Digital Revolution // *Rhetoric Review*. 2021. Vol. 40, no. 2. P. 183–197. <http://doi.org/10.1080/07350198.2021.1883833>
- Erez L., Laborde C. Cosmopolitan Patriotism as a Civic Ideal // *American Journal of Political Science*. 2020. № 64. P. 191–203. <https://doi.org/10.1111/ajps.12483>
- Ilisoï D., Nagy D., Constantinescu C.G., Lesenciuc A. Patriotism — an absolute value? // *Redefining community in intercultural context*. 2011. № 11. P. 172–178.
- Kukushkina A.G., Yolkin S.M., Ivanov E.V., Alexandrovich T.V. Ecological-patriotic volunteership as a means of forming the civic position, *International Scientific And Practical Conference Contemporary Issues Of Economic Development Of Russia: Challenges And Opportunities European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. 2019. Vol. 59. P. 892–900. <http://doi.org/10.15405/epsbs.2019.04.96>
- Ragragio J.L.D. Facebook populism: mediatized narratives of exclusionary nationalism in the Philippines // *Asian Journal of Communication*. 2022. Vol. 32, no. 3. P. 234–250 <http://doi.org/10.1080/01292986.2021.1993943>
- Suhay E., Calfano B., Dawe R. Social norms, dual identities, and national attachment: how the perceived patriotism of group members influences Muslim Americans // *Politics, Groups, and Identities*. 2016. Vol. 4, no. 1. P. 63–83. <http://doi.org/10.1080/21565503.2015.1080614>
- Volkov Y.G., Kolesnikova E.Y., Aslanov Y.A., Vagina V.O. Civic patriotism among young sportsman in the South of Russia: Sociological analysis and diagnostics // *Journal of Human Sport and Exercise*. 2021. Vol. 16, no. 3. P. 1244–1252. <https://doi.org/10.14198/jhse.2021.16.Proc3.40>

References

- Borisova, O.V. (2021). Civic identification of the population in the border regions of the Russian Federation. *Social integration and development of ethnocultures in the Eurasian space*, 2(10), 291–294. (In Russian).
- Cowan, J. (2021). The constitutive rhetoric of late nationalism: Imagined communities after the digital revolution. *Rhetoric Review*, 40:2, 183–197. <https://doi.org/10.1080/07350198.2021.1883833>
- Danakari, R.A. (2019). Patriotism and friendship of peoples as the basic determinants of the Russian civilization. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 24, 5, 193–204. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.5.1> (In Russian).
- Dapyldai, A.B. (2017). Formation of patriotic feeling of school students in teaching geographical study of local lore in Tuva. *International Journal of Experimental Education*, 4(1), 13–15. (In Russian).
- Erez, L., & Laborde, C. (2020). Cosmopolitan Patriotism as a Civic Ideal *American Journal of Political Science*, 64, 191–203. <https://doi.org/10.1111/ajps.12483>
- Gubenko, M.S., & Kovalev, A.S. (2019). Place and role of youth patriotic organizations in the system of military political work. *Bulletin of the Adjunct*, 1(3), 4–13. (In Russian).

- Iiso, D., Nagy, D., Constantinescu, C.G., & Lesenciuc, A. (2011). Patriotism — an absolute value? *Redefining community in intercultural context*, (11), 172–178.
- Karnyshev, A.D. (2017). Some features of the attitude to patriotism and cosmopolitanism in various countries and Russian regions. *The bulletin of Irkutsk state university. Series Political science and religion studies*, 20, 17–25.
- Kazantsev, D.A., & Kachusov, D.A. (2021). Regional identity in the students' consciousness in Siberian federal district. *Caspian region: politics, economics, culture*, (1), 90–100. <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2021-66-1-090-100> (In Russian).
- Kukushkina, A.G., Yolkin, S.M., Ivanov, E.V., & Alexandrovich, T.V. (2019). Ecological-patriotic volunteership as a means of forming the civic position. *International Scientific And Practical Conference Contemporary Issues Of Economic Development Of Russia: Challenges And Opportunities European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 59, 892–900. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.04.96>
- Lagunova, I.S. (2020). The main trends in the interaction of the state with youth public organizations. *Internauka*, 23–2, 58–59. (In Russian).
- Leonova, O.V., & Volkova, A.E. (2021). State policy of the Russian Federation on the formation of citizenship and patriotism in the youth environment: Sociological and political analysis. *Middle-Russian bulletin of social sciences*, 16(1), 175–193. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2021-16-1-175-193> (In Russian).
- Mongush, L.K. (2018). Patriotic education of pedagogical college students through extracurricular activities. In *Scientific works of Tuva State University: Collection of materials of the annual scientific and practical conference of teachers, staff and graduate students of TuvSU* (pp. 240–242). Kyzyl: TuvSU, (In Russian).
- Moskalenko, I.V., & Shevtsova, M.M. (2019). Volunteer activity in formation of patriotic student's qualities in higher educational institution of culture. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*, (47), 238–245. (In Russian).
- Paklina, E.A. (2018). Volunteer activity in university cultural and educational space. *Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture*, (3), 101–104. <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2018-3-101-104>. (In Russian).
- Podyachev, K.V., & Khaliy, I.A. (2020). The state youth policy in contemporary Russia: Concept and realities. *RUDN Journal of Sociology*, 20(2), 263–276. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276>. (In Russian).
- Ragragio, J.L.D. (2022). Facebook populism: mediatized narratives of exclusionary nationalism in the Philippines. *Asian Journal of Communication*, 32(3), 234–250 <https://doi.org/10.1080/01292986.2021.1993943>
- Rezinkina, L.V., & Akimova, T.N. (2019). Educational potential of children public associations of patriotic orientation in developing social activity of schoolchildren. *Human and Education*, (3), 9–13. (In Russian).
- Romanov, V.A. (2020). Military-patriotic education of youth as a direction of interaction of educational organizations and authorities. *Problems of modern pedagogical education*, (66–2), 272–275. (In Russian).
- Rubanova, Yu.A., & Smolenova, A.M. (2019). Civil identity the experience of formation of Russian civil identity in Kyzyl Presidential cadet school. *Bulletin of Military Education*, (2), 102–106. (In Russian).
- Sarzhakova, L.M. (2020). Civil and patriotic schoolchildren education on the example of the homeroom “Traveling to the Khakasia memorable places devoted to the events and heroes of the Great Patriotic war”. *Scientific and Methodological journal Search*, (1), 42–44. (In Russian).
- Shashkova, Ya.Yu., & Aseev, S.Yu. (2022). Patriotic youth organizations of the “Two Altais”: current state and development patterns. *Socio-political studies*, (1), 39–54. <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2022-1-14-39-54>. (In Russian).

- Shigolakova, T.B. (2016). Efficiency of the state youth policy in the Republic of Khakassia. *RUDN Journal of Sociology*, 16(1), 163–174. (In Russian).
- Suhay, E., Calfano, B., & Dawe, R. (2016). Social norms, dual identities, and national attachment: how the perceived patriotism of group members influences Muslim Americans. *Politics, Groups, and Identities*, 4(1), 63–83. <https://doi.org/10.1080/21565503.2015.1080614>
- Volkov, Y.G., Kolesnikova, E.Y., Aslanov, Y.A., & Vagina, V.O. (2021). Civic patriotism among young sportsman in the South of Russia: Sociological analysis and diagnostics. *Journal of Human Sport and Exercise*, 16(3), 1244–1252. <https://doi.org/10.14198/jhse.2021.16.Proc3.40>
- Zinenko, V.E. (2019). Patriotic Education of Russian Youth: Modern Realities. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 25(1), 145–161. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-1-145-161> (In Russian).

Сведения об авторах:

Казанцев Дмитрий Анатольевич — старший преподаватель кафедры философии и политологии, Алтайский государственный университет (e-mail: dimkazanchev@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7287-6413)

Асеева Татьяна Анатольевна — кандидат политических наук, доцент кафедры философии и политологии, Алтайский государственный университет (e-mail: Tatyasolar@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-8654-3337)

Качусов Дмитрий Анатольевич — старший преподаватель кафедры философии и политологии, аспирант, Алтайский государственный университет (e-mail: dmitrij.kachusov@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-8143-6214)

About the authors:

Dmitry A. Kazantsev — Senior Lecturer, Department of Philosophy and Political Science, Altai State University (e-mail: dimkazanchev@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7287-6413)

Tatyana A. Aseeva — Associate Professor, Department of Philosophy and Political Science, Altai State University (e-mail: Tatyasolar@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-8654-3337)

Dmitry A. Kachusov — Senior Lecturer, Department of Philosophy and Political Science, Postgraduate Student, Altai State University (e-mail: dmitrij.kachusov@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-8143-6214)